

Том 13, Номер 3, 2020
Vol 13, No 3, 2020

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Глобализация и регионализация:
эволюция современных Азии и Африки*

*Globalization and Regionalization:
the Evolution of Modern Asia and Africa*

ТОМ 13 • НОМЕР 3 • 2020

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 13 • NUMBER 3 • 2020

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3

Контурсы глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гетеборгский университет, Гетеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Шутов А.Ю., МГУ, Москва, РФ

Учредитель и издатель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 32, к. 2.

Сайт: <http://www.oigt-journal.com>

Тел.: +7 (495) 664-52-07

© Контурсы глобальных трансформаций, 2020

E-mail: journal@centero.ru

Периодичность: 6 раз в год

Тираж: 1000 экз.

Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

КРАСИЛЬЩИКОВ В.А. Можно ли повторить опыт Восточной Азии?

Внешние факторы восточноазиатского «чуда» 7–26

ЛАРИН В.Л., ПЕСЦОВ С.К. Становление Китая как великой морской державы 27–46

Азия: вызовы и перспективы

КУПРИЯНОВ А.В. Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов 47–65

САЛИЦКИЙ А.И. Китай и его азиатские соседи: испытание кризисом 66–81

С точки зрения экономики

ДЗАКА-КИКУТА Т. Что мы узнали о совместных предприятиях в процессе интернационализации китайских транснациональных корпораций (ТНК)? Опыт Центральной Африки 82–102

ПОРТЯКОВ В.Я. Шанхайская экспериментальная зона свободной торговли 103–117

Постсоветское пространство

АВАТКОВ В.А. Основы внешнеполитического курса Азербайджанской Республики на современном этапе 118–139

МАЛЫШЕВА Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии 140–155

В рамках дискуссии

ОБОЛЕНСКИЙ В.П. Интеграционные проекты России и ЕАЭС: шанс для наращивания экспорта? 156–175

ВАРДОМСКИЙ Л.Б. Забытая интеграция: провал и уроки Совета экономической взаимопомощи 176–195

ТРУНОВ Ф.О. Роль стран «Сахельской пятерки» в политико-военной стратегии ФРГ в Африке 196–213

Культура и идентичность

ДЕНИСОВА Т.С., КОСТЕЛЯНЕЦ С.В. Трансформация африканских повстанческих лидеров: из «полевых командиров» в «большую политику» (на примере Сьерра-Леоне) 214–231

ФУРСОВА Е.Н. К вопросу о проблематике берберской письменной традиции 232–248

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, èkonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhto, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Goluvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Founder and Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.oqt-journal.com>
Tel.: +7 (495) 664-52-07

E-mail: journal@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3

Contents

Political Processes in the Changing World

- KRASILSHCHIKOV V.A.** Is It Possible to Repeat the Experience of East Asia?
The External Factors of East Asian ‘Miracle’ 7–26
- LARIN V.L., PESTSOV S.K.** The Emergence of China as a “Great Maritime
Power” 27–46

Asia: Challenges and Perspectives

- KUPRIYANOV A.V.** The Concept of the Indo-Pacific Region in the Works
of Indian Political Scientists 47–65
- SALITSKII A.I.** China and Asian Neighbors: A Crisis Test 66–81

From the Point of Economic

- DZAKA-KIKOUTA T.** What Have We Learnt of Joint Ventures
in the Internationalization Process of Chinese Multinationals (MNCs)?
Evidence from Central Africa 82–102
- PORTYAKOV V.Ya.** Shanghai Experimental Free Trade Zone 103–117

Post-Soviet Space

- AVATKOV V.A.** Fundamentals of the Foreign Policy of the Republic
of Azerbaijan at the Present Stage 118–139
- MALYSHEVA D.B.** Problems of Regionalization in Post-Soviet Central
Asia 140–155

Under Discussion

- OBOLENSKIY V.P.** Integration Projects of Russia and EAEU: Chance
for Extension Export? 156–175
- VARDOMSKIY L.B.** Forgotten Integration: The Failure and Lessons
of the Council of Mutual Economic Assistance 176–195
- Trunov Ph.O.** The Role of G5 Sahel States in German Political-military
Strategy in Africa 196–213

Culture and Identity

- DENISOVA T.S., KOSTELYANETS S.V.** Warlords to Politicians:
The Transformation of Rebel Leaders in Africa (on the Example
of Sierra Leone) 214–231
- FURSOVA E.N.** On the Issue of the Berber Written Tradition 232–248

IN MEMORIAM

КРАСИЛЬЩИКОВ Виктор Александрович

С прискорбием сообщаем, что 28 мая 2020 г. не стало Виктора Александровича Краси́льщикова – автора и постоянного рецензента журнала «Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право». Его скоропостижная кончина стала ударом для всех коллег и друзей. Постоянно заряженный жизненной энергией и полный творческих планов, путешественник и альпинист Виктор Александрович всегда удивлял окружающих.

Выпускник экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) известен своими научными трудами по развитию стран Латинской Америки (с упором на Бразилию), опыту модернизации новых индустриальных стран Восточной Азии, проблемам социальных субъектов развития. Автор 6 книг и более 140 статей, Виктор Александрович Краси́льщикова незадолго до кончины завершил работу над монографией «Brazil – Emerging Forever? A Case Study of the Mid-Level Development Trap», которая осенью 2020 г. выйдет в свет в издательстве Springer (<https://www.springer.com/gp/book/9783030502072>).

На протяжении 18 лет Виктор Александрович возглавлял сектор общих проблем Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, неоднократно выезжал в длительные командировки за рубеж (в Индию, Южную Корею, Польшу) в качестве приглашенного исследователя. Виктор Александрович совмещал научную работу с преподавательской деятельностью; так, дважды прочитал большие курсы лекций в Австрии, проводил занятия в ведущих российских региональных вузах, а также университетах Бразилии, Аргентины, Эквадора, Индии, Таиланда, Южной Кореи, Испании, Дании, Финляндии.

Всем, кто знал Виктора Александровича, будет не хватать его рассказов о восхождениях на Аконкагуа и другие знаменитые вершины и об общении с ведущими зарубежными экспертами. Нельзя было оставаться равнодушным, слушая его рассказы о новинках научных изданий (а он свободно ориентировался в литературе не только на английском, но и французском, испанском и португальском языках), глубокие и оригинальные суждения о развитии Латинской Америки и других стран глобального Юга или юмористические оценки различных жизненных ситуаций.

Светлая память о Викторе Александровиче навсегда останется с нами!

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-1

Можно ли повторить опыт Восточной Азии? Внешние факторы восточноазиатского «чуда»

Виктор Александрович КРАСИЛЬЩИКОВ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 117997,
Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: f1victor@mtu-net.ru
ORCID: 0000-0003-1402-3310

ЦИТИРОВАНИЕ: Красильщиков В.А. (2020) Можно ли повторить опыт Восточной Азии? Внешние факторы восточноазиатского «чуда» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 7–26.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-1

Статья поступила в редакцию 08.04.2020.

АННОТАЦИЯ. *Можно ли повторить опыт модернизации восточноазиатских «тигров», новых индустриальных стран (НИС) Восточной Азии? Вопреки распространенным в России и в мире в целом утверждениям, будто и другие страны могут совершить такой же прыжок в «первый мир», автор подчеркивает уникальность опыта этих стран. Их успех явился результатом исключительного сочетания внешних и внутренних факторов, которые существовали в регионе в 1960–1980-х гг. В статье сделан упор именно на внешние факторы, которые способствовали этому успеху. Первым и главным из них была холодная война. Стратегия «сдерживания коммунизма» побуждала Соединенные Штаты Америки способствовать «построению» хорошего капитализма в качестве альтернативы советскому и китайскому влиянию. Вторым внешним фактором быстрой модернизации НИС явилась за-*

висимость их деловых и политических элит от США в условиях холодной войны. Такая зависимость вынуждала их использовать ту модель экономического развития, которая соответствовала американским стратегическим интересам. Третьим внешним фактором успеха рассматриваемых стран явились структурные изменения в экономике США и других развитых стран в сочетании с неоконсервативным социальным реваншем капитала в борьбе против организованного рабочего движения. Открытие внутренних рынков стран Запада для промышленных товаров из НИС Восточной Азии не только содействовало их ориентированной на экспорт индустриализации, но и «усмирению» профсоюзов на Западе.

Рассматривая указанные внешние факторы модернизации азиатских НИС, автор приходит к выводу о том, что, поскольку данные факторы ныне отсутствуют в других развивающихся

ся регионах, повторение восточноазиатского опыта не представляется возможным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Восточная Азия, Китай, Корея, Малайзия, модернизация, новые индустриальные страны, СССР, США, Сингапур, Тайвань, холодная война*

В последние 20–25 лет рассуждения о сдвиге центра мировой экономики с Запада на Восток, от евроатлантического ареала к Тихому океану и Восточной Азии стали общим местом многочисленных прогнозов о будущем устройстве мира. Действительно, Восточная Азия¹, включая Японию, новые индустриальные страны (НИС) Азии, а впоследствии и Китай, оказалась единственным незападным регионом, где модернизация состоялась в полной мере, позволив Японии и четверке первых НИС («тигров») – Гонконгу, Сингапуру, Тайваню и Южной Корее – стать «первым миром», а Китаю – превратиться во вторую экономическую державу мира. Сама же Восточная Азия стала рассматриваться как эталон успешного социально-экономического и технологического развития для других незападных регионов планеты. Так, например, еще на рубеже 1980–1990-х гг., когда страны Латинской Америки отчаянно и безуспешно боролись с инфляцией, Фернандо Файнзильбер, экономист СЕПАЛ/ЭКЛАК², противопоставлял страны своего континента НИС Восточной Азии как неудачников – лидерам [Fajnzylber (1) 1990, pp. 151–163; Fajnzylber (2) 1990, pp. 147–159; Fajnzylber 1983, pp. 103–147]. Ссылки на успешный

опыт «тигров» с рекомендациями перенимать этот опыт в Латинской Америке содержатся и в докладах СЕПАЛ минувшего десятилетия [СЕПАЛ 2012, pp. 42–44, 77–80, 107–112]. Другой региональный орган ООН, Экономическая Комиссия по Африке (ЭКА), не придумал ничего другого, как рекомендовать африканским странам повторить путь восточноазиатских «тигров». Еще в 2012 г. ЭКА утверждала, что возросшие после Великой рецессии 2008–2009 гг. темпы роста экономики африканских стран позволяют надеяться, что Африка станет одним из глобальных полюсов роста. При этом структура экономики этих стран должна изменяться в том же направлении, в котором изменилась структура экономики Кореи к 2005 г. [ЕСА 2012, pp. 67, 71–77]. Пять лет спустя, в 2017 г., та же Комиссия опять призвала африканские страны брать пример с Восточной Азии, на сей раз в плане гармоничного сочетания процессов индустриализации и урбанизации [ЕСА 2017, p. 33].

Конечно, вот уже более полувека страны Восточной Азии в целом развиваются гораздо быстрее, чем другие регионы планеты. Так, например, согласно оценкам Всемирного банка, ВВП стран Восточной Азии, исключая Японию и четверку первых НИС, увеличился по паритету покупательной способности их валют с 2000 по 2016 г. на 250%. Даже если не включать в расчеты Китай, то и тогда прирост составит около 120%, что означает увеличение в 2,2 раза [Mason, Shetty 2019, pp. 32–33]. А сам Всемирный банк уверен в том, что восточноазиатское «чудо» продолжится и в нынешнем веке, хотя в последнее время в его прогнозах насчет

1 Здесь и далее Восточная Азия рассматривается как регион, включающий в себя и Северо-Восточную, и Юго-Восточную Азию – от Японии и Кореи на севере до Индонезии на юге.

2 От испанской и английской аббревиатур Экономической Комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну.

Азии и появились признаки неуверенности [World Bank 2018].

Но можно ли повторить экономические прыжки «тигров» и взлет «Красного Дракона»? На самом деле все восточноазиатские экономические «чудеса» явились результатом уникального сочетания внешних и внутренних факторов, которое и обусловило успех. И прежде чем призывать повторить опыт восточноазиатских НИС и Китая, нужно разобраться, каковы были эти факторы и существуют ли они сейчас.

Рассмотрим, в первую очередь, внешние факторы, позволившие небольшим и бедным странам региона, а впоследствии и огромному Китаю добиться успехов в модернизации своих экономик и обществ. При этом упор сделан на период с начала модернизации рассматриваемых стран, т. е. с 1960-х гг. до азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., который обозначил важный рубеж в развитии НИС. Именно в этот период проявился синергетический эффект и внешних, и внутренних факторов, которые обусловили выход Восточной Азии на современную траекторию развития, а само значение внешних факторов было максимальным. К сожалению, значение этих внешних факторов либо вовсе игнорируется, либо упоминается вскользь, «по касательной», даже в тех работах российских исследователей, которые по своему качеству в целом соответствуют мировому уровню [Горожанкина 2017, с. 69–70, 80; Мельянцева, Горожанкина 2018, с. 151]. Своеобразное исключение составляет исследование Коргун и Поповой, целиком посвященное изучению внешнеэкономических факторов успеха Южной Кореи [Коргун, Попова 2011], но отнюдь не всей группы НИС.

Что касается внутренних факторов восточноазиатской истории успеха, то их рассмотрение должно стать предметом отдельной статьи.

Слава холодной войне!

Чтобы понять глобальные истоки восточноазиатских «чудес», нужно учитывать ту обстановку в мире, в которой вызревали их «семена». Уже в 1950-е гг. политическим руководителям и США, и СССР стало ясно, что страны «третьего мира» становятся основным полем соперничества двух блоков – кстати, в полном соответствии с предсказанием французского демографа и социолога Альфреда Сови, который и ввел термин «третий мир» в научный и политический оборот [Sauvy 1952, p. 14].

Действительно, каждая из противостоящих сторон в холодной войне стремилась получить союзников в лице поднимающегося «третьего мира» и показать привлекательность именно своего проекта развития для большинства «отверженных Земли». На рубеже 1950–1960-х гг. казалось, что «второй мир» во главе с Советским Союзом начинает захватывать стратегическую инициативу в борьбе за влияние в поднимающемся «третьем мире». Крах диктатур Рохаса Пинильи в Колумбии и Переса Хименеса в Венесуэле³, крушение колониальных империй Англии, Франции и Бельгии в Африке, успешная национально-освободительная война против французских колонизаторов в Алжире и, наконец, победа кубинской революции, провозгласившей себя социалистической, – все это внушало оптимизм борцам против капитализма.

3 Установившиеся в Бразилии и Аргентине диктатуры соответственно в 1964 и 1966 гг. имели другой социально-экономический и политический характер.

Своеобразной квинтэссенцией такого взгляда явилась идея, высказанная Жаном-Полем Сартром в предисловии к книге Франца Фанона «Отверженные Земли»: по мнению французского философа, национально-освободительное движение в «третьем мире» – это и есть путь к низвержению капитализма и к социалистической революции [Sartre 2002, pp. 19–20].

В некоторых случаях ответом США и всего коллективного Запада на подъем революционных волн в тогдашнем «третьем мире» были военная интервенция и организация переворотов во главе с местными «сукиными сынами». Но в то же время в политике Запада по отношению к «третьему миру» наметилась иная, реформистская линия.

Концептуально она восходила к идеям Вудро Вильсона, который считал победивший в Советской России большевизм злом, но таким, которое обусловлено несправедливостями самого капитализма. На практике такой взгляд означал, что самый верный способ предотвратить распространение большевизма – содействовать социально-экономическому развитию и проведению реформ, улучшая капитализм, поддерживая «высочайшие и безупречные стандарты справедливости» [Wilson 1965, p. 471]. Подобный подход к бедным и тогда еще колониальным странам был положен и в основу стратегии Гарри Трумэна в отношении этих стран. Сама стратегия была сформулирована им в инаугурационной речи 20 января 1949 г., четвертый пункт которой касался необходимости для США содействовать их развитию, поскольку такое развитие отвечало бы американским интересам [Shenin 2000, pp. 6–22]. Позже сам Трумэн подчеркивал, что его программа помощи слаборазвитым странам целиком укладывалась в американскую политику «предупреждения экспансии коммунизма» [Truman 1956, pp. 232, 239]. Ад-

министрация Эйзенхауэра уже прекрасно понимала, что «сдерживание коммунизма» не может быть обеспечено только военной силой, а должно опираться также на экономическую помощь и устранение бедности – основы для распространения левых идей. Более того, сам президент и его стратеги решили, что после войны в Корее «коммунистическое наступление» начнется в Юго-Восточной Азии, особенно в Индокитае, поэтому в середине 1950-х гг. Соединенные Штаты начинают уделять большое внимание этому региону [Shenin 2005, pp. 39, 41–46].

При этом американский истеблишмент, не упуская из виду Азию, все же склонялся к тому, чтобы помогать строить «образцовый капитализм» именно в Латинской Америке. Люди, занимавшиеся непосредственно американской политикой в «третьем мире», исходили из того, что, во-первых, в Латинской Америке, по крайней мере, в наиболее крупных странах континента, к середине 1950-х гг. уже состоялась импортозамещающая индустриализация, и там не нужно было начинать развитие с нуля. Во-вторых, Латинская Америка была хорошо «освоена» североамериканским капиталом и отнюдь не являлась для него *terra incognita*. В-третьих, Латинская Америка представляла собой часть, пусть и своеобразную, западной, христианской цивилизации, поэтому восприимчивость народов латиноамериканских стран к западным ценностям и капитализму в целом представлялась чем-то само собой разумеющимся. Создание по инициативе Джона Кеннеди «Союза ради прогресса», предназначенного для завершения модернизации в странах Латинской Америки с помощью США, явилось вполне логичным ответом на «потерю» Кубы. Советы некоторых экспертов, предлагавших, что в политике помощи развитию «третьего мира» нужно сделать

упор на Восточную Азию, долгое время не встречали понимания со стороны тех, кто принимал принципиальные решения в США по этим проблемам. Так, например, представитель американского Агентства по международному развитию (Agency for International Development) на Тайване, узнав, что остров рассматривается в Вашингтоне в качестве кандидата на роль «витрины капитализма» в Азии, якобы воскликнул: «Эти китайцы интересуются только торговлей; они никогда не пойдут в промышленность, работающую на экспорт» (цит. по: [Balassa 1988, p. 275]). В то же время Уолт Ростоу, впоследствии советник администраций Кеннеди и Джонсона, автор известной теории стадий роста, послужившей обоснованием политики модернизации в «третьем мире», уже в середине 1950-х гг. считал, что необходимо примирить западные индивидуалистические ценности с культурой и традициями общества восточноазиатских стран, чтобы направить их по пути модернизации [Rostow 1955, p. 5].

Приступая к опеке над «хилыми козлятами», которым надлежало превратиться в «тигров», Соединенные Штаты, во-первых, опирались на Японию и японский опыт реиндустриализации после 1945 г. Да и сама Япония была заинтересована в успешном развитии соседей как в рынках сбыта для своей набиравшей обороты промышленности. (Рынок континентального Китая для Японии был фактически закрыт по политическим мотивам.) Во-вторых, американские оккупационные администрации и их советники в Южной Корее и на Тайване спешествовали аграрной реформе. Они изгнали япон-

цев-помещиков, конфисковав их земли и распределив среди крестьян. Такая мера расчистила почву для развития «нормального капитализма» в сельском хозяйстве, позволив, в конце концов, накормить все население и обеспечить тем самым одно из условий для развития промышленности⁴. Кроме того, более или менее равномерное распределение ресурсов – земли – понизило уровень социально-экономического неравенства, благодаря чему расширился платежеспособный спрос [Jong-Sung You 2014; Jong-Sung You 2017, pp. 539–540, 544–549].

В начале 1960-х гг. в регионе заявил о себе третий – помимо США и СССР – крупный политический игрок с претензией на глобальную роль в мире. Это Китай, представлявший себя в качестве светоча для всех обездоленных и поддерживавший революционную деятельность маоистских подпольных организаций и даже партизанских движений, как было, например, в Малайзии. К тому же в это время разгоралась война во Вьетнаме, в которую все глубже и глубже втягивалась Америка. В этих условиях Соединенные Штаты увеличивали военно-техническую помощь опекаемым ими странам. Так, за 20 лет после изгнания японских колонизаторов с Корейского полуострова, с 1945 по 1965 г., Южная Корея получила военной и экономической помощи на 12 млрд долл., не считая расходов США на войска ООН во время войны в Корее с 1950 по 1953 г. Постепенно, по мере экономического развития страны, значение американской помощи падало; в целом же, однако, за период с 1945 по 1976 г. в пересчете на душу населения эта помощь составила 600 долл.

4 Справедливости ради надо заметить, что промышленность и в Корее, и на Тайване создавалась еще японцами в рамках колониалистской стратегии «со-процветания». В Корее, однако, она была сосредоточена главным образом в северных районах, тогда как южная часть страны оставалась аграрной.

[Westra 2006, p. 18]. Чтобы оценить эту величину, достаточно сказать, что весь произведенный ВВП на душу населения в Южной Корее в 1975 г., по данным Всемирного банка, составил 615 долл. (в текущих ценах по тогдашнему курсу), что было сопоставимо с уровнем некоторых африканских стран, например, Кот-д'Ивуар. Фактически Соединенные Штаты взяли на себя львиную долю расходов по обеспечению военной безопасности Южной Кореи – подобно тому, как ранее они это сделали по отношению к Тайваню, который получал также и экономическую помощь. С 1952 по 1968 г. размер этой помощи составил более 1,7 млрд долл., тогда как военно-техническая помощь была равна 2,3 млрд долл. С 1952 по 1960 г. американская экономическая помощь обеспечивала более 40% всех внутренних капиталовложений на острове; в следующем десятилетии, однако, эта величина сократилась до 12% [Barrett, Whyte 1982, p. 1068].

И все же главный упор в политике США на восточноазиатском направлении делался не на военно-техническую помощь местным союзникам, а на содействие их экономическому развитию. Как подчеркивал вице-президент США Линдон Джонсон в меморандуме, направленном в мае 1961 г. президенту Кеннеди, главная опасность для американских интересов в регионе исходит не от коммунистической угрозы как таковой, а от голода, болезней и бедности, которые эту угрозу питают и которые должны быть главными целями атак, чтобы остановить распространение коммунизма [Rostow 1986, p. 199].

Таким образом, холодная война в Восточной Азии, дополненная к тому же горячими войнами сначала в Корее, а потом во Вьетнаме, сыграла огромную роль в создании фона для модернизационного рывка ряда восточноазиатских стран. Именно холодная вой-

на побудила страны Запада во главе с США содействовать социально-экономическому развитию своих «подопечных» в регионе. Со временем, когда это содействие начало приносить первые плоды, Соединенные Штаты обратили внимание и на «красный» Китай. Визит президента Р. Никсона в Пекин в 1972 г. и установление дипломатических отношений между США и КНР также были обусловлены атмосферой холодной войны и стремлением «осложнить жизнь» Советскому Союзу в этой части планеты.

Однако стратегия США в регионе вряд ли была бы успешной, если бы не встретила понимания со стороны местных политических и деловых элит.

Вассальная зависимость как условие успеха?

Деловые и бюрократические элиты, которые впоследствии стали субъектами модернизации восточноазиатских стран, на протяжении XX в. формировались в большей степени под внешним влиянием, в т. ч. благодаря технической помощи развитых стран и сотрудничеству с ними в сфере образования. В НИС первого поколения такие элиты начали складываться еще в начале столетия, когда Гонконг и Сингапур были британскими, а Тайвань (Формоза) и Корея – японскими колониями. (Здесь не рассматривается роль конфуцианской морально-этической доктрины в становлении особой бюрократической культуры, которая оказалась созвучной задачам догоняющей модернизации под эгидой государства.) В НИС второго поколения (в Малайзии, Таиланде, Индонезии и на Филиппинах) формирование модернизаторских элит протекало медленнее и, строго говоря, не завершилось до сих пор даже в Малайзии, наиболее успешной из стран этой группы. Там

сложились деятельные политико-бюрократические элиты, но в плане бизнеса самыми успешными были представители местных китайских общин, что, между прочим, не раз приводило к серьезным межэтническим трениям и даже к конфликтам.

Было бы неверно думать, что местные элиты, принимая покровительство США, во всем покорно слушались своих покровителей. Да, во внешней политике они безоговорочно следовали за Америкой. Однако во внутренних делах они нередко проявляли строптивость, тогда как Соединенным Штатам приходилось терпеть капризы своих протеже – такая терпимость была своеобразной платой за их полную поддержку во внешнеполитическом плане. Например, уже в 1948 г. американцы хотели провести чистку госаппарата в Южной Корее, изгнав тех чиновников, которых принимали на службу еще японцы. Но будущая правящая верхушка во главе с Ли Сын Маном воспротивилась этому под тем предлогом, что у рекрутировавшихся японцами чиновников есть опыт работы, а других чиновников попросту нет. Американские советники настаивали на том, что в экономике должно быть «больше рынка, меньше государства». Но генерал Пак Чжон Хи, захвативший власть в результате переворота в 1961 г., ввел практику государственного планирования в экономике по пятилеткам (!), что внешне могло казаться следованием примеру СССР, хотя на самом деле корейское планирование было не административным, а индикативным, основанным на использовании рыночных механизмов в экономике. К тому же генерал Пак открыто восхищался Муссолини, за что получал словесные «взбучки» от своих американских покровителей. Интерес Ли Куан Ю и его сподвижников в Сингапуре к идеям и практикам британского социализма также вызывал беспокой-

ство со стороны США. Некоторые «ортодоксы» в американском истеблишменте даже считали Ли Куан Ю чересчур «красным», хотя он без колебаний разделался с местными коммунистами маоистской ориентации. Действительно, Го Кенг Сы, один из его ближайших соратников, даже опубликовал статью о Сингапуре с саркастическим названием «Социалистическая экономика, которая работает» [Goh Keng Swee (1) 1995, pp. 99–106], явно имея в виду, что на свете есть и такие социалистические экономики, которые не работают. Однако увлечения социализмом несколько не помешали сингапурским властям использовать доставшуюся от англичан военно-морскую базу для американского флота и даже обустроить причал для авианосца.

Искренний страх перед лицом советского и китайского влияния объединял местные элиты с глобальной стратегией США. Причем этот страх дополнялся пониманием того, что единственный путь уберечься от коммунизма – провести модернизацию экономики, сделать свои страны современными, покончив с отсталостью и бедностью. Как отмечал Ли Куан Ю в своих воспоминаниях, это был вопрос жизни и смерти: экономическое развитие было условием выживания на политической карте мира [Lee Kuan Yew 2000, p. 133; Castells 1998, pp. 271–272].

Однако мало признать необходимость модернизации. Нужно еще понять, за счет каких ресурсов, как и по какому пути ее проводить. Когда будущие «тигры» первого поколения в начале 1960-х гг. приступали к своей модернизации, у них, на первый взгляд, был довольно широкий выбор образцов для подражания [Valaskakis 2002, p. 282]. Тогда существовал целый «набор капитализмов», каждый из которых работал весьма неплохо: американский, японский, французский (дирижизм), запад-

но-германский (социальное рыночное хозяйство), шведский (с ярко выраженными элементами социализма) и другие, менее заметные, но не менее эффективные. Обозначились также и разные модели социализма: помимо опробованной советской с тотальным государственным управлением экономики, была еще и китайская модель, которая до начала экспериментов с «большим скачком» (1958–1962 гг.) развивалась быстрыми темпами и в которой существовал частный сектор, представленный небольшими и средними предприятиями. Неплохие результаты показывала югославская модель на базе «социалистического самоуправления», в которой большую роль играли конкурентные, рыночные отношения при относительной – по сравнению с СССР и Китаем – открытости внешнему миру. Была своя модель и в Польше, где наряду с государственным крупной промышленностью сохранялась частная розничная торговля и система крестьянских хозяйств с частной собственностью на землю. Был еще и т. н. арабский социализм, подававший в то время надежды на успех. Наконец, хорошие результаты в ряде стран Латинской Америки успела показать импортозамещающая индустриализация, пропагандируемая Экономической Комиссией ООН по региону.

Но на самом деле возможности для выбора той или иной модели развития у инициаторов восточноазиатской модернизации были не так уж и велики. Ряд моделей с чересчур сильным «социалистическим душком» отвергался сразу по идейно-политическим соображениям. Как говорится, не для того боролись с влиянием советского или китайского коммунизма, чтобы использовать потом их модели развития у себя дома, хотя, например, в Сингапуре очень внимательно следили за тем, что и как делалось и в СССР, и в «крас-

ном» Китае. Точное копирование моделей, сложившихся тогда в развитых капиталистических странах, также было неуместно, поскольку у будущих «тигров» не было тех условий, которые существовали в США, Британии или Западной Германии. Единственным образцом, который более или менее соответствовал ситуации в рассматриваемых странах, была Япония, принадлежавшая к Западу не в социокультурном, а в экономическом и военно-политическом плане. Что же касается молодых государств Азии и Африки, только что освободившихся тогда от колониализма, то они никак не могли привлечь внимание инициаторов модернизации в Восточной Азии. Уже в середине 1960-х гг., когда первые НИС начинали «выруливать на взлет» (for take-off, согласно теории стадий роста Уолта Ростоу), во многих развивающихся странах Азии и Африки программы ускоренного развития, освященные авторитетом ООН и разного рода экономическими «чудотворцами», уже начинали пробуксовывать, не успев начать осуществляться. Упомянувшийся выше Го Кенг Сы даже заметил, что провозглашенное ООН «десятилетие развития» 1960-х на деле оказывается «десятилетием разочарования» [Goh Keng Swee (2) 1995, p. 28].

Не слишком привлекательной для будущих «тигров» была и стратегия импортозамещающей индустриализации по латиноамериканскому образцу, хотя изъяны этой стратегии стали ясны чуть позже. У малых стран Восточной Азии даже потенциально не было столь емкого внутреннего рынка, который существовал в Аргентине, Бразилии или Мексике, и уже по этой причине стратегия импортозамещения не годилась для Тайваня или Южной Кореи, не говоря о Сингапуре. Кстати, эксперименты с импортозамещающей индустриализацией проводились в 1950-е гг. и в Корею, и

на Тайване, а чуть позже – и в Малайзии. По существу это была своего рода «подготовительная работа» перед последовавшим затем индустриальным бумом [Cumings 1987, pp. 66–69; Jomo 1997, pp. 95–98; Ranis 1979, pp. 211–221; Rasiah 2003, pp. 32–41; Wade 1990, pp. 77–90; Wong 1979, pp. 52–92, 163–182], но заметных результатов она не принесла и была столь скоротечной, что многие исследователи вовсе игнорируют этот этап в истории НИС, что, конечно, не совсем правильно с научной точки зрения.

Отцы форсированных модернизаций в Восточной Азии – при всей своей относительной самостоятельности во внутренних делах – должны были учитывать, приступая к преобразованиям, интересы и возможности своих «старших друзей», защищавших их от советского или китайского влияния. Эти интересы заключались не только в том, чтобы сдерживать распространение коммунизма, но и привязать опекаемые страны экономически к капиталистической системе. И если раньше, при Трумэне и в первые годы президентства Эйзенхауэра, речь шла об импорте из этих стран сырья в Японию, Западную Европу и, в меньшей степени, в США, то уже в конце 1950-х гг. стратеги американской политики в «третьем мире» начали задумываться о том, не превратить ли некоторых своих подопечных в экспортеров промышленных товаров. Ведь, в конце концов, тогда уже стало ясно, что специализация страны на экспорте сырья и аграрной продукции не позволяет создать стабильно развивающийся капитализм. К тому же Тайваню и Сингапуру просто нечего было экспортировать, да и в Южной Корее не было больших запасов сырья для экспорта, тогда как рядом был успешный пример Японии. Тогда, на рубеже 1950–1960-х гг., Япония представлялась страной, чей опыт модернизации после войны казался наибо-

лее приемлемым для будущих НИС, хотя те относились к Японии весьма настороженно: их память о «подвигах» японцев в регионе в годы войны никуда не исчезла. И Соединенным Штатам пришлось приложить большие усилия, чтобы примирить Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Малайзию с Японией и ее бывшим союзником, Таиландом. Так, дипломатические отношения между Японией и Республикой Корея были установлены только благодаря подписанию при посредничестве США Базового договора об отношениях между двумя странами в 1965 г., через семнадцать лет после образования южнокорейского государства.

Наконец («наконец» по счету и в хронологическом порядке, но не по важности!), существовал еще и сугубо экономический фактор, определивший выбор модели развития для рассматриваемых стран (а со временем он оказался социально-экономическим). Этот фактор находился в самих развитых странах Запада и был обусловлен эволюцией позднеиндустриального, фродистско-кейнсианского капитализма.

Кризис позднеиндустриального капитализма – фактор восточного «чуда»

Середина 1960-х гг. в странах Запада казалась временем расцвета капитализма. Никогда – ни до, ни после этого времени – западной цивилизации не удавалось столь успешно сочетать высокую экономическую эффективность с социальной справедливостью. Недаром именно тогда с подачи Питирима Сорокина зародилась и начала распространяться теория конвергенции капитализма и социализма. Но, как известно, у счастья и благополучия век недолог.

Уже во второй половине 1960-х гг. в США, а чуть позже и в Западной Ев-

ропе началось снижение эффективности экономики. Экономисты вспомнили закон тенденции нормы прибыли к понижению, сформулированный Рикардо и Марксом. Крупные корпорации, главные экономические локомотивы, утрачивали свой былой динамизм, предпочитая стабильность и предсказуемость непредвиденным неожиданностям рынка. Сохранение контроля над освоенными рынками представлялось им более значимым, чем следование превратностям конкуренции в надежде на неясный успех. Но при этом олигополистическая конкуренция – конкуренция по качеству товаров, упаковке, послепродажному обслуживанию, если это касалось технически сложных предметов потребления или оборудования, и т. д. – вынуждала фирмы постоянно обновлять выпускаемый ассортимент. Отсюда – необходимость держать дополнительные резервные мощности, чтобы всегда иметь возможность быстро наладить выпуск новой продукции. Это вело к росту издержек производства. Постоянные инновации не компенсировали снижающуюся эффективность.

Кроме того, в те же 1960-е гг. западные экономики столкнулись с таким явлением, как *кризис труда*. Оно имело два взаимосвязанных друг с другом аспекта.

Во-первых, рутинная работа, которую должно было выполнять большинство наемных работников, никак не соответствовала их уровню образования, полученного в средней школе, колледже или даже университете [Gyllenhammar 1977, pp. 9–10]. Этот уровень образования, ставший своего рода экономической необходимостью для позднего индустриального капитализма, побуждал работников требовать не только повышения заработной платы, но и нового содержания труда, в частности, возможности для самореализации в процессе работы.

Во-вторых, рост благосостояния государства с многочисленными социальными льготами и пособиями обесценивал значение заработной платы как основного дохода. Порой оказывалось, что выгоднее и проще не работать, получая пособия, чем работать и к тому же платить налоги [Carton 1984, pp. 19–25]. Очевидно, это подрывало присущую капитализму трудовую этику и не побуждало к качественной работе.

Выход из кризиса труда состоял не столько в увеличении заработной платы, сколько в преодолении отчуждения труда, в повышении всесторонней, а не только материальной заинтересованности работников в своем труде. Важным способом решения этой проблемы явилось расширение самоуправления рабочих на производстве и использование опыта японских компаний по созданию т. н. кружков качества и «обогащение трудовых задач». Объективно это расширяло сферу индивидуальной автономии и творческой активности работников, косвенно содействуя росту эффективности производства. Но в то же время такая практика бросала вызов монополии капитала на управление производством, ставила под сомнение контроль над рабочими с его стороны [Aglietta 1976, pp. 107–108; Bernoux, Ruffier 1974, pp. 387–394; Durand 1974, p. 365]. Ответом на этот вызов власти капитала могли быть автоматизация и роботизация производства, для которой тогда уже созрели технические предпосылки, а также перемещение части производственных мощностей на Восток и на Юг. Причем азиатский Восток выглядел предпочтительнее, учитывая дисциплинированность рабочей силы и более низкий стартовый уровень заработной платы, чем в Латинской Америке.

Соединенные Штаты, поддерживая ускоренную индустриализацию в Восточной Азии, открыли свой внутренний

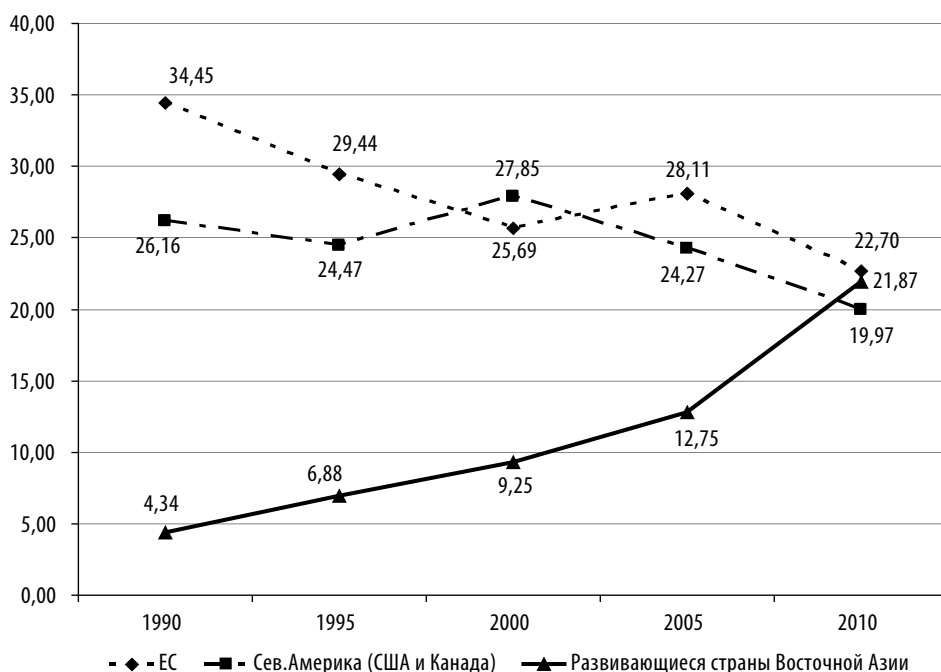
рынок для дешевых промышленных товаров из стран региона. Поначалу это было сделано, скорее, по политическим, чем по сугубо экономическим мотивам, но со временем приобрело и экономический смысл. Ускорила относительная деиндустриализация экономики в США, Канаде и западноевропейских странах, начавшаяся еще в 1950–1960-е гг.⁵ Фактически это означало своеобразное *освобождение капитала от труда* в странах центра мировой системы.

Когда на рубеже 1970–1980-х гг. в западных странах начался сдвиг в сторону неолиберализма в экономической по-

литике (тэтчеризм в Великобритании и рейганомика в США – хрестоматийные примеры этого сдвига), левые и кейнсианские критики неolibералов справедливо расценили его как социальный реванш капитала по отношению к наемному труду. Они показывали, на сколько процентов сократились те или иные расходы на социальные нужды. Однако на деле это сокращение было не столь уж и значительным. Главным направлением социального реванша стало именно открытие рынков высокоразвитых стран для промышленных товаров из некоторых стран Латинской Америки, в част-

Рисунок 1. Изменение долей крупных регионов в стоимости, добавленной переработкой, в обрабатывающей индустрии мира в 1990–2010 гг., %

Fig. 1. Changes in the Share of Major Regions in Value, Added by Processing in the Manufacturing Industry of the World in 1990-2010, %

Составлено автором по данным ЮНКТАД (UNCTAD database).

⁵ В данном случае речь идет именно об относительной деиндустриализации: доля обрабатывающей промышленности в ВВП и доля занятых в ней работников сокращались, хотя физические и, главное, стоимостные объемы ее выпуска продолжали увеличиваться, но медленнее, чем росла сфера услуг.

ности, из Мексики, и в большей степени – из новых индустриализирующихся стран Азии. Обострение конкуренции со стороны растущих вслед за Японией «тигров», а позже и Китая, заставило свернуть производство в ряде отраслей обрабатывающей промышленности стран Запада, сделав их профсоюзы более сговорчивыми. И по мере того как продолжалась деиндустриализация западных экономик (а она началась раньше, чем бурная индустриализация в Азии!), росла индустрия в странах Восточной Азии, включая впоследствии и Китай. Сокращение доли Запада в мировом промышленном производстве сопровождалось увеличением соответствующей доли Восточной Азии, что иллюстрируется рисунком 1.

Разумеется, данный рисунок не раскрывает, какова технологическая сложность выпускаемой продукции в каждом регионе, но она показывает, что успех «тигров» неотделим от изменений в структуре экономики высокоразвитых стран. Строго говоря, это было то самое *ассоциированно-зависимое развитие* азиатских стран, концепция которого была сформулирована Ф.Э. Кардозу и Э. Фалетто для стран Латинской Америки еще в конце 1960-х гг. [Cardoso 1972, pp. 88–94; Cardoso 2007; Cardoso, Faletto 1970, pp. 135, 144–150]. Вопреки утверждениям теоретиков зависимости и зависимого развития, эта концепция отнюдь не исключала возможности быстрого индустриального роста для развивающихся стран при сохранении их зависимости от развитых стран.

Речь в данном случае идет не столько о внешнеполитической зависимости (см. выше), сколько о внешнеэкономической. Последняя выступала прежде всего как зависимость НИС от внеш-

них рынков сбыта их промышленной продукции. Эти же рынки были источником новых технологий и оборудования для их растущей промышленности. В отличие от стран Латинской Америки, в частности Бразилии и Мексики, где иностранные займы и прямые инвестиции играли огромную роль в создании новых отраслей индустрии, иностранные компании занимали весьма скромное место в общем объеме капиталовложений в экономику растущих «тигров». Так, среди НИС первого поколения максимальная доля прямых иностранных инвестиций во всех инвестициях в экономику была на рубеже 1980–1990-х гг. в Сингапуре 29,4% (напоминаю, что здесь рассматривается период до 1997 г.). В Южной Корее и на Тайване эта доля не превышала 3,5%. Несколько большее значение иностранные инвестиции имели для роста «тигров» второго поколения уже в 1980–1990-х гг. Там они были представлены по преимуществу японскими корпорациями и компаниями от старших «собратьев по тигриности» – из Южной Кореи, Тайваня и Сингапура. В НИС второго поколения вес прямых иностранных инвестиций в общем объеме капиталовложений в основной капитал в период бурного роста этих стран (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) достигал своего максимума в Малайзии – 23–26% [UNCTAD 1994, p. 73; UNCTAD 1996, p. 257]. Эти инвестиции были важны скорее как источники новых технологий и новой культуры управления, что имело большое значение для стран, бывших до недавнего времени аграрными.

Экспортная экспансия восточноазиатских НИС в период их подъема (т. е. до середины 1990-х гг.)⁶ явилась важ-

6 Азиатский кризис 1997–1998 гг. обозначил предел как самого восточноазиатского «чуда», так и догоняющих модернизаций в целом. Его рассмотрение – предмет особого исследования.

ным условием их экономического роста в целом. Доходы от экспорта (включая реэкспорт) являлись важным источником накопления для расширения уже действующего и создания нового производства. Динамика роста экспорта НИС обоих поколений по отношению к их ВВП представлена в таблице 1⁷.

Экспортная экспансия Китая началась, как известно, позже, уже в 1990-е гг., и, создав конкуренцию НИС, способствовала замедлению роста их экспорта, что потом отчасти обусловило азиатский кризис 1997–1998 гг. Достаточно сказать, что с 1980 г., т. е. начала китайских реформ, соотношение объема товарного экспорта из Китая и его ВВП неуклонно росло, достигнув к 2005 г. 33,3%, а затем начало снижать-

ся в связи с переориентацией экономики на внутренний спрос. К 2015 г. оно составило 25,9% с последующим понижением⁸.

Кризис 2008–2009 гг. обозначил предел той модели мировой экономики, в которую удачно вписались сначала «тигры», а впоследствии и Китай. И если кризис 1997–1998 гг. символизировал окончание «чуда» НИС, то глобальная рецессия 2008–2009 гг. поставила и Китай, и страны Запада перед необходимостью серьезной структурной перестройки экономики и социальной сферы. «Количественное смягчение», т. е. «заливание» экономики деньгами, явилось на самом деле паллиативной мерой, которая, скорее, смягчила симптомы болезни, но не устранила ее причины.

Таблица 1. Экспорт товаров (без экспорта услуг) из НИС Восточной Азии (млн долл.) и по отношению к ВВП (%) в 1960–1995 гг.

Table 1. Exports of Goods (Excluding Services) from East Asian New Industrial States (USD million) and in Relation to GDP (%) in 1960-1995.

Страны и территории	Экспорт, млн долл. в текущих ценах					Отношение экспорта товаров к ВВП, %				
	1960	1970	1980	1990	1995	1960	1970	1980	1990	1995
Гонконг*	689	2515	20323	82390	173871	52,2	66,2	70,4	107,1	120,2
Корея, Респ.	32	836	17512	65016	125058	0,8	9,3	26,9	23,3	22,5
Сингапур	1136	1554	19376	52730	118268	161,1	60,1	162,9	179,9	134,7
Тайвань, провинция	–	–	22516**	67036	111364	–	–	46,8 *)	41,9	42,8
Малайзия	1187	1687	12945	29452	73915	62,0	43,7	52,9	66,9	83,3
Таиланд	407	710	6505	23068	56439	14,7	10,0	20,1	27,0	33,3
Индонезия	841	1108	21909	25675	45417	–	12,1	30,2	24,2	22,5

Примечания:

* с учетом реэкспорта из континентального Китая через Гонконг. По данным Азиатского банка развития, в 1995 г. общий экспорт из Гонконга примерно в 6 раз превышал «чистый» экспорт из тогда еще британской колонии.

** 1981 г.

Источник: Trade // World Bank // <https://data.worldbank.org/topic/trade?view=chart>; Economy and Growth // World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?view=chart>, дата обращения 22.06.2020; данные по Тайваню рассчитаны автором по: Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 1999 (1999) // Asian Development Bank, Hong Kong: Oxford University Press, pp. 312–313, 318–321.

7 До начала нынешнего столетия экспорт услуг из рассматриваемых стран, кроме Гонконга и Сингапура, занимал весьма скромное место в их экспорте, заметно уступая экспорту товаров, поэтому здесь представлены данные именно по товарному экспорту.
8 По данным Всемирного банка (см. примечание к табл. 1).

Мировая пандемия коронавируса сыграла роль триггера, спускового механизма глобального кризиса, но она отнюдь не была его причиной. Причина – в накопившихся диспропорциях как в мировой экономике, так и в социальном развитии, в исчерпанности той модели, которая функционировала на протяжении почти полувека и позволила ряду стран Восточной Азии, включая, конечно, Китай, подняться из отсталости и нищеты к современным экономическим высотам. И коль скоро возврат к этой модели невозможен, не будет уже и тех внешних экономических условий, которые обеспечили восточноазиатское «чудо».

Сегодня в мире отсутствуют все основные внешние условия, позволившие ряду малых и бедных стран Восточной Азии провести успешную модернизацию и достичь высокого уровня развития. Ушла в прошлое холодная война как соперничество двух моделей развития и двух идеологий, которые обе, кстати, имели западное происхождение и общие корни. Ни Соединенным Штатам, ни любой другой западной стране сегодня не нужно беспокоиться о создании «хорошего капитализма» в какой-либо бедной стране, чтобы показать преимущества капитализма над социализмом. Грандиозный китайский проект «Один пояс – один путь» является не альтернативой капитализму, а одним из его вариантов, к тому же плотно опекаемым государством. Структурные сдвиги в экономике развитых стран, которые ускорятся после пандемии и рецессии, вряд ли откроют новые ниши на рынках этих стран, куда могли бы устремиться новые поколения потенциальных НИС со своей дешевой, но качественной продукцией. Ни Пакистану, ни Бангладешу, не говоря уже о бедных африканских стра-

нах, не удастся далеко продвинуться с их рубашками и полотенцами так, чтобы сделать их экспорт источником накопления для роста современной индустрии и тем более постиндустриальной экономики знаний.

Наконец, нельзя забывать о том, что, помимо внешних условий, существовали еще и внутренние условия восточноазиатского «чуда». Но их рассмотрение является предметом отдельного исследования.

Список литературы

Горожанкина А.А. (2017) Благоприятные факторы и ограничения экономического развития Республики Корея на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 2. С. 63–84 // https://elibrary.ru/download/elibrary_29841917_97817513.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Коргун И.А., Попова Л.В. (2011) Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2011 гг.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.

Мельянцев В.А., Горожанкина А.А. (2018) Южнокорейское чудо, или не боги горшки обжигают // Восток (Oriens). № 3. С. 148–162. DOI: 10.31857/S086919080000052-4

Aglietta M. (1976) Régulation et Crise du Capitalisme. L'expérience des États-Unis, P.: Calmann-Lévy.

Balassa B. (1988) The Lessons of East Asian Development: An Overview // Economic Development and Cultural Change, vol. 36, no 3, Supplement, pp. S273–S290.

Barrett R.E., Whyte M.K. (1982) Dependency Theory and Taiwan: Analysis of a Deviant Case // American Journal of Sociology, vol. 87, no 5, pp. 1064–1089.

Bernoux Ph., Ruffier J. (1974) Les Groupes Semi-autonomes de Produc-

tion // *Sociologie du Travail*, vol. 16, no 4, pp. 383–401.

Cardoso F.H. (1972) *Dependency and Development in Latin America* // *New Left Review*, no 74, pp. 83–95.

Cardoso F.H. (2007) *Análise e Memória (recordações de Enzo Faletto)* // *Tempo Social*, vol. 19, no 1, pp. 215–221. DOI: 10.1590/S0103-20702007000100011

Cardoso F.H., Faletto E. (1970) *Dependencia y Desarrollo en América Latina. Ensayo de Interpretación Sociológica*, México: Siglo XXI (1-ra edición – 1969).

Carton M. (1984) *L'éducation et le Monde de Travail*, P.: UNESCO.

Castells M. (1998) *The Information Age: Economy, Society and Culture* (in three volumes). Vol. III. *End of Millennium*, Oxford (U.K.), Malden (Ma): Blackwell Publishers.

CEPAL (2012). *Cambio Estructural para la Igualdad: Una Visión Integrada del Desarrollo*, Santiago de Chile: NU.

Cumings B. (1987) *The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: Industrial Sectors, Product Cycles, and Political Consequences* // *The Political Economy of the New Asian Industrialisation* (ed. Deyo F.C.), Ithaca (New York): Cornell University Press, pp. 44–83.

Durand C. (1974) *Les Politiques Patronales d'Enrichissement des Tâches* // *Sociologie du Travail*, vol. 16, no 4, pp. 358–379. DOI:10.3406/sotra.1974.1801

ECA (the UN Economic Commission for Africa) (2012). *Economic Report on Africa: Unleashing Africa's Potential as a Pole of Global Growth*, Addis Ababa: ECA.

ECA (2017). *Economic Report on Africa: Greening Africa's Industrialization*, Addis Ababa: ECA.

Fajnzylber F. (1983) *La Industrialización Trunca de América Latina*, México: Nueva Imagen.

Fajnzylber F. (1) (1990) *Industrialización en América Latina: De la “Caja Negra” al “Casillero Vacío”*. Comparación de

Patrones Contemporáneos de Industrialización (Cuadernos de la CEPAL. No. 60), Santiago de Chile: Naciones Unidas.

Fajnzylber F. (2) (1990) *Industrialization in Latin America: From the “Black Box” to the “Empty Box”*, Santiago de Chile: United Nations.

Goh Keng Swee (1) (1995) *A Socialist Economy that Works* // Goh Keng Swee. *The Practice of Economic Growth*, Singapore et al.: Federal Publications, pp. 94–106.

Goh Keng Swee (2) (1995) *Some Delusions of the Decade of Development* // Goh Keng Swee. *The Economics of Modernization*, Singapore et al.: Federal Publications, pp. 27–35.

Gyllenhammar P.G. (1977) *People at Work*, Reading (Mass.): Addison-Wesley.

Jomo K.S. (1997) *Malaysia* // *South-east Asia's Misunderstood Miracle: Industrial Policy and Economic Development in Thailand, Malaysia and Indonesia* (ed. Jomo K.S.), Boulder (Col.), Oxford: Westview Press, pp. 89–120.

Jong-Sung You (2014) *Land Reform, Inequality, and Corruption: A Comparative Historical Study of Korea, Taiwan, and the Philippines* // *The Korean Journal of International Studies*, vol. 12, no 1, pp. 191–224. DOI: 10.14731/kjis.2014.06.12.1.191

Jong-Sung You (2017) *Demystifying the Park Chung-Hee Myth: Land Reform in the Evolution of Korea's Developmental State* // *Journal of Contemporary Asia*, vol. 47, no 4, pp. 535–556. DOI: 10.1080/00472336.2017.1334221

Lee Kuan Yew (2000) *From Third World to First. The Singapore Story: 1965–2000. Memoirs of Lee Kuan Yew*, Singapore: Times.

Mason A., Shetty S. (2019) *A Resurgent East Asia: Navigating a Changing World*. World Bank East Asia and Pacific Regional Report, Washington, DC: World Bank.

Ranis G. (1979) *Industrial Development* // *Economic Growth and Structural Change in Taiwan: The Postwar Experi-*

ence of the Republic of China (ed. Galenson W.), Ithaca (New York): Cornell University Press, pp. 206–262.

Rasiah R. (2003) Manufacturing Export Growth in Indonesia, Malaysia and Thailand // *Southeast Asian Paper Tiger? From Miracle to Debacle and Beyond* (ed. Jomo K.S.), London, New York: Routledge, Curzon, pp. 19–80.

Rostow W.W. (in collaboration with R.W. Hatch) (1955) *An American Policy in Asia*, Cambridge (Mass.): Press of MIT, New York: J. Wiley, London: Chapman & Hall.

Rostow W.W. (1986) *The United States and the Regional Organization of Asia and the Pacific, 1965–1985*, Austin: University of Texas Press.

Sartre J.-P. (2002) Préface à l'Édition de 1961 // Fanon F. *Les Damnés de la Terre*, Paris: La Découverte/Poche, pp. 17–36 (la 1-ère édition – 1961).

Sauvy A. (1952) *Trois Mondes, Une Planète* // *L'Observateur*, August 14, 1952 // <http://www.homme-moderne.org/societe/demo/sauvy/3mondes.html>, дата обращения 22.06.2020.

Shenin S.Y. (2000) *The United States and the Third World: The Origins of the Postwar Relations and the Point Four program (1949–1953)*, New York: Nova Science Publishers.

Shenin S.Y. (2005) *America's Helping Hand: Paving the Way to Globalization (Eisenhower's Foreign Aid Policy and Politics)*, New York: Nova Science Publishers.

Truman H. (1956) *Memoirs by Harry Truman. Volume Two. Years of Trial and Hope*, Garden City (New York): Doubleday & Co, Inc.

UNCTAD (1994). *World Investment Report. Transnational Corporations, Employment and the Workplace*, New York, Geneva: United Nations.

UNCTAD (1996). *World Investment Report. Investment, Trade and International Policy Arrangements*, New York, Geneva: United Nations.

Valaskakis K. (2002) Development with a Big D: A 21-st Century Mission for the OECD? // *Development Is Back* (eds. Braga de Macedo J., Foy C., Oman Ch.), Paris: OECD, pp. 281–284.

Wade R. (1990) *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*, Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Westra R. (2006) The Capitalist Stage of Consumerism and South Korean Development // *Journal of Contemporary Asia*, vol. 36, no 1, pp. 3–25. DOI: 10.1080/00472330680000021

Wilson W. (1965) *The Road away from Revolution* (first published in August 1923) // Wilson W. *A Day of Dedication: The Essential Writings and Speeches of Woodrow Wilson*, New York: The Macmillan Co, L.: Collier-Macmillan Ltd., pp. 469–471.

Wong J. (1979) *ASEAN Economies in Perspective: A Comparative Study of Indonesia, Malaysia, The Philippines, Singapore & Thailand*, L., Basingstoke: The Macmillan Press.

World Bank (2018). *Riding the Wave: An East Asian Miracle for the 21st Century. World Bank East Asia and Pacific Regional Report*, Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1145-6

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-1

Is It Possible to Repeat the Experience of East Asia? The External Factors of East Asian 'Miracle'

Victor A. KRASILSHCHIKOV

DSc in Economics, Chief Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Nakhimovskiy Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: f1victor@mtu-net.ru

ORCID: 0000-0003-1402-3310

CITATION: Krasilshchikov V.A. (2020) Is It Possible to Repeat the Experience of East Asia? The External Factors of East Asian 'Miracle'. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 7–26 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-1

Received: 08.04.2020.

ABSTRACT. *The paper focuses on the widespread presupposition about a possibility for the developing countries beyond the East Asian region to follow the development path of the newly industrialised countries (NICs) of East and Southeast Asia known as 'tigers'. The author underlines that the 'tigers' success story was the effect of fortune combination of the external and internal factors of fast modernisation of the countries under scrutiny. The subject of the given paper is a set of the external factors of the East Asian 'miracle'.*

In the author's opinion, there were three main external factors of successful development in the East Asian NICs. Firstly, there was a strong influence of cold war in the region. Since the early-1960s the rivalry between the USSR and USA was here 'supplemented' by pretensions of the Maoist China to the role of 'torch' for the poor and wretched peoples of Asia. Thus, there was the specific triangle of foreign forces that operated in the region. The US ruling circles con-

ceived that the best way to 'the containment of communism' was to create a show case of 'good capitalism': to eradicate mass poverty, to build contemporary effective economy, to open the channels of vertical social mobility for youth, and, thereby, to erode the social soil for the Leftist ideas.

Secondly, the business and political leaders of the considerable countries understood a necessity to modernise their economies. The local elites, being in vassal dependency on the American protection, were obliged to follow the path of development that corresponded mostly to the interests of US. This circumstance determined, to a big degree, a choice of the outward-looking industrialisation.

Thirdly, the export-oriented industrialisation in East Asia coincided with profound structural changes in Western economies. The NICs could occupy niches at the internal markets of industrial countries, exporting their manufactured goods to the West. It provided the growth of incomes for further

accumulation. The neoconservatism in politics and neoliberalism in economics in the West helped to the East Asian 'tigers' to carry out their modernisation.

Since the called external factors of East Asian 'miracle' do not recently exist in other developing regions, the author comes to conclusion that none of these regions can repeat the success story of the Asian NICs.

KEY WORDS: China, cold war, East Asia, Korea, modernisation, Singapore, Taiwan, USA, USSR

References

- Aglietta M. (1976) *Régulation et Crise du Capitalisme. L'expérience des États-Unis*, P.: Calmann-Lévy.
- Balassa B. (1988) The Lessons of East Asian Development: An Overview. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 36, no 3, Supplement, pp. S273–S290.
- Barrett R.E., Whyte M.K. (1982) Dependency Theory and Taiwan: Analysis of a Deviant Case. *American Journal of Sociology*, vol. 87, no 5, pp. 1064–1089.
- Bernoux Ph., Ruffier J. (1974) Les Groupes Semi-autonomes de Production. *Sociologie du Travail*, vol. 16, no 4, pp. 383–401.
- Cardoso F.H. (1972) Dependency and Development in Latin America. *New Left Review*, no 74, pp. 83–95.
- Cardoso F.H. (2007) Análise e Memória (recordações de Enzo Faletto). *Tempo Social*, vol. 19, no 1, pp. 215–221. DOI: 10.1590/S0103-20702007000100011
- Cardoso F.H., Faletto E. (1970) *Dependencia y Desarrollo en América Latina. Ensayo de Interpretación Sociológica*, México: Siglo XXI (1-ra edición – 1969).
- Carton M. (1984) *L'éducation et le Monde de Travail*, P.: UNESCO.
- Castells M. (1998) *The Information Age: Economy, Society and Culture* (in three volumes). Vol. III. End of Millennium, Oxford (U.K.), Malden (Ma): Blackwell Publishers.
- CEPAL (2012). Cambio Estructural para la Igualdad: Una Visión Integrada del Desarrollo, Santiago de Chile: NU.
- Cumings B. (1987) The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: Industrial Sectors, Product Cycles, and Political Consequences. *The Political Economy of the New Asian Industrialisation* (ed. Deyo F.C.), Ithaca (New York): Cornell University Press, pp. 44–83.
- Durand C. (1974) Les Politiques Patronales d'Enrichissement des Tâches. *Sociologie du Travail*, vol. 16, no 4, pp. 358–379. DOI:10.3406/sotra.1974.1801
- ECA (the UN Economic Commission for Africa) (2012). Economic Report on Africa: Unleashing Africa's Potential as a Pole of Global Growth, Addis Ababa: ECA.
- ECA (2017). Economic Report on Africa: Greening Africa's Industrialization, Addis Ababa: ECA.
- Fajnzylber F. (1983) *La Industrialización Trunca de América Latina*, México: Nueva Imagen.
- Fajnzylber F. (1) (1990) *Industrialización en América Latina: De la "Caja Negra" al "Casillero Vacio"*. *Comparación de Patrones Contemporáneos de Industrialización* (Cuadernos de la CEPAL. No. 60), Santiago de Chile: Naciones Unidas.
- Fajnzylber F. (2) (1990) *Industrialization in Latin America: From the "Black Box" to the "Empty Box"*, Santiago de Chile: United Nations.
- Goh Keng Swee (1) (1995) A Socialist Economy that Works. *Goh Keng Swee. The Practice of Economic Growth*, Singapore et al.: Federal Publications, pp. 94–106.
- Goh Keng Swee (2) (1995) Some Delusions of the Decade of Development. *Goh Keng Swee. The Economics of Modernization*, Singapore et al.: Federal Publications, pp. 27–35.
- Gorozhankina A.A. (2017) The Favorable Factors and Constraints of the

Republic of Korea's Economic Growth at the Present Stage of Development. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serie 13. Vostokovedenie*, no 2, pp. 63–84. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29841917_97817513.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Gyllenhammar P.G. (1977) *People at Work*, Reading (Mass.): Addison-Wesley.

Jomo K.S. (1997) Malaysia. *Southeast Asia's Misunderstood Miracle: Industrial Policy and Economic Development in Thailand, Malaysia and Indonesia* (ed. Jomo K.S.), Boulder (Col.), Oxford: Westview Press, pp. 89–120.

Jong-Sung You (2014) Land Reform, Inequality, and Corruption: A Comparative Historical Study of Korea, Taiwan, and the Philippines. *The Korean Journal of International Studies*, vol. 12, no 1, pp. 191–224. DOI: 10.14731/kjis.2014.06.12.1.191

Jong-Sung You (2017) Demystifying the Park Chung-Hee Myth: Land Reform in the Evolution of Korea's Developmental State. *Journal of Contemporary Asia*, vol. 47, no 4, pp. 535–556. DOI: 10.1080/00472336.2017.1334221

Korgun I.A., Popova L.V. (2011) *The External Economic Factor of the Republic of Korea's Development (1950–2011)*, Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House (in Russian).

Lee Kuan Yew (2000) *From Third World to First. The Singapore Story: 1965–2000. Memoirs of Lee Kuan Yew*, Singapore: Times.

Mason A., Shetty S. (2019) *A Resurgent East Asia: Navigating a Changing World. World Bank East Asia and Pacific Regional Report*, Washington, DC: World Bank.

Meliantsev V.A., Gorozhankina A.A. (2018) South Korea's Miracle, or Not Gods but Humans Make Pots. *Vostok (Oriens)*, no 3, pp. 148–162 (in Russian). DOI: 10.31857/S086919080000052-4

Ranis G. (1979) Industrial Development. *Economic Growth and Structural Change in Taiwan: The Postwar Experi-*

ence of the Republic of China (ed. Galenson W.), Ithaca (New York): Cornell University Press, pp. 206–262.

Rasiah R. (2003) Manufacturing Export Growth in Indonesia, Malaysia and Thailand. *Southeast Asian Paper Tiger? From Miracle to Debacle and Beyond* (ed. Jomo K.S.), London, New York: Routledge, Curzon, pp. 19–80.

Rostow W.W. (in collaboration with R.W. Hatch) (1955) *An American Policy in Asia*, Cambridge (Mass.): Press of MIT, New York: J. Wiley, London: Chapman & Hall.

Rostow W.W. (1986) *The United States and the Regional Organization of Asia and the Pacific, 1965–1985*, Austin: University of Texas Press.

Sartre J.-P. (2002) Préface à l'Édition de 1961. *Fanon F. Les Damnés de la Terre*, Paris: La Découverte/Poche, pp. 17–36 (la 1-ère édition – 1961).

Sauvy A. (1952) Trois Mondes, Une Planète. *L'Observateur*, August 14, 1952. Available at : <http://www.homme-moderne.org/societe/demo/sauvy/3mondes.html>, accessed 22.06.2020.

Shenin S.Y. (2000) *The United States and the Third World: The Origins of the Postwar Relations and the Point Four program (1949–1953)*, New York: Nova Science Publishers.

Shenin S.Y. (2005) *America's Helping Hand: Paving the Way to Globalization (Eisenhower's Foreign Aid Policy and Politics)*, New York: Nova Science Publishers.

Truman H. (1956) *Memoirs by Harry Truman*. Volume Two. Years of Trial and Hope, Garden City (New York): Doubleday & Co, Inc.

UNCTAD (1994). *World Investment Report. Transnational Corporations, Employment and the Workplace*, New York, Geneva: United Nations.

UNCTAD (1996). *World Investment Report. Investment, Trade and International Policy Arrangements*, New York, Geneva: United Nations.

Valaskakis K. (2002) Development with a Big D: A 21-st Century Mission for the OECD? *Development Is Back* (eds. Braga de Macedo J., Foy C., Oman Ch.), Paris: OECD, pp. 281–284.

Wade R. (1990) *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*, Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Westra R. (2006) The Capitalist Stage of Consumerism and South Korean Development. *Journal of Contemporary Asia*, vol. 36, no 1, pp. 3–25. DOI: 10.1080/00472330680000021

Wilson W. (1965) The Road away from Revolution (first published in

August 1923). *Wilson W. A Day of Dedication: The Essential Writings and Speeches of Woodrow Wilson*, New York: Macmillan Co, L.: Collier-Macmillan Ltd., pp. 469–471.

Wong J. (1979) *ASEAN Economies in Perspective: A Comparative Study of Indonesia, Malaysia, The Philippines, Singapore & Thailand*, L., Basingstoke: The Macmillan Press.

World Bank (2018). *Riding the Wave: An East Asian Miracle for the 21st Century*. World Bank East Asia and Pacific Regional Report, Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1145-6

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-2

Становление Китая как великой морской державы

Виктор Лаврентьевич ЛАРИН

академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и региональных исследований

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690650, ул. Пушкинская, д. 89, Владивосток, Российская Федерация

E-mail: victorlar@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2825-8391

Сергей Константинович ПЕСЦОВ

доктор политических наук, профессор, заведующий Отделом международных отношений

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690650, ул. Пушкинская, д. 89, Владивосток, Российская Федерация

E-mail: skpfox@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7441-989X

ЦИТИРОВАНИЕ: Ларин В.Л., Песцов С.К. (2020) Становление Китая как великой морской державы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 27–46. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-2

Статья поступила в редакцию 27.04.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена при финансовом обеспечении Академии современного Китая и современного мира при Управлении по делам издания литературы на иностранных языках КНР в рамках научного проекта «О китайском государственном управлении и российско-китайских отношениях в новую эпоху: взгляд российских экспертов с Дальнего Востока».

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются стратегические замыслы и практические действия современного китайского руководства, направленные на реализацию политической установки по превращению Китая в «великую морскую державу». Авторы анализируют процесс теоретического осмысления китайскими научными и политическими кругами значимости морского пространства, формирования принципов морской политики руководства КНР, стратегические документы и конкретные планы Пекина, направ-

ленные на развитие морской деятельности во всех ее проявлениях, возникающие при этом проблемы и достигнутые результаты. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на активную «морскую риторику», глобальное морское пространство не находится в главном фокусе китайской политики, которая сегодня ориентирована в сторону Евразийского континента. Для руководства КНР «превращение Китая в великую морскую державу» – не самоцель, не путь к достижению мировой гегемонии, а одно из средств для реше-

ния задач внутреннего развития страны. Главные усилия Китая направлены на изучение океана, юридическую и техническую подготовку к освоению глубоководных ресурсов, охрану окружающей среды, отстаивание прав и интересов Китая на море. При этом «ближние моря» Пекин рассматривает как «жизненно важные» для обеспечения своей экономической и военно-политической безопасности, а поэтому Китай ведет себя на их пространстве наступательно, активно и бескомпромиссно. Хотя морская политика КНР сегодня ориентирована главным образом на достижение экономических целей, морская экономика страны в последнее десятилетие развивалась более низкими темпами, чем экономика страны в целом. Китаю предстоит еще многое сделать, чтобы эффективно использовать не только собственное морское пространство, но и огромные ресурсы Мирового океана для реализации амбициозных целей и задач развития страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, ресурсы океана, морская политика, морская экономика, безопасность*

Введение

Несмотря на то, что КНР омывается тремя морями, имеет 32 тыс. км береговой линии, более 6,5 тыс. островов и морскую экономическую зону площадью 3 млн кв. км¹, она остается континентальной державой. Исторически, особенно в новое и новейшее вре-

мя, морская акватория была для Китая не столько окном во внешний мир и ресурсом экономического развития, сколько источником угроз, как политических, так и природных². И даже сегодня, после трех десятилетий активного развития внешнеэкономических связей, выстроенных преимущественно через моря и океаны, в прибрежных районах страны проживает чуть более четверти населения (400 млн чел.), а доля морской экономики в ее ВВП не превышает 10%.

Китайская политическая и интеллектуальная элита только на рубеже XX–XXI вв. начала воспринимать моря и океаны как «стратегическое пространство для устойчивого развития», видеть в богатствах морского дна, морской торговле и морской экономике важный ресурс для построения богатого и процветающего общества [Хи 2006, р. 59]. Ко второму десятилетию этого века в Пекине сформировалось представление о морском пространстве как сфере жизненных интересов и важного ресурса для будущего развития страны, которое на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) было оформлено в конкретную цель: «превратить Китай в великую морскую державу». Тогда же были определены пути ее достижения: «расширение наших возможностей в освоении морских ресурсов, развитие морской экономики, охрана морской экологии, решительное отстаивание прав и интересов Китая на море»³. С этого момента данная задача рассматривается как важный компонент стратегии строительства социализма с ки-

1 Развитие морской промышленности Китая (1998) // <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/1998/Document/307963/307963.htm>, дата обращения 14.04.2020 (на китайском).

2 В одном только 2019 г. ущерб китайской экономике от морских катастроф оценен в 11,7 млрд юаней (Статистический бюллетень национального экономического и социального развития за 2019 год (2020) // http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html, дата обращения 14.04.2020 (на китайском)).

3 Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (2012) // http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm, дата обращения 14.04.2020 (на китайском).

тайской спецификой, значимый ресурс национального развития, защиты национального суверенитета и возрождения китайской нации [Ли 2012, с. 4; Цзя 2018, с. 1; Bickford 2016]. О намерении «ускорить превращение Китая в великую морскую державу» на XIX съезде КПК в октябре 2017 г. заявил Председатель КНР Си Цзиньпин⁴.

Российские исследователи фактически игнорируют это направление деятельности современного Китая. Единичные статьи посвящены Морскому шелковому пути [Арапова 2014; Афонасьева 2017; Комиссина 2017] и морской экономике КНР [Мозиас 2013]; некоторые элементы военно-морской стратегии и развития ВМФ КНР рассматриваются в работах, посвященных НОАК [Каменнов 2018; Кашин 2018]; крайне лаконично представлено в научных исследованиях состояние морского транспорта страны [Сазонов 2018, с. 86–98]. Пожалуй, лишь интерес Китая к Арктике, возможности и потенциальные проблемы российско-китайского сотрудничества в этом районе мира вызывают некоторый энтузиазм исследователей [Ларин, Песцов 2017, с. 218–255; Петровский, Филипова 2018; Российско-китайский диалог 2018, с. 60–69].

У такого невнимания есть две причины. С одной стороны, морские устремления Китая мало волнуют политическую элиту России, которая не обнаруживает их явных пересечений с интересами России и не формирует заказа на их анализ и оценку. С другой стороны, малочисленность российских китаеведов и небольшое количество ученых-международников, интересующихся Китаем, приводит к тому, что они фокусируют свое внимание на тех

темах и проблемах, которые, с их точки зрения, наиболее актуальны и потенциально пересекаются с интересами России. Морская проблематика к числу таковых явно не относится.

Между тем распределение, закрепление за собой и последующее освоение ресурсов океана (как акватории, так и морского дна, независимо от глубин) постепенно становится одной из важнейших тем в повестке дня мирового сообщества. Китай настроен принимать в этом дележе самое активное участие.

Задачей данной статьи является оценка уровня теоретического осмысления в Китае значимости морского пространства планеты для нужд развития страны, планов, замыслов, конкретных шагов и результатов деятельности китайского руководства в морских делах. По нашему уже высказанному ранее мнению, эта область сотрудничества является весьма перспективной для развития российско-китайских отношений [Ларин, Волынчук 2018], хотя и потребует немалого напряжения усилий, нестандартных подходов и решений.

Формирование теоретической платформы морской политики КНР

Морское пространство всегда играло важную роль в истории человечества. Мировые океаны являют собой единую среду для перемещения людей и грузов, богатый резервуар питания, кладовую органических и неорганических материалов, мощно влияющую на формирование климата и состояние экологии планеты. Глубокие политиче-

4 Си Цзиньпин (2017) Доклад на XIX съезде КПК // http://www.gov.cn/zhuant/2017-10/27/content_5234876.htm, дата обращения 14.04.2020 (на китайском).

ские, экономические и технологические сдвиги в мире на рубеже XX–XXI вв. еще более повышают значение морей и океанов в сфере безопасности и экономики, торговли и энергетики, политики и культуры.

Вполне закономерно, что все большее число стран обращается к разработке национальных стратегий морской деятельности⁵. В этих стратегиях при традиционном преобладании военно-морской составляющей постепенно растет экономическая компонента. Все чаще термин «морская деятельность» используется для обозначения всех аспектов жизни государства, так или иначе связанных с морем [Mihammad 1999, p. 9].

Методологии планирования, модели морских стратегий, способы их реализации в разных странах отличаются и зависят от многих факторов. Например, для США доминирующим является фактор безопасности. Вашингтон направляет свои усилия в первую очередь на реальные и потенциальные угрозы национальным интересам в различных акваториях планеты. Китай и Россия ориентированы на обеспечение контроля в каком-либо секторе морского пространства и предотвращение его использования другими мировыми игроками. Европейский Союз в основном продвигает программу «голубого роста» экономики [Lavie 2018, p. 7].

Теоретические основы современной морской политики КНР были за-

ложены на рубеже XX–XXI вв. Потребность в этом была обусловлена запросами экономики, темпы и результаты развития которой стали в немалой степени зависеть от взаимодействия с внешним миром: регулярности и масштабов поставок сырья и расширения рынков сбыта собственной продукции. Устойчивость морских коммуникаций стала важным условием обеспечения энергетической безопасности, социально-экономической и политической стабильности страны.

Первым документом, в котором китайское руководство сформулировало свои стратегические цели на море и основы морской политики, стала «Морская программа Китая на XXI век» (1996 г.). Она заложила основные направления современной деятельности КНР на просторах Мирового океана: защита морских прав и интересов государства; освоение ресурсов; экология; научно-технические исследования; управление морской деятельностью; международное сотрудничество⁶.

В первые годы XXI в. состояние дел на море было на самом высоком уровне отождествлено с вопросами национальной безопасности. В ноябре 2003 г. на совещании ЦК КПК по вопросам экономической политики Председатель КНР Ху Цзиньтао впервые уявзал обеспечение энергетической безопасности Китая с безопасностью морских путей, в частности в Малаккском проливе. Она состояла в том, что «тот, кто будет контролировать Малаккский

5 См., например: U.S. Cooperative Strategy for 21st Century Seapower. The Cooperative Strategy between the U.S. Navy, Marine Corps and Coast Guard (2015) // U.S. Naval Institute, March 13, 2015 // <https://news.usni.org/2015/03/13/document-u-s-cooperative-strategy-for-21st-century-seapower-2015-revision>; Blue Book: A National Strategy for the Sea and Oceans (2009) // Republique Française; Premier Ministre // https://ciencias.ulisboa.pt/sites/default/files/fcul/investigacao/French%20national%20strategy_%20for%20the%20sea%20and%20oceans%20%28Blue%20Book%2C%2008-12-2009%29.pdf; Blue Growth. Opportunities for Marine and Maritime Sustainable Growth (2012) // European Commission. Maritime Affairs // https://ec.europa.eu/maritimeaffairs/sites/maritimeaffairs/files/docs/publications/blue-growth_en.pdf; South Korea's Maritime Strategy (2012) // <https://worldview.stratfor.com/article/south-koreas-maritime-strategy>, дата обращения 22.06.2020.

6 Морская повестка Китая на XXI век // http://www.npc.gov.cn/huiyi/lfzt/hdbhf/2009-10/31/content_1525058.htm, дата обращения 15.04.2020 (на китайском).

пролив, будет контролировать и пути энергетического снабжения Китая»⁷. Похоже, именно «Малаккская дилемма» стала тем спусковым крючком, который перевел тему обеспечения морской безопасности Китая в разряд если не первоочередных, то важнейших для китайского руководства. «Тот, кто контролирует Малаккский пролив, – писал по этому поводу Ши Сяоцин, – может наложить руку на стратегические энергетические морские пути Китая и нанести ущерб его национальной безопасности» [Shi Xiaoqin 2012, p. 13].

Проблема обеспечения безопасности морских путей нашла свое отражение как в теоретических построениях ученых-политологов и военных, так и в политических решениях руководства страны. Государственный заказ на научное обоснование морской политики повлек за собой формирование в Китае т. н. школы морской силы. Представители этой школы сформулировали ряд положений, которые приобрели заметное влияние в академической и военной среде [Dossi 2010], а затем были положены в основу нынешней морской стратегии КНР. При этом они решали трудные задачи. С одной стороны, необходимо было преодолеть традиционную для Китая недооценку важности морского направления в сфере как внутренней, так и внешней политики. С другой стороны, не породить у настороженно воспринимавших активность Китая на море соседей по Юго-Восточной Азии представления о наличии у КНР каких-либо агрессивных устремлений. В результате на первом этапе теоретические обоснования китайской морской политики выглядели достаточно эклектичными и противоречивыми.

Представители «школы морской силы» не стремились преодолеть традиционное для Китая представление о Мировом океане как источнике различных угроз. Но они предложили бороться с этими угрозами не у близких границ страны, а на дальних рубежах: расширить пространство стратегической обороны КНР на открытый океан и обрести способность вести боевые действия на внешних линиях, чтобы «удержать щит, необходимый для долгосрочного развития национальных интересов» [Хи 2006, p. 61]. Военно-морской флот должен не только исполнять «важную функцию защиты национального суверенитета, но и превратиться во «флот открытых морей», расширив периметр морской стратегической обороны до просторов открытого океана и научившись вести боевые действия на «внешних линиях обороны» [Хи 2006, pp. 60–62]. Такое «расширение горизонта» позволит Китаю защитить морские коммуникации, обеспечить доступ к глубоководным ресурсам и глобальным рынкам и, соответственно, на равных конкурировать с другими странами [Shi Xiaoqin 2012, p. 13]. Наиболее известный представитель «школы морской силы» Чжан Вэньму даже утверждал, что именно морская сила определяет судьбу государств в эпоху глобализации, а поэтому наиболее выгодные позиции займет то государство, которое имеет сильный флот и способно эффективно контролировать морские коммуникации [Zhang 2006, pp. 23–24].

Прорабатывая способы и пути возвращения Китаю статуса глобальной державы, китайские ученые изучали различные условия, способствующие возвышению государств до уровня мировых держав, в т. ч. фактор мор-

7 Ши Хунтао (2004) «Малаккская дилемма» Китая // Чжунго цинняньбао. 15 июня 2004 // http://zqb.cyol.com/content/2004-06/15/content_888233.htm, дата обращения 15.04.2020 (на китайском).

ского пространства. Среди интеллектуальных элит Китая широко распространилось мнение, что исторически все крупные державы были морскими [Bickford 2016, p. 23]. Был инициирован масштабный исследовательский проект «Подъем великих держав», в котором в качестве одной из гипотез была заложена мысль, что национальная мощь проистекает из экономического развития, стимулируемого внешней торговлей, развитию которой, в свою очередь, способствует сильный военно-морской флот. И хотя гипотеза не подтвердилась⁸, внимание к морской деятельности этот проект привлек.

Одновременно на страницах англоязычных китайских изданий была сознательно развернута дискуссия о китайской морской силе и морской политике. Главный постулат, который китайские власти стремились внедрить в сознание зарубежных ученых и политиков, заключался в том, что Китай имеет все законные права укреплять свою морскую мощь, но при этом «китайская морская сила имеет миролюбивый и неагрессивный характер, нацелена сугубо на защиту национальных интересов страны». «Условий, при которых морская безопасность государства полностью зависит от войны и гегемонии, – подчеркивал Чжан Вэй, – больше не существует» [Zhang, Shazeda 2015, p. 88]. Ведущие китайские эксперты по морской стратегии Китая разными путями стремятся убедить западных читателей в неагрессивности ки-

тайской морской силы [Zhang, Shazeda 2015, p. 88], в ее мирном и созидательном характере, противопоставляя ее западным аналогам [Shi Xiaoqin 2012, pp. 16–17].

Тогда же в Китае начали обсуждать «стратегию двух океанов». Ее исходным посылом выступала идея установления Китаем контроля над «ближними морями», что, с одной стороны, должно символизировать завершение «века унижения», с другой – демонстрировать решительный отход прежней недооценки морского пространства [Sun, Payette 2017, p. 3]. Ближние моря (Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское) – это морские пространства, прилегающие к границам Китая. К дальним морям отнесены все остальные водные пространства. В качестве «двух океанов» выступают Тихий и Индийский, наиболее важные для Китая с точки зрения безопасности и экономики.

«Ближние моря» имеют для Китая важное, хотя отнюдь не критическое значение. По американским оценкам, на дне Южно-Китайского моря сосредоточены 1,5 млрд т нефти и 5,4 трлн куб. м газа⁹, а Восточно-Китайского – около 27 млн т нефти и от 28 до 56 трлн куб. м природного газа¹⁰. Учитывая, что в 2019 г. собственная добыча нефти в КНР составила 191 млн т нефти и 173,3 млрд куб. м природного газа, а Китай был вынужден импортировать 506 млн т нефти и 125 млрд куб. м газа, обладание этими ресурсами не было бы

8 Эксперты сделали вывод, что для превращения в великую державу государство должно, прежде всего, обладать определенным внутренним потенциалом, а эффективное использование морских путей – это лишь средство для достижения поставленных целей. Главное условие заключается в том, что страна не должна быть «островом в океане мировой экономики» [Подъем великих держав 2006]. В документальном фильме, снятом по итогам проекта [Подъем великих держав 2006], красной нитью проводилась мысль о том, что в XXI в. главными отличительными чертами великих держав будут приверженность миру, безопасности, сотрудничеству и совместному развитию.

9 South China Sea (2013) // U.S. Energy Information Administration Report, February 7, 2013 // https://www.eia.gov/beta/international/analysis_includes/regions_of_interest/South_China_Sea/south_china_sea.pdf, accessed 22.06.2020.

10 East China Sea (2014) // U.S. Energy Information Administration Report, September 17, 2014 // <https://www.eia.gov/beta/international/regions-topics.php?RegionTopicID=ECS>, accessed 22.06.2020.

для него излишним. Более важно, что на Южно-Китайское море приходится одна десятая часть мирового улова рыбы, и на нем завязана рыболовная индустрия стоимостью в несколько миллиардов долларов¹¹. Еще более важную роль играют военно-стратегические соображения и историческая память Китая, в которой доминирование в Южно-Китайском море являлось базой для вторжения западных империалистов в колониальный период. Тот, кто контролирует Южно-Китайское море, тот контролирует западную Пацифику [Huang, Billo 2015, p. 7]. Именно по этим причинам это морское пространство рассматривается как жизненно важное для безопасности Китая.

Таким образом, к началу второго десятилетия XXI в. идея необходимости кардинального укрепления морской мощи Китая прочно укрепились в сознании китайской политической элиты. Создание современных военно-морских сил КНР стало рассматриваться в качестве важного средства обеспечения безопасности прибрежных городов и морских транспортных путей Китая, с одной стороны, и защиты морских ресурсов, морских прав и интересов страны на просторах Мирового океана, с другой.

Анализ теоретической составляющей морской стратегии и политики современного Китая позволяет выделить в них два важных момента. Во-первых, эта политика ориентирована на достижение экономических целей. Для Китая, который сталкивается с относительным дефицитом ресурсов, море становится важным стратегическим пространством для устойчивого развития, роль которого будет возрастать по

мере истощения ресурсов на континентах. Свои интересы на море необходимо отстаивать и защищать, а для этого необходима соответствующая морская мощь. Во-вторых, четко определилась географическая ориентация морской политики КНР, которая развернута в южном направлении.

Морская политика и практика Китая в «новую эпоху»

РЕШЕНИЯ И ПОЛИТИКА

Первый документ стратегического характера в сфере морской политики – «Национальная программа развития морской экономики»¹² – был принят в КНР в мае 2003 г. В этой программе Китай уже назван «морской державой», хотя по всем объективным показателям это была не более чем заявка на будущее. В «Национальной программе» были прописаны цели и задачи развития важнейших отраслей морской экономики: рыболовства, морского транспорта, освоения углеводородных ресурсов, судостроения, фармакологии и туризма. Растущее внимание Пекина к морской деятельности хорошо заметно как в последовательном росте числа и объема разделов о морской экономике в 10–12-м пятилетних планах развития страны, так и в разработке и принятии пятилетних планов по развитию рыболовства (2007 и 2011 гг.), полярных исследований (2009 г.), освоению ресурсов международных акваторий (2013 г.) и др. [Ларин, Волынчук 2018, с. 19–20, 28–29].

Тем не менее руководство страны не было удовлетворено результатами в сфере морской деятельности, достиг-

11 Pitlo L.B. (2013) Fishing Wars: Competition for South China Sea's Fishery Resources // CSS Blog Network, October 7, 2013 // <https://isnblog.ethz.ch/security/fishing-wars-competition-for-south-china-seas-fishery-resources>, accessed 22.06.2020.

12 Проект Национального плана морского экономического развития // <http://www.china.com.cn/chinese/PI-c/494544.htm>, дата обращения 15.04.2020 (на китайском).

нутыми к началу второго десятилетия XXI в. Морская экономика КНР значительно отставала от экономики суши и была намного менее эффективна, чем в развитых странах мира. Хотя объем производства в морском хозяйстве КНР в 2010 г. достиг 3,8 трлн юаней, что составляло 9,7% ВРП страны, однако эта доля оказалась меньше, чем в 2006 г., когда она составила 10% [Мозиас 2013, с. 427]. Зазвучали предложения о необходимости перехода Китая к более сбалансированному развитию океанской и сухопутной частей экономики, увеличению вклада экономики океана в общий национальный хозяйственный рост, а также обеспечения ее вывода на уровень передовых мировых стандартов [Wu 2014, p. 8].

Новое поколение руководителей во главе с Си Цзиньпином, пришедшее к власти в стране после XVIII съезда КПК, серьезно восприняло эти рекомендации. 2013 г. стал в определенной степени переломным. В начале года серьезной реформе подверглась структура управления морской деятельностью. Существенно, до статуса главного органа в сфере морской деятельности страны, расширились полномочия Государственного морского управления КНР, что знаменовало «целостный подход [китайского руководства] к управлению океаном» [Chang 2014]. В апреле того же года был принят Государственный план развития морской деятельности на 12-ю пятилетку. 18 разделов этого плана посвящены таким вопросам, как управление мор-

скими ресурсами, охрана и развитие островных территорий, охрана морской экологии и восстановление биоресурсов, защита морских прав и интересов Китая, морские научные исследования и др.¹³ В июле на специальном заседании Политбюро ЦК КПК, посвященном освоению ресурсов океана, Си Цзиньпин заявил, что «превращение Китая в великую морскую державу является составной частью строительства социализма с китайской спецификой», и перечислил главные направления морской деятельности КНР: «повышение возможностей Китая в освоении морских ресурсов», охрана окружающей среды, развитие морских наук и технологий, отстаивание прав и интересов Китая на море¹⁴. Наконец, в октябре 2013 г. он анонсировал создание Морского шелкового пути XXI века (МШП), который предполагалось проложить из морских портов Китая через Индийский океан в Европу, а также в южную акваторию Тихого океана¹⁵. Дальнейшее развитие идея МШП получила в опубликованной в июне 2017 г. Концепции сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс – один путь». В Концепции представлен широкий спектр направлений, по которым Пекин намерен взаимодействовать со странами вдоль МШП: «обеспечение глобальной экологической безопасности», освоение морских ресурсов, развитие морского транспорта и морской индустрии, безопасность морских путей, освоение Северного пути, научные исследования.¹⁶

14 Си Цзиньпин: Заботясь об океане, изучая океан, управляя океаном, достигать новых успехов в создании сильной морской державы (2013) // http://www.xinhuanet.com/politics/2013-07/31/c_116762285.htm, дата обращения 15.04.2020 (на китайском).

15 Продвижение концепции и действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века (2016) // <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/dfw/jlyd/201601/20160101243342.shtml>, дата обращения 15.04.2020 (на китайском).

16 Государственный комитет КНР по развитию и реформе и Государственное океанологическое управление КНР опубликовали «Концепцию морского сотрудничества в рамках инициативы "Один пояс – один путь"» (2017) // http://www.soa.gov.cn/xw/hyyw_90/201706/t20170620_56591.html, дата обращения 15.04.2020 (на китайском).

Тема океана и морской деятельности лишь общими чертами представлена в концепции Си Цзиньпина о строительстве «сообщества единой судьбы человечества», хотя априори она подразумевает рациональное и справедливое использование гигантских ресурсов океана.

Китайские эксперты, отталкиваясь от спущенных «сверху» указаний, вычленили и уже детально прорабатывают пути развития главных стратегических направлений морской политики: инновации, новые технологии, создание многосторонних механизмов международного сотрудничества, защита морской экологии и реформирование «глобального управления океаном» [У. Чжан 2018]. Несмотря на глобальные амбиции и грандиозные замыслы, китайские руководители хорошо осознают, что существуют проблемы теоретико-методологического, политического, научно-технического и иного характера, которые препятствуют быстрой и полной реализации поставленных задач. Поэтому очевидно, что на данном этапе его главной целью в морской политике является не решение каких-то кардинальных проблем, а лишь формирование задела – прежде всего правового, научного и технологического – для будущего рывка.

Во-первых, по-прежнему слабой остается теоретическая основа морской политики. Китайские исследователи преимущественно идут в фарма-

тере западных концепций и разработок, что неприемлемо в условиях формирования цельной теории «социализма с китайской спецификой в новую эпоху». Это особенно заметно в используемой терминологии. В различных документах и публикациях понятия «морская держава», «морская стратегия», «морская политика» интерпретируются по-разному и порой очень абстрактно¹⁷. Очень редко появляется в китайских документах обобщающий термин «морская стратегия». Различные ведомства ссылаются на «специальные» морские стратегии, что свидетельствует как о разобщенности ведомств, отвечающих за различные аспекты морской политики [Martinson 2016, pp. 24–25], так и об определенной дисгармонии на теоретическом поле. Термин «великая держава» иногда используется для красного словца, просто чтобы подчеркнуть важность того или иного решения властей¹⁸. Не сложилось общепризнанного понятия «морская политика», которая нередко связывается только лишь с нормотворческой деятельностью государства в освоении ресурсов океана и охране морской среды [Хуан, Ван, Чэн 2013, с. 7–10].

Во-вторых, серьезной и достаточно долговременной задачей является создание новых технологий, необходимых, прежде всего, для того, чтобы «проникнуть в морские глубины, разведать их и освоить» [Си 2018, с. 392]. В-третьих,

17 Под «морской державой», к примеру, понимается государство, «обладающее развитой морской экономикой, передовыми морскими технологиями, превосходной военно-морской силой..., передовыми правоохранительными силами на море..., всеобъемлющими морскими законами, здоровыми морскими экосистемами, морской ресурсной средой для устойчивого развития, высоким уровнем осведомленности о важности океанов и морской культурной мягкой силой» [Bickford 2016, pp. 4–6]. «Ведущая морская держава» – это такое государство, которое способно эффективно управлять, контролировать и сдерживать в локальных водах, оказывать мощное влияние на решение региональных и глобальных океанских проблем и быть глобальной морской экономической силой [Wu 2014, pp. 9, 25].

18 В сентябре 2016 г. Министерство транспорта и связи КНР опубликовало План подготовки судовых экипажей судов КНР на 2016–2020 гг., главной целью которого названо «совершенствование системы подготовки экипажей судов», чтобы «осуществить превращение Китая из державы с экипажами к великой державе экипажей» (Уведомление о плане расширения [подготовки] экипажей судов КНР на 2016–2020 годы (2017) // http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5197028.htm, дата обращения 10.04.2020 (на китайском)).

объявленный КПК курс на «зеленое развитие» предполагает решение серьезных проблем в сфере морской экологии. 80% береговой линии Китая, как минимум, отравлены соединениями неорганического азота, химически активного фосфата или нефти¹⁹, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря серьезно загрязнены промышленными, сельскохозяйственными и бытовыми стоками с континента, в частности антибиотиками [Fisch, Waniek, Meng, Zhen, Schulz-Bull 2017]. При этом ситуация не улучшается. По оценке Института окружающей среды КНР, в 2017 г. качество воды в прибрежных водах Китая даже ухудшилось. Только 68% этих вод признаны «достаточно хорошими», что на 5,6% меньше, чем в 2016 г. В морской акватории Шанхая доля чистой воды не превышает 10%, провинции Чжэцзян – 23%²⁰.

Между тем эти акватории являются промысловой базой рыбной промышленности и производства аквакультуры. И тут решение экологических задач вступает в противоречие с интересами развития морской экономики. Не случайно в 13-м пятилетнем плане развития КНР не были установлены конкретные задачи по добыче рыбы и производству мариккультуры. Акценты перенесены с увеличения объема производства на оптимизацию его структуры, повышение качества продукции,

большую устойчивость и рыночную ориентированность.

Наконец, расширение экономического и военного присутствия Китая на море вызывает непонимание и определенное противодействие ряда государств мира. На XVIII съезде КПК Председатель КНР Ху Цзиньтао призвал вооруженные силы страны «уделить особое внимание морской безопасности»²¹. На XIX партийном форуме Си Цзиньпин также говорил о необходимости «защищать суверенные права страны на море, обеспечить безопасность морских путей и в Тайваньском проливе». Соответственно, в военных стратегиях КНР защита китайских интересов за рубежом включена в число важных задач НОАК и говорится о необходимости перехода от обороны ближайших морей и территорий к защите открытых морей²². В открытых морях Китай, прежде всего, добывается свободы судоходства и открытого доступа к ресурсам Арктических и Антарктических морей [Marantidou 2014].

Закономерно, что наращивание Китаем морской мощи многие страны воспринимают как стремление за столбить его «экономические и политические интересы от Тихого океана до Атлантики»²³, как «одностороннюю экспансию в международных водах» и «угрозу глобальной безопасности»²⁴. С одной стороны, это происходит потому, что наи-

19 Tibi Pui (2017) At Least 81% of China's Coastline Is Heavily Polluted // ZME Science, April 26, 2017 // <https://www.zmescience.com/ecology/pollution-ecology/chinese-polluted-coastline-05346/>, accessed 22.06.2020.

20 Hou L. (2018) Water Quality Deteriorating in Sea Areas // China Daily, August 8, 2018 // <https://www.chinadaily.com.cn/a/201808/08/WS5b6a32fea310add14f3847cd.html>, accessed 22.06.2020.

21 Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (2012) // http://www.gov.cn/jldh/2012-11/17/content_2268826.htm, дата обращения 14.04.2020 (на китайском).

22 The Diversified Employment of China's Armed Forces (2013) // Information Office of the State Council. The People's Republic of China, April 16, 2013 // http://www.nti.org/media/pdfs/China_Defense_White_Paper_2013.pdf; China's Military Strategy. The State Council Information Office of the People's Republic of China // China Daily, May 26, 2015 // http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/26/content_20820628.htm, дата обращения 22.06.2020.

23 Myers S.L. (2018) With Ships and Missiles, China Is Ready to Challenge U.S. Navy in Pacific // The New York Times, August 29, 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/08/29/world/asia/china-navy-aircraft-carrier-pacific.html>, дата обращения 22.06.2020.

24 China's Worldwide Military Expansion (2018) // U.S. House of Representatives, Permanent Select Committee on Intelligence, May 17, 2018 // <https://docs.house.gov/meetings/IG/IG00/20180517/108298/HHRG-115-IG00-Transcript-20180517.pdf>, accessed 22.06.2020.

более активно идею расширения морского пространства Китая продвигают военные. С другой стороны, сказываются размытость понятий, неразвитость китайской теории морской деятельности. С третьей, присутствует элементарное нежелание видеть и понимать китайскую точку зрения.

Учитывая, что все это в итоге способно превратиться в серьезное препятствие на пути превращения страны в «подлинно морскую державу», Пекин уделяет все более серьезное внимание конструированию и продвижению собственного дискурса. Этот дискурс призван способствовать решению двух взаимосвязанных проблем: обоснованию «естественности» китайского интереса к открытому морю и развенчанию разного рода концепций «китайской морской угрозы», появляющихся на Западе.

В первом случае используются исторические нарративы, которые призваны доказать, что Китай всегда был не только континентальной державой, занятой обустройством внутренних азиатских границ, но и морской державой, обладавшей морской экономикой и технологиями для обеспечения его господства в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях [Киа 2016, р. 17]. Право Китая на статус ведущей морской державы подкрепляется ссылками на его «славное» морское прошлое. «Морские походы древности на восток в Корею, Японию и на юг в Индийский океан, – констатирует в этой связи У Сяоянь, – привели к значительному росту морской торговли, строительству портов и бурно развившейся судостроительной промышленности. Большие успехи в развитии океанической и судостроительной

технологиях, картографии, а также создание компаса привели к тому, что к воцарению династий Суй и Тан китайская внешняя торговля и океаническая промышленность процветали» [Wi 2014, р. 12]. При этом современные китайские авторы не только подчеркивают принципиальную разницу в традициях морской политики имперского Китая и политики стран Европы, но и оспаривают приоритет Запада на Великие географические открытия. Как емко сформулировал эти претензии Китая Сюй Ци, «...в период династии Мин адмирал Чжэн Хэ совершил семь рейсов в Западный океан, открыв Морской шелковый путь, который опередил эпоху Великих географических открытий Запада на столетие. Но по сравнению с оснащенными огнестрельным оружием и порохом [кораблями] западными державами, которые бесцеремонно убивали [людей] и грабили колонии, все, что привозили в каждую страну флотилии Чжэн Хэ, – это шелк и фарфор, дружба и добрая воля» [Хи 2006, р. 53].

Второй, не менее важной, для Пекина задачей стало развенчание «враждебных интерпретаций» его морской политики, рожденных на Западе. Основной среди них стала концепция «Нитки жемчуга» («String of Pearls»). Концепция родилась в первые годы XXI в. в результате вольной интерпретации американскими экспертами «Морской программы Китая» 1996 г. и теоретических изысканий китайских ученых в этой области²⁵, а во втором десятилетии этого века стала увязываться с идеей строительства Морского шелкового пути. С тех пор, как газета The Washington Post проинформировала своих читателей об упомянутом докладе, сде-

25 Впервые название «Нитка жемчуга» появилось 2004 г. в документе под названием *Energy Futures in Asia*, подготовленном известной консалтинговой фирмой Booz Allen Hamilton Inc. по заказу министра обороны США Д. Рамсфелда, была подхвачена прессой и экспертами и стала широко применяться для характеристики китайской океанской стратегии.

лав акцент на оборотной стороне экономической стратегии Китая в Индийском океане – его намерениях использовать строительство «стратегических отношений вдоль морских путей от Южно-Китайского моря до Ближнего Востока» в целях защиты своих энергетических интересов, а также достижения общих целей безопасности»²⁶, – не утихают споры и спекуляции как об обоснованности, масштабах и реальности самой стратегии «Нитки жемчуга», так и вокруг истинных намерений Пекина в южных морях. Как всегда, утверждения китайских властей и ученых, что такая концепция является плодом воображения западных экспертов, а в КНР никогда не формулировалась теоретически и не использовалась на практике [Gopal 2016, p. 13], в расчет не принимаются. Аргументы железные: «то, что Китай пока еще не построил базы в Индийском океане, не означает, что в будущем этого не произойдет»²⁷. С такой логикой бороться очень нелегко.

Анализ конкретных действий современного китайского руководства по наращиванию морской мощи КНР, в т. ч. развитию ее военно-морского флота, не входит в задачу данной статьи. Это отдельная и особая тема, которая требует высокопрофессиональных знаний, специальных подходов и детального рассмотрения. Для нас очевидно одно: что Китай готов защищать свои растущие экономические интересы на море, в т. ч. силовым путем.

МОРСКАЯ ЭКОНОМИКА КИТАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Если исходить из статистических показателей, то Китай уже является Великой морской державой. На сегодняшний день он занимает 1-е место в мире по количеству морских судов, 3-е – их тоннажу, обладает семью из десяти крупнейших контейнерных портов мира, удерживает 10% мирового рынка контейнерных перевозок [Review of Maritime Transport 2018, pp. 3–31, 66]²⁸, является лидером в мировой судостроительной промышленности²⁹ и уверенно занимает 1-е место в мире по добыче и производству морепродуктов (19% мировой добычи), экспорту рыбы и рыбной продукции (14% мирового рынка) [FAO 2018, pp. 9, 55].

План развития морской экономики КНР на 2016–2020 гг. нацелен на «существенное ускорение кардинальной корректировки» ее структуры ... и обеспечение ее «здорового и устойчивого развития» в контексте реализации концепции «Пояса и пути». Среди приоритетных задач – как сугубо экономические (развитие островных территорий и освоение глубоководного пространства) и технические (научно-техническое обеспечение отрасли, развитие передовых технологий, прежде всего глубоководных), так и политические («отстаивание прав и интересов Китая на море»)»³⁰. При этом индикаторы плана выглядят весьма умеренно: увели-

26 China Builds up Strategic Sea Lanes (2005) // The Washington Times, January 17, 2005 // <http://www.washingtontimes.com/news/2005/jan/17/20050117-115550-1929r/>, дата обращения 22.06.2020.

27 Holmes J.R. (2014) China Could Still Build 'String of Pearls' // The Diplomat, November 8, 2014 // <https://thediplomat.com/2014/11/china-could-still-build-string-of-pearls/>, дата обращения 22.06.2020.

28 В данном подсчете объединены данные по Китаю и Гонконгу, которые в международной и китайской статистике обычно подаются самостоятельно.

29 В первом квартале 2020 г. верфи КНР держали 36% мирового объема новых заказов на строительство судов (S. Korea Ranks 2nd in Q1 Shipbuilding Orders (2020) // Hellenic Shipping News, April 8, 2020 // <https://www.hellenicshippingnews.com/s-korea-ranks-2nd-in-q1-shipbuilding-orders/>, дата обращения 22.06.2020).

30 Государственный план развития морской деятельности на 13-ю пятилетку (2017) // <http://images.mofcom.gov.cn/www/201709/20170907170048332.pdf>, дата обращения 22.06.2020 (на китайском).

чить к 2020 г. долю морской экономики в ВВП страны с 9,4 до 9,5%, долю сервисных отраслей в ВВП морской экономики – с 52 до 55%, несколько улучшить состояние прибрежных вод. Темпы роста морской экономики предполагалось держать в пределах 7%³¹.

Однако с достижением запланированных показателей Китай не справляется. С одной стороны, в 2018 г. объем производства КНР в сфере морской экономики по сравнению с 2010 г. удвоился и составил 8,3 трлн юаней, быстрыми темпами развиваются современные сегменты отрасли: прибрежный туризм (рост на 8,3% в 2018 г.), биомедицина и фармацевтика (9,6%) и электроэнергетика. С другой, темпы роста всей отрасли были ниже запланированных (6,9 и 6,7% в 2017–2018 гг. [Статистический бюллетень 2018] и 6,3% – за первые три квартала 2019 г.), сокращаются объемы судостроения и морского рыболовства³². В результате доля морской экономики в ВВП КНР снизилась в 2018 г. до 9,3%. Фактически в последние полтора десятилетия эта отрасль развивалась более низкими темпами, чем экономика страны в целом.

Заключение

Итак, в китайском политическом руководстве присутствует убеждение, что обретение статуса морской державы «является ключом к поддержанию и расширению зарубежных интересов» и может быть «эффективным путем к созданию глобальной державы» [Лю 2018, с. 62]. Тем не менее морская тематика по-прежнему нечасто звучит на высших партийных и правительственных форумах КНР, руководители стра-

ны обращаются к ней только по каким-то специальным поводам. Внимание Китая сфокусировано на Евразийском континенте. Наступательно, активно и бескомпромиссно Пекин ведет себя только на пространстве «ближних морей», которые рассматривает как «жизненно важные» для обеспечения своей экономической и военно-политической безопасности. Даже Морской шелковый путь имеет преимущественно сухопутное наполнение. Собственно, водному пространству в нем отводится весьма ограниченная – транспортно-логистическая – роль.

Для руководства КНР «превращение Китая в великую морскую державу» – не самоцель, не путь к достижению мировой гегемонии, во что искренне уверовали многие западные эксперты и политики, а лишь одно из средств для решения задач внутреннего развития страны. Именно поэтому главными направлениями морской деятельности КНР в «новую эпоху» являются не более чем «повышение возможностей Китая в освоении морских ресурсов», охрана окружающей среды, развитие морских наук и технологий, отстаивание прав и интересов Китая на море. Работа в стране ведется по всем этим направлениям, и она дает определенные результаты.

Однако окружающий мир, испытывающий мощное давление со стороны западных СМИ, западных геополитических концептов и продвигающих их ученых, как и простые обыватели, нередко усматривают в современной морской политике и стратегии КНР угрозу своим интересам, безопасности и будущему. Разрушение существующей мировой политической системы априори означает передел сфер политического,

31 Подробнее о плане см.: [Ларин, Волыничук 2018, с. 28–29].

32 <http://finance.sina.com.cn/roll/2019-12-11/doc-iihnzahi6861547.shtml>, дата обращения 18.04.2020 (на китайском).

экономического и культурного влияния, усиление конкуренции, повышение уровня нестабильности и вероятность возникновения конфликтов. Для преодоления страхов и тревог, возникающих в связи с этими изменениями во многих странах мира, одних только заверений Пекина в своем миролюбии, в отсутствии у него каких-либо агрессивных замыслов недостаточно.

Несмотря на то, что в последнее десятилетие как в области теоретического осмысления морской стратегии и тактики, так в практической морской политике в КНР было сделано больше, чем за весь предшествующий период реформ, Китай находится только в начале пути. Руководству КНР предстоит еще очень многое сделать, чтобы эффективно использовать не только собственное морское пространство, но и огромные ресурсы Мирового океана для реализации амбициозных целей и задач развития страны.

Список литературы

Арапова Е.Я. (2014) Морской шелковый путь XXI века против Северного морского пути: угрозы и возможности // ЭТАП: Экономическая Теория. Анализ. Практика. № 4. С. 84–93 // <https://cyberleninka.ru/article/n/morskoy-shelkovyy-put-xxi-veka-protiv-severnogo-morskogo-puti-ugrozy-i-vozmozhnosti/viewer>, дата обращения 22.06.2020.

Афонасьева А.В. (2017) Китайская зона Морского Шелкового пути XXI века и роль зарубежных китайцев в ее развитии // Проблемы Дальнего Востока. № 3. С. 75–81 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29333926_63106210.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Каменнов П.Б. (2018) Военная политика Китая на современном этапе // Доклады ИДВ РАН 2017. М.: ИДВ РАН. С. 76–91.

Кашин В. (2018) Перерыв подходит к концу? Военная стратегия Китая на современном этапе // Россия в глобальной политике. № 6. С. 16–22 // <https://globalaffairs.ru/articles/pereryv-podhodit-k-konczu/>, дата обращения 22.06.2020.

Комиссина И.Н. (2017) Морской шелковый путь XXI в. – глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 60–81 // <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/1/07.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Корнейко О.В. (2017) Опыт развития рыбохозяйственной деятельности Китая // Теоретическая и прикладная экономика. № 4. С. 59–64. DOI: 10.25136/2409-8647.2017.4.24256

Ларин В.Л., Волынчук А.Б. (2018) Морское пространство Северной Пацифики как сфера российско-китайского взаимодействия в XXI веке // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 18. С. 10–35.

Ларин В.Л., Песцов С.К. (ред.) (2017) Преодолевая холод. Интересы и политика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Арктике: вызовы и возможности для России. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН.

Ли С. (2012) На пути от морской державы к великой морской державе: оглядываясь на работу по освоению морских минеральных ресурсов после XVI съезда КПК // Чжунго готу цзыюань, 23 октября 2012 // http://www.mnr.gov.cn/zt/hu/17dliqh/sbd/hhcj/201210/t20121023_2021318.html, дата обращения 15.04.2020 (на китайском).

Лю С. (2018) Теоретический анализ стратегии морской мощи // Тайпинянь сюэбао. № 8. С. 62–76 (на китайском).

Мозиас П.М. (2013) Морское хозяйство Китая: тенденции и проблемы развития // Общество и государство в Китае. XLIII научная конференция. Часть 2. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 424–456.

Петровский В.Е., Филиппова Л.В. (2018) Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII. М.: ИДВ РАН. С. 171–182.

Подъем великих держав (2006). Пекин: Жэньминь чубаньшэ (на китайском).

Российско-китайский диалог: модель 2018. Доклад № 39 (2018). М.: НП РСМД // <https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2018/>, дата обращения 22.06.2020.

Сазонов С.Л. (2018) Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. М.: ИДВ РАН.

Си Цз. (2018) О государственном управлении. Т. II. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках.

Статистический бюллетень Морской экономики КНР (2018) // http://gi.mnr.gov.cn/201904/t20190411_2404774.html, дата обращения 10.04.2020 (на китайском).

У Л., Чжан Х. (2018) Анализ международного сотрудничества Китая в области энергетики океана с точки зрения глобального управления океаном // Тайпингъян сюэбао. № 11. С. 56–69 (на китайском).

Хуан Ф., Ван Ж., Чэн Ч. (2013) Прошлое и будущее морской политики нашего государства // Хайян кайфа юй гуаньли. № 12. С. 7–12 (на китайском).

Цзя Ю. (2018) Размышления о стратегии морской державы // Тайпингъян сюэбао. № 1. С. 1–8 (на китайском).

Bickford T.J. (2016) Haiyang Qiangguo: China as a Maritime Power // Semantic Scholar // <https://pdfs.semanticscholar.org/8d7b/ae11b9d52cc94d2c13938c9395f38a41c37b.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Chang Y. (2014) Getting into a New Maritime Era? A Commentary on the Re-

structuring of the State Oceanic Administration in China // Journal of Oceanography and Marine Research, vol. 2, no 3, pp. 1–5 // <https://www.longdom.org/open-access/getting-into-a-new-maritime-era-a-commentary-on-the-restructuring-of-the-state-oceanic-administration-in-china-2332-2632.1000126.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Dossi S. (2010) China between the Mainland and the Sea. Maritime Rebalancing and Beijing's Regional Security Policy // La Società Italiana di Scienza Politica // <https://www.sisp.it/files/papers/2010/simone-dossi-564.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

FAO 2018. The State of World Fisheries and Aquaculture (2018), Rome: FAO UN.

Fisch K., Waniek J.J., Meng Zh., Zhen X., Schulz-Bull D.E. (2017) Antibiotics in Three Chinese Coastal Systems: Huangpu River, East China Sea, Pearl River Estuary // Journal of Aquatic Pollution and Toxicology, vol. 1, no 2:13, pp. 1–9 // <http://www.imedpub.com/articles/antibiotics-in-three-chinese-coastal-systems-huangpu-river-east-china-sea-pearl-river-estuary.php?aid=19914>, дата обращения 22.06.2020.

Gopal S. (2016) China's 21st Century Maritime Silk Road Old String with New Pearls? New Delhi: Vivekananda International Foundation.

Huang J., Billo A. (eds.) (2015) Territorial Disputes in the South China Sea. Navigating Rough Waters, New York: Palgrave MacMillan.

Kwa Ch.G. (2016) The Maritime Silk Road: History of an Idea // Nalanda-Sriwijaya Centre. Working Paper. No. 23 // <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/nsc-wps23.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Lavie O.G. (2018) A Model and Methodology for a Grand Maritime Strategy, Haifa: Haifa Research Center for Maritime Policy and Strategy.

Marantidou V. (2014) Revisiting China's 'String of Pearls' Strategy: Places 'with Chinese Characteristics' and Their Securi-

ty Implications // Issues & Insights, vol. 14, no 7, pp. 1–39 // https://www.files.ethz.ch/isn/182061/140624_issuesinsights_vol-14no7.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Martinson R.D. (2016) Panning for Gold: Assessing Chinese Maritime Strategy from Primary Sources // Naval War College Review, vol. 69, no 3, pp. 23–44 // <http://www.andrewerickson.com/2016/07/panning-for-gold-assessing-chinese-maritime-strategy-from-primary-sources/>, дата обращения 22.06.2020.

Muhammad A. (1999) Role of Smaller Navies: A Focus on Pakistan's Maritime Interests, Rawalpindi: Army Press.

Review of Maritime Transport (2018), New York, Geneva: United Nations.

Shi Xiaoqin (2012) An Analysis of China's Concept of Sea Power, Singapore: Institute for Security and Development Policy.

Sun T., Payette A. (2017) China's Two Ocean Strategy: Controlling Waterways and the New Silk Road // IRIS. Asia Focus, no 31, pp. 1–23 // <https://pdfs.semanticscholar.org/1840/af9a04093bdcd462873436089578a187bbc.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Wu X. (2014) China's "Sea Power Nation" Strategy // Asia Paper. Institute for Security and Development Policy // <https://isdpeu/content/uploads/publications/2014-wu-chinas-sea-power-nation-strategy.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Xu Q. (2006) Maritime Geostrategy and the Development of the Chinese Navy in the Early Twenty-First Century // Naval War College Review, vol. 59, no 4, pp. 2–22 // <https://digitalcommons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2126&context=nwc-review>, дата обращения 22.06.2020.

Zhang W. (2006) Sea Power and China's Strategic Choices // China Security. Summer, pp. 17–31 // <https://core.ac.uk/download/pdf/71339243.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Zhang W., Shazeda A. (2015) A General Review of the History of China's Sea-Power Theory Development // Naval War College Review, vol. 68, no 4, pp. 80–93 // https://www.jstor.org/stable/26397885?seq=1#metadata_info_tab_contents, дата обращения 22.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-2

The Emergence of China as a “Great Maritime Power”

Viktor L. LARIN

Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc in History, Head, Center for Global and Regional Studies

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, 690950, Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: victorlar@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2825-8391

Sergei K. PESTSOV

DSc in Politics, Head, Department for International Relation Studies

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, 690950, Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: skpfox@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7441-989X

CITATION: Larin V.L., Pestsov S.K. (2020) The Emergence of China as a “Great Maritime Power”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 27–46 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-2

Received: 27.04.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article was prepared using financial support of Academy of Contemporary China and World Studies, China Foreign Languages Publishing Administration in the framework of scientific project “China Governance and Russian-Chinese Relations in the New Era: A View of Russian Experts from the Far East”.

ABSTRACT. *The article discusses strategic intentions and practical actions of modern Chinese leadership aimed to make China a “great maritime power”. The authors analyze theoretical investigations of Chinese scientists in the fields of maritime strategy and politics; examine basic principle of contemporary Chinese maritime policy, Beijing strategic documents and specific plans aimed at developing marine activities, as well as the problems that arise on this way and some practical results achieved. The authors conclude that despite an active*

“sea rhetoric” of Chinese top leaderships, the global ocean is not in the main focus of Chinese politics which is primarily oriented towards Eurasian continent. For the PRC leadership, “turning China into a great sea power” neither an ultimate goal, nor a path to achieve the world hegemony, but one of the means to solve some goals to support country’s economic and social development. Today main efforts of Chinese maritime policy are aimed at the ocean studies, legal and technical preparation for excavation of deep-water resources, marine environmental pro-

tection, upholding the sea rights and interests of China. As far as Beijing considers the “near seas” as “vital” for ensuring China economic and military-political security, it acts in their space offensively, actively and uncompromisingly. However, although China’s maritime policy focuses mainly on achieving the economic goals, for the past decade the country’s maritime economy has developed at a slower pace than the country’s economy as a whole. The authors conclude that China has a lot to do in order to effectively use not only its own sea space, but also the vast resources of the global oceans to realize the ambitious goals and objectives of the country’s development.

KEY WORDS: China, ocean resources, marine policy, marine economics, security

References

- Afonasieva A. (2017) Chinese Zone of Maritime Silk Road of the XXI Century and the Role of Overseas Chinese in Its Development. *Far Eastern Affairs*, no 3, pp. 75–81. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29333926_63106210.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Arapova E.Ya. (2014) The 21st Century Maritime Silk Road versus the Northern Sea Route: Threats and Opportunities. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, no 4, pp. 84–93. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/morskoy-shelkovyy-put-xxi-veka-protiv-severnogo-morskogo-puti-ugrozy-i-vozmozhnosti/viewer>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Bickford T.J. (2016) Haiyang Qiangguo: China as a Maritime Power. *Semantic Scholar*. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/8d7b/ae11b9d52cc94d2c-13938c9395f38a41c37b.pdf>, accessed 22.06.2020.
- Chang Y. (2014) Getting into a New Maritime Era? A Commentary on the Restructuring of the State Oceanic Administration in China. *Journal of Oceanography and Marine Research*, vol. 2, no 3, pp. 1–5. Available at: <https://www.longdom.org/open-access/getting-into-a-new-maritime-era-commentary-on-the-restructuring-of-the-state-oceanic-administration-in-china-2332-2632.1000126.pdf>, accessed 22.06.2020.
- China Marine Economic Statistical Bulletin (2018). Available at: http://gi.mnr.gov.cn/201904/t20190411_2404774.html, accessed 10.04.2020 (in Chinese).
- Dossi S. (2010) China between the Mainland and the Sea. Maritime Rebalancing and Beijing’s Regional Security Policy. *La Società Italiana di Scienza Politica*. Available at: <https://www.sisp.it/files/papers/2010/simone-dossi-564.pdf>, accessed 22.06.2020.
- FAO 2018. *The State of World Fisheries and Aquaculture* (2018), Rome: FAO UN.
- Fisch K., Wanek J.J., Meng Zh., Zhen X., Schulz-Bull D.E. (2017) Antibiotics in Three Chinese Coastal Systems: Huangpu River, East China Sea, Pearl River Estuary. *Journal of Aquatic Pollution and Toxicology*, vol. 1, no 2:13, pp. 1–9. Available at: <http://www.imedpub.com/articles/antibiotics-in-three-chinese-coastal-systems-huangpu-river-east-china-sea-pearl-river-estuary.php?aid=19914>, accessed 22.06.2020.
- Gopal S. (2016) *China’s 21st Century Maritime Silk Road Old String with New Pearls?* New Delhi: Vivekananda International Foundation.
- Huang F., Wang R., Cheng Ch. (2013) Review and Prospect of China’s Ocean Policy. *Haiyang kaifa yu guanli*, no 12, pp. 7–12 (in Chinese).
- Huang J., Billo A. (eds.) (2015) *Territorial Disputes in the South China Sea. Navigating Rough Waters*, New York: Palgrave MacMillan.
- Jia Y. (2018) Thinking about Maritime Power Strategy. *Taipingyang xuebao*, no 1, pp. 1–8 (in Chinese).

Kamennov P.B. (2018) Military Policy of China at the Present Stage. *Proceedings of IFES RAS 2017*, Moscow: RAS IFES Press, pp. 76–91 (in Russian).

Kashin V. (2018) Is the Conflict Inevitable? Not at All. China's Military Strategy at the Present Stage. *Russia in Global Affairs*, no 6, pp. 16–22. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/pereryv-podhodit-k-konczu/>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Komissina I.N. (2017) 21st Century Maritime Silk Road – China's Global Geopolitical Project. *National Strategy Issues*, no 1, pp. 60–81. Available at: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/1/07.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Korneiko O.V. (2017) The Experience of the Fisheries Development in China. *Theoretical and Applied Economics*, no 4, pp. 59–64 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-8647.2017.4.24256

Kwa Ch.G. (2016) The Maritime Silk Road: History of an Idea. *Nalanda-Sriwijaya Centre*. Working Paper. No. 23. Available at: <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/nscwps23.pdf>, accessed 22.06.2020.

Larin V.L., Pestsov S.K. (eds.) (2017) *Breaking the Cold. Interests and Policies of the Asia-Pacific Countries in Arctic: Challenges and Prospects for Russia*, Vladivostok: IHAE FEB RAS (in Russian).

Larin V.L., Volynchuk A.B. (2018) Marine Space of Northern Pacific as Sphere Russian-Chinese Interactions in the 21st Century. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, vol. 18, pp. 10–35 (in Russian).

Lavie O.G. (2018) *A Model and Methodology for a Grand Maritime Strategy*, Haifa: Haifa Research Center for Maritime Policy and Strategy.

Li X. (2012) Striding from a Maritime Country to a Maritime Power: Review of China's Marine Mineral Resources Development since the 16th National Congress. *Zhongguo guotu ziuyan*, October 23, 2012. Available at: http://www.mnr.gov.cn/zt/hu/17dliqh/sbd/hhcj/201210/t20121023_2021318.html, accessed 15.04.2020 (in Chinese).

gov.cn/zt/hu/17dliqh/sbd/hhcj/201210/t20121023_2021318.html, accessed 15.04.2020 (in Chinese).

Liu X. (2018) Theoretical Analysis of the Sea-power Strategy. *Taipingyang xuebao*, no 8, pp. 62–76 (in Chinese).

Marantidou V. (2014) Revisiting China's 'String of Pearls' Strategy: Places 'with Chinese Characteristics' and Their Security Implications. *Issues & Insights*, vol. 14, no 7, pp. 1–39. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/182061/140624_issuesinsights_vol14no7.pdf, accessed 22.06.2020.

Martinson R.D. (2016) Panning for Gold: Assessing Chinese Maritime Strategy from Primary Sources. *Naval War College Review*, vol. 69, no 3, pp. 23–44. Available at: <http://www.andrewerickson.com/2016/07/panning-for-gold-assessing-chinese-maritime-strategy-from-primary-sources/>, accessed 22.06.2020.

Mozias P.M. (2013) China's Maritime Economy: Trends and Problems of Development. *Society and the State in China*. XLIII Scientific Conference. Part 2, Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, pp. 424–456 (in Russian).

Muhammad A. (1999) *Role of Smaller Navies: A Focus on Pakistan's Maritime Interests*, Rawalpindi: Army Press.

Petrovskij V.E., Filippova L.V. (2018) China's Arctic Development Strategy and Prospects for Russian-Chinese Cooperation in the Region. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Issue XXIII. Moscow: IDV RAN, pp. 171–182 (in Russian).

Review of Maritime Transport 2018 (2018), New York, Geneva: United Nations.

Russian-Chinese Dialogue: the Model 2018. Report No. 39 (2018), Moscow: Russian International Affairs Council (in Russian).

Sazonov S.L. (2018) *Transport of China: Place and Role in the Development of National Economy*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Shi Xiaoqin (2012) *An Analysis of China's Concept of Sea Power*, Singapore: Institute for Security and Development Policy.

Sun T., Payette A. (2017) China's Two Ocean Strategy: Controlling Waterways and the New Silk Road. *IRIS. Asia Focus*, no 31, pp. 1–23. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/1840/af9a04093bdcda462873436089578a187bbc.pdf>, accessed 22.06.2020.

The Rise of Great Powers (2006), Beijing: Renmin chubanshe (in Chinese).

Wu L., Zhan H. (2018) Analysis of China's Ocean Energy International Cooperation from the Perspective of Global Ocean Governance. *Taipingyang xuebao*, no 11, pp. 56–69 (in Chinese).

Wu X. (2014) China's "Sea Power Nation" Strategy. *Asia Paper. Institute for Security and Development Policy*. Available at: <https://isdpeu.org/content/uploads/publications/2014-wu-chinas-sea-power-nation-strategy.pdf>, accessed 22.06.2020.

Xi J. (2018) *The Governance of China*. Vol. 2, Peking: Guojishudian (in Russian).

Xu Q. (2006) Maritime Geostrategy and the Development of the Chinese Navy in the Early Twenty-First Century. *Naval War College Review*, vol. 59, no 4, pp. 2–22. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2126&context=nwc-review>, accessed 22.06.2020.

Zhang W. (2006) Sea Power and China's Strategic Choices. *China Security*. Summer, pp. 17–31. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/71339243.pdf>, accessed 22.06.2020.

Zhang W., Shazeda A. (2015) A General Review of the History of China's Sea Power Theory Development. *Naval War College Review*, vol. 68, no 4, pp. 80–93. Available at: https://www.jstor.org/stable/26397885?seq=1#metadata_info_tab_contents, accessed 22.06.2020.

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3

Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов

Алексей Владимирович КУПРИЯНОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-9041-6514

ЦИТИРОВАНИЕ: Куприянов А.В. (2020) Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 3. С. 47–65.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3

Статья поступила в редакцию 06.04.2020.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу индийских подходов к морским пространствам. Рассматривается эволюция восприятия экспертными и политическими кругами Индии регионального пространства. В этой эволюции автор выделяет несколько этапов: субимперский, в рамках которого Индия рассматривалась как доминирующая сила в регионе и центр субимперии в составе Британской империи; период холодной войны, когда Индия обращала основное внимание на укрепление своих позиций на международной арене путем наращивания связей с африканскими и ближневосточными государствами, при этом стараясь сохранить выгодный для нее статус-кво в Южной Азии; и период после окончания холодной войны, в течение которого Индия переосмыслила стратегические приоритеты и выработала собственный подход к членению регионального пространства, основанный на традиционном взгляде на мир, который можно представить в виде*

системы концентрических кругов, центром которой является Индия. В статье отмечается, что индийские авторы испытывают определенные проблемы, пытаясь вписать в рамки этой схемы океанские пространства, и рассматриваются возможные варианты решения этой проблемы, предложенные индийскими экспертами: принципиальный отказ от концепции концентрических кругов применительно к морским пространствам и создание отдельной «морской мандалы», учитывающей специфику региона Индийского океана. Автор предлагает свой вариант членения пространства Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), основанный на подходе индийского ученого К.Р. Сингха, предложившего в свое время пространственное деление региона Индийского океана; этот вариант позволяет учесть различие в отношении индийских политических элит к различным субрегионам и выделить причины, по которым это различие возникло.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Индия, Индийский океан, Тихий океан, Индо-Тихоокеанский регион, ИТР, Индо-Пацифика, спатиализация, морские пространства*

Концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР, Индо-Пацифики) является на данный момент одним из самых обсуждаемых и противоречивых геополитических конструктов: в то время как политики и эксперты из Индии, Японии, США, Австралии, стран Юго-Восточной Азии преимущественно отстаивают его естественность и историческую, экономическую и политическую обоснованность, их коллеги из Китая и отчасти из России критикуют данную концепцию как искусственную и призванную исключить из региональной политики страны, стоящие на пути амбиций США. Дополнительную путаницу вносит отсутствие единого понимания Индо-Пацифики как среди сторонников, так и среди противников: ученые и политики из перечисленных выше стран расходятся в определении ее границ.

Сама по себе идея Индо-Пацифики, как и любая идея, призванная объединить одни географические объекты и объединить другие, является конструктом, т. е. искусственным образованием, плодом мысли и воображения, который, распространяясь и переосмысливаясь, неизбежно трансформируется. Так, в геополитическом смысле Гурприт Кхурана, возродивший из забвения идею Индо-Пацифики, предложенную еще Карлом Хаусхофером, в принципе указал на связь двух океанов в контексте обеспечения безопасности поставок топлива из стран Персидского залива в Северо-Восточную Азию; под-

хвативший идею Синдзо Абэ уже заявил о «слиянии (confluence) двух океанов»; политики в Нью-Дели увидели в этом термине возможность заявить об увеличении роли Индии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в рамках политики Act East. При этом продвижение идеи ИТР встретило неоднозначную реакцию в странах АСЕАН, опасавшихся вызвать недовольство КНР и в то же время заинтересованных в вовлечении Индии в региональную политику как противовеса Китаю, расширению доступа к индийским рынкам и участии Индии во Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) [Рогожина 2019, с. 131–133]. Выход в итоге был найден в создании собственной концепции ИТР, не противоречащей индийской и основанной в то же время на идеях асеаноцентризма, однако пока эта концепция, как и индийская, не получила конкретного экономического наполнения.

Настоящая статья направлена на исследование Индо-Тихоокеанского региона как репрезентации реальности в воображении членов индийского экспертного и политического сообщества. Объектом исследования, таким образом, является ИТР как конструкт; предметом – его понимание и фрагментация в рамках индийского внешнеполитического дискурса. Индийское руководство по-разному выстраивает отношения с субрегионами, формально включаемыми им в границы ИТР, что требует объяснения. Традиционно истоки этой разницы ищут в сферах экономики и безопасности. Гипотеза, призванная объяснить индийский подход к спатиализации¹, состоит в том, что фрагментация Индо-Пацифики индийскими политическими кругами произ-

¹ Спатиализация – процесс формирования и существования пространственных форм, в которых отражается общее ощущение социального пространства, характерное для определенной политики в тот или иной момент времени.

водится – осознанно или нет – на основе не только экономической, политической или философской, но и историко-культурной: наибольшее значение придается тем субрегионам и странам, которые представляются значимыми в контексте исторического развития Индии как одной из великих мировых держав.

Для анализа используются инструменты концепций критической геополитики и стратегической культуры; автор придерживается историко-эволюционного подхода, рассматривая процесс изменения отношения к морским пространствам в индийском экспертном и политическом сообществе в исторической динамике. Из концептуальных работ авторов, использующих схожие методы, необходимо отметить работы Алистера Джонсона «Культурный реализм» [Johnston 1995] и Шриканта Парандже «Стратегическая культура Индии» [Paranjpe 2013]; обе они заслуживают особого внимания как попытки исследовать стратегическую культуру незападных обществ, но концентрируются преимущественно на реакции этих обществ на вызовах безопасности. Из новейших работ хотелось бы отдельно упомянуть книгу Т. Дойла и Д. Рамли «Появление и возвращение Индо-Пацифики» [Doyle, Rumley 2019], которая наиболее полно на данный момент описывает все существующие индо-тихоокеанские нарративы.

Статья разбита на четыре части. В первой кратко описывается эволюция индийского взгляда на место страны в мировом устройстве с момента обретения независимости и до нынешнего времени; во второй указываются проблемы, вызываемые стремлением приложить индийскую внешнеполитическую концепцию «концентрических кругов» к океанским пространствам ИТР; в третьей описываются попытки индийских теоретиков решить эти про-

блемы; в четвертой предлагается собственный вариант фрагментации океанских пространств ИТР, который позволит более полно анализировать поведение Индии в отношении субрегионов Индо-Пацифики.

Индийский взгляд на политическое мироустройство: от субимперии к системе кругов

К 1947 г., когда Индия обрела независимость, индийские политические круги уже имели сложившееся представление о месте Индии в мировом порядке. Оно было частично сформировано под влиянием внешнеполитической традиции Британского Раджа, частично возникло как вызов этой традиции. В соответствии с представлениями, господствовавшими во внешнеполитических кругах Британской Индии, ей отводилось центральное место в регионе Индийского океана, включавшем в себя Восточную Африку, Ближний Восток, Южную, Центральную и Юго-Восточную Азию. Индия мыслилась как центр неформальной субимперии; предполагалось, что, хотя ее интересы являются подчиненными по отношению к интересам империи, интересы политий, входящих в состав неформальной субимперии, должны быть в свою очередь подчинены интересам Индии. Формированию такого представления способствовало как географическое положение Индии и ее очевидное экономическое доминирование в регионе, так и специфическое место, занимаемое Индией в самой имперской конструкции (императорский титул британские монархи принимали по праву владения Индией) и в мировом сообществе (Индия, не будучи независимым государством или доминионом, являлась при этом страной-осно-

вателем и членом Лиги Наций, а затем ООН). Это представление британских правителей Индии вполне соответствовало идеям индийских интеллектуалов, мечтавших о том, чтобы их страна, освободившись от иноземного владычества, в будущем заняла достойное место в мировом сообществе; при этом в их кругах вызревала идея о создании панasiatского порядка, костяком которого должны стать Китай и Индия, причем подразумевалось, что последняя будет играть ведущую роль.

После того как Индия стала независимой, эта концепция трансформировалась в идею индийско-китайского партнерства, которое Джавахарлал Неру в свое время представлял в форме «Восточной федерации» [Усов 2003, с. 56], группы стран, не желающих примыкать ни к одной из сторон в холодной войне. После того как противоречия между Индией и Китаем привели к разрыву этого партнерства и пограничной войне 1962 г., Индия продолжила курс на формирование Движения неприсоединения. В рамках этого курса Нью-Дели стремился к укреплению отношений с арабскими и африканскими странами; при этом правительство Джавахарлала Неру действовало в субимперской парадигме и реализовало индийский вариант «доктрины Монро», аннексируя и присоединяя независимые княжества и иностранные колонии и владения на территории Индостана. Эти два направления, выросшие из продолжения и отрицания субимперского опыта – стремление играть ведущую роль в Движении неприсоединения, выступая в качестве морального лидера, и в то же время обеспечить силой свои непосредственные интересы на Индостане и прилегающих к нему территориях, – доминировали в индийской политике на всем протяжении холодной войны. Двойственность внешнеполитического курса Индии

была очевидна сторонним наблюдателям, и наилучшим образом отношение к ней зарубежных стран выразил Дж. Ф. Кеннеди, заявивший во время встречи с индийским послом Б.К. Неру после аннексии Гоа: «Вы потратили последние 15 лет, читая нам мораль, и наконец вы сделали шаг вперед и поступили так, как должна поступать всякая нормальная страна, так, как вы должны были поступить еще 15 лет назад. Люди повторяют известную поговорку про священника, которого застали выходящим из борделя, и аплодируют вам, и я, господин посол, аплодирую вам тоже» [Ких 1993, р. 198].

В 1991 г. после распада Советского Союза и окончания холодной войны возникли предпосылки для переосмысления Индией своего места в мире. Индийское руководство провозгласило политику Look East, ища сближения со странами Юго-Восточной Азии. Постепенно, с ростом экономической мощи Индии и ее претензий на роль одного из центров многополярного мира, возникла потребность в формулировании нового внешнеполитического видения, которое могло бы подкрепить эти претензии. Это видение предложил в начале 2000-х гг. индийский политолог С. Раджа Мохан. Он взял за основу привычное для индийцев представление о мире как о сложной структуре, которую можно изобразить в виде мандалы – геометрического символа, ключевым элементом которого являются концентрические окружности. В центре находится сама Индия; ее окружают три круга. В пределах ближнего – т. н. зоне непосредственного соседства – находятся государства Южной Азии; в пределах второй, в зоне расширенного соседства, – страны Юго-Восточной Азии, Восточной Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии. Наконец, третий круг включает в себя весь остальной мир [Mohan 2006].

Страны ближнего круга имеют важное значение для безопасности Индии, и в случае необходимости Индия применяет там силу; в странах второго круга она предпочитает действовать преимущественно экономическими методами, используя «мягкую силу». Наконец, в третьем круге Индия позиционирует себя как великая держава – миролюбивая и отстаивающая приоритет международного права и моральные принципы.

Эта концепция, как следует из выступлений индийских официальных лиц, достаточно точно описывает сложившийся у индийского руководства взгляд на мир. Так, в 2006 г. глава МИД Пранаб Мукерджи в одном из выступлений упомянул об «индийской парадигме безопасности: расширении концентрических кругов взаимодействия от центра наружу»², а в другом объяснил, что «регион расширенного соседства Индии» включает «Западную Азию, Центральную Азию, Юго-Восточную Азию и регион Индийского океана»³. Годом позже эту формулировку повторил секретарь МИД Индии Шившанкар Менон⁴. В тех же понятиях определяет индийскую внешнюю политику бывший секретарь МИД Шьям Саран [Saran 2017, pp. 16–22]. Устойчивость этой парадигмы объясняется ее соответствием взглядам индийских политиков, напрямую вытекающим из традиционных индийских представлений об устройстве мира; в то же время эти представления затрудняют для ин-

дийского руководства концептуализацию в рамках данной модели морских пространств, которым в традиционной индийской космологии уделяется сравнительно мало внимания.

Проблема океана

Границы этой системы кругов начинают буквально размываться при попытке включить в ее состав океан, где отсутствуют население и границы в классическом понимании и где нельзя по собственному желанию расширить пределы притязаний на акваторию и обеспечить над ней эффективный контроль. Представления индийских элит об Индии как естественном лидере региона наталкиваются на невозможность подкрепить эти претензии силой и на необходимость договариваться с независимыми странами, контролирующими «точки входа» в Индийский океан. Возникающий дискомфорт усиливается из-за присутствия в регионе сил иностранных держав, обеспечивающих экспорт нефти из стран Персидского залива и функционирование морских путей через Суэцкий канал и Малаккский пролив.

Если индийская политика в отношении близлежащих Шри-Ланки и Мальдив еще подчиняется общим правилам, сформулированным С. Раджой Моханом для стран зоны непосредственного соседства, то попытки Индии создать военно-морские базы на Маврикии и

2 Address by Mr. Pranab Mukherjee, Hon'ble Minister for External Affairs at National Defence College, New Delhi, 3rd November, 2008 India's Security Challenges and Foreign Policy Imperatives (2008) // Ministry of External Affairs. Government of India, November 3, 2008 // <https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/1767/Address+by+Mr+Pranab+Muk>, дата обращения 22.06.2020.

3 "Indian Foreign Policy: A Road Map for the Decade Ahead" – Speech by External Affairs Minister Shri Pranab Mukherjee at the 46th National Defence College Course (2006) // Ministry of External Affairs. Government of India, November 15, 2006 // <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/2395/>, дата обращения 22.06.2020.

4 Speech by Foreign Secretary Shri Shivshankar Menon on "India and International Security" at the International Institute of Strategic Studies (2007) // Ministry of External Affairs. Government of India, May 3, 2007 // <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/1863/Speech+by+Foreign+Secretary+Shri+Shivshankar+Menon+on+India+and+International+Security+at+the+International+Institute+of+Strategic+Studies>, дата обращения 22.06.2020.

Сейшелах одновременно с явным нежеланием играть активную роль в Ираке и Йемене (при том что все эти государства формально входят в зону расширенного соседства) демонстрируют, что привычная внешнеполитическая схема в океанских просторах не работает.

Серьезную проблему для концептуализации индийского внешнеполитического видения создают попытки Нью-Дели добавить в число приоритетных геополитических конструктов ИТР. Первые представления о системном единстве Индийского и западной части Тихого океанов сформировались в индийском политическом дискурсе еще в эпоху холодной войны: К.М. Паниккар, Б. Сен Гупта и ряд других индийских историков в своих работах указывали, что в доевропейскую эпоху в этом регионе существовало единое культурное и торговое пространство [Pant 2019, p. 95]. Эту идею творчески развил в 2007 г. Гурприт Кхурана, не позаботившийся, однако, о том, чтобы вписать ее в набирающую популярность концентрическую схему [Khurana 2007].

Дополнительные проблемы вносит неопределенность границ ИТР в представлении индийского экспертного и политического сообщества. К примеру, генерал-лейтенант П.К. Сингх определяет ИТР как «комбинацию Азиатско-тихоокеанского региона (АТР) и региона Индийского океана (РИО), связанных загруженными проливами – Малаккским, Зондским и Ломбоком» [Rajesh, Sharma 2017, p. 1]; Руп Нараян Дас указывает, что «индийская политика Look East в сопряжении с инициативой «Безопасность и рост для всех в регионе» (Security and Growth for All in the Region, SAGAR), объявленной Моди, точно объясняет подход Индии к широкому пониманию ИТР, и не будет преувеличением сказать, что в стратегическом конструкте Индо-Пацифики

стержнем является Вьетнам» [Debroy, Ganguly, Desai 2019, pp. 507–508]. При этом в индийском дискурсе идея Индо-Пацифики не вытеснила конкурирующие концепции: в итоге можно констатировать наличие в индийском политическом дискурсе трех трудносочетаемых конструктов: «широкого ИТР» от африканских до американских берегов, исторически и культурно обусловленного «Большого Индийского океана», включающего западную часть Тихого океана, и собственно региона Индийского океана, концепция которого сформировалась в последней трети XIX в. на основе зоны влияния Индии как субимперии. Хотя индийские авторы указывают, что эти концепции не являются взаимоисключающими [Kumar 2017, p. 110], трудно понять, как РИО, в котором Индия претендует на доминирование, соотносится с «широкой Индо-Пацификой», главной чертой которой является инклюзивность, и как в оба этих концепта можно вписать «Большой Индийский океан». Все три понятия индийские политики и эксперты, как видно из приведенных выше примеров, часто употребляют в качестве синонимов.

Ответы на вызов: анализ трансокеанского пространства и «морская мандала»

Подходы, которые индийские эксперты используют, пытаются решить эту проблему, можно разделить на два типа.

В рамках первого подразумевается, что проблемы как таковой не существует и что нет необходимости вписывать страны региона Индийского океана в схему концентрических кругов; их можно и нужно анализировать отдельно в рамках очерченных региональных границ без подведения под этот анализ философской базы. Именно этот под-

ход при анализе региона Индийского океана использовали индийские ученые в эпоху холодной войны, выделяя в нем четыре части: Южную Африку, Юго-Западную Азию, Индию и Пакистан, Юго-Восточную Азию и Австралию [Лебедева 1991, с. 20]. Это деление отражало тогдашние приоритеты индийского руководства, уделявшего повышенное внимание налаживанию отношений с арабскими и африканскими странами.

Среди современных исследователей, анализирующих пространство Индийского океана в русле этого подхода, можно назвать Абхишека Мишру. В своем докладе *India-Africa Maritime Cooperation: The case of Western Indian Ocean* [Mishra 2019] и в экспертном комментарии *Act East and Act West: Two different prisms for India's Indo-Pacific strategy* (совместно с Премешей Сахой) он рассматривает пространство Индо-Пацифики в рамках привычного спатального деления. Это позволило ему заметить очевидную разницу в подходе индийских политиков к западной и восточной части Индийского океана: «Индийские политические круги воспринимая регион Западного Индийского океана лишь в географическом смысле, не пытаясь сформулировать в его отношении стратегию или последовательное и убедительное видение или вписать его в Индо-Тихоокеанский конструкт» [Mishra, Saha 2020].

Принципиально иной подход представлен в работах Виджая Сахуджи, который пытается включить морские пространства в упомянутую систему концентрических кругов. С этой целью Сахуджа предложил концепцию «морской мандалы»: в ней Индия по-прежнему находится в центре, но большее внимание обращается на морские пространства. В этой концепции выделяются «ближайшая мандала» (*Immediate Mandala*), в которую входят соперничающие державы

(Пакистан и Китай), а также «промежуточная мандала» (*Intermediate Mandala*), состоящая из трех стратегических пространств: Персидского залива, откуда Индия получает нефть и где проживает крупная индийская диаспора, служащая источником поступления средств в экономику; прибрежных вод Восточной Африки, где Индия выполняет роль поставщика безопасности; Юго-Восточной Азии, с которой Индия поддерживает многовековые экономические, торговые и культурные связи. Наконец, «внешняя мандала» (*Outer Mandala*) включает дугу великих держав (Австралия, Япония, США), с которыми у Индии совпадают стратегические цели, а следовательно, с которыми возможно и нужно развивать сотрудничество в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (*Quad*). На основе этого подхода Сахуджа предлагает следующую концептуализацию морских пространств по зональному признаку: первая зона включает пространства Бенгальского залива, Аравийского моря, Персидского залива и Восточной Африки; вторая – Восточную Азию и Западный Тихий океан, в т. ч. Японию, Южную Корею, Тайвань, несколько стран АСЕАН, Австралию и Новую Зеландию; наконец, третья зона включает США и страны Океании [Sakhuja 2019].

Слабые места этой концепции очевидны: она в принципе не учитывает всей сложности отношений Индии со странами ближнего круга (в частности, принципиально разный подход Нью-Дели к отношениям с Пекином и Исламабадом) и не принимает во внимание интересы малых и средних стран, что в специфических условиях региона чревато серьезными проблемами. С другой стороны, эта концепция в целом соответствует индийскому традиционному представлению о мире и дает необходимую философскую базу для развития отношений со странами *Quad*.

Особый интерес представляют работы С. Раджи Мохана, одного из создателей концепции концентрических кругов. Суммируя его взгляды, изложенные в других работах и в статьях в индийской прессе, Н.Б. Лебедева отмечает, что определенные Раджой Моханом задачи индийских ВМС (охрана побережья, способность противостоять Пакистану, охрана потоков грузов из стран Залива, противодействие пиратам и, наконец, демонстрация силы в дальних морях) вполне ложатся в его концепцию [Лебедева 2018, с. 231–232]. Парадоксально, однако, что сам Раджа Мохан не использует образ «кругов», когда рассуждает об океанских пространствах; более того, он полностью меняет подход, переходя при описании ИТР от «кругов» к предложенному американскими исследователями «квадрату» и указывая, что Индо-Пацифика, связывая два океана, в то же время вынуждает Индию и Китай мыслить в категориях расширения геополитического влияния по «горизонтали» и «вертикали», наращивая влияние в странах Центральной и Юго-Восточной Азии [Mohan 2013, p. 215].

Таким образом, резюмируя, можно отметить, что если стандартно-географический подход оперирует в основном морскими пространствами, воспринимая их как основной объект анализа, то подход «концентрических кругов» пытается вписать эти пространства в традиционную космологическую схему, в результате чего возникает конфликт космологии и практической географии. На наш взгляд, оба подхода заслуживают тщательного изучения: но если анализ второго необходим для того, чтобы понять модель мышления части представителей индийских политических кругов, то первый более подходит для анализа причин, влияющих на индийские действия в регионе Индо-Пацифики, со стороны. Оба они, одна-

ко, страдают определенными недостатками и не описывают всей неоднозначности восприятия индийскими политиками субрегионов ИТР. Что хуже всего, они не учитывают разницы во взглядах между политическими элитами, охотно расширяющими границы ИТР до пределов т. н. Индосферы – зоны культурного влияния Индии, – и военными, для которых понятие ИТР аналогично региону Индийского океана.

Более того, все перечисленные выше подходы сформировались в первое десятилетие XXI в., когда экономика Индии переживала бурный рост и индийские политики считали делом ближайшего будущего превращение Индийского океана в зону безоговорочного доминирования Индии [Brewster 2014, pp. 35–37], планируя дальнейшее расширение влияния в западной части Тихого океана, а в перспективе – в Южной Атлантике и Океании. Экономический кризис 2008 г. вынудил индийских экспертов, политиков и военных уменьшить масштаб предполагаемой экспансии, а начавшееся в 2017 г. устойчивое снижение темпов роста индийской экономики окончательно поставило на ней крест. В ряде выступлений в 2020 г. начальник штаба обороны Индии генерал Бипин Рават объявил о готовящихся военных реформах, которые, в частности, подразумевают сокращение ассигнований на дорогостоящие флотские проекты. Речь идет о возможном отказе от планов постройки третьего авианосца для ВМС Индии, дальнейшем развитии флота с опорой на подводные лодки и отказе от планов расширения присутствия за границами Индийского океана. Пока неясно, как отразится это снижение расходов на индийской политике Act East, ориентированной на сотрудничество с государствами за пределами региона Индийского океана.

В этой связи представляется необходимым предложить альтернативное членение «расширенной Индо-Пацифики», которое по возможности учитывало бы все нюансы индийского отношения к ней.

Предлагаемое деление: восемь субрегионов

За основу этого членения взяты предложения профессора Калькутского университета К.Р. Сингха, высказанные еще до того, как концепция Индо-Пацифики завоевала популярность. Сингх предложил разделить регион Индийского океана на четыре зоны: Бенгальский залив и его естественные продолжения, такие как Андаманское море и Малаккский пролив; регион Центрального Индийского океана; Аравийское море и его естественные продолжения, такие как Персидский залив, Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море; регион Западного Индийского океана, включающий африканское побережье и малые островные республики [Singh 2008, p. 3]. Так как основные императивы Индии в Индийском океане с добавлением в конструкт Тихого океана не поменялись, имеет смысл взять это членение за основу и расширить его на Тихий океан. Кроме того, представляется разумным в связи с изменением военно-стратегической обстановки в регионе (милитаризация Андаманских островов, переговоры о строительстве индийских баз на южных островах, расширение сотрудничества Индии со странами Африки, кризис у берегов Сомали) несколько изменить границы предложенных Сингхом субрегионов.

Таким образом, можно разделить общий Индо-Тихоокеанский регион на следующие субрегионы:

Субрегион непосредственного соседства Индии, включающий прибрежные воды Индостана, Мальдивы, Шри-Ланку, Бангладеш и побережье Мьянмы до Андаманских островов. Вдоль большей части побережья этого субрегиона издавна осуществлялось каботажное плавание, которое не прекращалось даже в эпоху утраты интереса индийских государств к морской экспансии. С британских времен этот субрегион воспринимается как критически важный для безопасности Индии, поэтому на его условных границах Нью-Дели выстраивает кольцо безопасности из дружественных государств и военных баз и крайне болезненно относится к любым не согласованным с ним действиям внешних игроков в границах этого субрегиона (аренда китайцами ланкийского порта Хамбантота, развитие порта Читтагонг и т. п.). Исторически Индия демонстрировала заинтересованность в сохранении выгодного ей статус-кво в регионе и готовность предотвратить нежелательные изменения (ликвидация переворота на Мальдивах в 1988 г., вмешательство в гражданскую войну на Шри-Ланке). Ситуация для Индии осложняется тем, что эти страны преследуют собственные интересы, пытаясь балансировать между Индией, Китаем и Пакистаном [Menon, Paul 2017, pp. 15–18]. Индия пытается привязать к себе страны этого региона как при помощи вовлечения их в торговые блоки (СААРК и БИМСТЕК) [Devi 2007], так и при помощи налаживания военного сотрудничества и апелляции к общему наследию («в каждой стране Южной Азии есть кусок Индии») [Singh 2017, p. 78], причем культурно-исторические связи настолько сильны, что иногда вызывают отторжение [Suresh 2020, p. 47]. Пакистан, который также относится к этому субрегиону, выступает в роли постоянного раз-

дражителя, не представляющего экзистенциальной опасности, но требующего резервов для блокирования действий его флота.

Субрегион восточной части Индийского океана (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Сингапур). В концепции Сингха он является частью субрегиона *непосредственного соседства*; но имеет смысл выделить его в отдельный субрегион. В глазах индийских стратегов он является своего рода предпольем Индийского океана: Сингапур запирает Малаккский пролив, а владение островами Малайского барьера позволяет контролировать остальные проливы: Зондский, Ломбокский и Сумба. Исторически Индия поддерживает дружественные отношения со всеми странами субрегиона, кроме Индонезии, которая в свое время оспаривала претензии Индии на доминирование в регионе Индийского океана и поддерживала Пакистан. Тем не менее отношения в конце концов удалось нормализовать, и в нынешнем индийском видении ИТР Индонезия играет роль одного из ключевых союзников. Ведущую роль в этой нормализации сыграла политика Look East, в рамках которой Индия не только выстроила экономическую базу для сближения, но и апеллировала к общему историко-культурному прошлому обеих стран [Sridharan 1996, p. 24; Jaffrelot 2003] на основании того, что исторически весь субрегион Восточной части Индийского океана входит в состав Индосферы. Благодаря индийским мореплавателям-тамилам на островах Малайского архипелага распространились южноиндийская культура, индуизм и буддизм; в результате в субрегионе появились индуистские и буддистские талассократии, наиболее заметными из которых стали Шривиджая, империя Чола и Маджапахит [Rais 1986, pp. 16–17].

Субрегион западной части Тихого океана (Камбоджа, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Корея, Япония). Формально в индийской политике Look East и Act East не делается различий между странами ЮВА к востоку и западу от Малаккского пролива, однако между ними существует заметная разница как в сфере безопасности, так и в культурном плане. Хотя восточная часть ЮВА традиционно включается в Индосферу, поскольку благодаря тесным торговым связям там распространилась индуизм и буддизм хиньяны [Buzan, Little 2000, p. 224], культурное влияние Индии там выражено меньше; при этом индийские государства поддерживали торговые и политические связи со всеми странами субрегиона, включая Корею и Японию. В годы холодной войны отношения между Индией и некоторыми государствами субрегиона (например, Филиппины), ориентирующимися на США, заметно охладели [Sridharan 1996, pp. 28–29], но с начала 1990-х гг. вновь находятся на подъеме.

Ключевое различие этих двух субрегионов заключается в том, что Индия избегает проецировать силу к востоку от Малаккского пролива, не воспринимая субрегион западной части Тихого океана как сферу своих законных интересов. Показательным является отказ Индии втягиваться в территориальный спор в Южно-Китайском море вопреки желанию малых и средних стран субрегиона. В Нью-Дели не готовы дразнить Пекин ради усиления влияния в регионе, который исторически не воспринимается как «свой», несмотря на недовольство местных игроков пассивностью Индии [Brewster 2018, p. 179].

В глазах индийского руководства перечисленные выше три субрегиона представляют собой основную ось ИТР, причем ключевыми игроками являются сама Индия, Индонезия как страна,

контролирующая проливы, и Япония. При этом необходимо учитывать, что любые границы между этими субрегионами являются в значительной степени искусственными: Восточно-Индоеокеанский регион составляет в культурно-историческом плане единое целое с регионом непосредственного соседства, представляя собой «расширенный Бенгальский залив» [*Chaudhury, Basu, Bose* 2019, р. 13], а Западно-Тихоокеанский регион видится индийским стратегам логичным продолжением Восточно-Индоеокеанского, исторически и культурно составляющего с ним единое целое. Связность этого региона была очевидна и европейским путешественникам, которые на протяжении долгого времени рассматривали Малайский полуостров и соседние острова как культурное и географическое продолжение Индии, своего рода «Индийский архипелаг» и «Дальнюю Индию», и зачастую не отделяли от Азии даже острова Океании и Австралию [*Hopkins* 2002, pp. 129–130].

Тем не менее в настоящий момент индийским руководством **Австралия и Океания** рассматриваются как особый субрегион, исторически лежащий вне пределов индийского культурного и политического влияния. В XIX и начале XX в. более полутора миллионов индийцев, нанятых в рамках системы индентуры, были отправлены на работы и поселение в другие владения Британской империи. Быстрый рост диаспоры вкупе с начавшимся процессом федерализации, а позже дезинтеграции империи поставил вопрос о будущем индийского населения; не исключалось, что в случае получения независимости Индией и тихоокеанскими островами диаспора сохранит тесные политические связи с индийской метрополией [*Andrews* 1937, р. 91], что, в свою очередь, означало бы расширение индийской субимперии на Тихоокеанский регион.

Этого не произошло: после деколонизации начался отток индийцев из большинства бывших колоний на Тихом океане, за исключением Фиджи. В годы холодной войны и в 1990-х гг. Океания находилась вне сферы внимания Индии, этот субрегион был включен в число приоритетных в рамках программы Look East лишь в 2003 г. Это объясняется как экономическими, так и политическими и культурными причинами. В свою очередь, страны Океании в целом также не демонстрируют особого интереса к развитию сотрудничества с Индией, предпочитая в рамках азиатского направления своей внешней политики налаживать контакты с Северо-Восточной Азией; это приводит к сравнительно небольшой взаимной заинтересованности в развитии отношений в сфере торговли, инвестиций и безопасности [*Crocombe* 2007, р. 274]. Визит Нарендры Моди на Фиджи в 2015 г. породил надежды на то, что этот подход будет пересмотрен; этого, однако, так и не произошло [*Mohan* 2015, pp. 170–172].

Особняком стоит Австралия, которая представляет для Индии интерес как крупный игрок в южной части региона. Австралия, являясь участником Quad и одним из бенефициаров Индо-Пацифики, в представлении Нью-Дели имеет законные интересы в Океании и заинтересована в сотрудничестве с Индией в восточной части Индийского океана. Подходы к обеспечению безопасности в этой части региона у Индии и Австралии совпадают, но при этом Канберра воспринимается в Нью-Дели исключительно как субрегиональный партнер с собственными интересами, которые не всегда идентичны индийским [*Chowdhury Y., Chowdhury A.D.* 2016, pp. 153–154].

Северная, центральная и восточная части Тихого океана. Несмотря на то, что в эпоху унии Испанской и Португальской колониальных империй

Индия являлась частью единой торговой сети, через Филиппины поддерживая контакты с Америкой [Buschmann, Slack Jr., Tueller 2014, pp. 7–8], и на наличие индийской диаспоры в странах Южной и Северной Америки, это пространство фактически выпадает из фокуса внимания Нью-Дели, хотя формально и входит в состав «расширенного ИТР». Этому способствуют явное американское доминирование на севере и отсутствие значимых интересов на юге субрегиона. Показательными можно считать высказывания президента Рам Натха Ковинда во время визита в страны Южной Америки (Чили и Боливию), где основной акцент был сделан на расширение контактов Индии с Тихоокеанским альянсом. Такой формат взаимовыгодного экономического взаимодействия без обязательств представляется для Индии вполне комфортным.

В отдельный субрегион можно выделить **центр Индийского океана**, включающий Маврикий, Сейшелы, Коморы и островные территории Британии и Франции. Значимость этого региона с индийской точки зрения определяется прежде всего его стратегическим положением: военные базы на территории островных государств контролируют южный рубеж Индийского океана, а договориться с правительствами малых государств проще, чем с ЮАР, демонстрирующей амбиции регионального лидера. Эта задача облегчается наличием на островах индийской диаспоры; дополнительным стимулом служит активизация двусторонних связей малых островных государств с Китаем [Mohan 2015, pp. 168–170]. В рамках реализации этой же за-

дачи Индия наращивает взаимодействие с Британией и Францией, имеющими владения в субрегионе.

Восточноафриканский субрегион включает побережье Кении, Танзании, Мозамбика, ЮАР, Мадагаскара – т. е. африканских государств, обладающих сравнительно скромными ВМС и при этом заинтересованных в безопасности своих берегов и парировании нетрадиционных вызовов и угроз, таких как контрабанда наркотиков и оружия, торговля людьми, пиратство. Исторически часть государств этого субрегиона входила в зону интересов Британского Раджа; в них сложилась индийская диаспора, представители которой занимали в колониальном обществе сравнительно высокое положение, что вызывало отчуждение между ними и коренными африканцами и приводило к многочисленным эксцессам. Таким образом, нынешние индийско-африканские отношения строятся на достаточно неоднозначном историческом базисе; тем не менее обе стороны заинтересованы в сотрудничестве. Индия рассматривает Африку как потенциальную ресурсную базу; африканские страны видят в Индии источник технологий и инвестий и поставщика безопасности в прибрежных водах. Африка, тем не менее, фактически выпадает из Индо-Тихоокеанского дискурса⁵, оставаясь при этом в рамках дискурса региона Индийского океана.

Северо-запад Индийского океана, включая Персидский залив, – один из самых проблемных для Нью-Дели с культурно-исторической точки зрения субрегионов. Первые торговые контакты с этим субрегионом государства

5 Mohan C. Raja (2019) Delhi's Strategy for Indo-Pacific Needs to Recognise the Importance of the Continent // The Indian Express, July 2, 2019 // <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/re-imagining-india-and-africa-policy-narendra-modi-government-5809769/>, дата обращения 22.06.2020.

Индии установили еще в домусульманские времена; после мусульманского завоевания Северная Индия вошла в единую исламскую подсистему международных отношений, превратившись в один из ее центров, что резко негативно воспринималось в рамках индийского националистического дискурса. Индийские солдаты участвовали в Месопотамской кампании Первой мировой войны, а затем в подавлении Иракского восстания 1920 г., причем в обоих случаях были понесены тяжелые потери. Этот негативный опыт был частично преодолен в годы холодной войны, когда Индия сблизилась со светскими арабскими режимами. В целом Индия продолжает политику налаживания контактов со странами Залива, начатую еще до формирования концепта ИТР и получившую название Look West по аналогии с хорошо зарекомендовавшей себя стратегией Look East [Kemp 2010, pp. 23–63]; тем не менее индийская политика на западном направлении, по сути, осуществляется вне рамок общей стратегий в ИТР. Показательно, что во время визита премьер-министра Нарендры Моди в Саудовскую Аравию и ОАЭ тема Индо-Пацифики не поднималась вообще: субрегион почти полностью выпал из индо-тихоокеанского дискурса при том, что именно зависимость безопасности маршрута доставки углеводородов из Персидского залива в Северо-Восточную Азию легла в основу самой идеи Индо-Пацифики, сформулированной Гурпритом Кхураной. При этом нельзя сказать, что Индия проводит в этом субрегионе пассивную политику: индийские корабли участвовали в антипиратских операциях в районе Африканского Рога, руководство Индии расширяет контакты со странами Залива, рассматривая их как перспективных политических и экономических партнеров.

Выводы

Как представляется, предложенная схема деления Индо-Тихоокеанского региона не только облегчает рассмотрение индийской политики в каждом конкретном субрегионе, но и демонстрирует важность историко-культурного фактора, который зачастую игнорируется исследователями, обращающими основное внимание на вопросы экономики и безопасности (в качестве примера можно привести тезис С. Раджи Мохана о том, что акцент на налаживании отношений с ЮВА был вызван преимущественно отсутствием ресурсов, которые позволили бы Индии проводить активную политику сразу на нескольких направлениях) [Mohan 2013, p. 93]. Среди предложенных регионов явно выделяются те, которым в рамках формирования ИТР Индия уделяет особое внимание: это регионы непосредственного соседства, восточной части Индийского океана и западной части Тихого океана, в индийском восприятии составляющие особую историко-культурную область. Не случайно успехи «мягкой силы» Индии на этом направлении в последние годы отмечают даже самые жесткие критики Моди, такие как Бхарат Карнад, хотя и критикуют его за то, что культурная дипломатия не подкрепляется жесткой силой [Karnad 2018, pp. 107–108].

При этом не стоит недооценивать значимость экономического фактора и фактора безопасности: так, уже упомянутая историко-культурная область дробится на субрегионы именно исходя из различного подхода Индии к обеспечению безопасности в разных ее частях. Стоит, очевидно, говорить о взаимоподдерживающем и мультиплицирующем характере всех трех факторов: именно их сочетание превратило Юго-Восточную Азию в глазах индийских стратегов в «центр тяжести» Индо-Тихоокеанского региона, его ось. В резуль-

тате на ментальной карте индийских элит Индо-Пацифика, по сути, состоит из зоны непосредственного соседства, отчасти зоны центральной части Индийского океана и ЮВА; остальные субрегионы (Океания, большая часть Тихого океана, западная часть Индийского океана) не воспринимаются как принадлежащие к ИТР, хотя традиционно в него включаются, и отношения с ними не встраиваются в общую индо-тихоокеанскую стратегию Индии.

Осознание важности культурно-исторического фактора помогает понять и нежелание Индии участвовать в противостоянии с Китаем, куда ее пытаются втянуть США, и неготовность ее расширять свою сферу интересов на весь «широкий Индо-Тихоокеанский регион», и то, почему необязывающее взаимодействие в формате Quad, в котором ни США, ни Япония, ни Австралия не претендуют на контроль над критически важными для Индии регионами, представляется для Нью-Дели вполне комфортным. При этом индийская политика остается по сути двойственной, сочетающей субимперские представления о безопасности с попытками найти историческое обоснование для развития связей со странами за пределами бывшего субимперского ареала. В случае, если апелляция к историческому единству будет подкреплена реальными экономическими проектами, в реализации которых заинтересованы и Индия, и страны Юго-Восточной Азии, ИТР приобретет конкретное наполнение; в противном случае он так и останется культурно-историческим конструктом. Основная проблема заключается в том, что главной движущей силой экономического развития пространства «Большого Индийского океана» в прошлом был Китай, и жизнеспособность любого подобного формата в ЮВА без его участия представляется сомнительной.

В этой связи возникает вопрос: «Где же в этом делении место России?» В настоящий момент Москва демонстративно дистанцируется от любых обсуждений ИТР, полагая его антикитайским конструктом и в принципе отказываясь рассматривать его через призму историко-культурного и экономического факторов, имеющих для Индии важное значение. До тех пор, пока Россия не определит для себя сама свое место в Индо-Тихоокеанском регионе, для Индии она будет оставаться страной на отдаленной окраине ИТР, взаимодействие с которой может осуществляться на двусторонней основе, но не в рамках перспективного концепта. Если же Россия сформулирует и обнародует свою концепцию ИТР с учетом интересов Индии, это может принципиально изменить всю схему индо-тихоокеанского конструкта.

Список литературы

- Лебедева Н.Б. (1991) Международные отношения в зоне Индийского океана. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Лебедева Н.Б. (2018) Индийский океан: вызовы XXI века и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН.
- Рогожина Н.Г. (2019) Индо-Тихоокеанский проект и новые ориентиры сотрудничества АСЕАН-Индия // Запад-Восток-Россия 2018. Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН. С. 129–134 // https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2019/2019_05.pdf, дата обращения 22.06.2020.
- Усов В.А. (2003) Формирование общего индоокеанского пространства. М.: Институт Африки РАН.
- Andrews C.F. (1937) India and the Pacific, London: George Allen & Unwin.

Brewster D. (2014) *India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*, Abingdon: Routledge.

Brewster D. (ed.) (2018) *India & China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*, New Delhi: Oxford University Press.

Buschmann R.F., Slack Jr. E.R., Tueller J. (2014) *Navigating the Spanish Lake: The Pacific in the Iberian World, 1521–1898*, Honolulu: University of Hawai'i Press.

Buzan B., Little R. (2000) *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*, New York: Oxford University Press.

Chaudhury A.B.R., Basu P., Bose S. (2019) *Exploring India's Maritime Connectivity in the Extended Bay of Bengal*, New Delhi: ORF.

Chowdhury Y., Chowdhury A.D. (2016) *Modi and the World: The Ring View Inside Out*, New Delhi: Bloomsbury.

Crocombe R. (2007) *Asia in the Pacific Islands: Replacing the West*, Suva: IPS Publications, The University of the South Pacific.

Debroy B., Ganguly A., Desai K. (2019) *Making of New India: Transformation under Modi Government*, New Delhi: Wisdom Tree.

Devi T.N. (ed.) (2007) *India and Bay of Bengal Community: The BIMSTEC Experiment (Bangladesh-India-Myanmar-Sri Lanka-Thailand Economic Cooperation)*, New Delhi: Gyan Publishing House.

Doyle T., Rumley D. (2019) *The Rise & Return of the Indo-Pacific*, New York: Oxford University Press.

Hopkins A.G. (ed.) (2002) *Globalization in World History*, London: Pimlico.

Jaffrelot C. (2003) *India's Look East Policy: An Asianist Strategy in Perspective* // *India Review*, vol. 2, no 2, pp. 35–68. DOI: 10.1080/14736480412331307022

Johnston A.I. (1995) *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*, New Jersey: Princeton University Press.

Karnad B. (2018) *Staggering Forward: Narendra Modi and India's Global Ambition*, Gurgaon: Penguin.

Kemp G. (2010) *The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East*, Washington: Brookings Institution Press.

Khurana G.S. (2007) *Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation* // *Strategic Analysis*, vol. 31, no 1, pp. 139–153. DOI: 10.1080/09700160701355485

Kumar Y. (ed.) (2017) *Whither Indian Ocean Maritime Order? Contributions to a Seminar on Narendra Modi's Sagar Speech*, New Delhi: KW Publishers.

Kux D. (1993) *India and USA: Estranging Democracies, 1941–1991*, Washington: National Defense University Press.

Menon V.B., Paul J.M. (2017) *Sub-Regional Cooperation in South Asia: India, Sri Lanka and Maldives*, New Delhi: Vij Books India.

Mishra A. (2019) *India-Africa Maritime Cooperation: The Case of Western Indian Ocean* // *Observer Research Foundation. Occasional Paper No. 221*, November 2019 // <https://www.orfonline.org/research/india-africa-maritime-cooperation-the-case-of-western-indian-ocean-57250>, дата обращения 22.06.2020.

Mishra A., Saha P. (2020) *Act East and Act West: Two Different Prisms for India's Indo-Pacific Strategy* // *Observer Research Foundation*, January 4, 2020 // <https://www.orfonline.org/expert-speak/act-east-and-act-west-two-different-prisms-for-indias-indo-pacific-strategy-59850>, дата обращения 22.06.2020.

Mohan C. Raja (2006) *India and the Balance of Power* // *Foreign Affairs*, vol. 85, no 4, pp. 17–32. DOI: 10.2307/20032038

Mohan C. Raja (2013) *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*, New Delhi: Oxford University Press.

Mohan C. Raja (2015) *Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence*, Noida: HarperCollins India.

Pant H.V. (ed.) (2019) *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis*, Cambridge: Cambridge University Press.

Paranjpe S. (2013) *India's Strategic Culture: The Making of National Security Policy*, New Delhi: Routledge.

Rais R.B. (1986) *The Indian Ocean and the Superpowers*, London: Croom Helm.

Rajesh M.H., Sharma R.K. (2017) *Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects*, New Delhi: Vij Books India.

Sakhuja V. (2019) *Indic Statecraft and Indo-Pacific* // Vivekananda International Foundation, October 11, 2019 //

<https://www.vifindia.org/print/6754>, дата обращения 22.06.2020.

Saran S. (2017) *How India Sees the World: Kautilya to the 21st Century*, New Delhi: Juggernaut.

Singh K.R. (2008) *Maritime Security for India: New Challenges and Responses*, New Delhi: New Century Publications.

Singh N. (2017) *Security Policy of India: Modi Doctrine*, New Delhi, Pentagon Press.

Sridharan K. (1996) *The ASEAN Region in India's Foreign Policy*, Aldershot: Dartmouth Publishing Company.

Suresh R. (ed.) (2020) *India's National Security: A Maritime Security Perspective*, New Delhi: Vij Books.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3

The Concept of the Indo-Pacific Region in the Works of Indian Political Scientists

Alexey V. KUPRIYANOV

PhD in History, Senior Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-9041-6514

CITATION: Kupriyanov A.V. (2020) The Concept of the Indo-Pacific Region in the Works of Indian Political Scientists. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 47–65 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3

Received: 06.04.2020.

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of Indian approaches to maritime spaces and the evolution of perception of the regional space by the Indian expert and political community. The author points out sub-imperial stage, when India was seen as the dominant force in the region and the center of the sub-empire inside the British Empire; the period of the Cold War, when India focused on strengthening its position in the international arena by building ties with African and Middle Eastern countries, while paying attention to maintaining the status quo in South Asia; and the period after the end of the Cold War, when India rethought its strategic priorities and developed original approach to the division of the regional space. The author offers his own version of the division of the space of the Indo-Pacific region, based on the approach of the Indian scientist K.R. Singh, who proposed at one time the spatial division of the Indian Ocean region; this option allows to take into account the difference in the attitude of Indian political elites to various subregions

and highlight the reasons why this difference arose.

KEY WORDS: India, Indian Ocean, Pacific Ocean, IOR, Indo-Pacific, spatialization, maritime space, maritime domain

References

- Andrews C.F. (1937) *India and the Pacific*, London: George Allen & Unwin.
- Brewster D. (2014) *India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*, Abingdon: Routledge.
- Brewster D. (ed.) (2018) *India & China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*, New Delhi: Oxford University Press.
- Buschmann R.F., Slack Jr. E.R., Tueller J. (2014) *Navigating the Spanish Lake: The Pacific in the Iberian World, 1521–1898*, Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Buzan B., Little R. (2000) *International Systems in World History: Remaking the*

Study of International Relations, New York: Oxford University Press.

Chaudhury A.B.R., Basu P., Bose S. (2019) *Exploring India's Maritime Connectivity in the Extended Bay of Bengal*, New Delhi: ORF.

Chowdhury Y., Chowdhury A.D. (2016) *Modi and the World: The Ring View Inside Out*, New Delhi: Bloomsbury.

Crocombe R. (2007) *Asia in the Pacific Islands: Replacing the West*, Suva: IPS Publications, The University of the South Pacific.

Debroy B., Ganguly A., Desai K. (2019) *Making of New India: Transformation under Modi Government*, New Delhi: Wisdom Tree.

Devi T.N. (ed.) (2007) *India and Bay of Bengal Community: The BIMSTEC Experiment (Bangladesh-India-Myanmar-Sri Lanka-Thailand Economic Cooperation)*, New Delhi: Gyan Publishing House.

Doyle T., Rumley D. (2019) *The Rise & Return of the Indo-Pacific*, New York: Oxford University Press.

Hopkins A.G. (ed.) (2002) *Globalization in World History*, London: Pimlico.

Jaffrelot C. (2003) India's Look East Policy: An Asianist Strategy in Perspective. *India Review*, vol. 2, no 2, pp. 35–68. DOI: 10.1080/14736480412331307022

Johnston A.I. (1995) *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*, New Jersey: Princeton University Press.

Karnad B. (2018) *Staggering Forward: Narendra Modi and India's Global Ambition*, Gurgaon: Penguin.

Kemp G. (2010) *The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East*, Washington: Brookings Institution Press.

Khurana G.S. (2007) Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation. *Strategic Analysis*, vol. 31, no 1, pp. 139–153. DOI: 10.1080/09700160701355485

Kumar Y. (ed.) (2017) *Whither Indian Ocean Maritime Order? Contributions to a*

Seminar on Narendra Modi's Sagar Speech, New Delhi: KW Publishers.

Kux D. (1993) *India and USA: Estranging Democracies, 1941–1991*, Washington: National Defense University Press.

Lebedeva N.B. (1991) *International Relations in the Indian Ocean Region*, Moscow: Nauka (in Russian).

Lebedeva N.B. (2018) *The Indian Ocean: Challenges of XXI Century and India (Studies of the International Relations)*, Moscow: IOS RAS (in Russian).

Menon V.B., Paul J.M. (2017) *Sub-Regional Cooperation in South Asia: India, Sri Lanka and Maldives*, New Delhi: Vij Books India.

Mishra A. (2019) India-Africa Maritime Cooperation: The Case of Western Indian Ocean. *Observer Research Foundation*. Occasional Paper No. 221, November 2019. Available at: <https://www.orfonline.org/research/india-africa-maritime-cooperation-the-case-of-western-indian-ocean-57250>, accessed 22.06.2020.

Mishra A., Saha P. (2020) Act East and Act West: Two Different Prisms for India's Indo-Pacific Strategy. *Observer Research Foundation*, January 4, 2020. Available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/act-east-and-act-west-two-different-prisms-for-indias-indo-pacific-strategy-59850>, accessed 22.06.2020.

Mohan C. Raja (2006) India and the Balance of Power. *Foreign Affairs*, vol. 85, no 4, pp. 17–32. DOI: 10.2307/20032038

Mohan C. Raja (2013) *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*, New Delhi: Oxford University Press.

Mohan C. Raja (2015) *Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence*, Noida: HarperCollins India.

Pant H.V. (ed.) (2019) *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis*, Cambridge: Cambridge University Press.

Paranjpe S. (2013) *India's Strategic Culture: The Making of National Security Policy*, New Delhi: Routledge.

Rais R.B. (1986) *The Indian Ocean and the Superpowers*, London: Croom Helm.

Rajesh M.H., Sharma R.K. (2017) *Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects*, New Delhi: Vij Books India.

Rogozhina N.G. (2019) The Indo-Pacific Project and New Guidelines for ASEAN-India Cooperation. *West-East-Russia 2018. Yearbook*, Moscow: IMEMO, pp. 129–134. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2019/2019_05.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Sakhuja V. (2019) Indic Statecraft and Indo-Pacific. *Vivekananda International Foundation*, October 11, 2019. Available at: <https://www.vifindia.org/print/6754>, accessed 22.06.2020.

Saran S. (2017) *How India Sees the World: Kautilya to the 21st Century*, New Delhi: Juggernaut.

Singh K.R. (2008) *Maritime Security for India: New Challenges and Responses*, New Delhi: New Century Publications.

Singh N. (2017) *Security Policy of India: Modi Doctrine*, New Delhi: Pentagon Press.

Sridharan K. (1996) *The ASEAN Region in India's Foreign Policy*, Aldershot: Dartmouth Publishing Company.

Suresh R. (ed.) (2020) *India's National Security: A Maritime Security Perspective*, New Delhi: Vij Books.

Usov V.A. (2003) *The Development of the Indian Ocean Rim Commonality: from "Empire of Monsoons" to Geoeconomic Community*, Moscow: Institute for African Studies.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-4

Китай и его азиатские соседи: испытание кризисом

Александр Игоревич САЛИЦКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: sal.55@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6134-768X

ЦИТИРОВАНИЕ: Салицкий А.И. (2020) Китай и его азиатские соседи: испытание кризисом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 66–81. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-4

Статья поступила в редакцию 10.05.2020.

АННОТАЦИЯ. Начало нового десятилетия в 2020 г. вызвало череду драматичных событий по всему миру. В центре внимания статьи – Китай и его экономическая роль в Азии в новых реалиях торговой войны Трампа, вспышки коронавируса, а также деглобализации, которая началась после финансового кризиса 2008–2009 гг. Деглобализация понимается как постепенное уменьшение роли внешних факторов в экономическом развитии, которое наблюдалось на глобальном уровне и было особенно заметным в Китае в 2010–2019 гг.

Деглобализацию мы также видим как процесс регионализации, формирующий более тесные отношения сотрудничества между соседними государствами. Китайская инициатива «Пояс и путь» (ИПП) может рассматриваться как источник деглобализации, питающий консолидацию национальных государств в Азии – с целью подготовки более благоприятной почвы для строительства будущего этой части света. В этом смысле ИПП можно посчитать проектом, противостоящим либеральной глобализации, не давшей удовлет-

ворительных экономических и социальных результатов.

Нынешние кризисы – хорошее испытание для сотрудничества Китая с его соседями, а также воплощения идей коллективного самообеспечения, диалога «Юг – Юг», ведущей роли национальных государств в экономической модернизации, идей, которые были популярными до воцарения либеральной глобализации в 80–90-х гг. прошлого века. На глобальном уровне это могло бы подразумевать возвращение к документам ООН об экономических правах и обязанностях государств, кодексе поведения ТНК и т. п.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, деглобализация, кризисы, национальная консолидация, коллективное самообеспечение, экономическая модернизация, торговая война, ИПП

Примерно раз в десятилетие в мировом хозяйстве происходят спады. На рубеже второго и третьего десятилетий нынешнего века вновь наблюдается ухудшение экономической динамики

(в 2019 г. прирост мирового ВВП составил всего 2,3%), причем в начале 2020 г. оно быстро переросло в спад вследствие санитарных мер, принятых в ведущих странах мира из-за пандемии коронавируса, а также резких колебаний на фондовом рынке США и обвала цен на нефть. В работах и комментариях экономистов-международников все чаще встречается слово «кризис», некоторые из них полагают, что кризис будет не только циклическим, но и системным, т. е. затрагивающим основы миропорядка, сложившегося в ходе неолиберальной глобализации [Dodwell 2019; Zhu Andong 2020].

Отметим, что в странах и территориях Азии, раньше других попавших под пандемию, весной 2020 г. было гораздо меньше панических настроений, чем в западных государствах. Более того, несмотря на глубокий спад экономики Китая в первом квартале года, представляется, что именно эта страна способна в ближайшем будущем дать благоприятные импульсы хозяйству соседей, в т. ч. через обмен лучшими практиками, а также с использованием сложившихся механизмов регионального сотрудничества. Предпосылками для этого являются и уже имеющийся опыт преодоления кризисных ситуаций в регионе, и масштаб китайского хозяйства, и некоторые его свойства, на которых мы остановимся ниже.

Китай и деглобализация

Своеобразие нынешнего кризиса заключается, в частности, в том, что он происходит при нисходящем тренде в ходе глобализации, т. е. постепенном уменьшении соотношения между потоками товаров, услуг и прямых инвестиций между странами, с одной стороны, и их ВВП, с другой. Отсчет процесса можно вести с 2010 г., когда произошло

восстановление мировой экономики после спада 2009 г., который, впрочем, не затронул Китай и Индию. Тем не менее и в этих странах в 2010–2019 гг. имело место относительное снижение роли внешних факторов в экономическом развитии [Asia's Future 2019].

Эта тенденция получила теперь название «деглобализация». Само понятие впервые появилось в небольшой статье В. Белло в связи с обсуждением путей развития азиатских стран после кризиса 1997–1998 гг. [Bello 1999, p. 61]. В середине 2010-х гг. понятие стало периодически встречаться в научной литературе, что было вполне объяснимым, учитывая падение стоимостных объемов мировой торговли в 2015–2016 гг. Не изменил общей мировой картины и благоприятный для внешней торговли и иностранных инвестиций 2017 г. На рубеже десятилетий «деглобализация» стала относительно распространенным термином [Witt 2019, pp. 1053–1055].

Отметим еще некоторые факты, которые позволяют говорить о деглобализации в минувшем десятилетии, особенно если за точку отсчета брать 2007–2008 гг.

По данным The Economist, в 1989–2008 гг. доля промежуточных товаров в мировом импорте постоянно повышалась и достигла 19% ВВП. В 2009–2018 гг. она сократилась до 17%. В период деглобализации стагнировал на уровне 6–7% мирового ВВП экспорт услуг. Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) с 3,5% мирового ВВП в 2007 г. снизился до 1,3% в 2018 г. Впрочем, роль этого фактора не надо преувеличивать [Damgaard, Elkjaer, Johannesen 2019].

Международные банковские кредиты с 60% ВВП в 2006 г. «съежились» до 36% в 2018 г., а если исключить внутриевропейские кредиты, то показатель составил 17%.

На международные продажи тысячи хайтековских компаний США, включая Microsoft, Amazon, Facebook и Google, приходился в 2017 г. лишь 1% мирового экспорта, причем у популярного Facebook он был равен экспорту среднего по масштабам американского производителя печенья Mondelez [Globalisation 2019].

Очевидно, что деглобализация связана с глубинными сдвигами в международном разделении труда, отношениях между старыми центрами и периферией и в особенности процессом чрезмерной деиндустриализации в развитых странах, сузившей совокупный спрос. Реакция на этот губительный для экономического роста тренд в последние годы особенно ярко проявила себя в торговой войне Трампа против Китая.

Между тем вялая экономическая динамика в старых промышленных центрах не в последнюю очередь вызвана монополизацией их внутренних рынков [Terper, Hearn 2018; Philippon 2019]. Так, в США всего четыре авиаперевозчика, в Китае их четырнадцать, производителей смартфонов в КНР около десятка, а в США – один. Число автопроизводителей в КНР около двадцати, а в США – три.

Претензии к Китаю не вполне уместны, поскольку он тоже вольно и невольно оказывается участником деглобализации, хотя официально провозглашает курс на продолжение глобализации. Страна в последнее десятилетие активно переносит акцент в развитии на внутренний спрос – и в силу ограниченности внешних рынков, и в силу опережающего роста внутреннего потребления. В 2009–2019 гг. номинальный ВВП КНР вырос в 2,5 раза, в то время как экспорт увеличился в 1,6 раза. Втрое, до 1% ВВП, сократилась доля притока ПИИ.

Не исключено, что деглобализация в Азии вызвана структурными сдвига-

ми в экономике: *ростом доли сферы услуг*, в целом гораздо менее промышленности втянутой в мирохозяйственные связи и тем более цепочки добавления стоимости. Данный процесс наблюдался практически во всех азиатских странах в минувшем десятилетии, в КНР он к тому же сопровождался весьма значительным сокращением доли промышленности (таблица 1).

Значение деглобализации, впрочем, не следует преувеличивать, объявляя о кризисе или конце глобализации. Деглобализация имеет свои пределы и носит относительный характер. В частности, постепенно начинает выясняться исключительная сложность репатриации производственных блоков ТНК развитых стран на исторические родины, попыток рещоринга, инсорсинга и т. п. Более того, многие корпорации уже и производят, и продают свою продукцию за пределами отечества. Так, в 2016 г. японские исследователи обнаружили, что 58% продукции компаний страны вообще ее минуют [Newman 2020]. Тем временем Китай заботливо пестует собственные ТНК и умело приручает чужих транснационалов, которые, освоившись в Поднебесной, выступают в качестве ее явных и неявных лоббистов против протекционизма.

После входа мирового хозяйства в спад 2020 г. многие комментаторы стали усматривать в минувшем десятилетии аналогию с периодом 1930-х гг., когда международная торговля находилась в упадке, и с тревогой вспоминать, к чему привел этот упадок.

Не разделяя этих опасений, мы считаем деглобализацию закономерным процессом, который при определенных условиях и политике может улучшить социально-экономическую ситуацию в Евразии. Ведь синоним этого термина – рост самодостаточности, а она вряд ли способствует агрессии, войнам и риску.

Актуальность регионализации

Если у сверхкрупных и крупных стран есть теоретическая возможность маневрирования между глобализацией и деглобализацией, то для малых государств выбор не столь широк: многие из них просто в силу своего географического положения не могут эффективно выходить на отдаленные рынки сбыта. Рынки стран-соседей и предпочтения на них оказываются жизненно важными, возникает вопрос о региональной интеграции и ее политической цене. В Азии, заметим, многие страны, изведав горести колониальной эпохи, особенно трепетно относятся к своему суверени-

тету. Поэтому и интеграционные процессы здесь протекают не так, как в Европе, и оставляют национальным государствам решающую полноту власти, а двусторонним отношениям и историческим традициям – более важную роль.

Выдвижение Китая в полновесный центр силы с точки зрения технологической, финансовой и индустриальной мощи и ее разнообразия существенно расширяет поле для маневра деловых кругов соседних стран. Важнейший фактор регионализации – способность Китая и других азиатских лидеров снабжать своих соседей существенно более дешевыми средствами производства, чем те, что производят страны

Таблица 1. Структурные сдвиги в хозяйствах стран и территорий Азии в 2010–2018 гг. (%)

Table 1. Structural Changes in the Economies of Asian Countries and Territories in 2010–2018 (%)

Страны	Промышленность		Сфера услуг	
	2010	2018	2010	2018
КНР	47	41	44	52
Южная Корея	38	37	60	61
Тайбэй, Китай	34	35	65	63
Сингапур	28	27	72	73
Индонезия	44	41	42	46
Малайзия	41	39	49	54
Филиппины	33	31	55	60
Таиланд	37	32	52	60
Вьетнам	37	38	42	46
Мьянма	27	36	37	40
Лаос	30	36	40	47
Камбоджа	23	34	41	42
Индия	27	30	54	54
Пакистан	21	19	55	57
Бангладеш	26	30	56	56
Шри-Ланка	30	29	61	62
Казахстан	42	37	53	59
Узбекистан	26	32	41	36

Источник: [Key Indicators 2019].

Запада. К тому же, в отличие от старых промышленных центров, КНР демонстрирует устойчивые и высокие темпы роста, повышая привлекательность своего внутреннего рынка. Не будет преувеличением заметить, что каждая страна региона хотела бы иметь с Пекином особые отношения.

Пекин в свою очередь подчеркивает в своей политике особую важность отношений с соседями. Примечательно, что незадолго до вступления в ВТО в конце 2001 г. Пекин договорился со странами АСЕАН о создании зоны свободной торговли, которая поэтапно «входила в строй» в 2005–2010 гг. (в 2005 г. было принято соглашение о торговле товарами, в 2008 г. – соглашение о торговле услугами, в 2010 г. – соглашение об инвестициях).

Начало нынешнего экономического спада и пандемии, как уже отмечалось, в Азии встретили сравнительно спокойно. За последние два десятилетия здесь случалось немало природных, техногенных, финансовых и рукотворных бедствий, накоплен немалый опыт взаимной выручки в чрезвычайных обстоятельствах.

Напомним, что региональная кооперация (формат АСЕАН+3) также зародилась в трудное время – в конце 1997 г., когда в Азии бушевал финансовый кризис. В мае 2000 г. министры финансов АСЕАН+3 на встрече в городе Чианг Май (Таиланд) обнародовали план двусторонних своп-соглашений, ориентированных на валютную поддержку друг друга в случае повторения кризисов. К началу следующего кризиса страны группы заключили 16 двусторонних соглашений на общую сумму свыше 60 млрд долл.

От двусторонних соглашений страны Чиангмайской инициативы в 2010 г. перешли к многостороннему валютному пулу с общим фондом в 120 млрд долл., в 2012 г. эта сумма возросла до 240 млрд долл. Понятно, что зависи-

мость от сторонних кредиторов, включая МВФ, была серьезно ослаблена.

Пока остается в силе и договоренность о создании к концу 2020 г. Всестороннего регионального экономического партнерства (RCEP) в составе 15 стран: государств АСЕАН, Китая, Японии, Республики Корея, Австралии и Новой Зеландии. Поэтому не исключено, что правила в международной торговле теперь будут определять совместно – при важной роли Китая в этом процессе [Rowley 2020].

С февраля 2020 г. проводились регулярные консультации министров АСЕАН и Китая по вопросам защиты от эпидемии. 14 апреля состоялся видеосаммит лидеров формата АСЕАН+3, на котором Ли Кэцян сообщил о предложении Азиатского банка инфраструктурных инвестиций открыть специальный счет для борьбы с вирусом с начальным капиталом в 5 млрд долл. Китай также пообещал странам АСЕАН поставить 100 млн медицинских масок и 10 млн защитных костюмов – в качестве грантов и на коммерческой основе.

Интересно, что при наличии разного рода противоречий между странами Восточной Азии, противоречий нередко острых, в регионе сложился негласный договор – по возможности воздерживаться от нанесения друг другу экономического ущерба. Это правило стараются соблюдать все; например, ловля рыбы в чужих водах карается потоплением судов нарушителей, а в таком браконьерстве особенно активны вьетнамцы [Valencia 2020].

Именно по этой причине в азиатских СМИ практически не слышно голосов поддержки США в торговой войне против Китая. Между тем эта баталия, хотя и наносит немалый вред общей ситуации в мировой экономике, таит для соседей КНР некоторые возможности улучшить собственные экономические позиции. Похоже, что для обхо-

да трамповских тарифов малые и средние экспортные предприятия, как правило, частные, нередко с участием гонконгских предпринимателей, перебрасывают производственные мощности в соседние страны: во Вьетнам, на Филиппины, в Малайзию, Таиланд, Лаос, Бангладеш и т. д. О том, что это явление носит массовый характер, свидетельствуют данные о значительном увеличении, а затем снижении числа иностранных инвесторов в Китай в 2018–2019 гг. при сохранении стабильного роста притока капитала в целом (таблица 2). Дело в том, что в 2019 г. тарифная нагрузка на китайский экспорт в США стала уже чувствительной – в отличие от 2018 г., когда экспортный сектор с ней справлялся. Одним из результатов торговой войны с США можно посчитать увеличение торговли Китая с АСЕАН на 14% в 2019 г.¹

По этой причине не следует драматизировать наличие пассива в торговле с Китаем у стран ЮВА: растущая часть китайского экспорта в эти страны представляет собой материалы и компоненты для конечной сборки и реэкспорта на рынки старых индустриальных центров и в сам Китай. Кроме того, пассив в торговле с Китаем в ряде случаев перекрывается активом в торговле услугами, в частности, доходами от китайских туристов.

Замечены первые крупные инвестиции Китая в обрабатывающую промышленность Индии, где зреет понимание того, что программу «Сделать в Индии» без сотрудничества с Китаем не осуществить (в 2019 г. доля обрабатывающей промышленности в ВВП Индии составила 14% – ниже, чем в 2014 г.). Например, при сборке в Индии смартфонов 75% компонентов поступает из КНР и лишь 12% изготавливаются на месте. Важным совместным шагом в производственном сотрудничестве двух стран стала встреча лидеров обоих государств в октябре 2019 г. [Мао 2020].

Весьма вероятно, что Индия начнет пересматривать свое несколько скептическое отношение к китайской инициативе «Пояс и путь». Размышляя на эту тему, известный международник З. Сингх пишет о том, что ИПП не следует воспринимать лишь как строительство транспортных коридоров, которые якобы угрожают позициям Индии как региональной державы в Южной Азии. В действительности на второй встрече стран-участниц этого проекта в Пекине весной 2019 г. Китай подписал с Пакистаном, Шри-Ланкой, Мьянмой, Непалом и Бангладеш 13 двусторонних и 16 многосторонних соглашений, касающихся сотрудничества в области агропроизвод-

Таблица 2. Прирост внешней торговли и прямых иностранных инвестиций в КНР в 2016–2019 гг. (%)

Table 2. Growth of Foreign Trade and Foreign Direct Investment in China in 2016–2019 (%)

Показатель	2016	2017	2018	2019
Экспорт	–7,2	11,4	9,1	0,4
Импорт	–4,2	16,0	16,2	–2,8
ПИИ (объем притока)	4,1	7,9	3,0	5,8
ПИИ (число новых предприятий)	5,0	27,8	69,8	–32,5

Источник: данные ГСУ КНР

1 <http://www.stats.gov.cn/>

ства и развития села, возобновляемых источников энергии, «зеленого развития», борьбы со стихийными бедствиями, а также развития науки. Академия наук Китая ежегодно готовит для стран ИПП 5 тыс. специалистов в области науки и технологий и 200 кандидатов наук. Около 40 тыс. студентов из стран ИПП учатся в вузах Китая, на них приходится 2/3 всех стипендий иностранцам. В этих областях возможно сотрудничество обоих азиатских гигантов – на пользу всему проекту.

По мнению З. Сингха, конфликт Китая с США грозит затянуться надолго, так что ценность проекта для самого Китая возрастает, а выводимые из США китайские капиталы могут найти полезное применение в странах ИПП [Singh 2019]. В свою очередь китайские специалисты отмечают ведущую роль Индии в производстве эффективных лекарств с очень умеренными ценами, что представляет немалый интерес для стран континента [India's Vaccine 2020].

Распространено мнение, что ИПП – это инструмент Пекина для захвата рынков. Здесь важно сделать одно уточнение: китайское содействие в области создания инфраструктуры, включая энергетику, еще и развивает рынки, а также закладывает базу для ускорения индустриализации азиатских соседей, для многих из которых это насущная необходимость (как и некоторая деглобализация). Кроме того, китайские банки предоставляют кредиты на очень продолжительные сроки и под сравнительно низкий процент. Таких ресурсов на международных финансовых рынках практически нет. К недостаткам ИПП часто относят преимущественно сырьевой характер экспорта стран, вовлеченных в инициативу (особенно это касается среднеазиатских соседей Китая), а также рост их задолженно-

сти перед Поднебесной. Так, только долги Экспортно-импортному банку Китая в 2016 г. составили 38% внешней задолженности Киргизии и 58% – Таджикистана [Laruelle 2018]. В то же время этот факт указывает на незаменимость Китая в качестве кредитора сравнительно слабых участников инициативы. К тому же в связи с эпидемией коронавируса Пекин предоставил ряду стран инициативы «Пояс и путь» отсрочки в погашении долгов [Pitlo III 2020].

Заметим, что ИПП – это потоки в обе стороны (а также связи стран-участниц между собой, минуя Китай). Так, в 2019 г. прямые инвестиции из стран «Пояса и пути» в китайскую экономику выросли на 36% и составили 8,4 млрд долл. Многие зарубежные инвесторы руководствуются теперь принципом «Делать в Китае для Китая». Китайские же прямые вложения в страны «Пояса и пути» (15 млрд долл.) сократились на 4% (при этом произошло отрадное для принимающих стран увеличение доли обрабатывающей промышленности), зато на 10% – до 98 млрд долл. – вырос объем завершенных Китаем подрядных работ. Китайский экспорт в страны ИПП вырос на 7,5%, увеличившись до 736 млрд долл., импорт вырос на 3% – до 580 млрд долл.²

Несмотря на непростую обстановку внутри страны, Китай продолжил «шелковое наступление» в 2020 г. За первые четыре месяца, по данным Министерства коммерции, прямые инвестиции Китая в нефинансовые отрасли стран «Пояса и пути» составили более 5,2 млрд долл., что на 13,4% больше аналогичного периода прошлого года.

Все более заметную роль в ИПП играют частные предприятия и отдельные провинции Китая. Так, в 2019 г. инвестиции хайнаньских предпринимате-

2 <http://www.stats.gov.cn/>

лей в страны «Пояса и пути» достигли почти 2,4 млрд долл., увеличившись в 69 раз по сравнению с предыдущим годом [China's Hainan 2020].

Среди многосторонних проектов в рамках ИПП – давняя идея строительства ГЭС в Киргизии и Таджикистане с последующей переброской электроэнергии в Синьцзян-Уйгурский автономный район, в Афганистан, Пакистан, а также Иран и Индию. В Казахстане рассчитывают на значительное увеличение экспорта зерна в Китай.

Растет железнодорожный транзит грузов из Китая в Западную Европу. Так, из Иу (городской округ Цзиньхуа) в провинции Чжэцзян в провинции Чжэцзян этим путем за первые четыре месяца 2020 г. было отправлено на 45% больше контейнеров, чем за соответствующий период 2019 г., хотя сам объем экспортных перевозок из этого пункта пока не столь уж и значителен (около 11 тыс. двадцатифутовых контейнеров). Всего же за январь–март 2020 г. железной дорогой в Европу и обратно в Китай было перевезено 174 тыс. контейнеров, что на 18% больше, чем в 2019 г.

Характерный индикатор роста экономической консолидации в Азии – география экспорта Гонконга (включая реэкспорт). В 2000 и 2018 гг. на Азию приходилось соответственно 54 и 76%, на США – 26 и 9%. Доля ЕС также сократилась [Key Indicators 2019, p. 150].

Как бороться с кризисом

Парадоксально, но экономическая и даже политическая консолидация в регионе происходит теперь и вследствие торговой войны Трампа против Китая – этот побочный эффект политики Ва-

шингтона был вполне ожидаем. Как и прежде, страны ЮВА в целом приветствуют подъем Китая и готовы содействовать примирению сторон: обострение конфликта сверхдержав для них в целом опасно и невыгодно, хотя маневры между ними могут быть и продуктивными в тактическом плане [Chang 2020].

Примечательно, что в кризисные периоды и раньше происходило относительноное уплотнение связей Китая со своими соседями из АСЕАН. Так, в 2009 г. при общем сокращении импорта КНР на 11,2% ввоз из стран «десятки» уменьшился лишь на 8,8%. Похожая ситуация сложилась тогда и с китайским экспортом: в целом он сократился на 16%, а в страны АСЕАН – на 7%. Торговля между Китаем и АСЕАН была меньше затронута деглобализацией: в 2009 г. экспорт КНР в страны Ассоциации составил 8,8%, импорт – 10,6%. В 2019 г. эти показатели увеличились соответственно до 14,4 и 13,6%³.

Картина внешней торговли Китая в первом квартале 2020 г. напоминает о предыдущем кризисе с важным отличием: товарооборот с АСЕАН остался в положительной зоне и впервые в истории превзошел объем торговли с ЕС (таблица 3). Это, несомненно, способствовало смягчению кризисных воздействий на хозяйства обеих сторон. Добавило оптимизма и увеличение экспорта Китая в целом в апреле 2020 г. – на 3,5% в годовом измерении, при сохранении положительной динамики в торговле с АСЕАН, всего за четыре месяца вывоз КНР вырос на 3,9%, а ввоз – на 8%⁴.

Не будет преувеличением заметить, что ход восстановления режима роста в китайской экономике в 2020 г. после падения ВВП на 6,8% в первом квартале

3 <http://www.stats.gov.cn/>

4 <http://www.customs.gov.cn/>

окажет важное, если не решающее, воздействие на масштабы и глубину кризиса в мировой экономике – как прямо, так и косвенно. По этой причине местные и зарубежные аналитики внимательно следят за действиями китайских регуляторов, инвестиционным тонусом малого и среднего бизнеса, новыми проектами крупных корпораций, динамикой потребительского спроса и т. д.

Отметим, что уже осенью 2019 г. Народный банк Китая (НБК) начал стимулирование экономики – в связи с весьма заметным снижением экономической динамики: с 6,4% в первом квартале 2019 г. рост ВВП снизился до 6,2% во втором и 6,0% в третьем.

Последовательно, с небольшим шагом, снижались ставки по основным типам кредитов, а также понижалась нор-

Таблица 3. Торговля КНР с отдельными партнерами в январе–марте 2020 г.
Table 3. China's Trade with Individual Partners in January–March 2020

Страны	Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.	Экспорт, % к 2019 г.	Импорт, % к 2019 г.
Всего	478,2	465,0	–13,3	–2,9
ЕС (27)	70,5	55,2	–16,0	–7,0
– Германия	15,3	22,2	–20,1	–11,0
США	68,3	27,5	–25,2	–3,7
АСЕАН	77,5	64,9	0,4	8,4
– Вьетнам	21,2	15,5	5,9	30,8
– Малайзия	11,1	16,8	–1,9	10,5
– Таиланд	10,4	10,0	5,2	–3,8
– Сингапур	12,4	7,4	–0,5	–7,8
– Индонезия	9,1	8,6	–10,8	9,7
– Филиппины	8,3	4,0	–1,2	–8,3
Япония	29,6	37,3	–16,0	–4,7
Гонконг	50,1	1,5	–16,8	–31,8
Южная Корея	23,2	38,6	–11,3	–5,5
Тайбэй, Китай	12,4	38,8	2,3	1,9
Австралия	9,3	27,8	–15,2	0,6
Россия	9,2	16,2	–14,6	17,3
Индия	15,5	4,0	–9,9	–10,7
Великобритания	10,4	5,0	–26,5	–8,3
Канада	6,3	4,8	–25,9	–37,6
Латинская Америка	29,6	38,9	–8,2	–3,6
Африка	21,4	19,8	–10,5	–17,5

Источник: данные ГСУ КНР; <http://www.stats.gov.cn/>

ма резервирования для банков. В декабре 2019 г. Министерство финансов одобрило выпуск провинциями первой порции специальных облигаций для финансирования инфраструктуры общей стоимостью примерно 140 млрд долл., в 2020 г. их выпуск продолжится. В апреле сообщили о предварительном утверждении нового выпуска объемом 325 млрд долл. Руководство НБК при этом предостерегает от использования кредитов на «надувание» сектора недвижимости.

Обсуждается вопрос о снижении ставок налогов на тех, кто получает от 5 до 50 тыс. юаней в месяц (курс доллара равен примерно 7 юаням), и повышении ставок для миллионеров и миллиардеров.

Судя по принятым к маю 2020 г. мерам, в Пекине решили пока не прибегать к сверхкрупной закачке денег в экономику. Увеличены государственные расходы, в т. ч. адресная помощь наименее обеспеченным слоям населения, применяются льготные кредиты производителям медицинского оборудования, отсрочки по выплатам налогов, арендной платы, погашению долгов банкам и т. п. Продолжилась либерализация условий работы в Китае иностранного капитала, в т. ч. на финансовых рынках. В то же время от перехода к полной конвертируемости юаня по счетам движения капитала Китай пока воздержится.

В нынешней политике заметно важное отличие от преодоления грозившего экономике спада в 2008–2009 гг. за счет очень крупной кредитной накачки. Ее китайские экономисты впоследствии окрестили «орошением большой водой». Помимо позитива, накачка имела ряд долгосрочных негативных последствий в виде «пузырей» и «плохих долгов».

Стержнем преодоления спада в хозяйстве, как отмечалось в докладе

премьера страны Ли Кэцзяна на заседании правительства 12 марта, будут не темпы роста, а *решение проблемы занятости*, позднее ключевое значение этого параметра в экономической политике страны на ближайшую перспективу подтвердил и Си Цзиньпин. Наконец, в решениях сессии ВСНП в конце мая 2020 г. была принята программа поддержки малого предпринимательства и концентрации внимания на социальных последствиях «вирусного» спада.

Весной 2020 г. не ощущалось недостатка прогнозов развития мировой экономики на наступивший год. Их авторы сходились в том, что небольшой экономический рост в азиатских странах с формирующейся экономикой в целом сохранится – в отличие от неизбежной рецессии в старых промышленных центрах. Цифры для разных стран приводятся разные, но в целом они иллюстрируют очевидную истину: больше пострадают небольшие страны и территории, глубоко втянутые в мировую экономику и финансы, меньшим будет урон в крупных и/или относительно малоразвитых государствах, если их экономика не сильно зависит от иностранного туризма. Эти прогнозы подтверждаются и уже имеющимися данными по первому кварталу 2020 г.: глубже других «просела» экономика Сингапура (–2,2%) и Гонконга (–8,9%), лучше средних по АСЕАН показатели у Вьетнама (рост на 3,8%). Почти 3% составил прирост ВВП в Индонезии, 3,1% – в Индии, 2,7% – в Казахстане. На 1,5% вырос ВВП Тайваня. На 0,7% увеличился ВВП Малайзии. В Южной Корее ВВП сократился на 1,4%. В Японии произошел спад на 3,4% (в годовом исчислении) после уже имевшего место сокращения ВВП на 2,5% в четвертом квартале 2019 г.

Нам еще предстоит стать свидетелями стабилизации хозяйств Китая и стран-соседей в режиме роста. Но эта

пауза может быть заполнена подготовкой к предстоящему развитию инициативы «Пояса и пути» и сопряженных с ней планов. Некоторые бизнесмены еще до кризиса говорили о необходимости нового плана Маршалла, а не просто снижения процентной ставки [Brown 2019]. Ведущую роль государственных банков в финансировании такого рода масштабных проектов, а также «зеленого развития» подчеркивают эксперты ЮНКТАД, разочарованные неолиберальными подходами к экономическому развитию и практикой частных и ряда международных кредитных организаций [Trade and Development Report 2019].

Важной составной частью кризисов психологи справедливо считают тревожно-депрессивное мироощущение. Когда какое-то негативное явление скоропалительно возводится в ранг глобальной катастрофы, люди теряются, становятся слишком зависимыми от внешних факторов, даже от совершенных пустяков. В этом смысле деглобализация как рост самодостаточности, в т. ч. на уровне массового сознания, – лучшая вакцина от пессимизма и уныния.

Пессимизм может иметь и более глубокие экономические корни. В первом десятилетии века стран с формирующимися рынками, сокращавших разрыв с лидерами по душевому доходу (по ППС), было существенно больше: в 2008 г. их насчитывалось 88%. Тогда, впрочем, им помог рост цен на сырье и топливо. Однако после следующих десяти лет, в 2018 г., таковых осталось только 50% [Globalisation 2019].

Дело, по-видимому, не только в глобализации: диалектический подход Китая к открытию экономики страны нам это явно демонстрирует. Ставя активную внешнеэкономическую политику на службу росту производительных сил внутри страны, сочетая экс-

пансию с традиционной опорой на собственные силы, Китай показывает умную силу и понятное устройство своей модели, в том числе и в первую очередь – своим соседям. Эта модель имеет несомненное международное значение, сколько бы ни подчеркивалась ее специфика. Пекину, кстати говоря, удалось так или иначе воплотить в практику документы ООН об экономических правах и обязанностях государств, кодексе поведения ТНК и ТНБ – т. е. все то, что исторически предшествовало воцарению либеральной глобализации. Уместно вспомнить об идеях коллективного самообеспечения и сотрудничестве «Юг – Юг», которые с участием современного Китая становятся близкой реальностью.

Автор известной монографии о международной торговле Д. Родрик [Rodrik 2017] точно охарактеризовал состояние мира в богатом событиями начале 2020 г.: многие страны планеты стали ярко выраженными, даже карикатурными, копиями самих себя. Больших перемен в мире, по его мнению, все же не произойдет, при этом продолжится медленное умирание неолиберализма. Что же касается торговых войн, то с ними нужно решительно кончать и признать императивом времени *принцип мирного экономического сосуществования* [Rodrik 2020].

Наблюдая же теперь за сколь стандартными, столь и хаотическими действиями стран Запада, невозможно избавиться от впечатления, что иллюзорными оказались расчеты на то, что, сбросив изготовление промышленной продукции в развивающиеся страны, Запад сможет сохранить контроль над мировой экономикой, оставив у себя сферу услуг, наукоемкие, финансовые и сбытовые функции. Постиндустриальное общество в итоге оказалось недостаточно конкурентоспособным, в т. ч. и потому, что страны Восточной Азии и

Индия куда быстрее ликвидировали отставание в современных услугах и технологиях, чем когда-то в промышленности. Китай же в минувшем десятилетии поставил жирный восклицательный знак в ликвидации этого отставания. Запад есть над чем подумать.

Было бы неплохо, чтобы в размышлениях о смещении оси мирового развития на Восток присутствовало понимание важности отработки более гармоничных отношений между национальными государствами и международным капиталом (в т. ч. китайским) – в русле положений ООН 1970-х гг. Деглобализация объективно способствует усилению позиций первых, что следует признать (и на Востоке, и на Западе) позитивной тенденцией после длительного периода господства транснационалов, не особенно склонных к решению базовых, прежде всего социальных, проблем развития.

Список литературы

- Asia's Future Is Now (2019) // McKinsey Global Institute, July 2019 // <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/Asia%20Pacific/Asias%20future%20is%20now/Asias-future-is-now-final.ashx>, дата обращения 22.06.2020.
- Bello W. (1999) The Answer: De-Globalize // *Far Eastern Economic Review*, April 29, 1999.
- Brown D. (2019) As Global Growth Slows, the World Needs a New Marshall Plan, not Lower Interest Rates // *South China Morning Post*, June 24, 2019 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3015762/global-growth-slows-world-needs-new-marshall-plan-not-lower>, дата обращения 22.06.2020.
- Chang P. (2020) How Southeast Asia's Chinese Diaspora Could Play a Leading Role in Defusing Sino-US Rivalry // *South China Morning Post*, April 3, 2020 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3077940/how-southeast-asias-chinese-diaspora-could-play-leading-role>, дата обращения 22.06.2020.
- China's Hainan Sees Surging Investments in B&R Countries in 2019 (2020) // *People's Daily*, March 31, 2020 // <http://en.people.cn/n3/2020/0331/c90000-9674632.html>, дата обращения 22.06.2020.
- Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. (2019) The Rise of Phantom Investments // *Finance & Development*, vol. 56, no 3, pp. 11–13 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2019/09/the-rise-of-phantom-FDI-in-tax-havens-damgaard.htm>, дата обращения 22.06.2020.
- Dodwell D. (2019) Capitalism Is in Crisis. It Cannot Be Business as Usual for Very Much Longer // *South China Morning Post*, September 23, 2019 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3029823/capitalism-crisis-it-cannot-be-business-usual-very-much-longer>, дата обращения 22.06.2020.
- Globalisation Has Faltered: It Is Now Being Reshaped (2019) // *The Economist*, January 24, 2019 // <https://www.economist.com/briefing/2019/01/24/globalisation-has-faltered>, дата обращения 22.06.2020.
- India's Vaccine Manufacturing Could Play Larger Role amid Global Cooperation (2020) // *Global Times*, April 29, 2020 // <https://www.globaltimes.cn/content/1187171.shtml>, дата обращения 22.06.2020.
- Key Indicators for Asia and the Pacific 2019 (2019) // Asian Development Bank // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/521981/ki2019.pdf>, дата обращения 22.06.2020.
- Laruelle M. (ed.) (2018) China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia, Washington, D.C.: the George Washington University, Central Asia Program // https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2018/01/OBOR_CAP_2018.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Mao Keji (2020) For India to Become the Next Manufacturing Powerhouse, It Must First Learn from China // South China Morning Post, March 26, 2020 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3076881/india-become-next-manufacturing-powerhouse-it-must-first-learn>, дата обращения 22.06.2020.

Newman N. (2020) Post-coronavirus, Expect Manufacturing to Make a Mass Exodus from China // South China Morning Post, May 4, 2020 // <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3082445/post-coronavirus-expect-manufacturing-make-mass-exodus-china>, дата обращения 22.06.2020.

Philippson T. (2019) The Great Reversal: How America Gave Up on Free Markets, Harvard University Press.

Pitlo III L.B. (2020) How the Coronavirus Pandemic Could Lead to a 'Less Chinese' Belt and Road Initiative // South China Morning Post, May 6, 2020 // <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3083008/how-coronavirus-pandemic-could-lead-less-chinese-belt-and-road>, дата обращения 22.06.2020.

Rodrik D. (2017) Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy, Princeton University Press.

Rodrik D. (2020) Why the Coronavirus Pandemic Is Unlikely to Change the World, for Better or Worse // South China Morning Post, April 8, 2020 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3078766/why-coronavirus-pandemic-unlikely-change-world-better-or-worse>, дата обращения 22.06.2020.

Rowley A. (2020) Why China – not the US – Remains Key to Asia's Trade and Economic Recovery after Covid-19 // South

China Morning Post, April 27, 2020 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3081509/why-china-not-us-remains-key-asias-trade-and-economic-recovery>, дата обращения 22.06.2020.

Singh Z. (2020) Rethinking India's Approach to China's Belt and Road Initiative // Economic & Political Weekly, vol. 54, no 26–27, June 29, 2019 // <https://www.epw.in/journal/2019/26-27/strategic-affairs/rethinking-indias-approach-chinas-belt-and-road.html>, дата обращения 22.06.2020.

Tepper J., Hearn D. (2018) The Myth of Capitalism. Monopolies and the Death of Competition, Wiley.

Trade and Development Report 2019: Financing a Global Green New Deal (2019) // UNCTAD // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2019_en.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Valencia M. (2020) Demonising China Does Nothing to Untangle the Contesting Claims on South China Sea's Fish-rich Waters // South China Morning Post, April 11, 2020 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3079330/demonising-china-does-nothing-untangle-contesting-claims-south>, дата обращения 22.06.2020.

Witt M. (2019) De-globalization: Theories, Predictions, and Implications for International Business Research // Journal of International Business Studies, vol. 50, no 7, pp. 1053–1077. DOI: 10.1057/s41267-019-00219-7

Zhu Andong (2020) Capitalist World Is Facing Systemic Crisis // Global Times, January 29, 2020 // <https://www.global-times.cn/content/1177928.shtml>, дата обращения 22.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-4

China and Asian Neighbors: A Crisis Test

Alexandr I. SALITSKII

DSc in Economics, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: sal.55@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6134-768X

CITATION: Salitskii A.I. (2020) China and Asian Neighbors: A Crisis Test. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 66–81 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-4

Received: 10.05.2020.

ABSTRACT. *The beginning of the new decade in 2020 has brought a combination of seemingly dramatic events across the world. We have focused on China and its economic role in Asia under new realities of trade war from Donald Trump, coronavirus outbreak and de-globalization, which started after global financial crisis (GFC) in 2008-09. De-globalization is understood as a steady decline of the role of exogenous factors in economic development, which has been observed globally and even more clearly in China in 2010-19.*

De-globalization is also understood as a process of regionalization forming more intensive and cooperative links with neighboring countries and territories. The China's Belt and Road Initiative (BRI) may be viewed as a de-globalization source providing self-consolidation of national states in Asia – to build a more friendly and productive environment for the future of the continent. In this sense BRI may be assessed as a project opposite to liberal globalization – poor in results both economic and social.

Thus, today's crises are a good test for China's cooperation with its neighbors, ideas of collective self-reliance, South-South consolidation and leading role of national states in economic modernization: ideas which were popular before arrival of liberal

globalization in the 1980-90's. Globally that may mean restoration of UN documents and projects on economic rights and duties of states, code of behavior for TNC etc.

KEY WORDS: *China, de-globalization, crises, national consolidation, collective self-reliance, economic modernization, trade war, BRI*

References

Asia's Future Is Now (2019). McKinsey Global Institute, July 2019. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/Asia%20Pacific/Asias%20future%20is%20now/Asias-future-is-now-final.ashx>, accessed 22.06.2020.

Bello W. (1999) The Answer: De-Globalize. *Far Eastern Economic Review*, April 29, 1999.

Brown D. (2019) As Global Growth Slows, the World Needs a New Marshall Plan, not Lower Interest Rates. *South China Morning Post*, June 24, 2019. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3015762/global-growth-slows-world-needs-new-marshall-plan-not-lower>, accessed 22.06.2020.

Chang P. (2020) How Southeast Asia's Chinese Diaspora Could Play a Leading Role in Defusing Sino-US Rivalry. *South China Morning Post*, April 3, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3077940/how-southeast-asias-chinese-diaspora-could-play-leading-role>, accessed 22.06.2020.

China's Hainan Sees Surging Investments in B&R Countries in 2019 (2020). *People's Daily*, March 31, 2020. Available at: <http://en.people.cn/n3/2020/0331/c900-00-9674632.html>, accessed 22.06.2020.

Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. (2019) The Rise of Phantom Investments. *Finance & Development*, vol. 56, no 3, pp. 11–13. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2019/09/the-rise-of-phantom-FDI-in-tax-havens-damgaard.htm>, accessed 22.06.2020.

Dodwell D. (2019) Capitalism Is in Crisis. It Cannot Be Business as Usual for Very Much Longer. *South China Morning Post*, September 23, 2019. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3029823/capitalism-crisis-it-cannot-be-business-usual-very-much-longer>, accessed 22.06.2020.

Globalisation Has Faltered: It Is Now Being Reshaped (2019). *The Economist*, January 24, 2019. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2019/01/24/globalisation-has-faltered>, accessed 22.06.2020.

India's Vaccine Manufacturing Could Play Larger Role amid Global Cooperation (2020). *Global Times*, April 29, 2020. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1187171.shtml>, accessed 22.06.2020.

Key Indicators for Asia and the Pacific 2019 (2019). *Asian Development Bank*. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/521981/ki2019.pdf>, accessed 22.06.2020.

Laruelle M. (ed.) (2018) *China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia*, Washington, D.C.: the George Washington University, Central Asia Program. Available at: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2018/01/OBOR_CAP_2018.pdf, accessed 22.06.2020.

org/wp-content/uploads/2018/01/OBOR_CAP_2018.pdf, accessed 22.06.2020.

Mao Keji (2020) For India to Become the Next Manufacturing Powerhouse, It Must First Learn from China. *South China Morning Post*, March 26, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3076881/india-become-next-manufacturing-powerhouse-it-must-first-learn>, accessed 22.06.2020.

Newman N. (2020) Post-coronavirus, Expect Manufacturing to Make a Mass Exodus from China. *South China Morning Post*, May 4, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3082445/post-coronavirus-expect-manufacturing-make-mass-exodus-china>, accessed 22.06.2020.

Philippon T. (2019) *The Great Reversal: How America Gave Up on Free Markets*, Harvard University Press.

Pitlo III L.B. (2020) How the Coronavirus Pandemic Could Lead to a 'Less Chinese' Belt and Road Initiative. *South China Morning Post*, May 6, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3083008/how-coronavirus-pandemic-could-lead-less-chinese-belt-and-road>, accessed 22.06.2020.

Rodrik D. (2017) *Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy*, Princeton University Press.

Rodrik D. (2020) Why the Coronavirus Pandemic Is Unlikely to Change the World, for Better or Worse. *South China Morning Post*, April 8, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3078766/why-coronavirus-pandemic-unlikely-change-world-better-or-worse>, accessed 22.06.2020.

Rowley A. (2020) Why China – not the US – Remains Key to Asia's Trade and Economic Recovery after Covid-19. *South China Morning Post*, April 27, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3081509/why-china-not-us-remains-key-asias-trade-and-economic-recovery>, accessed 22.06.2020.

Singh Z. (2020) Rethinking India's Approach to China's Belt and Road Initiative. *Economic & Political Weekly*, vol. 54, no 26–27, June 29, 2019. Available at: <https://www.epw.in/journal/2019/26-27/strategic-affairs/rethinking-indias-approach-chinas-belt-and-road.html>, accessed 22.06.2020.

Tepper J., Hearn D. (2018) *The Myth of Capitalism. Monopolies and the Death of Competition*, Wiley.

Trade and Development Report 2019: Financing a Global Green New Deal (2019). UNCTAD. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2019_en.pdf, accessed 22.06.2020.

Valencia M. (2020) Demonising China Does Nothing to Untangle the Contest-

ing Claims on South China Sea's Fish-rich Waters. *South China Morning Post*, April 11, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3079330/demonising-china-does-nothing-untangle-contesting-claims-south>, accessed 22.06.2020.

Witt M. (2019) De-globalization: Theories, Predictions, and Implications for International Business Research. *Journal of International Business Studies*, vol. 50, no 7, pp. 1053–1077. DOI: 10.1057/s41267-019-00219-7

Zhu Andong (2020) Capitalist World Is Facing Systemic Crisis. *Global Times*, January 29, 2020. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1177928.shtml>, accessed 22.06.2020.

From the Point of Economic

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-5

What Have We Learnt of Joint Ventures in the Internationalization Process of Chinese Multinationals (MNCs)? Evidence from Central Africa

Théophile DZAKA-KIKOUTA

Professor, PhD in Economics and HDR

Marien Ngouabi University of Brazzaville, P.O Box 69, Brazzaville, Republic of Congo;

Visiting Researcher

BETA, University of Strasbourg, 4 rue Blaise Pascal, CS 90032, F-67081 Strasbourg cedex, France

E-mail: t.dzaka@unistra.fr; tdzakakikouta@gmail.com

CITATION: Dzaka-Kikouta T. (2020) What Have We Learnt of Joint Ventures in the Internationalization Process of Chinese Multinationals (MNCs)? Evidence from Central Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 82–102. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-5

Received: 09.06.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: Author thanks Prof Jean-Pierre CABESTAN of Hong Kong Baptist University, and thanks two Prof anonymous Referees from this Review, for helpful comments on previous draft of this article. All remaining errors are the sole responsibility of the author.

ABSTRACT. *The purpose of this article is to analyze the specific role of joint ventures and other strategic alliances in Foreign Direct Investments (FDI) carried out by Chinese Multinationals Corporations in Central Africa. After exploring the extent to which the use of Sino-Western joint ventures has helped Chinese firms to improve their technical and managerial skills both in domestic and foreign markets, the focus shifts to Central African countries members of the Economic Community of Central African States (ECCAS). The result is that joint ventures have become a major vehicle for Chinese multinationals firms to channel FDI, thus supporting the hypothesis that in*

the region under study this strategy allows them to guarantee the supply of raw materials (oil and mining products: copper, cobalt, gold, diamond,...), as part of a “package deals” linking FDI, Chinese Aid and Trade, also known as “Angolan model”; to conquer foreign markets (for technology and manufactured goods “Made in China”) and; to a lesser extent, to acquire strategic assets (brands, technological innovation, managerial skills). The commitment of Chinese state-owned MNCs through the “package deals” appears to be the keystone of stability and sustainability of Chinese FDI in Central Africa and in the continent. In conclusion, the expectation is that the flow of Chinese FDI

to Central Africa, should contribute to the process of sustainable development in recipient countries, provided that adequate political and economic governance is guaranteed. A pre-requisite is to achieve institutional change, from a rent-seeking to a developmental behavior at the state level, the result being an enhanced capacity to promote engineering potential, through the strengthening of human capital, and to negotiate transfer of technology and know-how, with emerging countries partners, especially BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa).

KEY WORDS: FDI, Chinese multinationals, joint ventures, strategic alliances, “Angolan model”, “package deals”, technology acquisition, foreign markets, supplies of raw materials, Central Africa, ECCAS

Introduction

Since the mid-‘90s the flux of Foreign Direct Investment (FDI) within countries belonging to the so-called ‘global South’ has experienced higher rates of growth than North-South FDI, with MNCs playing a major role (UNCTAD/WIR 2013). According Andreff [Andreff 2016], in 2013, FDI from emerging countries represented more 10% of world total. In the case of Africa, the first source of South-South FDI derives from emerging Asian economies: China is the major investor, followed by India and OPEC countries situated in the Gulf. Chinese FDI in Africa has increased exponentially from USD 4940 million in 2005 to USD 45090 million in 2013 and China aims to reach USD 100 billion of investments in 2020 [FOCAC 2015; Abodohoui, Su, Da Silva 2018]. This tight linkage has continued to grow especially with oil and mineral exporting countries situated in Central Africa, in spite of the outburst of the financial crisis in 2008. As a result, the dynamics of Chinese FDI in Africa are fundamentally

based on the commitment of public MNCs seeking access to natural resources in exchange for infrastructure projects as part of a “package deals” linking FDI, Aid and trade, also known as “Angolan model” [Sanfilippo 2010; Landry 2018; Dzaka-Kikouta, Kern 2019]. Thus, the internationalization of Chinese MNCs reveals the crucial role played by joint ventures.

The aim of this article is to identify the specific role of joint-ventures in the framework of Chinese FDI towards Central African countries. The hypothesis is that Chinese MNCs finalize these agreements mainly with the purpose of guaranteeing raw materials’ procurement. Other reasons lie in the desire to enter foreign markets and, to a lesser extent, to acquire the know-how of Western and emerging countries’ companies installed in the region.

The paper is structured in three sections. The first one offers an overview on the various types of strategic alliances deployed by MNCs in their internationalization process. Following Dunning’s eclectic theory of FDI [Dunning 1993], the second part explores how the use of the joint-venture mechanism has allowed Chinese firms to ameliorate their technical and management skills, thus becoming competitive in both domestic and foreign markets. The analysis of how joint-ventures have increasingly become a key instrument to guarantee the conquest of foreign markets to Chinese MNCs, as well as the procurement of raw materials to the Popular Republic of China (PRC), is the main theme of the third section.

1. Features and Purpose of Joint-Ventures

In this study, inter-enterprise alliances are referred to as forms of partnership that consider separately the equity joint-venture and the cooperation agreement (or non-equity joint-venture). According

to Jolly [Jolly 2001, p. 36], a joint venture is a separate legal and organizational entity created by mutually independent firms, usually including from two to three partners and involving a transfer of their resources (e.g. human, technology, commercial, financial, etc.). The aim of the strategy is to mutually conduct a part of the process, such as R&D, procurement, etc.. By definition, parent firms are holders of a share of the capital according to their contributions, which is usually split in equal portion (except for the cases when the government of the host country requires a majority for the benefit of the local firm). They collectively control the joint venture, independently or not from their share, and they are remunerated for their total or partial contribution according to the profits of the entity. As a result, this term refers to joint subsidiaries, regrouping a small number of partners, and consortia, which include a wider group of enterprises.

On the contrary, in the case of inter-enterprise alliances founded on a contract, the collaboration agreement is the framework within which independent firms decide to engage part of their resources to perform a joint action: it may take the form of an agreement of joint procurement, distribution-commercialization, R&D, human resource exchange, mutual concession of technologic royalties, etc.. Thus, joint-ventures are considered the most advanced form of inter-enterprise partnerships, especially if considered from a developing country's point of view. As a matter of fact, the nature of joint-ventures is particularly adapt to promote technologic transfer, while partnerships based on contract agreements lead to weaker performances [Mowery, Oxley, Silverman 1996; Dzaka-Kikouta 1996; Hui-ping Li 2005; Zhao, Arvanitis 2008].

Generally speaking, joint-ventures allow to solve three major issues related to the development of receiving countries: a) as shareholders, foreign investors are fi-

nancially involved in the project in the long term, thus generating a more inclined attitude towards transfer of technology and know-how to local partners; b) local public/private partners have the possibility to maintain a stricter control on foreign investors; c) the receiving partner beneficiaries from a better exposure to global markets.

2. Trends and Drivers of Chinese Joint-Ventures

The following chapter focuses on how Chinese firms have successfully used Sino-Western joint-ventures agreements in order to gain access to Western MNCs' technologies and know-how, as well as to guarantee their presence in global markets.

According to Boucly et al. [Boucly, Brière, Gravereau 2007], the choice of the entry strategy in foreign markets by Chinese MNCs falls mainly on mergers and acquisitions (M&A), which have been used in 56% of the operations conducted against 44% recorded for greenfield investment in 2005. Despite the relatively low success rates, the use of this strategy is increasing and becoming more widely used in the internationalization process of Chinese MNCs. It is worthwhile to note that, building on their solid experience in the domestic market, Chinese MNCs have been able to establish hybrid operations, such as partnerships and strategic alliances, with remarkable pragmatism, thus reconciling their financial and technological resources with their strategic ambitions, while limiting their risk.

When considering FDI drivers, most of the studies refer to the four determinants identified by Dunning [Dunning 1993]: first, the search for natural resources (natural resource-seeking); second, the offensive or defensive research market (market-seeking); third, the search for strategic assets (strategic asset-seeking) to acquire technology, managerial capacities,

brands, distribution networks and other assets; fourth, the pursuit of efficiency (efficiency-seeking) to exploit economies of scale, or secure access to cheap inputs, especially labor. The World Investment Report (UNCTAD/WIR, 2006 and 2009, 2013) highlighted the top three drivers as the most important for emerging countries' FDI directed to developing countries, while the second and the third motives take the lead when emerging countries' FDI are headed to developed markets. Following a survey of 138 Chinese firms, Cui and Jiang [Cui, Jiang 2009] show that full control of foreign subsidiaries is preferred when the reason leading the internationalization process resides in the search of strategic assets and the domestic market is very competitive, while the joint-venture is chosen for a first relocation abroad or in presence of strong growth prospects in foreign markets. This trend seems to confirm the idea that the majority control of foreign subsidiaries by Chinese MNCs is in conflict with the current theory which recommends that companies should choose a minority stake in its foreign subsidiaries when there is a significant cultural gap, as suggested by Liu and Tian [Liu, Tian 2008].

The size of the firm also has an impact on the choice of the implantation strategy, with large groups often choosing full control of their foreign affiliates and smaller firms opting for joint-ventures in order to overcome cultural barriers and better manage institutional barriers in the host country. In addition, a survey of Chinese FDI in Britain indicates that another factor influencing the choice of the implantation strategy is the sector of FDI allocation [Liu, Tian 2008]. Indeed, while the subsidiaries with total control of the capital are observed in the banking and commercial sectors, minority shareholdings by Chinese firms are more common in other sectors and are mainly done in the form of joint-ventures and acquisitions.

2.1 CHINESE JOINT-VENTURES TO SECURE NATURAL RESOURCE ACCESS

In the mining sector, the Chinese government has implemented a policy in favor of Sino-Western joint ventures creation in the domestic market. Similarly, until the late 90's Chinese companies in the energy sector (CNPC/PetroChina, Sinopec, CNOOC, Sinochem, etc.) have favored partnerships with global majors in the exploitation of oil and gas fields in China, the aim being to improve their technical skills and management methods. Nonetheless, in 1999 a dynamic process of internationalization was initialized to secure national economy's supply of raw materials [Boucly, Brière, Gravereau 2007], with an increasing focus on low-income African countries, especially in the infrastructure sector [UNCTAD 2006]. As a result, a wave of acquisitions of oil and mining assets and the creation of joint-ventures and alliances in developing countries rich in natural resources, often in partnership with local public enterprises, has been registered since the 2000s. Following Dzaka-Kikouta [Dzaka-Kikouta 2008], this package deal can be summarised as "oil and mining contracts versus joint ventures and infrastructure". Indeed, as suggested by Pietrobelli et al. [Pietrobelli, Rabellotti, Sanfilippo 2010], the search for natural resources became the main driver of Chinese FDI since the country has committed to invest abroad. Following this pattern, Chinese MNCs have targeted countries in Africa and Latin America, richly endowed with natural resources, to satisfy the country's thirst for natural resources.

Essentially, Chinese FDI in Africa are carried out by public MNCs seeking untapped reserves of natural resources, often by linking those investments to aid programs and trade [Kaplinsky, Morris 2009], including in countries characterized by an unstable political environment (e. g. Sudan, DRC, Zimbabwe, Niger, Guinea

Conakry, etc.). In this regard, many authors [Pairault 2009] note that, when planning its FDI, China does not seem afraid of investing in troubled or risky regions. In some cases, the public-owned Chinese MNCs have had the privilege of accessing cheap capital in connection with long-term strategies, in contrast to their Western competitors that tend to consider the political instability in African countries as a constraint.

As Kolstad and Wiig [Kolstad, Wiig 2009] have shown in an econometric study that covered 142 receiving countries, Chinese FDI is directed towards countries combining large natural resource endowment with weak institutions, thus marking a deep difference between Chinese FDI flows and those from other regions. According to these authors, this discrepancy could be explained by the institutional context and the characteristics of Chinese economy, dominated by public MNCs. Indeed, these elements influence investment decisions and reflect not only the will of profit maximization, but also political objectives such as the promotion of domestic development, the guarantee of regime survival, and the growth of wealth or power status.

2.2. JOINT-VENTURES FOR FOREIGN MARKET PENETRATION

Market-seeking strategies guide FDI directed to both developed and developing countries. In the case of China, one of the main reasons is the strong competition faced by Chinese firms in the domestic market due to the massive entry of FDI, especially since the country's admission to the WTO in 2001 [Pietrobelli, Rabbellotti, Sanfilippo 2010]. Indeed, for several years China has been the largest FDI recipient country among the emerging economies, with 106 billion USD of inflows in 2010 [UNCTAD 2011]. In addition, the search for export markets is often in line with the strategy deployed by Chinese MNCs to take advantage of the preferential access awarded to some developing countries to enter developed countries' markets (e. g. invest in Turkey to enter the market for European Union, or invest in Africa to benefit from preferential agreements, such as AGOA and EPAs, especially for textiles and clothing). As noted by Brautigam [Brautigam 2009], another key driver of Chinese FDI is the attempt to valorise Chinese competitive technology, which has the potential to better respond to the needs of developing countries, espe-

BOX 1. SECURING RUSSIAN MARKET PENETRATION

Huawei established its presence on the Russian telecom market through the establishment of the joint-venture Beto-Huawei, with a stake of less than 50% awarded to its Russian partner Beto, a local supplier. The joint-venture was responsible for both the manufacturing and sale of telecom equipment. This agreement allowed Huawei to access the Russian market, a goal difficult to achieve without this partnership. According to Huawei leaders, Beto was favourable to this alliance on the ground that the Chinese firm is more open to technology transfers than the majority of industry leaders such as Alcatel, with which Beto had created an inconclusive alliance with regard to technology transfer in the past, before opting for Huawei. Similarly, Huawei was established in Thailand by forming a joint-venture with AIS, a local partner which previously sourced equipment from Huawei.

cially in terms of price. Finally, the use of joint-ventures is central in the process of “multinationalization”. In this sense, these agreements allow Chinese firms to access sales and distribution networks, to better understand buyers and customers’ trends in the target market, to benefit from local relationships and, in some cases, to take advantage of a brand’s appreciation on the market [Dussauge 2010], as shown by the experience of Huawei in Russia (see Box 1).

2.3. CHINESE JOINT-VENTURES TO SECURE STRATEGIC ASSETS

Regarding the third driver identified by Dunning, i. e. the search for strategic assets, Boucly et al. [Boucly, Brière, Gravereau 2007] note that, unlike multinational firms from developed countries, Chinese companies have no specific major assets (e. g. brands, patents, innovative production processes, etc.) that could give them a competitive advantage abroad. Therein lies the main difference between the internationalization of Chinese and Japanese firms in the ‘80s: while the latter had time to build specific assets (e. g. brands, the “Toyota way”, technological innovation,

dominant positions in the domestic market, etc.), Chinese firms have undergone the internationalization process at an earlier stage. As a result, intensive international M&A operated by Chinese firms particularly in OECD countries corroborate the importance of research of strategic assets, as demonstrated by the case of HUAWEI, HAIER, TCL and Lenovo.

According to Dussauge [Dussauge 2010] and Jolly [Jolly 2001] Chinese firms have made large use of joint-ventures in order to gain access to Western MNCs’ technology, benefiting from the support of national regulations. As a matter of fact, from the ‘80s to the beginning of the XXI century, Chinese regulation requested the creation of joint-ventures with local partners from foreign investors interested in carrying out activities in the country: by the end of 1996, there were 270,000 enterprises created through joint-ventures or whose capital was ‘made in China’. Nonetheless, Sino-Western joint-ventures have been considered an exception, given that in this case the decision to work in cooperation with a local partner was a pre-condition to carry out economic activities in the Chinese market.

BOX 2. TELECOM

A spectacular operation was the acquisition of a participation in Thomson’s television business in 2004 by TCL, one of the largest TV manufacturers in China and in the world. The outcome was the constitution of a joint venture called TTE (TCL-Thomson Electronics Corporation), of which 67% was owned by TCL and 33% by Thomson. The same year, TCL formed a joint venture with Alcatel (LAT, TCL & Alcatel Mobile Phones), with the Chinese firm holding 55% of the stake and Alcatel 45%. Alcatel sold all its assets in R&D and in the field of mobile phone production to the joint venture and granted the joint venture a license for worldwide use of the brand on its products.

Similarly, the firm Huawei, one of the two major Chinese equipment companies in the telecommunication sector together with ZTE (Zhongxing Telecom), has signed R&D agreements with worldwide leaders such as Motorola, Intel, IBM and Microsoft and has created two R&D laboratories held jointly with Texas Instruments and Infineon [Dussauge 2010].

This type of agreement has undoubtedly given Western firms the opportunity to benefit from the network of business relationships (*guanxi*¹) through its Chinese counterpart to gain a better understanding of the local economic environment and access to raw materials, labor and domestic markets. Similarly, the Chinese partner aims at capturing the industrial know-how and technologies and broader managerial skills of its ally, thus strengthening its own technical capabilities (see Boxes 2, 3, 4 and 5).

3. The Internationalization Process of Chinese Mncs in Central Africa: Towards a Leading Role of Joint-Ventures?

The internationalization of Chinese MNCs in ECCAS countries dates back to the mid-2000s. This process is marked by the systematic signature of joint-venture agreements by Chinese state-owned MNCs [Pairault 2014; Dzaka-Kikouta, Kern, Gonnella 2013; Dzaka-Kikouta, Kern 2019] with local partners in host countries, as part of

BOX 4. AERONAUTICS

In China, the partner of Airbus is a consortium between the China Aviation Industry Corporation (AVIC) and the Tianjin Free Trade Zone. In September 2008 Airbus inaugurated the first final assembly line (FAL) of Airbus China, the first outside Europe. The joint venture (of which Airbus holds 51%) produces A320 aircraft for the Chinese market in Tianjin. In exchange, Airbus won an order worth 10 billion euros for 150 A320 aircrafts and a letter of intent for 20 A350 aircrafts. The needs of China's medium-haul aircraft over 100 seats (Airbus A320 or Boeing 737) are estimated at about 3,000 aircraft in 20 years. AVIC employs over half a million people, including scientists, engineers, technicians, military staff detached in the civil sector. The risk of transfer of sensitive technology is considered non-existent, as the sections arrive fully equipped to be attached to each other. To make sure that the quality of aircrafts produced in China meets the requirements of Airbus, the final assembly line (FAL) in Tianjin is a true copy of the ultra-modern factory in Hamburg, Germany. In addition, Airbus had clearly the responsibility to ensure the rigorous training of 300 engineers and technicians at the Airbus Technology Center in China, in Hamburg or Toulouse for a period of one year to two years.

Knowledge transfer to Chinese experts is limited to the assembly of aircraft components, but the final assembly process provides indirect access to the know-how related to composite materials and innovative navigation systems. It uses highly sophisticated machine tools and advanced technology of laser welding. Nonetheless, past joint venture experiences suggest extreme caution on technology transfer, as the risk to see the provisions of the original agreements denatured during their application is high, especially due to the specificity of the aeronautics industry where technological boundaries between civil and military sectors are particularly permeable.

Sources: [Allaire, Harbulot 2008].

1 The concept of "Guanxi" describes the network of business relationships in place with influential people in the political, administrative and economic sectors.

a “package deals” linking FDI to development assistance. In this case, joint-venture are primarily intended to secure supplies of raw materials and, to a lesser extent, to conquer foreign markets and strategic assets in manufacturing and service sectors.

3.1. JOINT-VENTURES TO SECURE SUPPLIES OF OIL AND MINING PRODUCTS

According to several authors [*Schiere, Ndikumana, Walkenhorst* 2011; *Pairault* 2014], the main reason leading the internationalization process undergone by Chinese MNCs in Africa lies in the desire to guarantee natural resource supply. This trend could be clearly seen also in the ECCAS region, whose oil exporting countries are all included in the top 10 African oil suppliers to China.

In Africa, Chinese FDI in the extractive sector has become substantial since

the mid-2000s, with megaprojects currently estimated at several billion dollars, 20 billion of which for the central African block (ADB,). From these data it is clear that the sector is undergoing an incredible growth in terms of Chinese FDI, especially if compared to the period of 1979–2000 when total Chinese FDI was estimated at 188 million USD. In addition, as far as natural resources are concerned, Chinese FDI closely related to aid and often leads to an almost systematic formation of joint-ventures with local public firms through the “Angola model” [*Dzaka-Kikouta, Sumata* 2014], (see Box 6)².

Apart from Angola, since the mid-2000s the three main Chinese oil MNCs (CNPC, Sinopec, CNOOC) have invested in all oil-producing countries of Central Africa (Congo Brazzaville, Chad, Gabon, Equatorial Guinea, Cameroon) depending on their specialization³, through alian-

BOX 5. RAIL TRANSPORT

In 2005, Siemens won the tender launched by the Chinese Ministry of Railways with the industrial firm Tangshan, its partner. The contract included the construction of sixty high-speed trains for the first TGV line linking Beijing with Tianjin. The technology made available by the InterCityExpress-ICE consortium led by Siemens developed the latest Chinese model of the CRH (China Railway High-speed) series. Almost all trains were built in China by its partner Tangshan, but the real target of the German manufacturer was the monumental project of the Beijing-Shanghai line, a huge financial stake and a prestigious showcase: building a modern high-speed line (200 km/h) over a distance of 1,300 km to connect the political capital to the country’s economic and financial center with the world’s longest one piece line. An estimated investment of 22 billion euro. But when the project was officially launched by Chinese Prime Minister in late April 2008, Chinese authorities were considering to use a 100% Chinese technology.

2 As described by several authors [*Davies et al.* 2008; *Sanfilippo* 2010; *Dzaka-Kikouta* 2011], the “Angola mode” is a package deals implemented by China to optimize the management of country risk in Africa. It binds aid, trade and FDI made by the Chinese government MNCs in host countries endowed with oil and mineral resources. Money is not directly paid to the African government, as the Chinese government mandates a public construction firm - usually receiving financial support from China Export-Import Bank - to develop infrastructure projects with the approval of the beneficiary country. In return of the provision of these facilities, the African government awards Chinese MNCs the right to exploit natural resources through the acquisition of shares in a national public company in the form of joint-venture or production licenses.

3 CNPC (China National Petroleum Corporation) is specialized in onshore exploration and production, SINOPEC (China Petroleum & Chemical Corporation Limited) in refining and petrochemicals, CNOOC (China National Offshore Oil Corporation) in offshore exploration and production.

BOX 6. CHINESE JOINT-VENTURES IN ANGOLA

In Angola, currently the second largest oil exporter to China after Saudi Arabia, in 2006 Sinopec created a joint-venture with the public partner Sonangol: the result was the creation of Sonangol Sinopec International (SSI), with 45% of the shares awarded to the Angolan state company and the rest to the Chinese partner. The aim was to jointly exploit the investments in three offshore oil blocks (see table below) and build a second refinery in Lobito, Sonaref, worth 3.5 billion USD and a capacity of 240,000 barrels/day, through a similar agreement between Sonangol (70%) and Sinopec (30%). Negotiations on the refinery project were suspended in 2007. In exchange for these oil contracts, Angola has benefited from successive concessional loans, particularly from China Exim Bank, worth between 5.5 and 8 billion USD [ADB 2011], thus making China the first bilateral donor to the country in the infrastructure sector. Indeed, according to COMPLETE, Chinese firms have been awarded 70% of the construction contracts against 30% to local companies.

During the first licensing round launched by the Angolan government in 2005–2006 to diversify its partnerships in the oil sector, China made an offer on three large blocks, the vision being to implement a strategy of FDI based on mergers and acquisitions in the context of a production sharing agreement, a common form of alliance in the oil industry (see Table 1). With a total value of 2 billion USD, the Chinese offers were the highest ever submitted for an area of exploration [Alden 2011].

Table 1. Partnerships Sino-Angolan exploration and oil production in Angola.

Block	Chinese company	Year of acquisition	Participation Chinese (%)	Partner (%)
15 (06)	SSI (SonangolSinopec International)	2006	20	ENI Angola (35), Sonangol (15), Total (15), Falcon Oil (5), STATOIL (5), Petrobras (15)
17 (06)	SSI	2006	27,5	Total (30), Sonangol (30), Falcon Oil (5), ACR (5), Partex oil &gaz (2,5)
18 (06)	SSI	2006	40	Petrobras (30), Falconoil (5), Grupo Gema (5), Sonangol (20)
3/05 and 3/05A	CSIH (China Sonangol International Holding)	2005	25	Sonangol (25), Ajoco (20), ENIAngola (12), SOMOIL (10), NAFTGAS (4), INA-Naftaplin (4)
18	SSI	2004	50	BP (50) ⁴
32	Sinopec et CNOOC	2009	20	Total (30), Marathon oil ⁵ , Sonangol, ExxonMobil

Source: [AfDB 2011; Campos, Vines 2008; Shelly Zhao 2011].

In Angola, Chinese MNCs rely on this joint-venture to diversify FDI in other industries, as demonstrated by the example of the local diamond industry. In May 2011 the China International Fund invested 400 million USD through an IPO that allowed the acquisition of 18% of shares originally held by the Israeli partner Lev Leviev Daumonty Financing Company by forming a joint-venture with the state-owned enterprise Endiama (32.8%) to exploit the Catoca diamond mine. In operation since 1993, the mine ranks 4th worldwide in terms of COMPLETE and accounts for 70% of Angola's diamond production.

4 Sinopec acquired its first stake in an oil block in Angola in March 2004 for an amount of 2 billion USD, following the granting of a credit line by the China Exim Bank. This participation accounted for 50% of block 18 and was previously owned by Shell, while the remaining 50% was owned by BP.

5 In 2009, Sinopec and CNOOC bought Marathon Oil's participation in Block 32 for a total value of 1,3 billion USD.

BOX 7. CHAD

In June 2011 CNPC delivered turnkey its first refinery with a capacity of 20,000 barrels/day to the Chadian government. In the so-formed joint-venture (Société de Raffinage de N'Djaména, SRN), which has a lifespan of 99 years, CNPC has a majority stake of 60% against 40% for the Society of Petroleum of Chad (SHT). This agreement includes a knowledge transfer component to Chadians workers through the training of 50 engineers and technicians in China: in 2010 they attended a training in the field of management and operations in the refining industry in China, supplemented by an internship in Chad on security standards under the supervision of Chinese engineers.

BOX 8. DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO (DRC)

In DRC, the concessional loan agreement of 8.5 billion USD was concluded in April 2008, following the "Angolan model". To date, this contract appears the largest contract signed between China and an African state in terms of value, the reason certainly lying in the country's endowment of mineral resources (copper, cobalt, diamonds, gold, coltan, etc.). Following this agreement, a mining joint venture, called SICOMINES, was formed between the local public company Gecamines (32%) and a consortium of five Chinese MNCs (68%): China Railway Group Ltd., Sinohydro Corporation, China Railway Sino-Congo Mining Ltd., Sinohydro Harbour Co Ltd, and China Railway Resources Development Ltd. As reimbursement of the soft loan from China Exim Bank (repayment period: 30 years; interest rate: 0.25%), China was awarded a contract for mineral resource exploitation of 10,616,070 tons of copper, 626,619 tons of cobalt and other valuable minerals for a tonnage to be determined. Over 25 years, SICOMINES is expected to produce nearly 10 million tons of copper and 600,000 tons of cobalt for a value of 12 billion USD, thus repaying the initial 6 billion USD investment, which also includes the construction of rail (3 billion USD) and road (2 billion USD) networks, and other social projects, such as 2 universities, 32 hospitals, 5,000 social housing, for a value of 758 million USD. The completion of these projects has been reserved to Chinese construction MNCs which are expected to outsource from 10 to 12% of the work to domestic companies. In 2009, at the request of the IMF, the agreement was amended: the guarantee required by the Chinese counterpart to ensure repayment of the loan has been withdrawn. In addition, the second phase of infrastructure investment has been excluded, thus reducing the amount to 3 billion USD for the period 2009–2014, while SICOMINES plans to invest 3.2 billion USD in the mining project (IMF 2011). It is interesting to note that the issues related to employment and technology transfer, which have generated much criticism in the Chinese FDI in Africa [Magassa 2011], have been addressed into this agreement by stipulating that:

- Only one in five workers can be Chinese
- In each of the projects 0.5% of the investment is spent on technology transfer and training of Congolese staff
- 3% of the investment is allocated to environmental projects in the surrounding areas.

Following this agreement, dozens of Congolese engineers have followed training in various fields of engineering sciences both in DRC and China with the support of Chinese groups involved in the joint-venture.

ces, often involving partners such as state oil companies of the host country and/or oil majors from both Western and emerging countries [Dzaka-Kikouta 2011; Dzaka-Kikouta, Sumata 2014]. Added-value activities in crude oil production, such as refining, are also organized through joint-ventures (see Boxes 7, 8, 9).

The Sicomines venture has experienced multiple setbacks, the most important of which was the downward adjustment of the estimated deposits of its concessions. As part of the 2008 Agreement, the deposits were estimated to contain 10.6 million tons of copper and over 600 thousand tons of cobalt. In 2013 Reuters reported that the total estimated copper reserves of concessions had been adjusted downwards to 6.8 million tons. The project has also been plagued by delays. The Sicomines concession was originally expected to be in production by 2013, and to reach a peak output of 400,000 tons of copper per year within three years. The mine's peak output has since been ad-

justed downwards to 250,000 tons per year, and it will not be reached before 2021 [Landry 2018, p. 2]. The way in which this agreement played out in DRC context provides important policy lessons [Landry 2018, pp. 3–4]: First; some of the shortcomings of Resource-For-Infrastructure (RFI) would be addressed if there existed more competition on the supply side of RFI deals. Furthermore, because of the positive aspects of RFI addressed in this case study, such financial instruments could generate positive spillover effects in the resource-rich-debtor countries. Second; RFI deals must be made more transparent. The omnibus character of RFI deals makes them particularly difficult for third parties to analyze and monitor. This can potentially lead to a host of problems, including infrastructure projects of suboptimal quality, as well as poorer resource exploitation practices among debtor countries. Third; infrastructure projects financed by RFI deals must be subjected to the same third par-

BOX 9. GABON

Gabon is another example of the use of the "Angola model" by Chinese multinationals investing in the extractive sector. In 2006 the consortium between CMEC (China Machinery Engineering Corporation), Sinosteel and Panzhihua Iron obtained exclusive rights for the exploitation of the Belinga iron mine, enjoying a 3.5 billion USD soft loan from China Exim Bank. In return, a joint-venture called COMIBEL (Mining Company of Belinga) was created with a majority stake awarded to the Chinese consortium (85%) and the rest of the capital to the Gabonese government (15%). In this project, 950 million USD were invested in the exploitation of iron deposits in Belinga, while the rest was bound to finance the construction of Poubara hydroelectric dam, a 560km railway linking Belinga to Santa Clara and a deepwater port located on the Atlantic Ocean. With reference to the mining project, the joint-venture is supposed to have an annual production capacity of 20–30 million tons of iron ore for 20 years, the bulk of which should be bought by CMEC through a buy-back contract. The Chinese commitment weighted 30% of Gabon's GDP and was expected to generate 30,000 jobs (80% awarded to nationals), but at the same time represented a major challenge for the diversification of the Gabonese economy.

Another example is CICMH operating since 2008 in the exploitation of the manganese in Bembele and in which the Chinese partner CITIC (China International Trust and Investment Corporation) owns 51% of capital against 49% for the Gabonese government.

ty quality controls as their counterparts financed through traditional means. This is particularly true because of all-encompassing nature of RFI deals, which lends them political importance, and can in turn reduce debtor governments' incentives to control quality. Finally; in the assessment of RFI projects, risk calculations must be carried out assiduously and conservatively. While risk looms large in any infrastructure financing or resource extraction project, it is particularly salient in the case of RFI agreements.

3.2. JOINT-VENTURES TO CONQUER FOREIGN MARKETS AND STRATEGIC ASSETS

Since 2001 Chinese MNCs have strengthened their presence in Central Africa both in the manufacturing and service sectors, the aim being to enter new markets (see Table 2). Following the general trend of Chinese FDI in the world, M&A has been the preferred strategy of implantation in Central African manufacturing sector up to that time, but some studies [Brautigam, Xiaoyang 2011; ADB 2011] underline the growing role of Special Economic Zones (SEZs). Thanks to the China-Africa Development Fund (CAD Fund) support, a strong input is given to the creation of SEZs and infrastructure deployment, as well as to Chinese investors interested in exploring new investment opportunities. Indeed, this strategy is consistent with policies promoted by host countries aimed at promoting productive diversification and reducing heavy dependence vis-à-vis mining and oil revenues and hence avoiding the trap of the "Dutch disease". Thus, in the long term SEZs should stimulate the progressive establishment of manufacturing and service firms in the ECCAS countries, especially in the process of value-chain development at local level, as shown by the willingness expressed by investors from both China and other emerging countries (Singapore, Mauritius, Malaysia, India, Brazil) to participate in the SEZs being created in Congo Brazzaville, Angola and DRC.

3.2.1. Mining and oil sector

The use of joint-ventures to secure strategic assets has a paramount role in the extractive sector in all ECCAS countries, with Chinese MNCs eager to form strategic alliances with partners from both OECD and emerging countries. It is worthwhile to mention the case of SINOPEC that back in 2009 gained control of the Canadian firm Addax Petroleum with a takeover bid worth 8.8 billion USD to benefit not only from its expertise in ultra-deep water exploration, but also from its solid knowledge of petroleum systems of West and Central Africa and the reserves and oil blocks in Africa previously controlled by the Canadian company. As a result, SINOPEC holds *de facto* exploration and production permits of blocks and reserves alongside the Western oil majors operating in these countries, including Gabon and Cameroon [Adekunlé 2011]. Similarly, in Angola SINOPEC already operates on several blocks in partnership with major oil firms from both OECD (Total, BP, Exxon-Mobil, ENI, etc.) and emerging countries (Petrobras) through the joint-venture SSI (see Table 2). This certainly constitutes a source of mutual strengthening of managerial and technological capability for both companies.

3.2.2. Manufacturing

The analysis of joint-ventures with Chinese firms in the manufacturing sector shows a geographic concentration in Angola and, to a lesser extent, in Cameroon. This is probably explained by the fact that these countries record the highest GDP of ECCAS and have relatively large domestic markets. Furthermore, the search for external markets is led by Chinese MNCs' attempt to benefit from regional trade agreements, such as the ECCAS Free Trade Agreement. Nonetheless, this discourse over the search for external markets should be extended to OECD countries, with Chinese firms seeking to take

Table 2. Main Chinese joint-ventures in ECCAS: Manufacturing and service sectors.

Year of implan- tation	MNC	Sector	FDI (million USD)	Country	Local partner and type of partnership	State of progress
2001	ZTE	Telecom	25	DRC	State. Joint-venture Congo Chine Télécoms (CCT): - ZTE: 51% but Orange, a french Group acquired ZTE share after 2015 - OCPT: 49%	Operational, national mobile telecom network
2004	Dayuan Inter- nal Ltd.	Banking	Nd	Angola	Joint-venture: - China-Beiya : 60% - Escom International Ltd.: 40%	Operational
2004	Cha-Group Hong- Kong	Textiles	11	DRC	State. Joint-venture Congotex: - State: 44% - Cha Group: 56%	In 2007 Congotex was liqui- dated, leaving 1,200 people unemployed
2005	ChungFong Holding	Steel	28	Angola	State. Joint-venture: - Chung Fong Holding: 51% - Siderurgica Nacio- nal: 49%	Operational
2005	ZTE	Telecom	400	Angola	Partnership between ZTE and MundoStartel	Operational
2005	SNCTPC	Cement	Nd	Congo-B	State. Joint-venture SONOCC: - State: 44% - SNCTPC: 56%	Operational with a capacity of 220,000 tons/year
2006	Jasan Corp. Ltda	Cement	50	Angola	State. Joint-venture between Ki- combo and Chinese partner	Operational
2007	Dong feng	Automobile	30	Angola	Joint-venture between CGS Auto- movel, Nissan and Dong feng	Operational since 2008 with a capacity of 30,000 vehicles/ year, 300 posts
2008	CNPC	Refinery	Nd	Chad	State. Joint-venture: - CNPC: 60% - Société de Raffinage de N'Djamena (SRN): 40%	Operational since 2011; ca- pacity of 20,000 barrels/day
2010	CMEIC	Automobile	400	Came- roon	Joint-venture with local pri- vate firms	Operational
2017	CHEC China Har- bour Enginee- ring Co	Concession for 25 years on Kri- bi Container Ter- minal	Nd	Came- roon	Joint-venture between CHEC (20%) and French group Bolloré Africa logistics	Operational since 2018, CHEC finished construction in 2015 with EPC contract for 485 Millions USD
2011	Dayuan Internal Ltd.	Banking	Nd	Congo-B	Joint-venture between Dayuan and Escom	Operational
2015	Agricultural Bank of China (ABC)	Banking	100	Congo-B	Joint-venture(BSCA) between Congoese State (21,5%) and ABC(50%), Magminerals Potasses du Congo(1,5%), SNPC(15%), na- tional shareholders (12%).	Operational
2019	(CSCEC) China State Construction Engineering Corp	Concession (Toll Operate Transfer) for operate National Route 1	Nd	Congo-B	Joint-venture (Concession on Na- tional Route1 Brazzaville-Pointe/ Noire, for 535 Km) between Con- goese State (15%) and CSCEC and French group EGIS for manage Toll collection	Operational CSCEC finished construction in 2016 and will maintain the road during con- cession/TOT for 30 years franchise
2011	Fuzhou Huasheng Textile Co Ltd.	Textile (Treated mosquito nets)	Nd	DRC	Joint-venture with local firm La- bo Medical	Operational, capacity of 1,500 nets/day

Sources: [Tsafack 2008; Dzaka-Kikouta 2011; Dzaka-Kikouta 2013; Dzaka-Kikouta, Kern 2019; Lee Levkowitz et al. 2009; Acker, Braitigam, Huang 2020; Pairault 2019], National authorities.

advantage of the benefits of preferential access for African countries to their markets, as clearly shown by the case of Hong Kong's Cha Group (see Table 2).

3.2.3. ICT

The search for external markets is justified by the desire of Chinese MNCs to valorize their competitive technology not only in the manufacturing sector, but also in the ICT (see Table 2). For instance, in this sector Chinese MNCs ZTE and Huawei are now in alliance with the majority of the region's mobile operators (MTN, VODACOM, WARID, AIRTEL, Orange, etc.) for the distribution of their products, including internet navigation Modem. Huawei signed a partnership agreement with the governments of DRC and Congo Brazzaville for the current installation of their national fiber network to improve service quality of ICT.

3.2.4. Banking sector

Chinese financial groups have begun the process of internationalization in Africa by forming strategic alliances also with multinational banks (MNB) both from developed and emerging countries operating in Africa (see Table 2). Examples include the case of Dayuan Group International Ltd. which formed a joint-venture in 2004 with ECom (Espirito Santo Commerce), a subsidiary of MNB Portuguese Espirito Santo Financial Group, in Angola. Following this strategy, the group opened in Congo Brazzaville in 2011. Agricultural Bank of China (ABC, 50%) formed a joint-venture, in 2015, in Congo Brazzaville, this subsidiary called "Banque Sino Congolaise pour l'Afrique" (BSCA) with Congolese State (21,5%) and national shareholders. Similarly, in 2007 ICBC (Industrial and Commercial Bank of China) acquired 20% stake in South Africa's Standard Bank (SASB) for 5.6 billion USD. The partnership enables ICBC to benefit from SASB's rich financial expertise, while accessing a

vast network of business relationships in several African countries, including those of ECCAS. Furthermore, through the internationalization process Chinese Multinational Banks accompany their customers in Africa, namely MNCs operating mainly in the mining and infrastructure sectors.

Conclusion

From this exploratory study, it is clear that joint ventures have played a major role in the internationalization process of Chinese MNCs since the early 2000s. In particular, FDI directed to Central African countries, richly endowed with natural resources, is mainly channeled through state-owned enterprises and is closely related to aid and the systematic creation of joint-ventures with local public companies, following the well-known "Angolan model". As a result, in Central Africa Chinese firms have used joint-venture agreements as a part of a long-term strategy devoted to secure oil and mining supplies. To a lesser extent, this trend can be detected also in the manufacturing and service sectors, the aim being to conquer foreign markets and strategic assets through joint-ventures with local or foreign partners.

With reference to the common belief that Sino-African joint-ventures are progressively taken over by Chinese partners, to date findings show that in most cases under analysis Chinese partners hold a majority stake since the creation of the joint-venture. This choice is probably led by the aim of maintaining a closer control to the company's development strategy, also justified by weak managerial and technological skills and limited availability of financial capacity at local level.

Ultimately, the commitment of Chinese state-owned MNCs through the "package deals" appears to be the keystone of stability and sustainability of Chinese FDI in Central Africa and in the continent

as a whole. Indeed, Chinese FDI certainly contributes to further boost oil-driven growth in ECCAS countries, while offering an excellent opportunity to diversify foreign capital sources, as well as their sectors of deployment. Indeed, Chinese FDI is a particularly effective way to improve the competitiveness of ECCAS countries thanks to its massive concentration in the infrastructure sector, which is expected to stimulate economic activity and promoting regional integration.

To make the flux of Chinese FDI compatible with a long-term and sustainable prospect of development, ECCAS countries are expected to adopt a clear strategy vis-à-vis their Chinese counterparts, which should be the result of an ameliorated governance and economic policy. Indeed, a pre-requisite is to achieve institutional change, from a rent-seeking to a developmental behavior at the state level, the result being an enhanced capacity to promote scientific and technical potential, especial-

BOX 10. NEGATIVES AND POSITIVE IMPACTS OF CHINESE FDI IN AFRICA FROM LITERATURE

I. Negative impacts

- **Marginal degree on technology transfer** (marginal knowledge spillovers from sino-african links [Elu, Price 2010]; limited opportunities for knowledge transfer to local entrepreneurs [Gu 2009]).
- **Human capital destruction** (employment of Chinese migrants at the expense of natives [Zhu 2013]; Unfair labor practices [Jackson 2014]).
- **Socio-economic negative effects** (dealing with countries under sanctions/and poor governance [Jackson 2014]; Corruption; Absence of environmental impact assessment analysis [Kopinski, Sun 2014]; Cheaper Chinese goods crowding out local produce [Davies 2008]; Weak linkages between Chinese Firms and African firms [Cooke 2014]).

II. Positive impacts

- **Technology transfer development** (Learning opportunities in Joint-ventures, knowledge transfer, capacity building [Brautigam, Xiaoyang 2011; Dzaka-Kikouta 2009; Dzaka-Kikouta, Kern, Gonella 2013; Dzaka-Kikouta, Kern 2019]; Business networks and linkages to local brokers [Mohan, Power 2008]; Technology transfer and integration into global value chains [Kraglund 2009].
- **Human capital building** (Création of direct and indirect employment and development of local human resource [Kopinski, Sun 2014; Dzaka-Kikouta 2009; Dzaka-Kikouta, Kern, Gonella 2014]; Entrepreneurial talent [Friedman 2009; Kamavuako 2009; Dzaka-Kikouta, Makany 2018]).
- **Socio-economic contributions** (Employment generation; African infrastructure development [Brautigam, Tang 2009; Dzaka-Kikouta 2011; Dzaka-Kikouta, Kern 2019]; Economic Growth [Mohan, Power 2008; Eka 2019]; Poverty reduction and achievement of Millennium Development Goals [Cheung et al. 2012]; Trade, Aid and Investments opportunities [Kaplinsky 2013; Dzaka-Kikouta 2008; Dzaka-Kikouta, Kern 2019]; Chinese contribution to entrepreneurial skill, flying geese and export zones [Samy 2010]).

Source: adapted from [Abodohou, Su, Da Silva 2018, pp. 6–7].

ly through the strengthening of human capital, and to negotiate an effective transfer of technology and know-how vis-à-vis partners both from emerging countries, especially BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa), and the global North.

The results of the empirical work have allowed the literature to identify the main negative and positive impacts of Chinese FDI in Africa (see Box 10), as a future research, we will evaluate these impacts especially positive in the context of Central African countries, from the point of view of local partners, for joint ventures studied in this article. We will focus, especially, on the transfer of technology and knowledge and the strengthening of human capital for the benefit of the host countries of Chinese MNCs.

References

- Abodohou A., Su Z., Da Silva I.A. (2018) Chinese Investments in Africa: What have We Learnt? *Management International/International Management*, vol. 22, no 3, pp. 129–142. Available at: <http://www.managementinternational.ca/catalog/volumes/chinese-investments-in-africa-what-have-we-learnt.html>, accessed 22.06.2020.
- Acker K., Braitigam D., Huang Y. (2020) Debt Relief with Chinese Characteristics. CARI. Working Paper, No. 39. Available at: <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/5efe942ba09c523cbf9440a9/1593742380749/WP+39+-+Acker%2C+Braitigam%2C+Huang+-+Debt+Relief.pdf>, accessed 22.06.2020.
- Adekunle S. (2011) L'OPA de la SONIPEC sur ADDAX Petroleum. *Outre-Terre*, no 30, pp. 181–186.
- Allaire N., Harbulot C. (2008) Joint Venture Airbus-China Aviation à Tianjin en Chine. Le Casse-tête Chinois de la “Coopétition”. *L'Usine Nouvelle*, November 19, 2008. Available at: <https://www.usine-nouvelle.com/article/joint-venture-airbus-china-aviation-a-tianjin-en-chine-le-casse-tete-chinois-de-la-coopetition>. N27059, accessed 22.06.2020.
- Andreff W. (2016) BRICs et Emergents: Les Nouveaux Investisseurs Internationaux. *La Vie des Idées*, March 9, 2016. Available at: <https://lavedesidees.fr/BRICs-et-emergents-les-nouveaux-investisseurs-internationaux.html>, accessed 22.06.2020.
- Boucly Q., Brière H., Gravereau J. (2007) *Les Entreprises Chinoises à la Conquête du Monde*, HEC-Paris, HEC Eurasia Institute, Octobre, Paris.
- Brautigam D. (2009) *Looking East: Africa's Newest Investment Partners*. Africa Emerging Markets Forum, September 13–15, Western Cape, South Africa.
- Brautigam D., Xiaoyang T. (2011) African Shenzhen: China's Special Economic Zones in Africa. *Journal of Modern African Studies*, vol. 49, no 1, pp. 27–54. DOI: 10.1017/S0022278X10000649
- Cui L., Jiang F. (2009) FDI Entry Mode Choice of Chinese Firms: A Strategic Behaviour Perspective. *Journal of World Business*, vol. 44, no 4, pp. 434–444. DOI: 10.1016/j.jwb.2008.11.004
- Dunning J.H. (1993) *Multinationals Enterprises and the Global Economy*, Addison-Wesley.
- Dussauge P. (2010) Le Rôle des Alliances et Joint-ventures dans la Multinationalisation des Entreprises Chinoises. *Les Multinationales Chinoises* (ed. Larçon J.P.), Paris: Editions ESKA, pp. 263–285.
- Dzaka-Kikouta T. (1996) La Privatisation des Entreprises Publiques et les Récentes Mutations des Formes de Partenariat Nord-Sud au Congo: L'entreprise Conjointe et les Alternatives Stratégiques dans la Dynamique de Croissance. *Entreprises et Dynamique de Croissance* (eds. Haudeville B., Lelart M.), AUPELF-UREF, Serviced, Tunis, pp. 253–269.
- Dzaka-Kikouta T. (2008) L'Aide Publique au Développement de la Chine aux Pays Pétroliers et Miniers d'Afrique Cen-

trale: Une Béquille Indispensable au Renforcement de sa Présence Economique? *Techniques Financières et Développement*, no 89, pp. 27–34.

Dzaka-Kikouta T. (2011) L'Investissement Chinois en Afrique Centrale. *Outre-Terre*, no 30, pp. 207–226.

Dzaka-Kikouta T., Kern F. (2019) Le Rôle des Joint-ventures et Alliances Stratégiques dans l'Internationalisation des Multinationales Chinoises: Vecteur d'Émergence Economique des Pays du Maghreb et d'Afrique Centrale? *Cahiers de l'Association Tiers-Monde*, no 34, pp. 67–78. Available at: <http://www.mondes-en-developpement.eu/medias/files/cahier-atm-34-2020.pdf>, accessed 22.06.2020.

Dzaka-Kikouta T., Kern F., Gonella C. (2013) Chinese Economic Cooperation with Central Africa and the Transfer of Knowledge and Know-how. *African East-Asian Affairs. The China Monitor*, no 2, pp. 39–60. DOI: 10.7552/0-2-105

Dzaka-Kikouta T., Sumata C. (2014) Les Multinationales Chinoises et Leurs IDE en Afrique Centrale: Mobiles et Stratégies. *Les Migrants et l'Investissement en Afrique* (ed. Sumata C.), Paris: l'Harmattan, pp. 111–144.

Jolly D. (2001) France-Chine, Joint-ventures et Transferts Technologiques. *Revue Française de Gestion*, Mars-Avril-Mai, pp. 32–48.

Kaplinsky R., Morris M. (2009) Chinese FDI in Sub-Saharan Africa: Engaging with Large Dragons. *European Journal of Development Research*, vol. 21, no 4, pp. 551–569. DOI: 10.1057/ejdr.2009.24

Kolstad I., Wiig A. (2009) What Determines Chinese Outward FDI? *ChrMichelsen Institute, CMI Working Paper*, no 3, pp. 1–19. Available at: <https://www.cmi.no/publications/3332-what-determines-chinese-outward-fdi>, accessed 22.06.2020.

Landry D.G. (2018) The Risks and Rewards of Resource – for-Infrastructure Deals: Lessons from the Congo's Sicomines Agreement. *CARI. Policy Brief*. No. 22. Available at: <https://foreignpolicy.com/wp-content/uploads/2018/06/01911-sicomines-workingpaper-landry-v6.pdf>, accessed 22.06.2020.

com/wp-content/uploads/2018/06/01911-sicomines-workingpaper-landry-v6.pdf, accessed 22.06.2020.

Li Huiping (2005) *Technological Capability Accumulation in International Joint-Venture in China*. Global Conference at South Africa, October 31– November 4.

Liu L., Tian Y. (2008) The Internationalization of Chinese Enterprises: The Analysis of the UK Case. *International Journal of Technology and Globalization*, vol. 4, no 1, pp. 87–102.

Magassa I. (2011) Stratégies Chinoises de Financement et de Pénétration des Marchés Africains. *Outre-Terre*, no 30, pp. 29–34.

Mowery D.C., Oxley J.E., Silverman B.S. (1996) Strategic Alliances and Inter-firm Knowledge Transfer. *Strategic Management Journal*, vol. 17, pp. 77–91. DOI: 10.1002/smj.4250171108

Pairault T. (2009) *La Chine entre Investissement Sortant et Investissement Entrant*. XXVe Journées du Développement sur “Attractivité, Gouvernance et Développement”, Luxembourg.

Pairault T. (2014) *Developmental States: How Algeria Makes the Best of China to Promote Its Development*. International Conference, October 30–31, Moscow, Russia Peoples' Friendship University.

Pairault T. (2019) *Kribi: Bolloré, CMA-CGM & CHEC*. Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-02065226/document>, accessed 22.06.2020.

Pairault T. (2020) *Investissements en Afrique: La Chine et les “Partenaires Traditionnels”*. Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-02453915/document>, accessed 22.06.2020.

Pietrobelli C., Rabellotti R., Sanfilippo M. (2010) *The “Marco Polo” Effect; Chinese FDI in Italy*, IEPP 2010/04 Chatham house.

Sanfilippo M. (2010) Chinese FDI to Africa: What Is the Nexus with Foreign Economic Cooperation? *African Development Review*, vol. 22, no S1, pp. 599–614. DOI: 10.1111/j.1467-8268.2010.00261.x

Schiere R., Ndikumana L., Walkenhorst P. (2011) *La Chine et l'Afrique: Un Nouveau Partenariat pour le Développement?*, Banque Africaine de Développement (BAD), Tunis.

Zhao Wei, Arvanitis R. (2008) *L'Inégal Développement Industriel de la Chine: Capacités d'Innovation et Coexistence de*

Différents Modes d'Apprentissage Technologique. Région et Développement, no 28, pp. 61–85. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/acc5/8e3a864db60fceb535cba8bf32f0cdd43984.pdf?_ga=2.192409257.2066860176.1595328675-1745969251.1586374520, accessed 22.06.2020.

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-5

Что мы узнали о совместных предприятиях в процессе интернационализации китайских транснациональных корпораций (ТНК)? Опыт Центральной Африки

Теофил ДЗАКА-КИКУТА

PhD по экономике и HDR

университет Мариана Нгуаби, Браззавиль, Республика Конго;

приглашенный исследователь

Кафедра экономической теории и прикладной экономики, университет

Страсбурга, 4 rue Blaise Pascal, CS 90032, F-67081 Strasbourg cedex, France

E-mail: t.dzaka@unistra.fr; tdzakakikouta@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Dzaka-Kikouta T. (2020) What Have We Learnt of Joint Ventures in the Internationalization Process of Chinese Multinationals (MNCs)? Evidence from Central Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 82–102. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-5

Статья поступила в редакцию 09.06.2020.

АННОТАЦИЯ. Целью данной статьи является анализ особой роли совместных предприятий и других форм стратегических альянсов в области прямых иностранных инвестиций (ПИИ), осуществляемых китайскими транснациональными корпорациями в Центральной Африке. После изучения того, в какой степени использование совместных

предприятий Китая и Запада помогло китайским фирмам улучшить свои технические и управленческие навыки как на внутреннем, так и на внешнем рынках, основное внимание переключается на членов Экономического сообщества стран Центральной Африки (ЭКОЦАС). Автор приходит к выводу, что совместные предприятия ста-

ли для китайских транснациональных компаний основным каналом ПИИ, чем подтверждает гипотезу о том, что в исследуемом регионе эта стратегия позволяет китайским ТНК обеспечить гарантированные поставки сырья (нефти и таких продуктов горнодобывающей промышленности, как медь, кобальт, золото и алмазы). В рамках т. н. пакетных сделок она связывает ПИИ, китайскую программу помощи и торговли, также известную как «ангольская модель». Это позволяет завоевывать внешние рынки для технологий и промышленных товаров, созданных по программе «Сделано в Китае»), а также, пусть и в меньшей степени, приобретать стратегические активы (бренды, технологические инновации, управленческие навыки). Приверженность китайских государственных ТНК принципу «пакетных сделок», по-видимому, является краеугольным камнем стабильности и устойчивости китайских ПИИ в Центральной Африке и в целом на континенте. Завершается статья выводом о том, что ожидаемый приток китайских ПИИ в Центральную Африку будет способствовать процессу устойчивого развития стран – получателей помощи при условии надлежащего политического и экономического управления. Одним из предварительных условий этого является достижение институциональных изменений, подразумевающих переход на государственном уровне от рентоориентированного поведения к развитию. Результатом такого перехода могло бы стать расширение возможностей для инженерного потенциала, осуществляемого путем укрепления человеческого капитала и переговоров о передаче интеллектуальной собственности и технологий с партнерами из развивающихся стран, особенно из стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прямые иностранные инвестиции, китайские транснациональные корпорации, известные предприятия, стратегические альянсы, «ангольская модель», «пакетные сделки», приобретение технологий, внешние рынки, поставки сырья, Центральная Африка, ЭКОЦАС

Список литературы

Abodohou A., Su Z., Da Silva I.A. (2018) Chinese Investments in Africa: What have We Learnt? // Management International/International Management, vol. 22, no 3, pp. 129–142 // <http://www.managementinternational.ca/catalog/volumes/chinese-investments-in-africa-what-have-we-learnt.html>, дата обращения 22.06.2020.

Acker K., Braitigam D., Huang Y. (2020) Debt Relief with Chinese Characteristics // CARI. Working Paper, No. 39 // <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/5efe942-ba09c523cbf9440a9/1593742380749/WP+39+-+Acker%2C+Braitigam%2C+Huang+-+Debt+Relief.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Adekunle S. (2011) L'OPA de la SONIPEC sur ADDAX Petroleum // Outre-Terre, no 30, pp. 181–186.

Allaire N., Harbulot C. (2008) Joint Venture Airbus-China Aviation à Tianjin en Chine. Le Casse-tête Chinois de la “Coopétition” // L'Usine Nouvelle, November 19, 2008 // <https://www.usinenouvelle.com/article/joint-venture-airbus-china-aviation-a-tianjin-en-chine-le-casse-tete-chinois-de-la-coopetition.N27059>, дата обращения 22.06.2020.

Andreff W. (2016) BRICs et Emergents: Les Nouveaux Investisseurs Internationaux // La Vie des Idées, March 9, 2016 // <https://laviedesidees.fr/BRICs-et-emergents-les-nouveaux-investisseurs-internationaux.html>, дата обращения 22.06.2020.

Boucly Q., Brière H., Gravereau J. (2007) *Les Entreprises Chinoises à la Conquête du Monde*, HEC-Paris, HEC Eurasia Institute, Octobre, Paris.

Brautigam D. (2009) *Looking East: Africa's New Investment Partners*. Africa Emerging Markets Forum, September 13–15, Western Cape, South Africa.

Brautigam D., Xiaoyang T. (2011) *African Shenzhen: China's Special Economic Zones in Africa* // *Journal of Modern African Studies*, vol. 49, no 1, pp. 27–54. DOI: 10.1017/S0022278X10000649

Cui L., Jiang F. (2009) *FDI Entry Mode Choice of Chinese Firms: A Strategic Behaviour Perspective* // *Journal of World Business*, vol. 44, no 4, pp. 434–444. DOI: 10.1016/j.jwb.2008.11.004

Dunning J.H. (1993) *Multinationals Enterprises and the Global Economy*, Addison-Wesley.

Dussauge P. (2010) *Le Rôle des Alliances et Joint-ventures dans la Multinationalisation des Entreprises Chinoises* // *Les Multinationales Chinoises* (ed. Larçon J.P.), Paris: Editions ESKA, pp. 263–285.

Dzaka-Kikouta T. (1996) *La Privatisation des Entreprises Publiques et les Récentes Mutations des Formes de Partenariat Nord-Sud au Congo: L'entreprise Conjointe et les Alternatives Stratégiques dans la Dynamique de Croissance* // *Entreprises et Dynamique de Croissance* (eds. Haudeville B., Lelart M.), AUPELF-UREF, Serviced, Tunis, pp. 253–269.

Dzaka-Kikouta T. (2008) *L'Aide Publique au Développement de la Chine aux Pays Pétroliers et Minières d'Afrique Centrale: Une Béquille Indispensable au Renforcement de sa Présence Economique?* // *Techniques Financières et Développement*, no 89, pp. 27–34.

Dzaka-Kikouta T. (2011) *L'Investissement Chinois en Afrique Centrale* // *Outre-Terre*, no 30, pp. 207–226.

Dzaka-Kikouta T., Kern F. (2019) *Le Rôle des Joint-ventures et Alliances Stratégiques dans l'Internationalisation des Mul-*

tionales Chinoises: Vecteur d'Émergence Economique des Pays du Maghreb et d'Afrique Centrale? // *Cahiers de l'Association Tiers-Monde*, no 34, pp. 67–78 // <http://www.mondesendveloppement.eu/medias/files/cahier-atm-34-2020.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Dzaka-Kikouta T., Kern F., Gonella C. (2013) *Chinese Economic Cooperation with Central Africa and the Transfer of Knowledge and Know-how* // *African East-Asian Affairs. The China Monitor*, no 2, pp. 39–60. DOI: 10.7552/0-2-105

Dzaka-Kikouta T., Sumata C. (2014) *Les Multinationales Chinoises et Leurs IDE en Afrique Centrale: Mobiles et Stratégies* // *Les Migrants et l'Investissement en Afrique* (ed. Sumata C.), Paris: l'Harmattan, pp. 111–144.

Jolly D. (2001) *France-Chine, Joint-ventures et Transferts Technologiques* // *Revue Française de Gestion*, Mars-Avril-Mai, pp. 32–48.

Kaplinsky R., Morris M. (2009) *Chinese FDI in Sub-Saharan Africa: Engaging with Large Dragons* // *European Journal of Development Research*, vol. 21, no 4, pp. 551–569. DOI: 10.1057/ejdr.2009.24

Kolstad I., Wiig A. (2009) *What Determines Chinese Outward FDI?* // *ChrMichelsen Institute, CMI Working Paper*, no 3, pp. 1–19 // <https://www.cmi.no/publications/3332-what-determines-chinese-outward-fdi>, дата обращения 22.06.2020.

Landry D.G. (2018) *The Risks and Rewards of Resource – for Infrastructure Deals: Lessons from the Congo's Sicomines Agreement* // *CARI. Policy Brief. No. 22* // <https://foreignpolicy.com/wp-content/uploads/2018/06/01911-sicomines-working-paper-landry-v6.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Li Huiping (2005) *Technological Capability Accumulation in International Joint-Venture in China*. Global Conference at South Africa, October 31– November 4.

Liu L., Tian Y. (2008) *The Internationalization of Chinese Enterprises: The*

Analysis of the UK Case // *International Journal of Technology and Globalization*, vol. 4, no 1, pp. 87–102.

Magassa I. (2011) *Stratégies Chinoises de Financement et de Pénétration des Marchés Africains* // *Outre-Terre*, no 30, pp. 29–34.

Mowery D.C., Oxley J.E., Silverman B.S. (1996) Strategic Alliances and Inter-firm Knowledge Transfer // *Strategic Management Journal*, vol. 17, pp. 77–91. DOI: 10.1002/smj.4250171108

Pairault T. (2009) *La Chine entre Investissement Sortant et Investissement Entrant. XXVe Journées du Développement sur “Attractivité, Gouvernance et Développement”*, Luxembourg.

Pairault T. (2014) *Developmental States: How Algeria Makes the Best of China to Promote Its Development*. International Conference, October 30–31, Moscow, Russia Peoples' Friendship University.

Pairault T. (2019) Kribi: Bolloré, CMA-CGM & CHEC // <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-02065226/document>, дата обращения 22.06.2020.

Pairault T. (2020) *Investissements en Afrique: La Chine et les “Partenaires Tra-*

ditionnels” // <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-02453915/document>, дата обращения 22.06.2020.

Pietrobelli C., Rabellotti R., Sanfilippo M. (2010) The “Marco Polo” Effect; Chinese FDI in Italy, IEPP 2010/04 Chatham house.

Sanfilippo M. (2010) Chinese FDI to Africa: What Is the Nexus with Foreign Economic Cooperation? // *African Development Review*, vol. 22, no S1, pp. 599–614. DOI: 10.1111/j.1467-8268.2010.00261.x

Schiere R., Ndikumana L., Walkenhorst P. (2011) *La Chine et l'Afrique: Un Nouveau Partenariat pour le Développement?*, Banque Africaine de Développement (BAD), Tunis.

Zhao Wei, Arvanitis R. (2008) *L'Inégal Développement Industriel de la Chine: Capacités d'Innovation et Coexistence de Différents Modes d'Apprentissage Technologique* // *Région et Développement*, no 28, pp. 61–85 // https://pdfs.semanticscholar.org/acc5/8e3a864db60fceb535c8a8bf32f0cdd43984.pdf?_ga=2.192409257.2066860176.1595328675-1745969251.1586374520, дата обращения 22.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-6

Шанхайская экспериментальная зона свободной торговли

Владимир Яковлевич ПОРТЯКОВ

доктор экономических наук, профессор

Институт Дальнего Востока РАН, 117997, Нахимовский б-р, д. 32, Москва, Российская Федерация

E-mail: portyakov47@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9188-2341

ЦИТИРОВАНИЕ: Портяков В.Я. (2020) Шанхайская экспериментальная зона свободной торговли // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 3. С. 103–117. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-6

Статья поступила в редакцию 13.05.2020.

АННОТАЦИЯ. В 2013 г. Китайская Народная Республика вступила во второй этап внешнеэкономической открытости. Если на первом этапе, стартовавшем в конце 1970-х гг., в качестве неотъемлемого составного элемента общей политики реформ Китай ориентировался прежде всего на привлечение из-за рубежа техники и технологий, знаний, капиталов, то на новом этапе как минимум равновеликой задачей становится массовое продвижение за рубеж китайских капиталов, товаров, услуг, технологий. Одним из важнейших элементов данного этапа явилось создание экспериментальных зон свободной торговли (ЭЗСТ), призванных помочь Китаю освоить наиболее передовые мировые правила и нормы ведения торговли, инвестиционной деятельности, международных финансовых операций.

Первая такая зона была создана в 2013 г. в Шанхае. В самом конце 2014 г. учреждены ЭЗСТ в Тяньцзине, Фуцзяни и Гуандуне. Далее последовало создание зон еще в семи провинциях КНР (5 из которых – во внутренних и западных регионах страны). В 2018 г. провозглашен зоной свободной торговли остров Хай-

нань, а летом 2019 г. ЭЗСТ были учреждены еще в шести регионах Китая.

Экспериментальные зоны свободной торговли Китая существуют уже более шести лет. Ими накоплен разнообразный опыт функционирования, внедряемый и в общегосударственную практику и частично отраженный в данной статье.

Основное внимание в статье уделено Шанхайской ЭЗСТ. Показаны изменения ее формата, особенности развития на начальном этапе 2013–2015 гг., в динамичный период 2016–2017 гг. и в обстановке усложняющихся внешних условий хозяйствования (2018–2019 гг.). Статья подготовлена на базе оригинальных источников на китайском языке, включая официальные статистические материалы Шанхая. Полезная информация была также получена в ходе посещения Шанхайской ЭЗСТ в апреле 2019 г., организованном при содействии Генерального консульства РФ в Шанхае.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Шанхай, экспериментальная зона свободной торговли, участки, внешняя торговля, инвестиции, «негативный список»

В 2013 г. Китайская Народная Республика вступила во второй этап внешнеэкономической открытости. Если на первом этапе, стартовавшем в конце 1970-х гг., в качестве неотъемлемого составного элемента общей политики реформ Китай ориентировался прежде всего на привлечение из-за рубежа техники и технологий, знаний, капиталов, то на новом этапе как минимум равновеликой задачей становится массовое продвижение за рубеж китайских капиталов, товаров, услуг, технологий.

Этот этап внешнеэкономической открытости Китая обычно ассоциируется с предложенными Пекином глобальными проектами новых сухопутного и морского «шелковых путей», в реализации которых в той или иной форме уже участвуют более ста государств.

Еще одним важнейшим элементом данного этапа явилось создание экспериментальных зон свободной торговли (ЭЗСТ), призванных помочь Китаю освоить наиболее передовые мировые правила и нормы ведения торговли, инвестиционной деятельности, международных финансовых операций. Пока, однако, ЭЗСТ не привлекли того внимания международного сообщества, которого они на деле заслуживают. Основных причин, как представляется, две. Во-первых, ЭЗСТ оказались в тени инициативы «Пояса и пути» – более масштабного и более подходящего для рекламно-пропагандистской раскрутки феномена. Во-вторых, определенную негативную роль сыграло само название нового экономического явления, аналогичное в сокращенном виде названию межгосударственных зон свободной торговли, активно создаваемых Китаем – в обоих случаях это «цзымао цюй». Попытки выйти из положения введением дополнительного определения «экспериментальная», или «пилотная», зона («цзымао шиянь

цюй»), равно как и использование различных англоязычных названий двух типов зон – соответственно *zones* и *areas*, – проблемы толком не решили.

Тем не менее экспериментальные зоны свободной торговли Китая существуют уже более шести лет. Накоплен разнообразный опыт функционирования, частично внедряемый и в общегосударственную практику. Вполне возможно, что уже в самое ближайшее время эти зоны получат широкую международную известность, близкую к той, которую на первом этапе внешнеэкономической открытости обрели специальные экономические зоны КНР.

Представляет неформальный интерес уже сама по себе хронология учреждения ЭЗСТ в Китае.

Создание осенью 2013 г. первой такой зоны именно в Шанхае, экономически мощном и хорошо известном внешнему миру, было прямо связано со стоявшей в то время перед Китаем задачей в достаточно близкой перспективе присоединиться к клубу наиболее продвинутых в торгово-инвестиционной сфере государств мира в формате Транстихоокеанского партнерства. Переговоры о его создании, казалось, близились к завершению, и Китаю было важно продемонстрировать готовность ориентироваться на передовые стандарты ведения мировой торговли. По-своему показателем был и выбор зоны беспошлинной торговли Вайгаоцяо в качестве начальной площадки для размещения ЭЗСТ. Китай демонстрировал, что он владеет если не всеми, то хотя бы некоторыми передовыми внешнеторговыми практиками.

В том же ключе оказалась выдержана и вторая очередь учреждения ЭЗСТ – в конце 2014 г. в Тяньцзине, Фуцзяни и Гуандуне. Выбор территорий усиливал общую ориентацию КНР на адаптацию к самым передовым нормам и правилам работы внешнеэконо-

мического сегмента мирового хозяйства.

По мере и в целях дальнейшего продвижения инициативы «Один пояс – один путь» Китай стал претендовать на более активное участие и, так сказать, собственное право голоса в вопросах выработки норм и правил функционирования мирового рынка. Эти направления и вышли на первый план при формулировании задач для следующей группы ЭЗСТ, учрежденных в августе 2016 г. – Ляонинской, Хубэйской, Чунцинской, Чжэцзянской, Сычуаньской, Хэнаньской и Шэньсийской.

Весной 2018 г. было декларировано создание ЭЗСТ Хайнань. Одной из главных целей здесь выступает отработка концепции свободного порта на базе порта Янпу.

Тем временем 2019 г. ознаменовался заметным ухудшением условий ведения внешнеэкономической деятельности в мире, в немалой степени – в результате т. н. американо-китайской торговой войны. В условиях «частичной деглобализации» КНР в первую очередь стала решать задачу преодоления текущих трудностей, сохранения достигнутых объемов внешней торговли и инвестиций. Одной из мер по стимулированию внешнеэкономической активности стало учреждение в августе шести новых ЭЗСТ, три из которых (Гуансийская, Хэйлунцзянская и Юньнаньская) находятся в местах ведения оживленной приграничной торговли. Остальные три зоны были учреждены в Шаньдуне, Цзянсу и Хэбэе.

Разумеется, долгосрочные высокие цели создания ЭЗСТ сохраняются, но они оказались дополнены более неотложными текущими задачами. Особо актуальный характер эти задачи обрели в связи с пандемией коронавируса COVID-19. По прогнозу ВТО, в 2020 г. ожидается сокращение объема мировой торговли на 13–32%.

Деятельность ЭЗСТ регулируется специально разработанными для каждой зоны положениями («тяо-ли»). Большинство зон состоят из трех участков и имеют общую площадь порядка 120 кв. км. Как сами зоны, так и их участки имеют специальные, но не унифицированные, органы управления. Экономические задачи зон зафиксированы в Комплексных проектах их развития («цзунти фанъань»). Главные из них носят общий характер: упрощение формальностей при оформлении торговых сделок с выходом на принцип «одного окна»; расширение доступных для иностранного капитала сфер экономики и социальных услуг на базе сокращающегося из года в год «негативного списка» отраслей, закрытых для зарубежных инвестиций; отработка взаимодействия с внешними банковскими и предпринимательскими кругами в сфере финансовых услуг. Большинство зон наделено также функцией оказания содействия строительству сухопутного и морского «шелковых путей».

Одновременно зоны и входящие в их состав участки имеют и более конкретные цели, привязанные к географическим особенностям региона, например, содействие развитию Дунбэя и интеграции в Северо-Восточной Азии (Ляонинская ЭЗСТ), стимулирование развития сотрудничества в регионе «Большого залива» (Гуандунская ЭЗСТ – сотрудничество Гуандуна, Аомэня и Сян-гана), налаживание сотрудничества со странами «Пояса и пути» в аграрной сфере и в культуре (Шэньсийская ЭЗСТ) и т. п. Нередко перед конкретными участками зон ставятся весьма амбициозные задачи. Так, Далянь должен стать одним из крупнейших в Северо-Восточной Азии хабов авиационных грузоперевозок. Архипелагу Чжоушань (Чжэцзян) предстоит вырасти в крупнейший на азиатском побережье

АТР центр топливной заправки морских судов.

Учреждение ЭЗСТ в провинции Хэйлунцзян является знаковым событием для российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, особенно с учетом того, что конкретные участки этой зоны – столица провинции Харбин, приграничные города Хэйхэ и Суйфэньхэ – неизменно находятся на своеобразном острие межрегионального взаимодействия.

Сколько-нибудь солидной зарубежной литературы о китайских экспериментальных зонах свободной торговли пока практически не существует. Даже в докладе ЮНКТАД о мировых инвестициях в 2019 г., посвященном особым экономическим зонам, ЭЗСТ всего лишь упоминаются [World Investment Report 2019, pp. 143–144].

В России одной из первых особенности страновых зон свободной торговли в мире описала профессор МГИМО МИД России Г.М. Костюнина, рассмотрев, в частности, ЗСТ в Индии, Индонезии, Панаме, Бразилии, а также предшественника Шанхайской ЗСТ зону беспошлинной торговли Вайгаоцяо [Костюнина 2008]. В 2017 г. Александр Рогожин (ИМЭМО РАН) опубликовал материал о «третьей волне» учреждения ЭЗСТ в Китае летом 2016 г. [Рогожин 2017]. Началось и более детальное научное изучение экспериментальных зон свободной торговли как новой формы внешнеэкономической открытости Китая [Портяков 2018; Портяков 2019]. Данная статья подробнее рассказывает о первой из них – Шанхайской.

Первая в Китае экспериментальная зона свободной торговли (ЭЗСТ) была учреждена осенью 2013 г. в Шанхае. В марте 2013 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, проведя обследование

зоны беспошлинной торговли Вайгаоцяо в шанхайском районе Пудун, предложил создать на ее базе экспериментальную зону свободной торговли. В августе 2013 г. создание этой зоны было одобрено Госсоветом. 18 сентября был обнародован комплексный проект Шанхайской ЭЗСТ, а 29 сентября дан официальный старт ее работе [Исследовательский доклад 2019, с. 33].

Изначально в состав зоны вошли четыре небольших участка с особым таможенным режимом общей площадью 28,78 кв. км. Это, во-первых, беспошлинный район Вайгаоцяо (10 кв. км), созданный еще в июне 1990 г. и превратившийся за два с лишним десятилетия в комплексный многофункциональный район торговли и коммерческой деятельности. В частности, Вайгаоцяо играл заметную роль в торговле спиртными напитками, часами, автомобилями, строительной техникой, станками, медицинским оборудованием, биомедицинскими препаратами, косметикой, культурной продукцией, прежде всего в их импорте [Доклад о развитии зон свободной торговли 2017, с. 45]. В предшествовавшем учреждению Шанхайской ЭЗСТ 2012 г. объем внешней торговли беспошлинной зоны Вайгаоцяо составил 101,85 млрд долл., в т. ч. импорта 80,05 млрд долл., экспорта 21,80 млрд долл. при следующих общих показателях по Шанхайской экспериментальной зоне: торговля – 113,05 млрд долл., импорт – 86,71 млрд долл. и экспорт – 26,34 млрд долл.¹

В экспериментальную зону также вошли беспошлинный логистический парк Вайгаоцяо (1,03 кв. км, создан в декабре 2003 г.), беспошлинный контейнерный порт Яншань (14,16 кв. км, получил этот статус в июне 2005 г.) и беспошлинный район аэропорта Пудун

¹ Статистический ежегодник Шанхая 2015. Таблицы 9.1 и 9.4.

(3,59 кв. км). Каждый из этих участков накопил к моменту создания ЭЗСТ богатый опыт в своей сфере деятельности.

Комплексный проект развития зоны от 27 сентября 2013 г. ставил задачу в течение 2–3 лет превратить территорию в экспериментальную зону свободной торговли, характеризующуюся удобством инвестирования и ведения торговли, соответствием международным критериям, свободной конвертацией валют, высокоэффективным управлением и нормативной правовой средой. Тем самым ЭЗСТ предписывалось «еще лучше служить всей стране, вести поиск новых путей и методов расширения внешнеэкономической открытости и углубления реформ».

Конкретно ставились задачи ускорения реформы административных функций, расширения открытости в

инвестиционной деятельности, смены модели развития торговли, повышения уровня международных транспортных услуг (морских и авиационных), внедрения новаций в кредитно-денежную сферу (в т. ч. разрешение конвертируемости юаня в пределах зоны)².

25 июля 2014 г. собранием народных представителей Шанхая было принято и с 1 августа вступило в силу «Положение об экспериментальной зоне свободной торговли Китая (Шанхай)», которое конкретизировало набор и порядок действий в инвестиционной, торговой, налоговой и других приоритетных сферах деятельности. Был утвержден Комитет управления зоной в качестве делегированного органа правительства Шанхая. Он отвечал практически за все вопросы функционирования зоны [Жэнь Сюэу 2017, с. 247–257].

Таблица 1. Некоторые показатели развития Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли на начальном этапе

Table 1. Some Indicators of the Development of the Shanghai Experimental Zone of Free Trade at the Initial Stage

Показатель	Ед. измерения	Годы		
		2012	2013	2014
Розничный товарооборот	млрд юаней	1099,8	1237,3	1387,9
Валовая стоимость промышленности	млрд юаней	72,77	64,61	57,27
Внешнеторговый товарооборот, в т. ч.:				
– импорт	млрд долл.	113,05	113,43	124,10
– экспорт		86,71	83,93	90,95
		26,54	29,50	33,15
Фактически полученные иностранные инвестиции	млн долл.	540	695	621
Перевалка контейнеров в портах	млн штук	29,513	30,585	32,365
Занятые	тыс. чел.	269	286,1	296,1

Источник: Статистический ежегодник Шанхая 2015. Таблица 9-1.

2. Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли, Шанхай, Китай (2013) // http://www.gov.cn/zwgk/2013-09-27/content_2496147.htm, дата обращения 20.04.2020 (на китайском).

Предпринятые шаги обеспечили не-
плохое **начало развития Шанхайской**
ЭЗСТ, которое, однако, трудно назвать
прорывным или экстраординарным
(см. таблицу 1).

Стремясь придать дополнительный
импульс развитию Шанхайской ЭЗСТ,
китайские власти решением Постоян-
ного Комитета Всекитайского собра-
ния народных представителей от 28 де-
кабря 2014 г. расширили территорию
зоны до 120,72 кв. км, включив в нее
ряд новых участков.

Финансовый участок Луцзяцзуй
(24,26 кв. км) включает две террито-
рии: собственно финансово-торго-
вый центр Луцзяцзуй, ставший визит-
ной карточкой Пудуна³, и участок быв-
шей Шанхайской Экспо площадью око-
ло 10 кв. км. Собственно Луцзяцзуй яв-
ляется ключевым районом Шанхая как
международного финансового центра.

Была поставлена задача создать здесь
еще более интернациональную, марке-
тизированную и выстроенную в соот-
ветствии с законом деловую среду.

Район Экспо является ключевым
участком нового этапа развития Шан-
хая, концентрирующим финансы, авиа-
перевозки, культуру, спорт, туризм,
высокотехнологичные услуги.

Район освоения Цзиньцяо
(20,48 кв. км) был создан в 1990 г. и пре-
вратился в ведущий в Шанхае центр пе-
редовой перерабатывающей промыш-
ленности, стратегических новых отрас-
лей и образцовый район биоинжене-
рии. Району Цзиньцяо предстоит стать
зоной производства продукции страте-
гических новых отраслей, способных
представлять Китай в международной
конкуренции.

Участок Чжаныцзян (37,2 кв. км)
ориентирован на развитие науки и вы-

Таблица 2. Показатели экономического развития Шанхайской экспериментальной
зоны свободной торговли в 2015 г.

Table 2. Indicators of Economic Development of the Shanghai Experimental
Free Trade Zone in 2015

Показатель	Ед. измерения	Объем
Бюджетные доходы	млрд юаней	44,474
Число объектов с прямыми иностранными инвестициями (по контрактам)	ед.	3072
Иностранные инвестиции (по контрактам)	млрд долл.	39,626
Фактические поступления иностранных инвестиций	млрд долл.	4,821
Валовая стоимость промышленности	млрд юаней	390,10
Розничный товарооборот	млрд юаней	2686,65
Доходы в сфере услуг	млрд юаней	359,90
Внешнеторговый товарооборот, в т. ч. экспорт	млрд юаней млрд юаней	741,54 202,70

Источник: Статистический ежегодник Шанхая 2016. Таблица 1-4.

3 Пудун – буквально «к востоку от реки Хуанпу» – район Шанхая, старт инвестиционному развитию которого был дан в 1990 г.

соких технологий. Основной ориентир – повышение инновационного потенциала не только ЭЗСТ и всего Шанхая, но и страны в целом [Жэнь Сюэу 2017, с. 46–47].

Таким образом, с расширением Шанхайская ЭЗСТ получила мощную дополнительную опору в сферах производства, финансов и научно-технического обеспечения. Существенно вырос ее производственный и инновационный потенциал.

Развитие Шанхайской ЭЗСТ в 2015 г. пошло уже на новой, значительно более масштабной территориальной и экономической базе. Показательно, что абсолютные показатели функционирования зоны в 2015 г. «Статистический ежегодник Шанхая» привел только в абсолютных величинах, без показа относительной динамики изменений по сравнению с предшествующим годом (см. таблицу 2).

Период 2016–2017 гг. стал, судя по всему, самым динамичным в развитии Шанхайской ЭЗСТ. Упрощение внешнеторговых и инвестиционных процедур и порядка финансовых расчетов способствовало дополнительному притоку иностранных инвестиций и росту внешней торговли зоны, и это при том, что в 2016 г. общий торговый товарооборот Китая сократился на 0,9% в юаневом и на 6,8% в долларовом выражении [Таможенная статистика 2016, № 12, с. 3, 112]. Если в 2013–2016 гг., когда внешнеторговый оборот Шанхайской ЭЗСТ учитывался только по одному начальному участку Вайгаоцяо, доля внешней торговли зоны в общем Шанхайском показателе составляла 25–27%, то после учета данных внешней торговли расширенной территории зоны этот показатель превысил 40%.

Количество зарегистрированных в ЭЗСТ предприятий выросло с 10 тыс.

Таблица 3. Показатели развития Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли в 2016–2017 гг.

Table 3. Development Indicators of the Shanghai Free Trade Zone in 2016–2017

Показатель	2016		2017	
	млрд ю.	прирост, %	млрд ю.	прирост, %
Доходы местного бюджета	55,93	23,7	57,84	8,6
Поступление прямых иностранных инвестиций (млрд долл.)	6,17	28,2	7,01	13,5
Совокупные общественные инвестиции	60,79	9,4	68,03	12,4
Валовая стоимость промышленности	431,28	14,2	492,49	14,8
Розничный товарооборот	3360,92	6,9	3704,26	10,2
Доходы в сфере услуг	416,75	7,0	515,77	14,3
Внешнеторговый товарооборот, в т. ч. экспорт	783,68	5,5	1350,0	14,7
	231,58	14,5	405,31	3,0
Число денежно-кредитных организаций (на конец года, единиц)	4651	11,9	46,30	-0,5

Источник: [Исследовательский доклад 2019, с. 54, 56]. Данные о внешней торговле в 2016 г. – только по участку Вайгаоцяо.

до 41 тыс. к концу 2017 г., при этом доля предприятий с иностранными инвестициями достигла, по разным данным, 20%, или 31% по сравнению с 5% на начальном этапе учреждения зоны. Среди зарегистрированных в Шанхайской ЭЗСТ компаний функционировали 85 головных региональных офисов и 230 операционных центров транснациональных компаний, 71 высокотехнологичное предприятие, 1908 компаний финансового лизинга⁴. Динамично росли промышленность (особенно электроника, нефтехимия, производство машин и оборудования) и розничная торговля (см. таблицу 3).

Определенное ухудшение внешних условий вследствие развязанной Д. Трампом американо-китайской торговой войны негативно повлияло на деятельность Шанхайской ЭЗСТ в

2018 г. Несколько сократились по сравнению с предыдущим годом объем промышленного производства, привлечение прямых иностранных инвестиций и общий объем инвестиций. По ряду параметров, в т. ч. по привлечению иностранного капитала и совокупным общественным инвестициям, ситуация в 2019 г. заметно улучшилась. В то же время один из центральных показателей, характеризующих функционирование зоны, – объем внешней торговли – стабильно оставался «в норме», т. е. сохранился положительный прирост и в 2018, и в 2019 гг. (см. таблицу 4). Напомним, в Китае в целом объем внешнеторгового товарооборота в 2019 г. сократился в долларовом выражении на 1%, в т. ч. импорта – на 2,8% [Таможенная статистика 2019, № 12]. Доля ЭЗСТ во внешнеторговом това-

Таблица 4. Показатели развития Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли в 2018–2019 гг.

Table 4. Development Indicators of the Shanghai Experimental Free Trade Zone in 2018-2019

Показатель	2018		2019	
	млрд ю.	прирост, %	млрд ю.	прирост, %
Доходы местного бюджета	64,81	12,0	58,86	-9,2
Поступления прямых иностранных инвестиций (млрд долл.)	6,77	-3,5	7,963	17,6
Совокупные общественные инвестиции	63,80	-6,2	72,56	13,7
Валовая стоимость промышленности	496,50	-0,7	465,23	-2,5
Розничный товарооборот	4087,48	7,2	4300,84	4,5
Доходы в сфере услуг	572,4	11,8	578,73	0,9
Внешнеторговый товарооборот, в т. ч. экспорт	1460,00 454,25	4,1 8,3	1484,18 449,35	4,4 3,8

Источник: Статистическое коммюнике о народно-хозяйственном и социальном развитии города Шанхая в 2018 (2019) // <http://tjj.sh.gov.cn/tjgb/20191115/0614-1003219.html>, дата обращения 21.04.2020 (на китайском); [Статистическое коммюнике 2020].

4 Welcome to China (Shanghai) pilot free trade zone – слайд-презентация, 2018 г. В других источниках говорится о создании в зоне к середине 2018 г. 9900 предприятий с иностранными инвестициями с долей 20% от общего числа (55 тыс.) вновь созданных предприятий [Исследовательский доклад 2019, с. 33].

рообороте Шанхая с 41,87% в 2017 г. выросла до 42,93% в 2018 г. и до 43,59% в 2019 г. Доля ЭЗСТ в экспорте Шанхая составила 30,9% в 2017 г., 33,24% в 2018 г. и 32,72% в 2019 г.⁵.

Продолжилось и **качественное развитие Шанхайской ЭЗСТ**.

Успешно внедрялся и совершенствовался **принцип «единого окна»** при оформлении судовых документов и сопроводительных документов импортно-экспортных операций, существенно сократилось число контрольно-разрешительных инстанций и время на получение их согласия. На начальном этапе электронная платформа, предоставляющая услугу «одного окна», охватывала лишь таможенную и контрольно-инспекционную службу, а в 2018 г. платформа собрала воедино услуги уже 23 ведомств. Количество предоставляемых данных было сокращено с 1113 до 388. 100% судовых деклараций и 95% товарных деклараций предоставляется в режиме единого окна [Исследовательский доклад 2019, с. 37].

Дебюрократизация оформления торговых сделок в Шанхайской ЭЗСТ и превращение этого вида деятельности в более удобный для иностранных контрагентов процесс (по-китайски – «бяньлихуа») не остались незамеченными международными экспертами. Благодаря новациям в Шанхайской зоне Китай в рейтинге условий для ведения бизнеса передвинулся с 78-го места в мире (из 190 стран и территорий) в 2017 г. сразу на 46-е в 2018 г. и на 31-е место в 2019 г. Рейтинг рассчитывается Всемирным банком на основе оценки условий для ведения бизнеса в двух городах каждой страны. В Китае оценивается соответствующая ситуация в Шанхае (55% суммарного показате-

ля) и в Пекине (45%) [Исследовательский доклад 2019, с. 44; Doing Business 2018, р. 4; Doing Business 2019, р. 5; Doing Business 2020, р. 4].

Для удобства торговых расчетов действующие в ЭЗСТ коммерческие банки и финансовые компании учредили к середине 2018 г. свыше 70 тыс. т. н. **зональных счетов**, осуществляющих расчеты как в жэньминьби (юанях), так и в иностранных валютах [Исследовательский доклад 2019, с. 38, 55]. К концу 2019 г. число зональных счетов увеличилось до 131 тыс., а объем трансграничных расчетов в юаневом эквиваленте превысил 3,8 трлн юаней [Статистическое коммюнике 2020]. Ряд экспертов оценивает создание таких счетов как фактическое начало перехода к конвертируемости юаня по капитальным счетам. При этом пересчет денежных средств осуществляется по курсу текущего дня. (По классификации Международного валютного фонда, операции по счетам капитала включают 40 конкретных видов действий, включаемых в 7 укрупненных групп. В Китае в настоящее время конвертируемость осуществляется по 35 видам и не осуществляется по 5 видам операций.) Эксперименты в ЗСТ Шанхай также расширяют возможности индивидуального инвестирования за рубежом. Дело в том, что, согласно установленным в Китае нормативам, граждане страны могут обменивать на расходы за рубежом на человека в год (туризм, потребление и т. п.) не более 50 тыс. долл. Наличие «зональных счетов» позволяет обойти это ограничение и дать возможность гражданам КНР с хорошей репутацией делать инвестиции за границей [Жэнь Сюэу 2017, с. 163].

Серьезные инновации были внедрены в сферу **привлечения иностран-**

5 Рассчитано по данным Статистических коммюнике о народно-хозяйственном и социальном развитии города Шанхая в 2017, 2018 и 2019 гг.

ных инвестиций. Долгое время инвестирование осуществлялось на базе периодически обновляемого единого каталога, содержавшего перечни сфер, привлечение извне капиталовложений в которые, соответственно, поощрялось, запрещалось или оговаривалось теми или иными условиями. Сразу после официального ввода в действие Шанхайской ЭЗСТ городское правительство обнародовало «Специальные меры Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли по управлению допуском на рынок иностранных инвесторов». Документ имел и второе название – «негативный список» (фумянь циндань). В негативный список вошло 190 из 1069 имевшихся в ЭЗСТ видов хозяйственной деятельности, или 17,8%. Негативный список указывал на отрасли, привлечение в которые иностранного капитала запрещалось. Что касается видов деятельности, не включенных в «негативный список», то иностранные инвестиции в обычные объекты переводились с прежней процедуры многочисленных согласований и утверждений, длившихся до нескольких месяцев, на новую практику «оформления вслед за подачей документов» («бэйянь чжи»), при которой за 4 дня можно было получить лицензию на ту или иную деятельность, идентификационный номер и налоговую регистрацию [Жэнь Сюэу 2017, с. 95]. По другим данным, «система подачи проекта» позволила сократить количество предоставляемых документов с десяти до одного электронного прошения, а сроки оформления уменьшить с восьми до одного рабочего дня [Исследовательский доклад 2019, с. 34–35].

Число позиций, включенных в «негативный перечень», из года в год сокращалось: от 139 в 2014 г. до 122 в 2015 г., 95 в 2017 г. и 45 в 2018 г. [Жэнь Сюэу 2017, с. 98–100; Исследовательский доклад 2019, с. 7, 55]. Некото-

рые интересные особенности формирования «негативного списка» можно увидеть на примере перечня за 2015 г., опубликованного в доступной нам литературе. При ревизии перечня число сохраненных в нем видов перерабатывающей промышленности было сокращено с 50 до 17, в числе попавших под запрет отраслей остались авиа- и судостроение, производство железнодорожного подвижного состава и оборудования связи. Напротив, переработка сельхозпродукции (кроме зерна), изготовление вин и табачных изделий, продукции культурного назначения были полностью открыты для иностранного капитала. Вместе с тем перечень запрещенных для зарубежных инвестиций видов деятельности был расширен по таким позициям, как культура, спорт и некоторые досуговые мероприятия. В частности, запрещалось создание теле- и радиостанций, религиозных учебных заведений, издание газет и журналов. Запрещалось также инвестировать в создание исследовательских структур в гуманитарных и общественных науках [Жэнь Сюэу 2017, с. 100–111].

Опыт Шанхайской зоны нарабатывался не в последнюю очередь с целью распространить наиболее успешные его компоненты на другие регионы Китая и даже на страну в целом. Отталкиваясь от инноваций зоны в привлечении иностранных инвестиций, Комитет по реформам и развитию и Министерство торговли 2 марта 2016 г. обнародовали экспериментальный «Проект негативного списка по выходу на рынок», перечисливший сферы хозяйствования, запрещенные или ограничиваемые для инвестиционной деятельности на территории КНР. В него вошли 96 запрещенных для инвестирования и 232 ограничиваемых вида деятельности [Жэнь Сюэу 2017, с. 112].

В связи с путаницей, возникшей у китайских и зарубежных бизнесменов из-за одновременного наличия двух различных негативных списков, Госсовет КНР дал дополнительные пояснения. Согласно им, «негативный список по выходу на рынок» («Шичан чжунь-жу фумянь цинданы») является единой образной мерой управления, применяемой к внутренним и внешним инвесторам. Это единое требование, регулирующее выход на рынок субъектов рынка всех типов. Что касается негативного списка для иностранных инвесторов, то он представляет собой специальную меру управления, применяемую к инвестиционным действиям иностранных бизнесменов на территории Китая. Подчеркивается, что «негативный список» для иностранного бизнеса необходимо утверждать в тесной увязке с переговорами по предмету инвестирования. Данный вид негативного списка пока ограниченно применяется лишь в ЭЗСТ, это еще эксперимент, причем самостоятельно предложенный Китаем, а не выработанный в ходе переговоров [Жэнь Сюэу 2017, с. 113].

В докладе о плане народно-хозяйственного и социального развития КНР на 2020 г., обнародованном на сессии Всекитайского собрания народных представителей 22 мая 2020 г., констатировалось сокращение в настоящее время «негативного перечня» до 40 позиций по стране в целом и до 37 позиций по экспериментальным зонам свободной торговли.

Рост числа сфер хозяйствования, оставшихся вне негативного списка, означает заметное расширение открытости Китая иностранному бизнесу.

Отметим, что на Шанхайскую ЭЗСТ были дополнительно возложены новые задачи: содействие развитию бассейна реки Янцзы и реализации инициативы «Пояс и путь». К концу 2019 г. предприятия Пудуна суммарно вели 454 инвестиционных объекта в 32 странах «Пояса и пути», от Чехии до Сингапура, с общими вложениями китайской стороны 7,42 млрд долл. [Статистическое коммюнике 2020].

В августе 2019 г. было решено расширить Шанхайскую ЭЗСТ за счет участка Линьган площадью 119,5 кв. км в дальней юго-западной части Пудуна. Строительство промышленного кластера ведется здесь с 2003 г., реализуются около 500 проектов, в т. ч. строительство первого в Китае завода американской фирмы «Тесла» с инвестициями 50 млрд юаней (порядка 7 млрд долл.)⁶. Линьгану предстоит также выполнять функции оффшорной торговой территории, усилить значение Шанхая как морского порта – а он является мировым лидером по перевалке контейнеров.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что, несмотря на все перипетии, развитие Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли следует признать успешным. Зона целенаправленно реформировала правила ведения внешней торговли, привлечения иностранных инвестиций, осуществления торговых расчетов, тем самым готовя условия для дальнейшего повышения уровня открытости китайской экономики внешнему миру.

Шанхайская ЭЗСТ сыграла роль первопроходца, проторив путь к созданию в КНР целой сети подобных зон. Уже к настоящему времени эксперименталь-

6 China (Shanghai) Pilot Free Trade Area. Lingang New Area (2019) // Invest in China, December 13, 2019 // http://investinchina.chinadaily.com.cn/s/201912/13/WS5df33055498e1ed196a6b290/china-shanghai-pilot-free-trade-zone_2.html, дата обращения 22.06.2020.

ные зоны свободной торговли вышли на позицию ведущей территориальной формы внешнеэкономической открытости Китая, потеснив в этом отношении широко известные специальные экономические зоны – СЭЗ. С 2014 г. наблюдается неуклонное снижение доли СЭЗ во внешнеторговом товарообороте КНР: 15,14% в 2014 г., 15,08% в 2015 г., 14,57% в 2016 г., 13,72% в 2017 г., 13,31% в 2018 г. и 12,87% в 2019 г. (рассчитано по данным: [Таможенная статистика 2014–2019]). Суммарная доля внешней торговли китайских ЭЗСТ в 2019 г. составила 13,1% внешнеторгового товарооборота страны, т. е. около 600 млрд долл. Более трети этой суммы дала Шанхайская зона. Суммарная доля ЭЗСТ в привлечении иностранных инвестиций составила в 2019 г. 15%⁷.

В целом же Шанхайская экспериментальная зона свободной торговли, наряду с другими китайскими образованиями такого рода, все в большей мере становится одним из важных символов приверженности современного Китая политике реформ и открытости и неуклонному курсу на глобализацию экономики.

Эпидемия коронавируса COVID-19 в Китае в феврале-марте 2020 г. привела к приостановке деятельности части резидентов Шанхайской ЭЗСТ. Однако вслед за ослаблением карантина производство в зоне начало восстанавливаться довольно быстро. Дальнейшая динамика развития зоны будет зависеть главным образом не от внутрикитайских факторов, а от нормализации ситуации в мировой экономике в целом. Разумеется, какие-то заминки в работе Шанхайской ЭЗСТ в ближайшее

время вполне вероятны. Однако в перспективе, на наш взгляд, не подлежит сомнению дальнейшее усиление роли зоны в содействии развитию Шанхая и всего внешнеэкономического комплекса Китайской Народной Республики.

Список литературы

Доклад о развитии зон свободной торговли Китая-2017 (2017). Пекин (на китайском).

Жэнь Сюэу (2017) Книга, чтение которой помогает понять, что такое зоны свободной торговли. Пекин (на китайском).

Исследовательский доклад о развитии экспериментальных зон свободной торговли Китая-2019. Создавать новые высоты политики реформ и открытости в новую эпоху (2019). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ (на китайском).

Костюнина Г.М. (2008) Свободные экономические зоны в России и мире. М.: МГИМО-Университет.

Портяков В.Я. (2018) Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 65–75 // https://elibrary.ru/download/elibrary_32792270_64918954.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Портяков В.Я. (2019) Внешнеэкономические связи Китайской Народной Республики // Проблемы Дальнего Востока. № 5(1). С. 87–100 // https://elibrary.ru/download/elibrary_41491618_41239297.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Рогожин А. (2017) Новые зоны свободной торговли в КНР // ИМЭМО РАН. 23 августа 2017 // <https://www.ime->

⁷ Импорт и экспорт экспериментальных зон свободной торговли и их участков стабильны, преимущества ориентации на внешний рынок очевидны (2020) // <http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/news/gnxw/202003/100416/html>, дата обращения 21.04.2020 (на китайском).

mo.ru/news/events/text/novie-zoni-svo-bodnoy-torgovli-v-knr, дата обращения 22.06.2020.

Статистическое коммюнике о народнохозяйственном и социальном развитии города Шанхая в 2019 г. (2020) // <http://tjj.sh.gov.cn/tjgb/20200329/05f0f4abb2d448a69e4517f6ab448819.html>, дата обращения 21.04.2020 (на китайском).

Таможенная статистика (2014–2019). Пекин (на китайском).

Doing Business 2018. Reforming to Create Jobs (2018) // The World Bank // <https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB18-print-report.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Doing Business 2019. Training for Reform (2019) // The World Bank //

https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2019-report_web-version.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies (2020) // The World Bank // <http://documents.worldbank.org/curated/en/688761571934946384/pdf/Doing-Business-2020-Comparing-Business-Regulation-in-190-Economies.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

World Investment Report 2019. Special Economic Zones (2019) // United Nations Conference on Trade and Development // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf, дата обращения 22.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-6

Shanghai Experimental Free Trade Zone

Vladimir Ya. PORTYAKOV

DSc in Economics, Professor

Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 117997,
Nakhimovskij Boulevard, 32, Moscow, Russian Federation

E-mail: portyakov47@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9188-2341

CITATION: Portyakov V.Ya. (2020) Shanghai Experimental Free Trade Zone. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 103–117 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-6

Received: 13.05.2020.

ABSTRACT. *In 2013 the People's Republic of China has entered the second stage of foreign economic openness. If at the first stage, which started in the late 1970s as an integral part of the overall reform policy, China focused primarily on attracting foreign equipment and technologies, knowledge, and capital, at the new stage, the sending abroad Chinese capital, goods, services, and technologies becomes at least an equal task. One of the most important elements of this stage is the creation of experimental free trade zones (EFTZ), designed to help China master the most advanced world rules and regulations for conducting trade, investment activities, and international financial transactions.*

The first such zone was created in 2013 in Shanghai. At the very end of 2014, EFTZ were established in Tianjin, Fujian and Guangdong. This event was followed by the creation of zones in 7 more provinces of the PRC (5 of which are in the inner and Western regions of the country). In 2018, Hainan island was declared a free trade zone, and in the summer of 2019 EFTZ were established in six other regions of China.

China's experimental free trade zones have been in existence for more than six years. They have accumulated a variety of operational experience, which is also be-

ing implemented in national practice and is partially reflected in this article.

The article focuses on the Shanghai EFTZ. The article shows changes in its format and describes features of zone's development at the initial stage of 2013-2015, in the dynamic period of 2016-2017 and in the context of complex external economic conditions (2018-2019). This text was prepared on the basis of original Chinese-language sources, including official statistical materials of Shanghai. Useful information was also obtained during a visit to the Shanghai EFTZ in April 2019, organized with the assistance of the Consulate General of the Russian Federation in Shanghai.

KEY WORDS: China, Shanghai, experimental free trade zone, sites, foreign trade, investment, "negative list"

References

China's Customs Statistics (2014–2019), Beijing (in Chinese).

China's Experimental Free Trade Zones Development-2017 (2017), Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe (in Chinese).

Doing Business 2018. Reforming to Create Jobs (2018). *The World Bank*. Avail-

able at: <https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB18-print-report.pdf>, accessed 22.06.2020.

Doing Business 2019. Training for Reform (2019). *The World Bank*. Available at: https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2019-report_web-version.pdf, accessed 22.06.2020.

Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies (2020). *The World Bank*. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/688761571934946384/pdf/Doing-Business-2020-Comparing-Business-Regulation-in-190-Economies.pdf>, accessed 22.06.2020.

Kostyunina G.M. (2008) *Free Economic Zones in Russia and in the World*, Moscow: MGIMO-Universitet (in Russian).

Portyakov V.Ya. (2018) Experimental Free Trade Zones in China. *Far Eastern Affairs*, no 2, pp. 65–75. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_32792270_64918954.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Portyakov V.Ya. (2019) Foreign Economic Relations of the People's Republic of China. *Far Eastern Affairs*, no 5(1), pp. 87–100. Available at: <https://elibrary.ru/down->

[load/elibrary_41491618_41239297.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_41491618_41239297.pdf), accessed 22.06.2020 (in Russian).

Ren Xuewu (2017) *A Book to Understand What a Phenomena Free Trade Zones Are*, Beijing: Renmin youdian chubanshe (in Chinese).

Research Paper on Development of China's Experimental Free Trade Areas-2019. To Create a New Height of Reform and Openness Policy in a New Epoch (2019), Shanghai: Shanghai renmin chubanshe (in Chinese).

Rogozhin A. (2017) New Free Trade Zones in the PRC. *IMEMO*, August 23, 2017. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/novie-zoni-svobodnoy-torgovli-v-knr>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Statistical Communiqué of Shanghai Economic and Social Development in 2019 (2020). Available at: <http://tjj.sh.gov.cn/tjgb/20200329/05f0f4abb2d448a69e4517f6ab448819.html>, accessed 22.06.2020 (in Chinese).

World Investment Report 2019. Special Economic Zones (2019). *United Nations Conference on Trade and Development*. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf, accessed 22.06.2020.

Постсоветское пространство

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-7

Основы внешнеполитического курса Азербайджанской Республики на современном этапе

Владимир Алексеевич АВАТКОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: v.avatkov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6345-3782

ЦИТИРОВАНИЕ: Аватков В.А. (2020) Основы внешнеполитического курса
Азербайджанской Республики на современном этапе // Контуры глобальных
трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 118–139.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-7

Статья поступила в редакцию 31.12.2019.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основы внешнеполитического курса Азербайджана на современном этапе. Главное внимание уделяется документальному обоснованию внешней политики, политико-правовым основам внешнеполитической стратегии, ключевым организациям в данной области. Приводится анализ наиболее значимых направлений внешнеполитического курса Азербайджанской Республики. Отмечается, что республика пытается найти новый баланс в регионе и мире, прагматично поддерживая контакты с главными игроками региона: Россией, США, Турцией и Ираном.

При этом во внешнеполитических документах Баку особый акцент делается на взаимодействии с Западом, в частности, наблюдается укрепление не только в рамках доктринального взаимодействия с НАТО и ЕС, но и постоянные контакты по всем политическим, эконо-

мическим и военным линиям. Кроме того, руководство Азербайджана уделяет особое внимание проблеме Нагорного Карабаха. В статье также показано, что основополагающие документы, определяющие внешнюю государственную повестку, хоть и являются в достаточной мере западноориентированными, в то же время отражают амбициозность Азербайджана в контексте становления в качестве регионального центра силы. На данный процесс оказывают влияние и внешние акторы, в частности Турецкая Республика. Было определено, что территориальный вопрос, логистическая и военная проблематика, региональные и мировые политические тенденции являются индикаторами, благодаря которым можно наблюдать трансформацию внешнеполитического курса Азербайджана. В контексте двусторонних отношений Азербайджана и России выявлено, что взаимодействие между странами представ-

ляется значимым для обоих государств с точки зрения обеспечения безопасности на Южном Кавказе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *международные отношения, внешняя политика, Азербайджанская Республика, Ильхам Алиев, Российская Федерация, неоосманизм, мультикультурализм, мягкая сила*

После распада Советского Союза возникшие государства Южного Кавказа и Центральной Азии были вынуждены формировать свою государственность в новых условиях. Их внешнеполитический курс формировался часто спонтанно, хаотично, базировался на экстремальных условиях и воззрениях, подразумевающих свойственные для Востока лидероцентризм и «откат» к традиционным ценностям. Во многом структура политического процесса складывалась на основе усиления религиозной составляющей, национализма, архаизации политического сознания при формальном копировании западных форм с подстраиванием их под собственную специфику. Исключением не стал и Азербайджан, который продолжает выстраивать свой внешнеполитический курс, формирующийся вокруг президента, вокруг «многовекторности», идеологом «неприсоединения» и «азербайджанства».

В большинстве восточных стран мира особую роль в становлении внутри- и внешнеполитического курса играет глава государства, который становится не просто управленцем, а «лидером нации». Связано это с тем, что он закрепляет себя в истории страны как личность, которая является наиболее влиятельной в разветвленной системе межгосударственных и международных связей. Одним из таких лидеров стал дей-

ствующий президент Азербайджанской Республики Ильхам Гейдар оглы Алиев. По словам профессора С. Чернявского, «внешнеполитический курс Азербайджана в период президентства И. Алиева отличается системностью и стратегической выверенностью принимаемых решений, прагматизмом и сбалансированностью» [Чернявский 2013, с. 65].

В рамках формирования нового фундамента внешнеполитического курса, о котором пойдет речь ниже, Азербайджан пытается лавировать между ключевыми державами, значимыми для региона: Россией, США, Турцией и Ираном. При этом наиболее значимой составляющей политики государства остается вопрос Нагорного Карабаха: именно вокруг него строятся ключевые линии сотрудничества и противостояния, что во многом влияет и на внутреннюю идентичность через классическое противопоставление «свой – чужой».

В условиях трансформации системы международных отношений и развития государств постсоветского пространства в новых условиях представляется актуальным и значимым с позиции интересов России выявить основы внешнеполитического курса Азербайджана: политико-правовое поле, организационную структуру, закономерности и приоритеты.

Документальное обоснование внешнеполитического курса Азербайджана

Среди ключевых документов, определяющих внешнеполитический курс Азербайджана, следует назвать Конституцию, Концепцию национальной безопасности¹, положение о МИД

1 Azərbaycan Respublikasının Milli Təhlükəsizlik Konsepsiyasının Təsdiq Edilməsi Haqqında (2007) // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi, May, 2007 // <http://www.e-qanun.az/framework/13373>, дата обращения 22.06.2020 (на азербайджанском).

Азербайджанской Республики², Закон о дипломатической службе, Закон о государственной политике в отношении азербайджанцев за рубежом³, а также концепции развития, в т. ч. не реализованную «Азербайджан–2020: взгляд в будущее» [Концепция развития «Азербайджан–2020: взгляд в будущее» 2012].

Конституция Азербайджана была принята в 1995 г. на референдуме и на данный момент действует с поправками 2002 и 2009 гг. В ней, в частности, указано, что главным определяющим лицом во внешней политике республики является президент (ст. 8), а во главу угла взаимодействия с другими государствами ставится международное право (ст. 10), право ратификации и денонсации международных договоров находится в руках парламента – Милли Меджлиса (ст. 94), президент же «вносит представления в Милли Меджлис Азербайджанской Республики об учреждении дипломатических представительств Азербайджанской Республики в иностранных государствах и при международных организациях, назначает и отзывает дипломатических представителей Азербайджанской Республики в иностранных государствах и при международных организациях», принимает верительные грамоты и заключает международные договоры (ст. 109). Говорится в конституции и о верховенстве международного права над национальным (ст. 151).

Особое внимание уделяется тому факту, что Азербайджан «отвергает войну ... как способ решения международных конфликтов» (ст. 9). Нацио-

нальный парламент должен дать согласие на объявление войны и заключение мира по представлению президента Республики (ст. 95).

Что касается концепции национальной безопасности Азербайджанской Республики (от 23 мая 2007 г.), в ней представлены национальные интересы государства, которые включают в себя, в числе прочих, следующие пункты:

- защиту независимости и территориальной целостности государства, обеспечение неприкосновенности его границ, признанных на международном уровне;
- сохранение единства азербайджанского народа, усиление идеи азербайджанства;
- развитие направленного на интеграцию сотрудничества с международными организациями с общими ценностями в целях выполнения международных обязательств, внесения вклада в глобальную и региональную безопасность и стабильность;
- усиление национального самосознания и солидарности, основанных на ценностях, разделяемых азербайджанцами всего мира;
- охрана культурно-исторического наследия и моральных ценностей азербайджанского народа, а также их обогащение общечеловеческими ценностями, развитие языка, самосознания, чувств патриотизма и национальной гордости, интеллектуального потенциала [Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики 2007].

2 Azərbaycan Respublikasının Xarici İşlər Nazirliyi Haqqında Əsasnamənin Təsdiq Edilməsi Barədə (2004) // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi // <http://e-qanun.az/framework/5417>, дата обращения 22.06.2020 (на азербайджанском).

3 Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik // Azərbaycan Respublikasının Prezidenti // <https://ru.president.az/documents/laws>, дата обращения 22.06.2020 (на азербайджанском).

Среди угроз, прописанных в Концепции и значимых с точки зрения внешней политики Азербайджана, следует выделить:

- посягательства на независимость, суверенитет и территориальную целостность;
- сепаратизм, экстремизм;
- терроризм и распространение оружия массового уничтожения;
- региональные конфликты и транснациональная преступность;
- деятельность против энергетической инфраструктуры Азербайджана;
- внешняя политическая, военная или экономическая зависимость;
- региональная военизация.

Среди основных направлений обеспечения безопасности Азербайджана во внешней политике на первом месте стоит восстановление территориальной целостности, на втором – интеграция в европейские и евроатлантические структуры и только далее – сотрудничество с международными организациями, с «региональными государствами» (именно там речь идет о России) [Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики 2007].

Положение о МИД Азербайджанской Республики разделено на 5 глав: общие положения, основные задачи, функции министерства, законодательство, форма деятельности. Помимо традиционных пунктов о деятельности МИДа, мало отличимых от любого другого подобного Положения, следует отметить особый акцент на «президентоцентричности» документа⁴.

Министерство иностранных дел Азербайджанской Республики

В структуре Министерства иностранных дел Азербайджана присутствует 6 заместителей министра, а также следующие территориальные и функциональные департаменты: Департамент анализа и стратегических исследований; Департамент внешнеполитических вопросов; Департамент Восточной Европы и Центральной Азии; Департамент региональной безопасности; Департамент международной безопасности; консульский Департамент; два европейских Департамента; Департамент Азии; Департамент Ближнего Востока и Африки; Департамент Америки; Департамент лингвистического обеспечения; Департамент по правам человека и демократии; Азербайджанская дипломатическая академия (с 2014 г. – Университет АДА) и проч.

В организационно-штатной структуре МИД также имеются Секретариат министра, Служба государственного протокола, Департамент человеческих ресурсов и профессионального развития, Правовой департамент, Пресс-служба, Агентство международного развития, Финансовый департамент, Департамент Министерства иностранных дел Нахичеванской Автономной Республики⁵.

Министром иностранных дел Азербайджана с 2004 г. до 16 июля 2020 г. был Эльмар Магеррам оглы Мамедъяров, дипломат из семьи советских ученых, выпускник Киевского государственного университета, защитил кандидатскую

4 Azərbaycan Respublikasının Xarici İşlər Nazirliyi Haqqında Əsasnamənin Təsdiq Edilməsi Barədə (2004) // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi // <http://e-qanun.az/framework/5417>, дата обращения 22.06.2020 (на азербайджанском).

5 Structure of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic Azerbaijan (2020) // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan // http://www.mfa.gov.az/files/shares/Struktur_EN.pdf, дата обращения 31.07.2020.

диссертацию в Дипломатической академии МИД России (тогда, в 1991 г., – СССР). Свою службу в министерстве начал еще в советские годы, впоследствии – после распада СССР – занимался международными организациями и служил в США и Италии. Летом 2020 г. его сменил Джейхун Азиз оглы Байрамов, бывший министр образования.

В своих интервью Э. Мамедьяров отмечал, что Азербайджан проводит «независимую, многогранную, сбалансированную и активную внешнюю политику, основанную на национальных интересах и отстаивании ее позиций на мировой арене». Помимо суверенитета и территориальной целостности, в своем интервью политик особое значение придает факту председательствования Азербайджана в Движении неприсоединения на 2019–2022 гг., а также сотрудничеству с ЕС⁶.

Азербайджан является членом таких международных организаций, как ООН, Движение неприсоединения, СНГ, ОБСЕ, Партнерство НАТО по вопросам мира, СЕАП, Всемирная организация здравоохранения, Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Европейский банк реконструкции и развития, Совет Европы, ДОВСЕ, МВФ и Всемирный банк. Показательным с этой точки зрения является включенность Азербайджана в достаточное количество западных организаций.

Следует отметить 18-й саммит Движения неприсоединения, который состоялся 26 октября 2019 г. в Баку. Известно, что Азербайджан будет председательствовать до 2022 г. О значимости данного саммита президент И. Алиев также говорил в своем выступлении на итоговой

пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 3 октября 2019 г. в Сочи [Выступление президента Ильхама Алиева 2019]. По результатам саммита участники подписали Итоговый документ, Бакинскую политическую декларацию, Благодарность и солидарность Азербайджану и азербайджанскому народу и документ по Палестине [По итогам саммита Движения неприсоединения 2019].

Структуры, связанные с осуществлением внешнеполитического курса Азербайджана

Основным учебным заведением, осуществляющим подготовку дипломатов внутри страны, является Азербайджанская дипломатическая академия. В нынешнем виде как Университет АДА она создана в 2014 г., путем присоединения к организованной в 2006 г. Дипломатической академии Азербайджанского университета информационных технологий. В ней действуют четыре «школы» (международных отношений, бизнеса, образования, информационных технологий) и обучается около 2500 студентов, профессорско-преподавательский состав представляет 46 стран мира. Данный молодой и динамично развивающийся вуз возглавляет советский физик, азербайджанский дипломат Хафиз Мир-Джалал оглы Пашаев⁷.

На данном этапе Университет АДА находится в стадии активного развития, расширяет партнерскую сеть, работает над улучшением показателей по профессорско-преподавательскому и студенческому составу.

6 Xarici İşlər Naziri Elmar Məmmədyaşovun "İnterfaks" Agentliyinə Eksklüziv Müsahibəsi (2019) // Azərbaycan Respublikası Xarici İşlər Nazirliyi // <http://www.mfa.gov.az/news/882/6002>, дата обращения 22.06.2020 (на азербайджанском).

7 Azerbaijan Diplomatic Academy University // <https://www.ada.edu.az/en/about/ada-university#block-306>, дата обращения 22.06.2020.

6 февраля 2019 г. президент Азербайджана подписал указ о создании Центра анализа международных отношений, который призван анализировать региональные и мировые процессы, проводить «фундаментальные исследования, связанные с различными аспектами армяно-азербайджанского нагорнокарабахского конфликта, международными отношениями и вопросами безопасности», должен не только исследовать процессы, но и «доводить... позицию страны по данным вопросам» до мирового сообщества [Указ Президента Азербайджанской Республики 2019].

Существует специализированный научный журнал «İRS Наследие», на 16 языках отражающий внешнеполитические позиции Азербайджана⁸.

Активно действует Фонд Гейдара Алиева, который возглавляет Мехрибан Алиева – супруга президента Азербайджана, первый вице-президент, президент Фонда культуры Азербайджана, посол доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО. Как отмечается на официальном сайте организации, Фонд был создан «исходя из назревшей необходимости в выражении уважения и почтения памяти общенационального лидера Гейдара Алиева, отражении его богатого духовно-нравственного наследия, стремления подчеркнуть значимость для Азербайджана философии «азербайджанства» Гейдара Алиева, передачи новым поколениям идей национальной государственности».

Организация активно действует за рубежом, реализует проекты, в т. ч. в области образования, культуры, науки. Фонд проводит целый спектр мероприятий в целях популяризации Азербайджана⁹.

Для информационного сопровождения внешнеполитического курса действует Азербайджанское государственное информационное агентство АЗЕРТАДЖ (AZƏRTAC)¹⁰. Функционируют и другие информационно-аналитические порталы, рекламно-информационные проекты, одним из которых является Азербайджан-трэвэл, популяризирующий путешествия в республику¹¹.

Отдельные принципы и тенденции во внешнеполитическом курсе Азербайджана

В своей статье «Внешнеполитическая стратегия Азербайджана основана на национальных интересах и соответствует вызовам времени» (2017 г.) министр иностранных дел Азербайджанской Республики Э. Мамедъяров называет в качестве цели и основы внешнеполитического курса государства *Intelligent power*, оставляя данный термин без перевода. В качестве целеполагания он выделяет урегулирование армяно-азербайджанского конфликта, расширение сотрудничества с международными организациями, сохранение приверженности национальным духовным и религиозным ценностям, завершение проектов TANAP и TAP, работ по транспортным коридорам Восток – Запад, Север – Юг. Министр также отмечает, что Азербайджан выступает за построение миропорядка, основанного на верховенстве закона, за укрепление системы «справедливых и безопасных международных отношений» при «поощрении диалога культур и цивилизаций, мультикультурализма» [Мамедъяров (2) 2017].

8 IRS. Наследие // <http://irs-az.com/new/ru/journal>, дата обращения 22.06.2020.

9 Фонд Гейдара Алиева // <https://heydar-aliyev-foundation.org/ru>, дата обращения 22.06.2020.

10 AZƏRTAC // <https://azertag.az>, дата обращения 22.06.2020.

11 Азербайджан-трэвэл // <https://azerbaijan.travel/index.php?/ru/home>, дата обращения 22.06.2020.

Представляется, что в рамках своего внешнеполитического курса Азербайджан пытается проводить многовекторную политику и балансировать между различными региональными и мировыми игроками. Сбалансированность и прагматизм [Чернявский 2013, с. 65] являются краеугольными камнями во внешней политике республики. Значимой является и попытка доминирования на Южном Кавказе [Чернявский, Мехдиев 2017, с. 82], в первую очередь за счет использования своего взаимодействия с Турцией, а также за счет дружественных отношений с Москвой.

Особого внимания заслуживает и укрепление североатлантического вектора во внешнеполитическом курсе Баку. В заявлениях и статьях правящей элиты постепенно усиливается ориентация на Запад, что связано с целым рядом внутренних и внешних факторов. Следует обратить внимание на усиление взаимодействия банковских, государственных и частных структур с США и ЕС. Например, подписание соглашения о партнерстве между ЦБ Азербайджана и Банком Rotchild & Cie.

Следует также выделить сотрудничество Азербайджана и Турции в различных сферах. Турецкая Республика была первой, кто признал независимость Азербайджанской Республики. Сегодня сотрудничество между странами проходит через культурную, политическую, экономическую сферу. Важно отметить, что на данный момент Азербайджан является одним из пяти государств постсоветского пространства, которое в наибольшей степени подвергалось и подвергается влиянию Турецкой Республики [Малышева 2017, с. 48]. Для нее Азербайджан представляет собой «опорную точку» на территории СНГ, поскольку на протяжении истории именно с этой страной у Турции сложился прочный диалог по ряду политических и стратегических во-

просов (нагорнокарабахский конфликт и т. д.).

В частности, наблюдается усиление турецкого влияния на внешнеполитический курс Азербайджана, что связано с активной политикой Анкары по использованию «мягкой силы» в отношении своих партнеров по «тюркскому миру» [Дружиловский 2005; Малышева 2017], в рамках доктрин «неопантюркизма» [Надеин-Раевский 2018, с. 157] и «неоосманизма» [Аватков 2014, с. 74]. Особого внимания в этом контексте заслуживают инфраструктурные коридоры по линии Азербайджан – Турция через Грузию.

Что касается влияния Турции, то во многом Турция пытается оказывать влияние на формирование образования и науки во всех тюркских государствах, включая Азербайджан, что впоследствии может привести к формированию подконтрольного Анкаре лобби. Результатом такого тесного сотрудничества стала поддержка Азербайджаном идеи о необходимости интеграции тюркских государств и, в этой связи, создания «организаций-посредников» по распространению турецкой «мягкой силы». Главной целью создаваемых организаций являлось усиление позиций республики на территории «тюркского мира». В рамках концепции пантюркизма прослеживается объединение тюркских народов под одной туркоцентричной идеологией и создание таких интеграционных проектов, как ТИКА и ТЮРКСОЙ.

Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА) было создано практически сразу после распада Советского Союза – в 1992 г. – в связи со складывающейся геополитической реальностью и образованием целого ряда независимых государств, большая часть из которых воспринималась Турецкой Республикой как родственная. Турция стала первой страной, признавшей суверенность образованных республик.

Именно поэтому при поиске информации об организации на официальном сайте, на главной странице можно найти не историю создания ТИКА, а повествование об итогах распада Советского Союза, о принципе единства тюркских наций и об общих закономерностях исторического пути и развития со всеми тюркскими странами постсоветского пространства и Азербайджаном, который выделен среди них отдельно¹².

ТЮРКСОЙ – Международная организация тюркской культуры, не имеет официальных представительств на территории других государств и основана Турецкой Республикой, Азербайджаном и странами СНГ. Как кажется на первый взгляд, ТЮРКСОЙ занимается взаимодействием в наиболее узкой сфере – по сохранению и распространению тюркского культурного наследия, однако это не мешает проводить подобную политику и через образовательные проекты.

Важно подчеркнуть, что данные организации – одни из самых крупных площадок по созданию «турецкого лобби» на территориях стран, включенных в их функционирование.

В рамках турецкого влияния на формирование образования и науки Азербайджана Совет по научно-техническим исследованиям Турции планирует осуществить ряд проектов в Азербайджанской Республике. На начальном этапе Национальный институт метрологии при TÜBİTAK планирует создать в 2020–2022 гг. 27 лабораторий в Азербайджанском институте метрологии. «TÜBİTAK заинтересован в расширении деятельности в Азербайджане и других тюркоязычных государствах» [Хафизоглу (2) 2020].

Однако стратегически важной с точки зрения распространения турецкого влияния является степень вовлеченности тюркоязычных народов России в данный процесс. Наиболее активными с этой точки зрения являются Татарстан и Башкирия. Стоит отметить, что именно эти два субъекта Российской Федерации имеют официальный статус наблюдателя в вышеупомянутой организации ТЮРКСОЙ.

Особого внимания заслуживает развитие двусторонних и межрегиональных отношений республик с Республикой Азербайджан как главного «проводником» Турции по распространению пантюркистских идей.

Сотрудничество Азербайджана с Республикой Татарстан было официально закреплено еще в 1996 г. [Двустороннее сотрудничество 2019]. Диалог в сфере гуманитарного сотрудничества в сферах образования, науки и культуры начался в 1997 г. с заключения Соглашения о культурном сотрудничестве между министерствами культуры Республики Азербайджан и Республики Татарстан. Что же касается сотрудничества в сфере образования, то с 2003 г. действует Договор о научном и образовательном сотрудничестве (продлен в 2012 г.), а в 2006 г. в Баку была принята программа о совместном сотрудничестве в области образования между министерствами образования.

Помимо Республики Татарстан, с недавнего времени и Башкирия стала интересна с точки зрения развития гуманитарных связей. По результатам Пятого российско-азербайджанского форума «Межрегиональное сотрудничество: новые точки роста», который был проведен в 2014 г., руководством Азербайджана была отмечена необхо-

12 Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı // <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakimizda-14649>, дата обращения 22.06.2020 (на турецком).

димось развития межрегионального диалога с Республикой Башкортостан [Каракеев 2014], в т. ч. в гуманитарной сфере. В частности, с 2015 г. обе стороны начали сотрудничество в сфере высшего образования в рамках программ обмена и стажировок [Фаизов 2018]. Помимо этого, с 2018 г., по итогам Девятого российско-азербайджанского форума, в области образования со стороны Башкирии также делается упор на изучение системы образования Республики Азербайджан, а также на программы среднего и дошкольного образования.

Несмотря на центробежные тенденции на постсоветском пространстве и особенности внешнеполитического курса Азербайджана, в т. ч. в контексте противостояния с Арменией, Баку удается поддерживать стратегические отношения с Москвой. Это связано с партнерско-дружескими отношениями между руководством двух стран, историей семьи Алиевых, а также тесным экономическим и этническим (диаспоральным) взаимодействием между народами России и Азербайджана.

Кроме того, после развала СССР двум государствам удалось создать прочную договорно-правовую базу отношений, включающую более 200 подписанных соглашений, документов о сотрудничестве на уровне субъектов Российской Федерации [Мамедъяров (1) 2017]. Наблюдается активное сотрудничество и в сфере образования. Помимо действующих филиалов российских вузов, в Азербайджане планируется открытие МГИМО [Итогом визита Мехрибан Алиевой в Париж стали новые договоренности 2019].

Значимой проблемой во взаимодействии Москвы и Баку остается фактор нерешенной карабахской проблемы. Очевидно, что со временем могут сыграть свою негативную роль и усилившееся взаимодействие Азербайджана

на с НАТО, сложное взаимодействие с ОДКБ, а также усиливающееся турецкое влияние, которое уже начинает проявляться на уровне элиты.

Индикаторы внешнеполитического курса Азербайджана

Среди ключевых индикаторов, определяющих изменения во внешнеполитическом курсе Азербайджана, можно назвать заявления руководителей государства и Министерства иностранных дел, встречи на высшем уровне, действия в отношении России, Турции, ЕС и НАТО, а также позицию по Нагорному Карабаху. По сферам индикаторы можно разделить на территориальные, информационные, геополитические и военные.

На протяжении длительного времени азербайджанскому руководству удается успешно маневрировать, реализуя «политику качелей» – стратегию по лавированию между ключевыми мировыми игроками при сохранении положительных отношений с Москвой, но с акцентами на НАТО, США, Евросоюз и Турецкую Республику. Успешность названного курса базируется на имеющихся экономических возможностях, проистекающих от обеспеченности энергоресурсами. Несмотря на снижение темпов роста экономики, удается сохранять относительную социальную стабильность, а значит, внутренние элементы не являются препятствием для реализации внешнеполитических задач.

Следует понимать, что самой главной проблемой национальной безопасности Азербайджанской Республики является решение нагорнокарабахского вопроса. Сегодня в отношении Нагорного Карабаха в контексте «политики качелей» изменений не наблюда-

ется. Достаточно непреклонная позиция продолжает артикулироваться властями всех уровней, этим же обеспечивается сплочение населения перед лицом угрозы извне. Угроза значима для поддержания стабильности и расширения финансирования Вооруженных Сил. При этом все переговорные процессы поддерживаются азербайджанской стороной, что способствует балансированию между ключевыми мировыми и региональными игроками. Смена власти в Армении, изначально настороженно воспринятая в Баку, не привела к значимым сдвигам в процессе урегулирования и не имеет высокого потенциала к изменению ситуации в переговорах, во многом – в связи с позицией внешних игроков относительно конфликта, в первую очередь речь идет о России.

В настоящее время в контексте проблемы принадлежности Нагорного Карабаха между президентом Азербайджана и премьер-министром Армении наблюдается обострение ситуации. В частности, на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи И. Алиев особое значение в своем выступлении придал проблеме урегулирования нагорнокарабахского конфликта: «четыре резолюции Совбеза ООН, в т. ч. резолюция, требующая немедленного вывода армянских сил с оккупированной территории, более 25 лет не выполняется». Таким образом, выдвигается вопрос «важности имплементации принятых решений и вопрос эффективности ООН».

На предыдущем выступлении премьер-министр Армении Никол Пашинян 5 августа 2019 г. в Степанакерте на открытии VII Всеармянских игр высказался о том, что «Карабах – часть Армении» [Аваков, Зеленская 2019]. В качестве своего рода «ответа» послужило заявление президента Азербайд-

жана на пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»: «Карабах миром признан как неотъемлемая часть Азербайджана. Карабах – Азербайджан!» [Выступление президента Ильхама Алиева 2019].

В ходе выступления на саммите глав государств СНГ в Ашхабаде 11 октября 2019 г. Ильхам Алиев напомнил, что главы СНГ неоднократно выступали против героизации фашистов. Однако, по словам азербайджанского лидера, этот принцип не соблюдается Ереваном, где до сих пор стоит памятник Гарегину Тер-Арутюняну – «фашистскому палачу и предателю, служившему у немецких фашистов под кличкой Гарегин Нжде». Алиев подчеркивает, что «героизации фашизма нет места на пространстве СНГ». В ответ на слова Алиева премьер Армении Никол Пашинян заявил, что Ереван поддерживает «любые конструктивные шаги, направленные на объективное освещение исторических событий тех лет» и выступает против «попыток их субъективной интерпретации». По словам премьера Армении, Нжде боролся против турецкой оккупации Армении и геноцида армян [Алиев и Пашинян поспорили 2019].

Кроме того, 4 декабря 2019 г. в Братиславе на полях 26-го саммита глав МИД стран – участниц ОБСЕ состоялась очередная встреча министров иностранных дел Азербайджана и Армении в рамках процесса урегулирования карабахского конфликта. Эльмар Мамедъяров и Зограб Мнацаканян обсудили меры укрепления режима перемирия в зоне карабахского конфликта. В ходе переговоров стороны придерживались противоположных мнений. По итогам встречи была достигнута договоренность о продолжении совместной работы в начале 2020 г. [В Братиславе завершилась встреча 2019].

Следует выделить наблюдаемый частичный сдвиг в пользу укрепления взаимодействия с Западом. Это не только доктринальное выделение взаимодействия с НАТО и ЕС, но и постоянные контакты по всем политическим, экономическим и военным линиям. Например, проходят постоянные Советы сотрудничества ЕС – Азербайджан, последний из которых прошел в апреле 2019 г., ведутся переговоры по новому всеобъемлющему соглашению, утверждены «Приоритеты партнерства», действует план «20 результатов к 2020 году». Активность Евросоюза базируется на желании диверсифицировать источники поставки энергоресурсов с Востока, при этом способствует укреплению Турции в качестве транзитной страны, энергетического хаба, поскольку через ее территорию идет газ в Европу, предполагается расширение поставок, в т. ч. из России по проекту «Турецкий поток». Для азербайджанской же стороны выгода от взаимодействия с ЕС лежит в следующих плоскостях: доходы от продажи энергоресурсов, поддержка действующего режима, политические дивиденды на международном и внутриполитическом уровнях.

Азербайджанская Республика воспринимает партнерство с евроатлантическими структурами в качестве средства, которое окажет в целом поддержку общей безопасности евроатлантического пространства, экономическому развитию и демократии [Гурбанов, Мехдиев, Сафранов 2015, с. 57].

Фиксация акцентов по НАТО на доктринальном уровне находит свое отражение в конкретных действиях. Весной 2019 г. в Азербайджане с визитом находилась военная делегация во главе с генеральным директором Международного военного штаба НАТО генерал-лейтенантом Яном Бруксом. На встрече с министром обороны Азербайджана Брукс высоко оценил свя-

зи между Азербайджаном и НАТО, особо отметил активное участие азербайджанских военнослужащих во многих программах Альянса. В рамках переговоров были обсуждены вопросы оперативной подготовки, проведения учений, развития военного образования, достижения взаимодействия между Азербайджаном и НАТО [Проведен обмен мнениями 2019].

Кроме того, 20 января 2020 г. помощник Президента Азербайджана Хикмет Гаджиев посетил штаб-квартиру НАТО, где встретился с заместителем Генерального секретаря НАТО Мирчей Джоанэ и принял участие в заседании государств-союзников в формате 29+1. На встрече и заседании состоялся обмен мнениями о партнерстве Азербайджана и НАТО, региональной безопасности. Страны НАТО отметили активное участие Азербайджана в программе партнерства во имя мира, вклад в операции альянса, прогресс, достигнутый в сфере реформ [Помощник Президента Азербайджана посетил штаб-квартиру НАТО 2020].

Западное направление в данном случае не является самой значимой целью, а выступает в качестве инструмента и выполняет лишь роль балансира в рамках «политики качелей».

Для укрепления международного баланса Баку пытается усиливать восточное направление сотрудничества. Например, с Ираном Азербайджан сегодня старается выстраивать сотрудничество вопреки внерегиональному влиянию, исходя из собственных интересов по концентрации на себе потоков по линии Восток – Запад и Север – Юг. Существует план по созданию железной дороги из Ирана в Азербайджан, что может расширить пассажиропотоки и возможности по движению грузов, особенно с учетом функционирования железнодорожного сообщения с другими государствами, например Турцией.

Но следует помнить, что до 1993 г. воплощаемая руководством несбалансированная внешнеполитическая стратегия привела к ситуации резкого политико-идеологического противостояния Азербайджана с Ираном. Учитывая возможности влияния ирано-азербайджанских отношений не только на международное положение республики, но и на внутривнутриполитическое состояние, глава Азербайджанской Республики стал перестраивать отношения на основе принципов добрососедства и сотрудничества.

Особое значение приобретает сотрудничество Баку с Китаем. Азербайджанская Республика придает особое значение китайскому фактору в своей внешней политике. На Форуме международного сотрудничества «Один пояс – один путь» председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин назвал Азербайджан одним из главных партнеров в Евразии и, в частности, заявил: «Вы находитесь на Великом Шелковом пути, являетесь естественным партнером по восстановлению этого пути. У нас уже есть целый ряд результатов сотрудничества, что приносит реальную пользу нашим народам» [В Пекине состоялась встреча 2019].

В 2018 г. торговый оборот между Азербайджаном и Китаем превысил 1,3 млрд долл., что составляет 43% общего торгового оборота Китая со странами Южного Кавказа. В Азербайджане зарегистрированы около 120 компаний с китайским капиталом [Мамедъяров (2) 2017].

Кроме того, идет активная работа по решению приграничных вопросов между Грузией и Азербайджаном. Пресс-секретарь МИД Азербайджана Лейла Абдуллаева отметила, что вопрос делимитации государственной границы между Азербайджаном и Грузией решается в рамках имеющихся двусто-

ронных форматов. По ее словам, Азербайджан – сторонник скорейшей делимитации азербайджано-грузинской границы [Что готовит 2019-й год].

В этой связи следует отметить значение Грузии для Азербайджана. Во многом благодаря использованию грузинской территории азербайджанской стороне удастся реализовывать свою «стратегию качелей» и быть связующим звеном между Западом и Востоком. В этом контексте наличие добрых связей с соседом приобретает ключевое значение для Баку. В частности, между министерствами обороны Азербайджана и Грузии был подписан План двустороннего сотрудничества на 2020 г., в рамках которого были предусмотрены организация взаимных визитов экспертных групп, проведение совместных мероприятий боевой подготовки и обмен передовым опытом [Сеидова 2020].

Более того, усиление контактов с соседями в целом способствует «уравновешиванию качелей», установлению более стойкого баланса. В апреле 2019 г. в Анкаре прошла встреча министров энергетики Турции, Азербайджана и Туркменистана. На ней турецкий министр заявил следующее: «Мы работаем над транспортировкой энергоресурсов Каспийского региона до Турции и других рынков. Уверен, что наши страны достигнут уровня образцового регионального и мирового сотрудничества во всех сферах, в т. ч. и в энергетике» [Концепция развития «Азербайджан – 2020: взгляд в будущее» 2012].

Очевидна попытка Баку получить большее количество дивидендов от своего геополитического положения. В связи с этим происходит укрепление взаимодействия по линии контактов с Анкарой, что имеет свои риски в связи с ростом зависимости отношений с родственным партнером, у которого есть свои ценностные установки во внешней политике, в первую очередь в

плане распространения на «тюркском пространстве». Так, экспорт газа из Азербайджана увеличился в I квартале 2019 на 26,6%, в годовом выражении – до 3,2 млрд куб. м, при этом в отчетный период в Турцию было экспортировано 2,2 млрд кубометров азербайджанского газа, рост – на 30,9%, как отметил министр энергетики П. Шахбазов [На 26,6% увеличил экспорт газа Азербайджан 2019].

При этом происходит рост инвестиций в экономику Азербайджана, что также – при всех положительных эффектах этого процесса – повышает его внешнюю зависимость и сокращает возможности в рамках «политики качелей», хотя и незначительно – в частности в связи с наличием резервов. Так, президент Азербайджана И. Алиев подчеркнул, что «за последние 15 лет экономика Азербайджана выросла более чем втрое. Инвестиции в размере 260 млрд долл. позволили создать современную инфраструктуру. Внешний долг Азербайджана находится на очень низком уровне и составляет около 19% от ВВП. Резервы превышают внешний долг в 5 раз» [Рустамбеков, Мамедов 2019].

Согласно сообщению Министерства торговли Турции, в январе 2020 г. товарооборот Турции с Азербайджаном вырос на 32,785 млн долл. по сравнению с аналогичным месяцем прошлого года, составив 150,335 млн долл. Внешнеторговый оборот Турции в январе 2020 г. составил 33,966 млрд долл. Экспорт Турции за этот период вырос на 6,4% по сравнению с январем 2019 г., составив 14,759 млрд долл. Импорт Турции в январе 2020 г. увеличился на 18,8% по сравнению с январем 2019 г. и составил 19,207 млрд долл. [Хафизоглу (3) 2019].

Для расширения собственных возможностей в плане логистики Азербайджану необходимо сформировать

соответствующую международно-политическую среду вокруг себя. Речь не только о решении конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Весомую роль играет и статус Каспийского моря. Подписанная Конвенция о правовом статусе Каспия открывает большое количество возможностей для развития. Президент Азербайджана И. Алиев назвал подписанный в 2018 г. документ историческим, чему придал значение на выступлении XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Также отмечается, что в 2019 г. выросло число поездок из Турции в Азербайджан с целью трудоустройства. В январе-декабре 2019 г. число граждан Турции, посетивших Азербайджан посредством İŞKUR с целью поиска работы, выросло на 93,5% по сравнению с 2018 г. В частности, за 2019 г. посредством Службы занятости Азербайджан посетили 60 граждан Турции. В целом за отчетный период по линии İŞKUR за рубеж отправились 19,991 тыс. граждан Турции, что на 20,3% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. [Хафизоглу (1) 2020].

В рамках взаимных точек соприкосновения во внешнеполитическом курсе между Турцией и Азербайджаном, касательно объявленной Турцией операции 9 октября 2019 г. «Источник мира» в Сирии, прослеживается схожая позиция. Согласно заявлению МИД Азербайджанской Республики, Баку окажет помощь Анкаре в операции «Источник мира» ВС Турции на северо-востоке Сирии, «содействуя ликвидации террористической угрозы, разрешению гуманитарных проблем, обеспечению мира и стабильности» в регионе. В заявлении внешнеполитического ведомства говорится, что Азербайджан резко осуждает все формы и проявления терроризма и поддерживает усилия международного сообщества по борьбе с террориз-

мом [Азербайджан поддержал военную операцию Турции 2019].

Что касается российско-азербайджанских отношений, то они показывают положительную динамику. В частности, развивается достаточно успешно экономическая сфера двустороннего сотрудничества. Государства укрепляют взаимодействие в таких направлениях в экономике, как продажа сельскохозяйственной продукции, сотрудничество в нефтегазовом секторе, в области высоких и цифровых технологий, в инфраструктурных проектах (транспортный коридор «Север – Юг»), в сфере военно-технического сотрудничества, туризма.

Анализируя конкретные показатели, следует сказать, что экспорт из России в Азербайджан за 2018 г. вырос на 12,5%, до 1,7 млрд долл., при этом товарооборот между странами вырос на 13,8% и достиг 2,4 млрд долл. На азербайджанском рынке осуществляют свою деятельность более 750 совместных компаний, в т. ч. около 300 – со 100%-м российским капиталом и свыше 450 – в формате совместного предприятия. Российский экспорт в Азербайджан в 2018 г. формировали в основном следующие товарные группы: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 422,1 млн долл.; машины, оборудование и транспортные средства – 381,6 млн долл.; металлы и изделия из них – 315,9 млн долл. При этом Россия импортировала продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье на 526,1 млн долл., минеральные продукты – на 103,6 млн долл., текстиль, изделия из него, обувь – на 35,9 млн долл. и другое [Экспорт России в Азербайджан 2019]. Азербайджанская нефтегазовая компания SOCAR, до на-

стоящего времени не имевшая крупных нефтяных активов на территории России, может приобрести Антипинский НПЗ и нефтяные месторождения у группы New Stream Дмитрия Мазурова¹³. Развиваются и другие экономические проекты. С учетом положительной экономической динамики и имеющихся хороших отношений на уровне руководств государств можно говорить об устойчивой стабильности в двусторонних отношениях, осложняемых лишь фактором региональной безопасности.

2–3 декабря 2019 г. министр иностранных дел России С. Лавров совершил двухдневный официальный визит в Баку, в ходе которого состоялась встреча с президентом Азербайджана И. Алиевым и переговоры с главой МИД республики Э. Мамедъяровым. В ходе встречи стороны обсудили ключевые вопросы сотрудничества двух стран, а также обменялись мнениями по международной и региональной проблематике, в т. ч. по урегулированию нагорнокарабахского конфликта. Президент Азербайджана И. Алиев на встрече заявил, что Азербайджан не видит прогресса в урегулировании ситуации вокруг Нагорного Карабаха, но рассчитывает на продолжение активного участия России в разрешении конфликта. С. Лавров отметил, что компромисс по Нагорному Карабаху между Баку и Ереваном возможен [Лавров: Москва и Баку видят возможность компромисса 2019]. Согласно официальной позиции России, конфликт может быть решен исключительно политико-дипломатическими средствами. Россия играет активную роль в посреднических усилиях по урегулированию нагорнокарабахского конфлик-

13 Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı // <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakimizda-14649>, дата обращения 22.06.2020 (на турецком).

та. Более того, содействие сторонам в этом конфликте рассматривается в качестве российских внешнеполитических приоритетов.

Кроме того, одной из значимых сфер сотрудничества между Россией и Азербайджаном является гуманитарная. Данная сфера может оказаться даже важнее, чем экономическая. Речь идет о проживании русскоязычной диаспоры в Азербайджане и азербайджанской диаспоры в России [Сафаров 2020]. По словам Огтай Асадова, председателя Милли Меджлиса, в Азербайджане есть большое уважение к русскому языку, действует Славянский университет, в 338 средних школах преподаются предметы на русском языке, в 27 вузах проводится обучение на русском. Кроме того, в Азербайджане действуют филиалы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова [В Милли Меджлисе состоялась встреча 2020].

По словам директора Департамента информации и печати МИД России Марии Захаровой, в рамках дискуссий по проекту «Москва – Баку: диалог культур» «диалог культур в настоящее время стоит во главе угла всех международных отношений». Как она отмечает, необходимо развивать ту сторону диалога культур, где нет навязывания мнений в культурной среде. Также она заявила, что важным в диалоге является умение находить общее с другими народами, сохраняя национальные ценности [Насирзаде 2020].

Индикаторы внешнеполитического курса Азербайджана показывают сложную динамику, однако в целом «политика качелей» демонстрирует успех. Несмотря на то, что Азербайджан в своей внешней политике усиливает сотрудничество с НАТО, государство сохраняет возможность расши-

рения направлений сотрудничества с другими государствами, а также укрепляет способности по реализации интересов и ценностей как в регионе, так и в мире. Неразрешенность карабахской проблемы является риском, однако желание усиливать азербайджанскую специфику вертикали власти позволяет правящему классу поддерживать суверенитет и не допускать радикальных раскачиваний качелей. Основные риски, связанные с данным курсом, на самом деле проистекают из внутреннего социально-политического поля, а также из динамики международной и региональной политической среды, в которой становится все сложнее найти устойчивое положение.

По составу индикаторов перемен ожидать не стоит. Территориальный вопрос, логистическая и военная проблематика, региональные и мировые политические тенденции – это те индикаторы, благодаря которым можно наблюдать трансформацию внешнеполитического курса Азербайджана. Однако для понимания происходящих изменений важно было бы следить за соотношением риторики и действий правящей элиты, а также за взаимодействием с Североатлантическим альянсом и Турцией, у которых в этом контексте существуют свои планы.

Список литературы

Аваков А., Зеленская Д. (2019) На саммите в Ашхабаде разгорелся скандал: поссорились Армения и Азербайджан // Московский Комсомолец. 11 октября 2019 // <https://www.mk.ru/politics/2019/10/11/na-sammite-v-ash-kehabade-razgorelsya-skandal-possorilis-armeniya-i-azerbaydzhan.html>, дата обращения 22.06.2020.

Аватков В.А. (2014) Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. № 3. С. 71–78 // <http://svom.info/entry/458-/>, дата обращения 22.06.2020.

Азербайджан поддержал военную операцию Турции на северо-востоке Сирии (2019) // EADaily. 11 октября 2019 // https://eadaily.com/ru/news/2019/10/11/azerbaydzhan-podderzhal-voennuyu-operatsiyu-turcii-na-severo-vostoke-sirii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews, дата обращения 22.06.2020.

Алиев и Пашинян поспорили о том, как следует интерпретировать историю (2019) // Евразия.Эксперт. 11 октября 2019 // <https://eurasia.expert/aliev-ipashinyan-posporili-o-tom-kak-sleduet-interpretirovat-istoriyu/>, дата обращения 22.06.2020.

В Братиславе завершилась встреча глав МИД Армении и Азербайджана (2019) // Инфотека-24. 5 декабря 2019 // <https://yandex.ru/turbo?-text=https%3A%2F%2Finfoteka24.ru%2F2019%2F12%2F05%2F52532%2F>, дата обращения 22.06.2020.

В Милли Меджлисе состоялась встреча с участниками конференции «Баку-Москва: диалог культур» (2020) // AZƏRTAC. 24 января 2020 // https://azertag.az/ru/xeber/V_Milli_Medzhlise_sos-toyalas_vstrecha_s_uchastnikami_konferencii_Baku_Moskva_dialog_kultur-1395600, дата обращения 22.06.2020.

В Пекине состоялась встреча Президента Ильхама Алиева с Председателем КНР Си Цзиньпином (2019) // Trend. New Agency. 24 апреля 2019 // <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3051785.html>, дата обращения 22.06.2020.

Выступление президента Ильхама Алиева на заседании дискуссионного клуба «Валдай» (2019) // YouTube. 3 октября 2019 // <https://www.youtube.com/>

watch?v=UNlmc-J_MfI, дата обращения 22.06.2020.

Гурбанов Т.М., Мехдиев Э.Т., Сафонов К.Ю. (2015) Конституционно-правовое регулирование внешней политики Азербайджанской Республики. Уфа: Аэтерна.

Двустороннее сотрудничество Республики Татарстан и Азербайджанской Республики (2019) // Постоянное представительство Республики Татарстан в Азербайджанской Республике // <http://az.tatarstan.ru/rus/sotrud.htm>, дата обращения 22.06.2020.

Дружиловский С.Б. (2005) Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. Т. 3 № 6. С. 48–61 // <https://globalaffairs.ru/articles/turczyia-privychka-upravlyat/>, дата обращения 22.06.2020.

Итогом визита Мехрибан Алиевой в Париж стали новые договоренности о партнерстве (2019) // ТАСС. 13 марта 2019 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6212442>, дата обращения 22.06.2020.

Каракеян А. (2014) Азербайджан и Башкортостан: начало долгого диалога // UfacityNews. 26 июня 2014 // <http://ufacitynews.ru/news/2014/06/26/azerbajdzhan-i-bashkortostan-nachalo-dolgogo-dialoga/>, дата обращения 22.06.2020.

Конституция Азербайджанской Республики (2009) // Президент Азербайджанской Республики // <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMT-kvMTIvMDQvNjdvbW8wNTJ2bF9rb25zdHV0aXN5YV9ydXNfdXBkYXRILnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee>, дата обращения 22.06.2020.

Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики (2007) // Центр военно-политических исследований МГИМО // <http://eurasian-defence.ru/?q=node/30535>, дата обращения 22.06.2020.

Концепция развития «Азербайджан – 2020: взгляд в будущее» (2012)

// Президент Азербайджанской Республики // https://president.az/files/future_ru.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Лавров: Москва и Баку видят возможность компромисса в карабахском урегулировании (2019) // ТАСС. 3 декабря 2019 // <https://tass.ru/politika/7251207>, дата обращения 22.06.2020.

Малышева Д.Б. (2017) Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии. № 3(36). С. 46–58 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30281386_33172585.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Мамедъяров Э. (1) (2017) Азербайджан и Россия: отношения, прошедшие испытание временем // Независимая газета. 4 апреля 2017 // http://www.ng.ru/kartblansh/2017-04-04/3_6965_kartblansh.html?print=Y, дата обращения 22.06.2020.

Мамедъяров Э. (2) (2017) Внешнеполитическая стратегия Азербайджана основана на национальных интересах и соответствует вызовам времени // Политика. № 5(89). С. 16–25 // <http://irs-az.com/new/files/2017/204/2594.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

На 26,6% увеличил экспорт газа Азербайджан в I квартале 2019 (2019) // Нефть. Капитал. 23 апреля 2019 // <https://oilcapital.ru/news/export/23-04-2019/na-26-6-uvelichil-eksport-gaza-azerbaydzhan-v-i-kvartale-2019>, дата обращения 22.06.2020.

Надеин-Раевский В.А. (2018) Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама.

Насирзаде Х. (2020) Захарова: Россия и Азербайджан сталкиваются с советами извне как нам жить, такое нельзя допускать // Интерфакс-Азербайджан. 24 января 2020 // <http://interfax.az/view/790233>, дата обращения 22.06.2020.

По итогам саммита Движения не-присоединения в Баку приняты четыре

документа (2019) // ТАСС. 26 октября 2019 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7049559>, дата обращения 22.06.2020.

Помощник Президента Азербайджана посетил штаб-квартиру НАТО (2020) // AZƏRTAC. 20 января 2020 // https://azertag.az/ru/xeber/Pomoshchnik_Prezidenta_Azerbaidzhana_posetil_shtab_kvartiru_NATO-1391746, дата обращения 22.06.2020.

Проведен обмен мнениями о перспективах развития сотрудничества между Азербайджаном и НАТО (2019) // AZƏRTAC. 17 апреля 2019 // https://azertag.az/ru/xeber/Proveden_obmen_mneniyami_o_perspektivah_razvitiya_sotrudnichestva_mezhdu_Azerbaidzhanom_i_NATO-1271136, дата обращения 22.06.2020.

Рустамбеков Б., Мамедов А. (2019) Инвестиции в экономику Азербайджана за последние 15 лет составили \$260 млрд (Алиев) // Интерфакс. 26 апреля 2019 // <http://interfax.az/view/764507>, дата обращения 22.06.2020.

Сафаров Г. (2020) Русский язык прекрасно чувствует себя в Азербайджане – политолог // Trend. New Agency. 25 января 2020 // <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3182394.html>, дата обращения 22.06.2020.

Сеидова К. (2020) Азербайджан и Грузия подписали План двустороннего военного сотрудничества на 2020 год // Trend. New Agency. 21 января 2020 // <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3180190.html>, дата обращения 22.06.2020.

Указ Президента Азербайджанской Республики о создании Центра анализа международных отношений (2019) // AZƏRTAC. 6 февраля 2019 // https://azertag.az/ru/xeber/Ukaz_Prezidenta_Azerbaidzhan-skoi_Respubliki__O_sozdanii_Centra_analiza_mezhdunarodnyh_otnoshenii-1242860, дата обращения 22.06.2020.

Фаизов А. (2018) Башкирия и Азербайджан продолжат сотрудничество в области образования // Башинформ. 27 сентября 2018 // <http://www.bashinform.ru/news/1217162-bashkiriya-i-azerbaydzhan-prodolzhat-sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovaniya/>, дата обращения 22.06.2020.

Хафизоглу Р. (1) (2020) В прошлом году резко выросло число поездок из Турции в Азербайджан с целью трудоустройства // Trend. New Agency. 21 января 2020 // <https://www.trend.az/world/turkey/3180283.html>, дата обращения 22.06.2020.

Хафизоглу Р. (2) (2020) Совет по научно-техническим исследованиям Турции осуществит ряд проектов в Азербайджане // Trend. New Agency. 30 января 2020 // <https://www.trend.az/azerbaijan/society/3184270.html>, дата обращения 22.06.2020.

Хафизоглу Р. (3) (2020) Товарооборот Турции с Азербайджаном вырос // Trend. New Agency. 3 апреля 2019 // <https://www.trend.az/world/>

<turkey/3199960.html>, дата обращения 22.06.2020.

Чернявский С.И. (2013) Азербайджан: взаимодействие с исламским миром – прагматизм и сбалансированность // Россия и мусульманский мир. № 12(258). С. 65–79 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20959961_93477914.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Чернявский С.И., Мехдиев Э.Т. (2017) Азербайджан – признанный лидер Южно-Кавказского региона // Евразийский юридический журнал. № 8 (111). С. 81–84.

Что готовит 2019-й год: 10 событий для Азербайджана (2019) // Azerros. 9 января 2019 // <http://azerros.ru/main-theme/25191-что-gotovit-2019-y-god-10-sobytiy-dlya-azerbaydzhana.html>, дата обращения 22.06.2020.

Экспорт России в Азербайджан в 2018 году вырос на 12,5%, до \$1,7 млрд (2019) // ТАСС. 3 апреля 2019 // <https://tass.ru/ekonomika/6289802>, дата обращения 22.06.2020.

Post-Soviet Space

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-7

Fundamentals of the Foreign Policy of the Republic of Azerbaijan at the Present Stage

Vladimir A. AVATKOV

PhD in Politics, Senior Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: v.avatkov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6345-3782

CITATION: Avatkov V.A. (2020) Fundamentals of the Foreign Policy of the Republic of Azerbaijan at the Present Stage. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 118–139 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-7

Received: 31.12.2019.

ABSTRACT. *The article analyzes the basis of Azerbaijan's foreign policy at the present stage. The main attention is paid to the documentary substantiation of foreign policy, political and legal bases of foreign policy strategy, and key organizations in this area. There is analysis of the most significant areas of Azerbaijan's foreign policy. It is noted that the Republic is trying to find a new balance in the region and the world, pragmatically maintaining contacts with the main players in the region – Russia, the United States, Turkey and Iran.*

Moreover, in foreign policy documents of Baku, special emphasis is placed on cooperation with the West, in particular, there is a strengthening not only in the framework of doctrinal cooperation with NATO and the EU, but also constant contacts on all political, economic and military lines. In addition, the leadership of Azerbaijan pays special attention to the problem of Nagorno-Karabakh. The article al-

so shows that the fundamental documents that determine the external state agenda, although they are sufficiently Western-oriented, at the same time reflect the ambition of Azerbaijan in the context of becoming a regional center of power. This process is also influenced by external actors, in particular the Republic of Turkey. It was determined that the territorial issue, logistic and military issues, regional and global political trends are indicators, thanks to which one can observe the transformation of the foreign policy of Azerbaijan. In the context of bilateral relations between Azerbaijan and Russia, it was revealed that the interaction between the countries seems significant for both states in terms of ensuring security in the South Caucasus.

KEY WORDS: *international relations, foreign policy, Republic of Azerbaijan, Ilham Aliyev, Russian Federation, neo-ottomanism, multiculturalism, soft power, NATO*

References

- Aliiev and Pashinyan Argued about How to Interpret History (2019). *Eurasia.Expert*, October 11, 2019. Available at: <https://eurasia.expert/aliev-i-pashinyan-posporili-otom-kak-sleduet-interpretirovat-istoriyu/>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- An Exchange of Views Was Held on the Prospects for the Development of Cooperation between Azerbaijan and NATO (2019). *AZƏRTAC*, April 17, 2019. Available at: https://azertag.az/ru/xeber/Proveden_obmen_mneniyami_o_perspektivah_razvitiya_sotrudnichestva_mezhdu_Azerbaidzhanom_i_NATO-1271136, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Assistant to the President of Azerbaijan Visited the NATO Headquarters (2020). *AZƏRTAC*, January 20, 2020. Available at: https://azertag.az/ru/xeber/Pomoshchnik_Prezidenta_Azerbaidzhana_posetil_shtab_kvartiru_NATO-1391746, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Avakov A., Zelenskaya D. (2019) At the Summit in Ashgabat, a Scandal Broke out: Armenia and Azerbaijan Quarreled. *Moskovskij Komsomolets*, October 11, 2019. Available at: <https://www.mk.ru/politics/2019/10/11/na-sammite-v-ashkhabade-razgorelsya-skandal-possorilis-armeniya-i-azerbaydzhan.html>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Avatkov V.A. (2014) Neo-Ottomanism. The Basic Ideology and Geo-strategy of Turkey. *Svobodnaya mysl'*, no 3, pp. 71–78. Available at: <http://svom.info/entry/458-/>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Azerbaijan Supported Turkey's Military Operation in North-Eastern Syria (2019). *EADaily*, October 11, 2019. Available at: https://easily.com/ru/news/2019/10/11/azerbaydzhan-podderzhal-voennuyu-operaciyu-turcii-na-severovostoke-sirii?utm_source=yxnews-&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Azerbaijan's Gas Exports Increased by 26.6% in the First Quarter of 2019 (2019). *Oil. Capital*, April 23, 2019. Available at: <https://oilcapital.ru/news/export/23-04-2019/na-26-6-uvelichili-eksport-gaza-azerbaydzhan-v-i-kvartale-2019>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Bilateral Cooperation between the Republic of Tatarstan and the Republic of Azerbaijan (2019). *Permanent Representation of the Republic of Tatarstan in the Republic of Azerbaijan*. Available at: <http://az.tatarstan.ru/rus/sotrud.htm>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Chernyavsky S.I. (2013) Azerbaijan: Interaction with the Islamic World-pragmatism and Balance. *Russia and the Muslim World*, no 12(258), pp. 65–79. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20959961_93477914.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Chernyavsky S.I., Mekhdiev E.T. (2017) Azerbaijan – Recognized Leader of the South Caucasus Region. *Eurasian Legal Journal*, no 8(111), pp. 81–84 (in Russian).
- Concept of National Security of the Republic of Azerbaijan (2007). *MGIMO Center for Military and Political Research*. Available at: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/30535>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Constitution of the Republic of Azerbaijan (2009). *President of the Republic of Azerbaijan*. Available at: <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMT-kvMTIvMDQvNjdjb2wNTJ2bF9rb25zdHV0aXN5YV9ydXNfdXBkYXRILnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the Establishment of the Center for Analysis of International Relations (2019). *AZƏRTAC*, February 6, 2019. Available at: https://azertag.az/ru/xeber/Ukaz_Prezidenta_Azerbaidzhanskoi_Respubliki__O_sozdanii_Centra_analiza_mezhdunarodnyh_otnoshe

nii-1242860, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Development Concept "Azerbaijan-2020: A View to the Future" (2012). *The President of the Azerbaijan Republic*. Available at: https://president.az/files/future_ru.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Druzhilovsky S.B. (2005) Turkey: The Habit of Managing. *Russia in Global Politics*, vol. 3, no 6, pp. 48–61. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-privychka-upravlyat/>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Faizov A. (2018) Bashkiria and Azerbaijan Will Continue Cooperation in the Field of Education. *Bashinform*, September 27, 2018. Available at: <http://www.bashinform.ru/news/1217162-bashkiriya-i-azerbaydzhan-prodolzhat-sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovaniya/>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Following the Results of the Summit of the Non-aligned Movement in Baku, Four Documents Were Adopted (2019). TASS, October 26, 2019. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7049559>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Gurbanov T.M., Mekhdiiev E.T., Safonov K.Yu. (2015) *Constitutional and Legal Regulation of the Foreign Policy of the Republic of Azerbaijan*, Ufa: Aeterna (in Russian).

Hafizoglu R. (1) (2020) Last Year, the Number of Trips from Turkey to Azerbaijan for Employment Has Increased Sharply. *Trend. New Agency*, January 21, 2020. Available at: <https://www.trend.az/world/turkey/3180283.html>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Hafizoglu R. (2) (2020) The Turkish Scientific and Technical Research Council Will Implement a Number of Projects in Azerbaijan. *Trend. New Agency*, January 30, 2020. Available at: <https://www.trend.az/azerbaijan/society/3184270.html>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Hafizoglu R. (3) (2020) Turkey's Trade Turnover with Azerbaijan Has Grown. *Trend. New Agency*, April 3, 2019. Available at: <https://www.trend.az/world/turkey/3199960.html>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Karakeayn A. (2014) Azerbaijan and Bashkortostan: The Beginning of a Long Dialogue. *UfacityNews*, June 26, 2014. Available at: <http://ufacitynews.ru/news/2014/06/26/azerbaydzhan-i-bashkortostan-nachalo-dolgogo-dialoga/>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Lavrov: Moscow and Baku See the Possibility of Compromise in the Karabakh Settlement (2019). TASS, December 3, 2019. Available at: <https://tass.ru/politika/7251207>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Malysheva D.B. (2017) International Political Interaction of Central Asian States with Turkey and Iran. *Russia and the New States of Eurasia*, no 3(36), pp. 46–58. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30281386_33172585.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Mamedyarov E. (1) (2017) Azerbaijan and Russia: Relations that Have Passed the Test of Time. *Nezavisimaya gazeta*, April 4, 2017. Available at: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-04-04/3_6965_kartblansh.html?print=Y, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Mamedyarov E. (2) (2017) Azerbaijan's Foreign Policy Strategy Is Based on National Interests and Meets the Challenges of the Time. *Politics*, no 5(89), pp. 16–25. Available at: <http://irs-az.com/new/files/2017/204/2594.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Nadein-Raevsky V.A. (2018) *Pan-Turkism: from the Ottoman Empire to the Present Day and the Fate of Turkey, Russia and Armenia*, Moscow: Russian panorama (in Russian).

Nasirzadekh H. (2020) Zakharova: Russia and Azerbaijan Face External Advice on How to Live, This Should not Be

Allowed. *Interfax-Azerbaijan*, January 24, 2020. Available at: <http://interfax.az/view/790233>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

President Ilham Aliyev Met with Chinese President Si Jinping in Beijing (2019). *Trend. New Agency*, April 24, 2019. Available at: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3051785.html>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Russia's Export to Azerbaijan in 2018 Increased by 12.5% to \$1.7 Billion (2019). *TASS*, April 3, 2019. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/6289802>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Rustambekov B., Mamedov A. (2019) Investments in the Economy of Azerbaijan over the Past 15 Years Amounted to \$260 Billion (Aliyev). *Interfax*, April 26, 2019. Available at: <http://interfax.az/view/764507>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Safarov G. (2020) The Russian Language Feels Great in Azerbaijan – Political Scientist. *Trend. New Agency*, January 25, 2020. Available at: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3182394.html>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Seidova K. (2020) Azerbaijan and Georgia Signed a Plan of Bilateral Military Cooperation for 2020. *Trend. New Agency*, January 21, 2020. Available at: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3180190.html>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Speech of President Ilham Aliyev at the Meeting of the Valdai Discussion Club (2019). *YouTube*, October 3, 2019. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=UNlmc-J_Mfl, accessed 22.06.2020 (in Russian).

The Meeting of the Foreign Ministers of Armenia and Azerbaijan Ended in Bratislava (2019). *Infoteka-24*, December 5, 2019. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Finfoteka24.ru%2F2019%2F12%2F05%2F52532%2F>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

The Milli Majlis Hosted a Meeting with Participants of the Conference “Baku-Moscow: Dialogue of Cultures” (2020). *AZƏRTAC*, January 24, 2020. Available at: https://azertag.az/ru/xeber/V_Milli_Medzhlise_sostoyalas_vstrecha_s_uchastnikami_konferencii_Baku_Moskva_dialog_kultur-1395600, accessed 22.06.2020 (in Russian).

The Result of Mehriban Aliyeva's Visit to Paris Was a New Partnership Agreement (2019). *TASS*, March 13, 2019. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6212442>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

What 2019 Is Preparing: 10 Events for Azerbaijan (2019). *Azerros*, January 9, 2019. Available at: <http://azerros.ru/maintheme/25191-chto-gotovit-2019-ygod-10-sobytiy-dlya-azerbaydzhana.html>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8

Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии

Дина Борисовна МАЛЫШЕВА

доктор политических наук, заведующий сектором Центральной Азии, Центр
постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: dsheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8625-6132

ЦИТИРОВАНИЕ: Малышева Д.Б. (2020) Проблемы регионализации пост-
советской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика,
экономика, право. Т. 13. № 3. С. 140–155. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8

Статья поступила в редакцию 01.06.2020.

АННОТАЦИЯ. Разница в трактовках понятия «Центральная Азия» (ЦА) и в определении ее географических границ говорит о незавершенности процесса формирования этой части постсоветского пространства в качестве региона. Регионализацию как эффективную форму отстаивания и продвижения странами своих интересов отличает в ЦА многоуровневый характер. Он включает в себя стремление республик продвигать свои национальные интересы в качестве суверенных государств, развивать в рамках интеграционных процессов торгово-экономическое и политическое взаимодействие, подключаться к различным интеграционным инициативам и надгосударственным проектам с широким кругом внерегиональных участников. Попытки государств ЦА развивать внутрирегиональное взаимодействие в период с 1994 по 2005 г. не увенчались успехом. Но уже с 2017 г. популярность в ЦА набирает идея «новой интеграции» в рамках планируемого к созданию Союза центральноазиатских государств. На роль «регионообразующих» стран пре-

тендуют Казахстан и Узбекистан – два ядра, вокруг которых возможно развитие гипотетической региональной интеграции. При этом внешнеполитическое позиционирование Казахстана и Узбекистана, их подходы к проблемам безопасности определенным образом различаются, как неодинаковы в экономическом и социальном планах их соседи по региону; несопоставима и ресурсная база каждого из них. Остаются поэтому факторы, препятствующие регионализации и интеграции. В их числе – центробежные устремления стран ЦА, которых притягивают не соседи по региону, а внешние партнеры и рынки, международные финансовые институты и донорские структуры. Имеются и объективные препятствия, тормозящие регионализацию, включая и то обстоятельство, что республики региона неохотно делятся обретенным после распада СССР суверенитетом в пользу надгосударственных структур – действуют ли они в масштабах постсоветского пространства или же их планируется ограничить рамками региона ЦА.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, регион, регионализация, глобализация, «союз пяти», Союз центральноазиатских государств, «новая интеграция», безопасность*

В процессе международного взаимодействия пять постсоветских республик Центральной Азии – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан – испытали на себе воздействие нескольких тенденций.

Первая связана со стремлением этих республик продвигать свои национальные интересы в качестве *суверенных государств*, базируя международные отношения на принципах территориальной целостности и политической независимости, что корреспондируется и с нормами международного права (Статья 2(4) Устава ООН¹).

Вторая тенденция – *регионализация*, трактуемая в данном контексте как «интеграция близких по своим социокультурным и географо-экономическим особенностям территорий» [Лагутина 2016, с. 48; Барыгин 2007, с. 175] или же «как экономическое и торгово-политическое явление, предполагающее установление особых отношений между государствами для облегчения и расширения взаимной торговли и других форм хозяйственного сотрудничества, а также (во многих случаях) получения политических и геэкономических выгод» [Спартак 1917, с. 16]. Подобная тенденция облегчает формирование в географических пределах современной постсоветской ЦА объединений, которые позволили бы их пяти участникам самостоятельно и без внешних посредников развивать политические и экономические связи внутри региона.

Третья тенденция обусловлена глобальными процессами, побуждающими государства ЦА вписываться в транснациональную среду глобального взаимодействия (подробнее о ней: [Keohane, Nye 1972]), подключаться к различным интеграционным инициативам и надгосударственным проектам с широким кругом внерегиональных участников. В то же время феномен *регионализма*, т. е. усиления внутrigосударственных регионов, практически не получил в странах ЦА распространения в условиях сложившихся там централизованных и авторитарных политических систем (ср. с Евросоюзом, политика которого, согласно концепции «нового регионализма» [Hurrell 1995; Hettne, Söderbaum 1998], возникшего в эпоху транснационализма и глобализации, направлена на культивирование региональной идентичности, объективно размывающей национальные государства).

Таким образом, регионализацию ЦА, как и международные отношения ее стран, отличает многоуровневый характер, что предопределено особенностями еще не завершившегося процесса становления постсоветской ЦА как региона. При этом важно учитывать многообразие смыслов, вкладываемых в такие понятия, как «регион» и «Центральная Азия».

Содержательная характеристика понятий

Если обратиться к научной литературе, то в ней с понятием «регион» связаны многочисленные интерпретации и трактовки: географический феномен [Воскресенский 2011, с. 36] или же социальная система, участники которой за-

1 Устав // ООН // <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>, дата обращения 22.06.2020.

висят друг от друга в сфере безопасности [Лагутина 2016]; рассматривается регион и как коллективный и международный актор [Косолапов 2005], и как некое пространственное измерение [Каримова 2006].

Что касается постсоветской ЦА, то воспринимается она обычно как формирующийся регион (см., например, [Богатуров, Дундич, Троцкий 2010]). Иное дело, что включали в него в отдельные периоды истории разные территории, как не прекращены и в наши дни попытки перекроить карту ЦА – ту, что очерчена ныне границами Содружества Независимых Государств (СНГ).

Считается, что само название «Центральная Азия»² получило хождение благодаря знаменитому немецкому географу и путешественнику Александру Гумбольдту. Правда, в своей книге [Humboldt 1843] ученый рассматривал ЦА в значительно более широком географическом контексте, нежели современные интерпретаторы этого региона, относя к тому, что он называл Центральной Азией, территории тогдашнего Туркестана, Памира, Тибета, Китайского Туркестана.

В России, где процесс присоединения народов, населявших современные государства ЦА, растянулся во второй половине XIX в. почти на три десятилетия, новая имперская провинция именовалась, согласно императорскому указу от 23 июля 1867 г., Туркестанским генерал-губернаторством: ему-то и предназначалась роль плацдарма, обеспечивавшего дальнейшее продвиже-

ние царской России в Азию. Нельзя не признать при этом, что российское завоевание оказало неоднозначное влияние на исторические судьбы казахов, узбеков, таджиков, киргизов, туркмен и других народов, при том что в советской историографии это влияние в целом расценивалось как положительное (см. подробнее [Халфин 1965]).

Заметим, что русские ученые использовали термин «Центральная Азия» в основном для обозначения земель (Афганистан, Восточный Туркестан и др.), находившихся за пределами контролировавшегося Российской империей Туркестана. В 1861 г. русский путешественник и ориенталист Николай Ханьков [Khanikoff 1961] предложил определять границы исторической области, которую он называл, согласно существовавшей исторической традиции, Хорасаном³ (части современных Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Восточного Ирана, Западного Афганистана), с помощью гидрологического критерия, главным в котором стало выявление отсутствия путей, по которым реки с этой территории могли попадать в открытое море.

Проведенное в советском Туркестане в 1924–1925 гг. национально-территориальное размежевание развело народы региона по национальным квартирам⁴. При этом Таджикистан, например, был включен до 1929 г. как автономная республика в состав Узбекской ССР, которой в 1936 г. была передана также Каракалпакская автономная область. Входящая же в состав РСФСР

1 Устав // ООН // <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>, дата обращения 22.06.2020.

2 Этот регион именовался также Внутренней Азией, Высокой Азией, Трансоксианией (земли, находящиеся по другую сторону реки Окса, как называли в старину Амударью), Мавераннахром в арабской интерпретации или Тураном в персидской (см., например: [Гафуров 1989]).

3 В наши дни к этому историческому наименованию региона обратились боевики обосновавшегося в Афганистане запрещенного в РФ «Исламского государства», объявившие о намерении включить центральноазиатские государства в планируемое к созданию в регионе Исламское государство Хорасан [Малышева 2017, с. 15].

4 Соловьева Е. (2017) Всем по «национальной квартире». Как СССР «делил» Среднюю Азию // История. РФ // <https://histrf.ru/biblioteka/b/vsiem-po-natsionalnoi-kvartirie-kak-sssr-dielil-sriedniuiu-aziiu>, дата обращения 22.06.2020.

Казахская автономная республика обрела статус союзной лишь в декабре 1936 года. В дальнейшем в СССР административно-территориальное деление стало тесно увязываться с экономическим районированием, и в число «крупных экономических районов» вошел как Среднеазиатский (в составе четырех советских союзных республик – Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской), так и Казахстанский район [Лаврищев 1964, с. 33]. Не удивительно, что в позднем СССР пять центральноазиатских республик в их современных границах определялись понятием «Средняя Азия и Казахстан», поскольку считалось, что в отличие от других четырех союзных республик развитие Казахстана имело свою специфику.

Примечательно, что на Западе многие историки и политики еще тогда возражали против рассмотрения всех этих республик как особого ареала, очерченного границами Советского Союза, пусть они и были международно-признанными. Так, в капитальном труде «История цивилизаций Центральной Азии», опубликованном ЮНЕСКО в 1978 г., советская Центральная Азия представляла в качестве неотъемлемой части более широкой цивилизации, охватывающей Афганистан, Северо-Восточный Иран, Пакистан, Северную Индию, Западный Китай и Монголию. «Наименование “Центральная Азия”, – подчеркивалось в работе, – <...> относится именно к этой области, которая соответствует четко различимой культурной и исторической реальности» [History of Civilizations 1992, p. 8].

Такой подход особенно тщательно разрабатывался и в английской научной литературе, где под географическим наименованием *Central Asia* обычно подразумевалась «территория от Тибета до западных границ Ирана и от южных границ Афганистана до Урала» [Хидояттов 1967, с. 21]. Западной науке

о ЦА в целом свойственно было искаженное прочтение истории народов региона: в соответствии с таким подходом царской России, а затем и Советскому Союзу отводилась весьма неприглядная роль колонизаторов и поработителей – тенденция, получившая затем развитие в трудах ряда националистически настроенных ученых стран ЦА (см., например [Мамедов, Шаталова 2016; Жолдасбаев 2010]).

После распада СССР прочное место в политическом и научном обиходе заняло наименование «Центральная Азия»: в 1992 г. президент Казахстана Н. Назарбаев предложил использовать его применительно к пяти государствам региона [Печатнов, Стрельцов 2019, с. 156]. Тем не менее и в наши дни имеют хождение различные интерпретации этого региона.

Так, например, известный российский ученый-международник А.Б. Каримова полагала, что понятие «международный регион», определявшееся ею как группа стран, выделенная, например, по критерию территориальной близости, применимо лишь к четырем республикам, входившим в советские времена в Среднеазиатский регион, но не к Казахстану, примыкающему больше по своим характеристикам к другим странам [Каримова 2006].

Нельзя не упомянуть и продвигаемый известным американским ученым Фредериком Старром концепт под названием «Расширенная Центральная Азия» (*Greater Central Asia*). Предполагается в этой связи укрепление торгово-экономических и транспортных связей между пятью постсоветскими республиками ЦА и Афганистаном, их сотрудничество в сфере безопасности, что открывает возможности для формирования в этой части Азии «единого региона» [Starr 2005, p. 16]. Идея «Расширенной ЦА» трактуется Старром исключительно сквозь призму то-

го, насколько она может отвечать американским интересам в регионе, поэтому данный проект носит явно политизированный характер.

Более приближенным к современным реалиям представляется рассмотрение ЦА как *складывающегося политико-географического региона* в составе пяти государств, унаследовавших от бывших советских республик свои географические границы, исторические и культурные традиции, промышленную и сельскохозяйственную инфраструктуру, обладающих полномочиями вступать в международные отношения с другими суверенными государствами. Особенности ЦА как региона определяются тем, что он «заперт» внутри континента, не имеет выхода к океану, а гористый ландшафт чередуется здесь с труднопроходимыми пустынями и полупустынями [Мальшева 2010, с. 6]. Поскольку регион не имеет прямого выхода к океану и морским коммуникациям, он «обречен» в результате на транспортно-транзитную и иную зависимость от приграничных государств [Шаймергенов, Абишева 2017, с. 10]. Такая географическая специфика сильно препятствует международной экономической и политической деятельности центральноазиатских стран, их включению в мировые политические процессы в качестве полноправных участников.

Стремление занять в глобальном мире собственную нишу в роли полноценных и равноправных игроков, обрести субъектность в качестве признанного мировым сообществом международного региона – вот те импульсы, которые побуждали (и побуждают) страны ЦА искать компромисс между продвижением национальных интересов, защитой суверенитета и развитием не ограниченного рамками региона партнерства, как на двусторонней, так и на коллективной основе.

В центре нашего внимания – регионализация, понимаемая как стремление сконструировать в ЦА особое межстрановое образование (регион) путем придания импульса внутрирегиональному взаимодействию. Это и определяло в значительной мере в разные периоды постсоветской истории международные отношения в ЦА.

Внутрирегиональное взаимодействие и «новая интеграция»

Важным инструментом регионализации стала интеграция, признанная всеми странами ЦА как эффективная форма отстаивания и продвижения своих интересов. Неудивительно, что после обретения независимости эти страны использовали создавшиеся условия для активизации взаимного сотрудничества. Его в период с 1994 по 2005 г. попытались в ЦА реализовать через специально созданные межстрановые образования – Центральноазиатский союз, Центральноазиатское экономическое сообщество, Организация центральноазиатского экономического сотрудничества. Но достичь полноценного внутрирегионального взаимодействия на этом первоначальном этапе государствам ЦА не удалось, и регионализация ЦА стала проходить в более широких рамках, охватывающих пространство СНГ. Причин было несколько.

Во-первых, странам ЦА не хватило собственных ресурсов (экономических, политических, военных) не только для конструирования новых внутрирегиональных организационных структур, но и в целом для выживания в конкурентной международной среде. Не готовы были в ЦА и к объединению своих рынков, не говоря уже о различиях в уровнях экономического развития

стран Центрально-Азиатского региона и их внешнеэкономических приоритетах [Ионова 2018, с. 133].

Сыграли свою роль в ЦА, во-вторых, и сложные межгосударственные отношения (особенно Узбекистана с его соседями), а также и то, что Туркменистан, ссылаясь на свой официально признанный ООН нейтральный статус, вообще не собирався вступать ни в какие союзы и даже в СНГ остался только в качестве ассоциированного члена.

В-третьих, СНГ как международная организация и ОДКБ как действенная структура безопасности на постсоветском пространстве значительно превосходили по своему потенциалу создававшиеся в ЦА на чисто региональной основе интеграционные альянсы. Да и без российского содействия развитию [Барановский, Квашнин, Тоганова 2018, с. 197–204] центральноазиатским государствам сложно было решать свои проблемы. В лучшем случае им суждено было стать площадкой для балансирования между ведущими мировыми центрами, но никак не реальной альтернативой СНГ или ОДКБ.

В-четвертых, все центральноазиатские государства оказались вовлечены в процессы глобализации, которая вела к открытию национальных границ в области политики, экономики, культуры, социальной сферы, приводила к частичному изменению моделей человеческого общения. Данное обстоятельство, предопределив процесс перераспределения суверенитета стран ЦА в пользу глобальных субъектов (ВОЗ, МВФ, Всемирный банк и др.), ведущих мировых экономических держав, стало в ЦА на долгое время альтернативой регионализации.

Однако идея регионализации, подразумевающей формирование в ЦА обновленного региона, отнюдь не сдана в архив, и в последние годы все большую популярность набирает такой про-

ект регионализации, как «новая интеграция». Она в нынешних серьезно осложнившихся геополитических условиях предстает как способ коллективного ответа центральноазиатских государств на глобальные и региональные вызовы в сферах безопасности и экономики. Более того, перспектива воссоздания в том или ином виде условного «союза пяти» начинает рассматриваться многими в ЦА как более эффективный инструмент для отстаивания и продвижения интересов стран региона, нежели углубление интеграции в рамках СНГ, ЕАЭС, других объединяющих постсоветские республики структур.

Современный всплеск интереса к такой «новой интеграции» можно объяснить действием нескольких факторов:

- завершающимся процессом складывания в центральноазиатских государствах политических систем, нацеленных на отстаивание национальных интересов и реализацию независимой внешнеполитической стратегии;
- трансформацией политической системы «послекаримовского» Узбекистана, новое руководство которого определило сотрудничество со странами ЦА как главный приоритет внешней политики республики;
- возникшими после украинского кризиса экономическими трудностями системообразующего участника СНГ, ЕАЭС и ОДКБ — России, которая стала восприниматься в ЦА некоторыми экономистами и политиками как источник шоковых сценариев для стран-партнеров;
- расширением торгово-экономических контактов центральноазиатских государств с Китаем в рамках реализации его инициативы «Пояс и путь», не нацеленной, как ЕАЭС, на интеграцию, но состав-

- ляющей этому пророссийскому проекту серьезную конкуренцию;
- активизацией внешних игроков (США, Евросоюза, Турции), заинтересованных не столько в стимулировании интеграционных процессов в постсоветской ЦА, сколько в выдворении из ее сферы России и Китая.

Своеобразными заявками на «новую интеграцию» в ЦА стали: первая Консультативная встреча 15 марта 2018 г. в Астане президентов Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана; Ташкентская конференция по Афганистану 26–27 марта 2018 г.; встреча 20–22 июля 2018 г. министров иностранных дел стран ЦА в г. Чолпон-Ата (Киргизия); вторая Консультативная встреча глав центральноазиатских государств в Ташкенте 29 ноября 2019 г. Примечательно, что на второй Консультативной встрече первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев предложил учредить 15 марта новый праздник – День Центральной Азии, выдвинув одновременно инициативу по созданию в регионе «безбарьерной среды», подразумевающей беспрепятственное перемещение товаров, услуг и капитала⁵.

В событиях, свидетельствовавших как будто бы о том, что регионализации ЦА придан новый импульс, обнаружилась своего рода новация: если раньше тон интеграционным процессам в регионе, а также и на всем постсоветском пространстве задавал Казахстан, то теперь на роль движущей силы внутрирегионального взаимодействия в ЦА стал также претендовать и Узбекистан.

Интеграционные инициативы Казахстана и Узбекистана

Казахстан и Узбекистан – своего рода «регионообразующие» государства, два ядра, вокруг которых гипотетическая региональная интеграция может приобрести реальные очертания. Справедливо и то, что без участия Казахстана и Узбекистана сложно решать принципиальные вопросы, связанные с изменением уровня стабильности, безопасности, устойчивого развития в ЦА. И все же внешнеполитическое позиционирование этих двух государств, их подходы к решению проблем региональной интеграции и безопасности нельзя считать полностью совпадающими.

Узбекистан, уклонявшийся в период президентства Ислама Каримова от участия в объединениях, созданных либо по инициативе России (например, в ОДКБ), либо Запада (ГУАМ), и в настоящее время занимает весьма сдержанную позицию в отношении своего возможного присоединения к действующим на постсоветском пространстве структурам. В Узбекистане, где закреплена на законодательном уровне принцип неучастия армии в военных операциях за пределами страны, введен также запрет на размещение иностранных военных баз на территории республики⁶.

Иная позиция у Казахстана, превратившегося к настоящему времени во вполне самостоятельного игрока мировой политики, в т. ч. благодаря непостоянному членству в ООН, представлению Астаной (совр. Нур-Султан) площадки для проведения межсирийского диалога («астанинский процесс») и пр. На постсоветском пространстве

5 Назарбаев предложил учредить День Центральной Азии (2019) // Фергана. 29 ноября 2019 // <https://fergana.media/news/112912>, дата обращения 22.06.2020.

6 Оборонная доктрина Республики Узбекистан. Утверждена Законом Республики Узбекистан от 9 января 1918 г. № 3РУ-458 // <https://lex.uz/docs/3495906>, дата обращения 22.06.2020.

Казахстан принимает деятельное участие во всех интеграционных экономических объединениях и структурах безопасности СНГ, развивает тесное экономическое сотрудничество не только со своими партнерами по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и бывшими советскими республиками – ныне суверенными государствами, но и со странами Евросоюза, Китаем. Открыт Казахстан и для военно-политического сотрудничества как с ООН, США, НАТО, так и с Россией, Китаем, другими государствами. Как отмечено в докладе с участием центральноазиатских ученых британского аналитического центра в области международных отношений *Chattam House*, «Казахстан в своей международной политике продолжает делать больший упор на позиционирование себя как глобального игрока, а не как регионального лидера» [Бор и др. 2019, с. iv).

Обращает на себя при этом внимание тот непреложный факт, что первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, будучи одним из главных инициаторов евразийской интеграции, живой интерес проявлял и к проблеме регионализации ЦА. Так, в 2005 г. Назарбаев впервые заявил об экономической целесообразности создания Союза центральноазиатских государств (СЦАГ), предложив даже подготовить соответствующую концепцию и предположив, что с помощью СЦАГ можно будет «наладить эффективную интеграцию». Примечательно, что участие России в таком союзе не предусматривалось⁷.

В 2008 г. Назарбаев вновь вернулся к идее союза, сделав упор на то, что подобное формализованное объедине-

ние пяти государств ЦА повысит международный статус региона. Идея, однако, не была тогда поддержана президентом Узбекистана Исламом Каримовым. На состоявшейся в Астане в апреле 2008 г. пресс-конференции по итогам встречи с Назарбаевым Каримов объяснил, почему данная инициатива для Узбекистана неприемлема: «Во-первых, для того чтобы создать союз между государствами, надо, чтобы уровень их экономического и социального развития был сопоставим, во-вторых, политика этих стран не должна быть противоречивой. К сожалению, уровень развития центральноазиатских стран несопоставим, говорить о каком-то союзе преждевременно»⁸.

Но вот намного большего взаимопонимания по проблеме гипотетического «союза пяти» Назарбаев обнаружил у второго президента Узбекистана – Шавката Мирзиёева, горячо поддержавшего идею активизации внутрирегионального сотрудничества в ЦА. Да и в целом после ухода из жизни в 2016 г. многолетнего главы Узбекистана Ислама Каримова открытость к региональному сотрудничеству в рамках ЦА стала одним из приоритетов нового руководства республики.

В своем выступлении 17 сентября 2017 г. на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев заявил о создании новой политической атмосферы в регионе и призвал организовывать регулярные консультативные встречи глав государств ЦА. Данное пожелание было реализовано не только в рамках встреч центральноазиатских государств на высшем уровне, но и в других форма-

7 Н. Назарбаев сформулировал задачу – написать концепцию Союза центральноазиатских государств (2005) // ЦентрАзия. 7 июня 2005 // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1118173500>, дата обращения 22.06.2020.

8 Расов С. (2008) Союз центральноазиатских государств // *Livejournal.com* // <https://srasov.livejournal.com/6654.html>, дата обращения 22.06.2020.

тах, в частности, в рамках «5+1» – запущенных администрацией США с 2015 г. регулярных встреч пяти центрально-азиатских министров иностранных дел с госсекретарями США. Такие же беседы с руководством стран ЦА проводит регулярно и Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, что говорит о стремлении США и Евросоюза активно влиять на процессы регионализации ЦА в выгодном для себя направлении.

Параллельно с этим растет на двустороннем уровне взаимодействие Узбекистана с Казахстаном, где отношения с Узбекистаном часто квалифицируют как приоритетные. Как отметил в этой связи премьер-министр Казахстана Аскар Мамин, комментируя на встрече со своим узбекским коллегой, Абдуллой Ариповым, необходимость активизации совместных усилий по формированию коридора «Север – Юг» и развитию Транскаспийского международного транспортного коридора, «для Казахстана ваша страна (Узбекистан – Д.М.) – это выход на Южную Азию, для Узбекистана наша территория – это доступ на рынки ЕАЭС и Юго-Восточной Азии, Кавказа и Европы»⁹.

Некоторые эксперты полагают, что в развитии экономического сотрудничества с Казахстаном больше заинтересован Узбекистан, если принять во внимание, что объем его ВВП меньше по сопоставимости с объемом ВВП Казахстана, несмотря на то, что Узбекистан обладает значительным экономическим по-

тенциалом (см. подробнее [Ионова 2018, с. 133]). Привлекаемые в Узбекистан казахские инвестиции резко возросли, а само двустороннее узбекско-казахстанское сотрудничество развивается с начала 2020 г. в самых разных сферах¹⁰.

В масштабах региона Узбекистан стремится принять активное участие в проектах, нацеленных на частичное перераспределение в пользу Афганистана и государств Южной Азии центрально-азиатских энергоресурсов, электроэнергетики, транспортных мощностей. Так, например, правительство Узбекистана не исключает возможности подключения республики к региональному проекту CASA-1000, предусматривающему поставки в Афганистан и Пакистан электроэнергии из Таджикистана и Киргизии¹¹. Сам этот проект, спонсируемый Всемирным банком и США, хотя и имеет конечной целью объединение в перспективе Центральной и Южной Азии в рамках единого экономического пространства (что предусмотрено еще в известной работе Старра «Партнерство в Большой Центральной Азии» для Афганистана и его соседей» [Starr 2005]), может в конечном итоге способствовать развитию энергетической отрасли во всех странах ЦА¹².

Узбекистан по традиции продолжает уклоняться от участия в объединениях, созданных по инициативе России. Исключением может служить принятое 11 мая 2020 г. решение Сената Олий Мажлиса Узбекистана о присоединении республики к ЕАЭС в качестве государ-

9 По итогам II Форума межрегионального сотрудничества Казахстана и Узбекистана подписаны 52 соглашения почти на 500 млн долл (2020) // Премьер-министр Республики Казахстан. 26 февраля 2020 // <https://primeminister.kz/ru/news/po-itogam-ii-foruma-mezhregionalnogo-sotrudnichestva-rk-i-ru-podpisany-52-soglasheniya-na-okolo-500-mln>, дата обращения 22.06.2020.

10 Там же.

11 Узбекистан может присоединиться к региональному проекту CASA-1000 (2018) // Sputnik Таджикистан. 29 ноября 2018 // <https://tj.sputniknews.ru/asia/20181129/1027559463/tajikistan-uzbekistan-prisoedinenie-regionalniy-proekt-casa-1000.html>, дата обращения 22.06.2020.

12 CASA-1000: плюсы и минусы стройки века (2016) // Sputnik Кыргызстан. 12 мая 2016 // <https://ru.sputnik.kg/economy/20160512/1025189083.html>, дата обращения 22.06.2020.

ства-наблюдателя¹³, хотя и здесь имеются серьезные противники интеграции, полагающие, что «партнерство с ЕАЭС может притормозить процесс запланированного вступления Узбекистана во Всемирную торговую организацию»¹⁴. Сдержанно отнеслось руководство Узбекистана и к российским предложениям о выработке – как в рамках ООН, так и ОДКБ – консолидированной позиции центральноазиатских стран по урегулированию конфликта в Афганистане. Зато Узбекистан предпочитает интенсифицировать процессы регионализации на базе тех организаций, где его роль может быть заметной, т. е. в рамках ШОС. В Ташкенте находится штаб-квартира Региональной антитеррористической структуры ШОС, учрежден в Узбекистане и Центр народной дипломатии ШОС; стремится Узбекистан внести вклад и в запуск переговорного политического процесса в Афганистане, что получило высокую оценку как в КНР, так и в ШОС¹⁵.

Таким образом, Узбекистан, следуя ставшей традиционной для его внешней политики многовекторной стратегии, представляющей собой на практике маневрирование между различными региональными и глобальными центрами, не оставляет притязаний на лидерство во многих региональных процессах в ЦА, и его потенциал как одного из наиболее влиятельных и крупных государств региона позволяет это делать.

Дополнительные штрихи к трактовке позиции официального Ташкента в отношении проекта «новой интегра-

ции» в ЦА дает узбекский политолог Рафаэль Саттаров, который утверждает: «Новому узбекскому лидеру, как в свое время Брежневу, очень нравится, когда в зарубежных СМИ его описывают как реформатора и модернизатора, стремящегося построить в Узбекистане открытое общество. Ради таких похвальных отзывов можно и пересмотреть внешнеполитические задачи. Тем более что сложнейшая ситуация в экономике вынуждает руководство страны искать инвестиции, которые не придут без отказа от старых каримовских подходов. А постепенная консолидация власти в руках Мирзиёева открывает ему больше пространства для маневра, в т. ч. и во внешней политике»¹⁶.

В целом же Узбекистан действительно превратился в настоящее время в одного из главных инициаторов экономического и политического сближения центральноазиатских государств, а значит, в основного драйвера внутрирегиональной интеграции.

Приходится, тем не менее, констатировать, что пока усилия и Узбекистана, и Казахстана в этом направлении успехом не увенчались: на практике идею «союза пяти» в ЦА реализовать не удалось. Не смогли страны региона перейти от деклараций к реальному сотрудничеству, наполнить экономическим содержанием во многом политизированные интеграционные инициативы и проекты регионализации. Тормозят ее объективно существующие преграды и препятствия.

13 Сенат Узбекистана одобрил участие страны в ЕАЭС в качестве наблюдателя (2020) // Узбекское телеграфное агентство. 11 мая 2020 // <https://uztag.info/ru/news/senat-uzbekistana-odobril-uchastie-strany-v-eaes-v-kachestve-nablyudatelya>, дата обращения 22.06.2020.

14 В Сенате Узбекистана нашлись противники интеграции в ЕАЭС (2020) // Фергана. 11 мая 2020 // <https://fergana.news/news/117969>, дата обращения 22.06.2020.

15 Узбекистан и Китай обсудили сотрудничество в реализации различных совместных проектов в Афганистане (2020) // Podrobno.uz. 28 февраля 2020 // <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-i-kitay-obsudili-sotrudnichestvo-v-realizatsii-razlichnykh-sovmestnykh-proektov-v-afganis/>, дата обращения 22.06.2020.

16 Саттаров Р. (2017) АСЕАН по-узбекски. Новые амбиции Ташкента в Центральной Азии // Московский центр Карнеги. 28 декабря 2017 // <http://carnegie.ru/commentary/75120>, дата обращения 22.06.2020.

Тормозы регионализации

Государства региона отличаются друг от друга в экономическом, социальном планах; неодинакова и ресурсная база каждого из них. Поэтому модель развития, взятая на вооружение в самой развитой республике ЦА – Казахстане, может не сработать, например, в Таджикистане или Киргизии. И без того низкая конкурентоспособность региона в 2020 г. была усугублена мировым экономическим кризисом, падением цен на нефть, а вызванная коронавирусом пандемия привела к замедлению экономического роста республик ЦА, общему ухудшению социально-экономической ситуации, и из нее каждая центральноазиатская республика в основном выбиралась собственными силами. Все это побуждает правительства стран региона делать своим императивом не построение очередного интеграционного объединения, а направлять имеющиеся ресурсы на преодоление кризиса.

Фактором, препятствующим интеграции/регионализации, остаются центробежные устремления центральноазиатских стран, которых экономически притягивают не соседи по региону, а внешние партнеры и рынки, международные финансовые институты и донорские структуры. Что касается политического измерения межгосударственного взаимодействия внутри ЦА, то очевидно, что ни одна из пяти республик региона не намерена делиться суверенитетом после распада СССР суверенитетом в пользу надгосударственных структур – действуют ли они, как ЕАЭС, в масштабах постсоветского пространства или же их планируется ограничить рамками пяти государств ЦА (как задуманный к созданию СЦАГ).

Неясными остаются мотивы и внешнеполитические приоритеты нового руководства Узбекистана, кото-

рому Казахстан как будто бы добровольно уступил привычную для него роль «мотора» региональной интеграции. Нельзя исключить также, что явные притязания Узбекистана в ЦА на роль «первого среди равных» способны вызвать скрытое отторжение у других центральноазиатских участников процесса. Тем более что противоречия между ними никуда не делись.

Ведь несмотря на предпринятые попытки, центральноазиатские страны так и не добились конструктивного сотрудничества в решении водной проблемы, не перешли к совместному использованию водно-энергетических ресурсов в условиях, когда Таджикистан и Киргизия «контролируют почти 80% всех запасов поверхностных трансграничных вод в регионе» [Зиядуллаев Н., Зиядуллаев У. 2019, с. 93].

Не все благополучно и в сфере политического взаимодействия. Хотя Узбекистан при президенте Ш. Мирзиёеве поспособствовал оздоровлению межгосударственных контактов в ЦА (принятием мер по демаркации границ и транспортному сообщению), остались во взаимоотношениях центральноазиатских государств друг с другом нерешенные политические проблемы – пограничная, в частности, питающая латентную конфронтацию Киргизии с Таджикистаном, Казахстаном, Узбекистаном.

Не все однозначно в ЦА и в сфере безопасности. В то время как три центральноазиатских государства являются членами ОДКБ, Узбекистан и Туркменистан дистанцируются от этой международной организации. Обращает на себя также внимание курс послекаримовского Узбекистана на развитие тесного военного сотрудничества с США, что входит в противоречие и с духом ШОС, и в целом со стратегическим партнерством стран ЦА с Россией и Китаем – а ведь именно они являют-

ся истинными гарантами поддержания региональной безопасности.

Таким образом, международные отношения в ЦА не обрели еще устойчивого характера. Не создана также прочная основа для такого внутреннего единства, которое позволило бы безоговорочно считать Центральную-Азиатский регион политическим и интеграционным целым.

Новым независимым государствам ЦА и их политическим элитам часто с трудом хватает ресурсов на собственное выживание, на конструирование собственных политических систем. У них нет возможности противостоять своими силами вызовам и рискам. Нет также средств и на создание институтов международного региона. Этим часто пользуются разнообразные международные партнеры центральноазиатских стран для продвижения собственных интересов. Государства ЦА становятся, таким образом, объектами многостороннего соперничества со стороны различных внешних сил, стремящихся влиять на экономическое и политическое развитие региона, что приводит к тому, что правящие элиты в ЦА оказываются в очень серьезной зависимости от внешних сил, вовлеченных в регион.

Объективно процесс интенсификации межрегиональных связей в направлении создания формального объединения пяти центральноазиатских государств отражает их стремление обрести большую субъектность в мировой политике, снизить риски, рождаемые чрезмерной зависимостью от внешних факторов: глобальных и региональных игроков, глобальной экономики и мировых финансовых институтов.

Справедливо также, что субъективно процесс регионализации ЦА противостоит иницируемой Россией евразийской интеграции, поскольку грозит отторгнуть от нее центральноазиатский сегмент. Возможно, что этому

смогут помешать объективные обстоятельства: низкий уровень товарооборота между странами ЦА, другие преграды (таможенные и пр.) на пути передвижения людей, товаров и услуг.

Конкурентная борьба, развернувшаяся в постсоветской ЦА, определяется во многом динамикой глобального развития. Оно характеризуется: а) угасанием однополярного мира, процессом становления полицентричного миропорядка; б) формированием в Азии параллельного Западу нового центра силы; в) стратегией «Поворота России на Восток», где наблюдается встречное движение Китая, Индии других азиатских стран, не удовлетворенных нынешним раскладом сил в мире. Это диктует необходимость выработки новых подходов к решению вопросов экономического и политического развития ЦА как региона, а также проблем, связанных и с его регионализацией, и с обеспечением его безопасности.

Список литературы

Барановский В.Г., Квашнин Ю.Д., Тоганова Н.В. (ред.) (2018) Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт. М.: ИМЭМО РАН.

Барыгин И.Н. (ред.) (2007) Основы регионоведения. М.: Аспект Пресс.

Богатуров А., Дундич А., Троицкий Е. (2010) Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. М.: НОФМО.

Бор А., Брауэр Б., Гулд-Дэвис Н., Касенова Н., Лиллис Дж., Маллинсон К., Никси Дж., Сатпаев Д. (2019) Казахстан: испытание «транзитом власти». Доклад Chatham House // <https://www.chatham-house.org/sites/default/files/CHNJ8054-RUSSIAN-Kazakhstan-Report-FINAL.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Воскресенский А.Д. (ред.) (2011) Восток и политика. М.: Аспект Пресс.

Воскресенский А.Д. (2012) Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. Т. 3. № 2(8). С. 30–58 // <https://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/147>, дата обращения 22.06.2020.

Гафуров Б.Г. (1989) Таджики. М.: Наука.

Жолдасбаев С. (2010) История Казахстана: Учебник для 10 кл. естеств.-мат. направления общеобразоват. шк. Алматы: Мектеп.

Зиядуллаев Н., Зиядуллаев У. (2019) О стратегии развития государств Центральной Азии в условиях глобализации и регионализации мировой экономики // Общество и экономика. № 4. С. 87–100. DOI: 10.31857/S020736760004759-3

Ионова Е. (2018) Развитие отношений Казахстана и Узбекистана как фактор регионализации в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. № 4(41). С. 132–145. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-132-145

Каримова А.Б. (2006) Региональное пространство в современной политической организации мира. М.: Институт востоковедения РАН.

Косолапов Н.А. (2005) Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 3–13.

Лаврищев А.Н. (1964) Экономическая география СССР. М.: Экономика.

Лагутина М.Л. (2016) Мир регионов в мировой политической системе XXI века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. политех. ун-та.

Малышева Д.Б. (2010) Центрально-азиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО.

Малышева Д.Б. (2017) Афганский кризис и постсоветская Центральная

Азия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 8. С. 14–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23

Мамедов Г., Шаталова О. (ред.) (2016) Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек: Штаб-Press.

Печатнов В.О., Стрельцов Д.В. (ред.) (2019) Страны и регионы мира в мировой политике. Т. 2: Азия и Африка. Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс.

Спартак А.Н. (2017) Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 10. № 4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Халфин Н.А. (1965) Присоединение Средней Азии к России (60 – 90-е годы XIX века). М.: Наука.

Хидоятов Г.А. (1967) Джеффри Уилер переписывает историю Средней Азии // Вопросы истории. № 12. С. 21–35.

Шаймергенов Т.Т., Абишева М.А. (ред.) (2017) Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы.

Hettne B., Söderbaum F. (1998) The New Regionalism Approach // *Politeia*, vol. 17, no 3, pp. 6–21 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2399180, дата обращения 22.06.2020.

History of Civilizations of Central Asia (1992). Vol. 1, Paris: UNESCO // <https://archive.org/details/HistoryOfCivilizationsOfCentralAsiaTheDawnOfCivilizationEarliest/page/n1/mode/2up>, дата обращения 22.06.2020.

Humboldt A. (1843) *Asie Centrale: Recherches sur les Chaines de Montagnes et la Climatologie Comparée*, Paris: Gide.

Hurrell A. (1995) Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*, vol. 21, no 4, pp. 331–358. DOI: 10.1017/S0260210500117954

Keohane R.O., Nye J.S. (Jr.) (eds.) (1972) *Transnational Relations and World Politics*, Cambridge: Harvard University Press.

Khanikoff N. (1961) *Mémoires sur le Partie Méridionale de l'Asie Centrale*, Paris.

Starr S.F. (2005) *A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors*, Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8

Problems of Regionalization in Post-Soviet Central Asia

Dina B. MALYSHEVA

DSc in Politics, Head of Sector Center of Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: dsheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8625-6132

CITATION: Malysheva D.B. (2020) Problems of Regionalization in Post-Soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 140–155 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8

Received: 01.06.2020.

ABSTRACT. *Different interpretations of the concept of “Central Asia” (CA) as well as mutual definitions of its geographical borders indicate the incompleteness in the process of forming Central Asia as a region. Regionalization as an effective form of upholding and promoting by Central Asian countries their national interests is distinguished in Central Asia by a multilevel characterization. It includes the desire of the republics to promote their national interests as sovereign states, then to develop their trade, economic and political interaction within the framework of integration processes, and to join various integration initiatives and supranational projects with a wide range of non-regional participants. Central Asian states’ attempts to develop intra-regional cooperation in the period from 1994 to 2005 ended in failure. Since 2017, the idea of a “new integration” has been gaining popu-*

larity in Central Asia, and it is considered to be a part of the construction within the framework of the Union of Central Asian States which is planned for creation. Kazakhstan and Uzbekistan claim for the role of “region-forming” countries and two cores around which the development of hypothetical regional integration is possible. At the same time, the foreign policy of Kazakhstan and Uzbekistan, their approaches to security problems have a kind of differences, while their regional neighbors are also differ from each other in their approaches to some economic and social issues; the resource base of Central Asian states is incomparable either. Therefore, there are many factors that hinder a regionalization as well as an integration. Among them are the centripetal aspirations of the Central Asian countries/ They prefer, instead of neighbors in the region, external partners and markets, international

financial institutions and donor structures. There are objective obstacles that impede regionalization, including the fact that the five republics of the region reluctant to share the sovereignty acquired after the collapse of the USSR in favor of supranational structures, whether they operate on the scale of the post-Soviet space or they are planned to be created within the region.

KEY WORDS: Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, region, regionalization, globalization, “union of five”, the Union of Central Asian States, “new integration”, security

References

- Barnovsky V., Kvashnin Yu., Toganova N. (eds.) (2018) *International Development Assistance as Foreign Policy Tool: Foreign Experience*, Moscow: IMEMO (in Russian).
- Barygin I.N. (ed.) (2007) *Fundamentals of Regional Studies*, Moscow: Aspect Press (in Russian).
- Bogaturov A., Dundich A., Troitskiy E. (eds.) *Central Asia: A “Delayed Neutrality” and International Relations in the 2000s. Essays on Current Politics*, Moscow (in Russian).
- Bohr A., Brauer B., Gould-Davies N., Kassenova N., Lillis J., Mallinson K., Nixey J., Satpayev D. (2019) *Kazakhstan: Tested by Transition*. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/CHHJ8054-RUSSIAN-Kazakhstan-Report-FINAL.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Gafurov B.G. (1989) *Tajiks*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Hettne B., Söderbaum F. (1998) The New Regionalism Approach. *Politeia*, vol. 17, no 3, pp. 6–21. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2399180, accessed 22.06.2020.
- History of Civilizations of Central Asia* (1992). Vol. 1, Paris: UNESCO. Available at: <https://archive.org/details/HistoryOfCivilizationsOfCentralAsiaTheDawnOfCivilizationEarliest/page/n1/mode/2up>, accessed 22.06.2020.
- Humboldt A. (1843) *Asie Centrale: Recherches sur les Chaines de Montagnes et la Climatologie Comparée*, Paris: Gide.
- Hurrell A. (1995) Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics. *Review of International Studies*, vol. 21, no 4, pp. 331–358. DOI: 10.1017/S0260210500117954
- Ionova E. (2018) Development of Relations between Kazakhstan and Uzbekistan as a Factor of Regionalization in Central Asia. *Russia and New States of Eurasia*, no 4(41), pp. 132–145 (in Russian). DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-132-145
- Karimova A.B. (2006) *Regional Space in the Modern Political Organization of the World*, Moscow: Institute of Oriental Studies (in Russian).
- Keohane R.O., Nye J.S. (eds.) (1972) *Transnational Relations and World Politics*, Cambridge: Harvard University Press.
- Khalfin N.A. (1965) *Accession of Central Asia to Russia (60 – 90 years of the XIX century)*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Khanikoff N. (1961) *Mémoires sur le Partie Méridionale de l'Asie Centrale*, Paris.
- Khidoyatov G.A. (1967) Jeffrey Wheeler Rewrites Central Asian History. *Voprosy istorii*, no 12, pp. 21–35 (in Russian).
- Kosolapov N.A. (2005) Globalization: Territorial and Spatial Dimension. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 6, pp. 3–13 (in Russian).
- Lagutina M.L. (2016) *The World of Regions in the Global Political System of the 21st Century*, Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. politekh. un-ta (in Russian).
- Lavrishchev A.N. (1964) *Economic Geography of the USSR*, Moscow: Economics (in Russian).
- Malysheva D. (2010) *Central Asian Knot of World Politics*, Moscow: IMEMO (in Russian).

- Malysheva D. (2017) The Afghan Crisis and Post-Soviet Central Asia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 61, no 8, pp. 14–23 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23
- Mamedov G., Shatalova O. (eds.) (2016) *Concepts of the Soviet in Central Asia*, Bishkek: Headquarters Press (in Russian).
- Pechatnov V.O., Strel'tsov D.V. (eds.) (2019) *Countries and Regions of the World in World Politics. Volume 2: Asia and Africa. Textbook for High Schools*, Moscow: Aspekt Press (in Russian).
- Shaimergenov T.T., Abisheva M.A. (eds.) (2017) *Central Asia 2027: A Changing Strategic Landscape*, Astana: The Library of the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbassy (in Russian).
- Spartak A.N. (2017) Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 4, pp. 13–37 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37
- Starr S.F. (2005) *A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors*, Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.
- Voskresenski A.D. (ed.) (2011) *East and Politics*, Moscow: Aspekt Press (in Russian).
- Voskresenski A.D. (2012) Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR. *Comparative Politics Russia*, vol. 3, no 2(8), pp. 30–58. Available at: <https://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/147>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Zholdasbaev S. (2010) *History of Kazakhstan*, Almaty: Mektep (in Russian).
- Ziyadullaev N., Ziyadullaev U. (2019) On the Development Strategy of Central Asian States in the Context of Globalization and Regionalization of the Global Economy. *Obshchestvo i ekonomika*, no 4, pp. 87–100 (in Russian). DOI: 10.31857/S020736760004759-3

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-9

Интеграционные проекты России и ЕАЭС: шанс для наращивания экспорта?

Владимир Петрович ОБОЛЕНСКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: vobolenskiy@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8093-1267

ЦИТИРОВАНИЕ: Оболенский В.П. (2020) Интеграционные проекты России и ЕАЭС: шанс для наращивания экспорта? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 156–175.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-9

Статья поступила в редакцию 31.12.2019.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются возможности улучшения доступа российских товаров на внешние рынки с помощью региональных торговых соглашений. Участие в таких соглашениях приобрело в текущем столетии массовый характер, в их рамках перемещается уже около двух третей трансграничных товарных потоков. Основная особенность развития регионализма в нынешнем веке – проинтеграционный характер заключавшихся соглашений, которые не ограничиваются договоренностями о зонах свободной торговли товарами, а охватывают широкий круг вопросов торговли услугами, инвестиционного сотрудничества, конкуренции, экологии, трудовых стандартов, т. е. предусматривают движение в сторону повышения институциональной однородности экономики. Россия до последнего времени ограничивалась решением задач сохранения и развития экономических связей на постсоветском пространстве и толь-

ко после создания Евразийского экономического союза начала проявлять интерес к подписанию им соглашений о свободной торговле со странами дальнего зарубежья. К настоящему времени ЕАЭС заключил соглашения о свободной торговле с рядом стран, ведет переговоры о ЗСТ еще с несколькими государствами. Заметных результатов, выражающихся в существенном снижении тарифных барьеров на совокупности внешних рынков, интеграционная политика ЕАЭС пока не принесла: действующие и намечаемые интеграционные проекты позволяют России пользоваться тарифными преференциями менее чем на одной десятой глобального рынка. Возможные новые соглашения союза о преференциальной торговле со странами АСЕАН могут лишь незначительно помочь России в расширении ее масштабов, а создание либеральных экономических партнерств типа «ВТО плюс» в российскую интеграционную повестку не входит. Нет и наме-

рений продвинуть в ЕАЭС идею формирования ЗСТ с крупнейшими торговыми партнерами России – ЕС и Китаем. Делается вывод о том, что России жизненно необходимо решать задачу повышения конкурентоспособности обрабатывающих отраслей экономики, без чего дальнейшее облегчение доступа на внешние рынки с помощью соглашений о свободной торговле может оказаться невозможным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональные торговые соглашения, особенности мегарегионализма, российские интеграционные проекты, соглашения ЕАЭС о свободной торговле, российский экспорт в страны с преференциальным режимом торговли, возможности наращивания экспорта, перспективы заключения ЕАЭС новых преференциальных соглашений

В настоящее время в России решается задача создания в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортоориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий. В соответствии с Указом Президента РФ [Указ Президента РФ 2018] разработан и реализуется национальный проект «Международная кооперация и экспорт», которым предусмотрено доведение в 2024 г. стоимостного объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров до 250 млрд долл. (в 1,85 раза больше по сравнению с 2017 г.), в т. ч. продукции машиностроения – до 60 (1,8 раза), продукции агропромышленного комплекса – до 45 (2,1 раза), экспорта услуг – до 100 млрд долл. (1,7 раза) [Пас-

порт национального проекта 2018]. Достижение целей, обозначенных в этом проекте, не в последнюю очередь будет зависеть от того, насколько смогут улучшиться для российских предприятий и фирм условия доступа на внешние рынки.

Между тем ситуация в международной торговле остается неопределенной и непредсказуемой. После глобального кризиса конъюнктура на внешних рынках периодически меняет свои векторы, за повышением цен следует их снижение, очередной период которого начался в прошедшем году. У России нет возможностей серьезно влиять на мировые цены, кроме цен на нефть, и то при условии обязательного взаимодействия с ОПЕК [Оболенский, 2018, с. 121–132].

«Пляска» цен происходит на фоне усиления протекционизма. Правительства многих стран, формально его осуждая, активно применяют тарифные и нетарифные меры защиты своей экономики, а некоторые из них идут еще дальше, развязывая масштабные торговые войны. По данным регулярного мониторинга ВТО, с октября 2018 г. по октябрь 2019 г. страны – члены этой организации ввели 102 новые меры, затрагивающие импорт объемом 747 млрд долл., что на 27% больше, чем в аналогичный предыдущий период. К концу 2019 г. ограничения, включая принятые ранее, охватили 7,5% всего мирового импорта (1,7 трлн долл. из 19,5)¹. На внешних рынках в отношении отечественных экспортеров действует заметное число ограничительных мер [Оболенский 2019, с. 7–17], продолжается санкционное давление на Россию со стороны западных стран.

Компенсировать потери от нарастания протекционистских ограничений в

1 Overview of Developments in the International Trading Environment (2019) // WTO, December 12, 2019 // https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/dgra_12dec19_e.htm, дата обращения 22.06.2020.

той или иной степени способно участие в региональных торговых соглашениях (РТС), увеличение числа которых приобрело в начале века взрывной характер. Задачи настоящей статьи состоят, во-первых, в оценке с позиций влияния на отечественный экспорт результатов проводимой Россией и ЕАЭС интеграционной политики с использованием для этого анализа динамики экспорта в страны, в которые российская продукция поставляется или будет поставляться на преференциальных условиях, а также долей этих стран в отечественном экспорте и во-вторых, в определении причин, сдерживающих дальнейшее расширение экспорта с помощью РТС.

Экономическая интеграция в мире: регионализм и мегарегионализм

После глобального кризиса в международной торговле родилась и укрепилась новая тенденция – стремительный рост числа региональных торговых соглашений. Если на начало 2009 г. в ВТО было нотифицировано 258 таких соглашений, из которых 182 вступили в силу, то к началу 2020 г. количество первых выросло до 481, а вторых – до 302 (рост в 1,7 раза). В указанных соглашениях партнеры предоставляют друг другу на взаимной основе преференции в трансграничном передвижении товаров, факторов производства и доступе на рынок услуг. Они носят как двусторонний, так и многосторонний характер, имеют различный формат, в часть из них включены нормы регулирования в областях, связанных с торговлей, на которые не распространяется компетенция ВТО. Среди нотифици-

рованных к настоящему времени РТС 260 относятся к зонам свободной торговли (ЗСТ) (54%), 160 – к соглашениям интеграционного типа (33%), 30 – к таможенным союзам (ТС) – (6%) и 31 – к соглашениям с частичным охватом (около 7%)².

Импульсом к массовому формированию РТС стала неудовлетворенность стран – членов ВТО ходом многосторонних торговых переговоров Доха-раунда, открытых в декабре 2001 г. и не завершенных до сих пор, повестка дня которого предусматривала выработку договоренностей о дальнейшей либерализации торговли сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукцией, услугами, а также о мерах облегчения торговли. Всплеск регионализма являет собой фактически ответную реакцию правительств различных стран на крах этих переговоров, процесс приспособления национальной торговой политики к запросам глобализации и ТНК, которые заинтересованы в ощутимом сокращении издержек, связанных с деятельностью своего зарубежного бизнеса, функционированием глобальных цепочек добавленной стоимости, уровень которых во многом зависит от стоимости и быстроты осуществления торговых процедур, простоты доступа на рынки услуг, правил конкуренции, технического регулирования и других норм ведения хозяйственной деятельности.

Основная особенность развития регионализма в нынешнем веке – проинтеграционный характер заключающихся соглашений, т. е. соглашений ЗСТ плюс, не ограничивающийся созданием зон свободной торговли товарами, а охватывающий широкий круг вопросов торговли услугами, инвестиционного сотрудничества, ИКТ, конку-

2. Regional Trade Agreements Database // WTO // <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>, дата обращения 22.06.2020.

ренции, экологии, трудовых стандартов и т. д.

Все без исключения члены ВТО являются участниками РТС (до 2016 г. ни в одном соглашении не участвовала Монголия), каждый из членов ВТО входит в среднем в 14 торговых группировок. Более трети заключенных соглашений приходится на ведущие развитые страны и их объединения. Лидерами по количеству уже действующих подобных соглашений являются ЕС – 42 соглашения, ЕАСТ – 30, Чили – 29, Сингапур – 24, Мексика – 23, Турция – 22, Перу, Республика Корея и Украина – по 18 соглашений³. В крупнейших интеграционных объединениях сугубо регионального характера весьма высока доля взаимной торговли между странами, входящими в них: в ЕС на взаимный экспорт стран-членов приходится 67% их общего экспорта, в ЮСМКА (прежде НАФТА) – 50, в АСЕАН – 25%⁴.

В течение последнего десятилетия в развитии регионализма обозначилась качественно новая тенденция – формирование торговых сообществ, выходящих за границы определенных географических регионов и охватывающих страны, расположенные в различных частях света. Мегарегиональные торговые соглашения (МРТС), как они именуются в ВТО, коренным образом отличаются от прежних РТС интеграционной направленности. В содержательном плане закрепляемые в них обязательства идут дальше норм и правил ВТО: помимо тарифной и нетарифной либерализации, они охватывают также вопросы гармонизации внутренних мер регулирования, т. е. фактически предусматривают движение в сторону

повышения институциональной однородности экономик.

МРТС, обладая значительным экономическим и торговым потенциалом, не только исполняют ту функцию, ради которой создавались, – облегчение экономического взаимодействия между бизнесом стран-участниц, – но и способны оказывать влияние на глобальные экономические процессы и воздействовать на разработку новых правил международной торговли. Наконец, эти соглашения, в отличие от прежних РТС, имеют очевидную политико-экономическую и геополитическую направленность [Спартак 2018, с. 183].

Среди вступивших в силу к настоящему времени МРТС наибольшим экономическим весом обладают Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и Японией (СЭП) – почти 30% мирового ВВП, Всестороннее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой, Соглашение о зоне свободной торговли Евросоюза с Вьетнамом (каждое – примерно 20% глобального ВВП). Менее заметный удельный вес в мировом производстве приходится на страны, входящие во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства (ВПСТТП)⁵, однако это соглашение по своей глубине – формат «ВТО плюс», акцент на вопросах повестки «нового поколения», включающих гармонизацию внутренних систем и правил регулирования, охват традиционной повестки – опережает все другие МРТС.

Нормы и правила ВПСТТП во многом воспроизводят положения Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП), подписанного всеми один-

3 Regional Trade Agreements Database // WTO // <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>, дата обращения 22.06.2020.

4 World Trade Statistical Review 2019 (2019) // WTO, p. 55 // https://www.wto.org/english/res_e/etatis_e/wts2019_e/wts2019_e.pdf, дата обращения 22.06.2020.

5 Учредители ВПСТТП – Япония, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Мексика, Чили, Перу.

надцатью участниками ВПСТТП и Соединенными Штатами в феврале 2016 г. Данное соглашение, как известно, не вступило в силу: в январе 2017 г. США объявили о выходе из него. Тем не менее, несмотря на демарш новой американской администрации, демонстрирующей стойкую приверженность политике протекционизма, остальные страны-участницы сочли для себя невозможным отказаться от соглашения, которое не без оснований считалось «золотым стандартом» РТС XXI в. В марте следующего года они подписали новое соглашение, которое представляет собой переработанный текст соглашения о ТТП-12 [Торговые переговоры и конфликты 2018]. В нем воспроизводятся положения прежнего текста, касающиеся обнуления за переходный период импортных пошлин практически на всю номенклатуру товаров, унификации санитарных и фитосанитарных мер, защиты интеллектуальной собственности, либерализации правилительственных закупок, норм регулирования электронной торговли, деятельности государственных торговых предприятий. Отдельные положения прежнего соглашения заморожены на случай возможного возвращения США и вынесены в приложение. Это относится, в частности, к защите данных клинических испытаний лекарственных средств, патентам, авторским правам, осуществлению инвестиций и некоторым другим вопросам [Хейфец (1) 2019, с. 45–54].

По оценке ВТО, на торговлю в рамках всех действующих РТС, включая трансрегиональные, приходится в на-

стоящее время более трех пятых всего объема мировой торговли товарами⁶. Это означает, что только менее двух пятых товарных поставок на все мировые рынки осуществляется на базе одного из основополагающих торгово-политических принципов ВТО – режима наибольшего благоприятствования (РНБ): на рынках всех стран – членов ВТО их партнеры по РТС пользуются торговыми преференциями, что не может не сказываться неблагоприятно на экспортерах из третьих стран.

Лавинообразный рост регионализации, наблюдающийся в последние годы, не оставляет сомнений в том, что в ближайшие годы пространство, на котором действует РНБ, будет и дальше сжиматься. Хотя перспективы достижения взаимоприемлемых договоренностей о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве между Соединенными Штатами и ЕС (ТТИП), которое активно рекламировалось в последние годы как будущий эталон МРТС, выглядят неопределенно в связи с резким изменением американской торговой политики, процесс формирования МРТС продолжается. Близки к завершению переговоры о формировании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП)⁷, Соглашения о ЗСТ ЕС-Меркосур и ряда других мегарегиональных и региональных альянсов. Ведется проработка вопросов создания беспрецедентной по масштабу Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) с участием всех стран – членов Форума АТЭС. Его подписание многие эксперты считают возможным, но отмечают,

6 World Trade Statistical Review 2017 (2017) // WTO, p. 12 // https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/wts17_toc_e.htm, дата обращения 22.06.2020.

7 До последнего времени в переговорах участвовали страны АСЕАН, Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия – всего 16 стран. В ноябре 2019 г. Индия отказалась от участия в соглашении из опасения усиления конкуренции на внутреннем рынке в результате роста импорта китайской продукции и отрицательного сальдо в торговле со странами – участниками будущего соглашения.

что потребуются длительный период для сближения норм достаточно сильно различающихся по охвату и глубине уже существующих и проектируемых на пространстве АТЭС мегарегиональных проектов [Спартак 2017, с. 33].

Россия в интеграционных процессах

Участие России в формировании региональных торговых соглашений до последнего времени ограничивалось решением задач сохранения и развития экономических связей на пространстве бывшего Советского Союза. Первые двусторонние соглашения о свободной торговле подписывались ею со странами СНГ в начале 1990-х гг. В дальнейшем по мере реализации в регионе новых интеграционных инициатив все они фактически утратили силу⁸. В 2009 г. Белоруссия, Казахстан и Россия договорились о формировании Таможенного союза (ТС), который начал функционировать в следующем году. В 2011 г. вступило в действие многостороннее соглашение о зоне свободной торговли СНГ⁹. На базе ТС в 2015 г. был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который, наряду с основавшими его странами, вошли также Армения и Киргизия.

Соответственно последующее продвижение России по пути развития интеграционного взаимодействия с другими странами определяется теперь договоренностями ЕАЭС. К настоящему времени Евразийский союз подпи-

сал соглашения о свободной торговле с Вьетнамом (2015 г.), Ираном (2018 г., соглашение временное), Сербией и Сингапуром (2019 г.), продолжает переговоры о ЗСТ с Египтом, Израилем и Индией. Заинтересованность в установлении преференциального режима в торговле с Евразийским союзом выражают и другие азиатские страны, в частности некоторые члены сообщества АСЕАН.

В соответствии с подписанным соглашением ЕАЭС–Вьетнам по завершении десятилетнего переходного периода будут обнулены или снижены импортные пошлины на 90% наименований товаров, средневзвешенную ставку пошлины в отношении продукции из ЕАЭС Вьетнам сократит с 9,5 до 1%. Сингапур в рамках соглашения с ЕАЭС принял на себя обязательство не применять таможенные пошлины в отношении товаров из стран ЕАЭС. Соглашение Евразийский союз – Сербия, на рынках которой экспортеры Белоруссии, Казахстана и России уже пользовались режимом беспошлинной торговли на основании заключенных отдельно каждой из этих стран соглашений, унифицировало преференциальные условия импорта из всех стран Союза, распространив их на Армению и Киргизию. На страны, в которые отечественная продукция поставляется на преференциальных условиях (без Сербии и Ирана)¹⁰, приходится 11% всего российского экспорта, из которых более 8% приходится на Белоруссию и Казахстан. Доли всех остальных стран не превышают 1%. За прошедшее десятилетие совокупная доля рассматривае-

8 В настоящее время ВТО учитывает в числе 11 действующих РТС России соглашения с Грузией, Туркменией и Узбекистаном, не присоединившимися к соглашению о зоне свободной торговли СНГ, а также интеграционное соглашение Белоруссии, Казахстана, России и Украины (2003 г.), которое так и не состоялось.

9 Участниками соглашения стали 8 стран: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан и Украина. Россия и Украина с января 2016 г. преференций, предусмотренных соглашением, друг другу не предоставляют в связи с обострением политических отношений.

10 К настоящему времени данные за 2019 г. по этим двум странам не опубликованы.

мых стран в отечественном экспорте выросла незначительно, менее чем на 2 п.п. (таблица 1).

В ближайшем будущем Россия сможет осуществлять на льготных условиях поставки в 14 стран, открывших доступ на свои национальные рынки в соответствии с подписанными соглашениями. На эти страны в 2018 г. приходилось 14,6% общего экспорта России. Это существенно меньше, чем у стран, наиболее активно использующих интеграционные соглашения в качестве средства продвижения своего экспорта. Канада, например, 80% своих товаров поставляет за рубеж на преференциальных условиях, аналогичный показатель у Республики Корея – 73,5, Германии – 70,5, Китая – почти 40% [Снартак 2018, с. 152].

В течение 2016–2018 гг. поставки отечественной продукции в страны, в торговле с которыми действуют или

будут действовать преференции, росли опережающими темпами по сравнению с общим экспортом. Они увеличились с 49,6 до 67,7 млрд долл., или на 36,5% (среднегодовой темп прироста – 10,9%), тогда как российский экспорт во все страны – на 30,9% (среднегодовой темп – 9,4%). В наибольшей мере возрос экспорт в страны, с которыми ведутся переговоры о формировании зон свободной торговли, – 56,1%. Поставки в страны, участвующие в ЗСТ СНГ, увеличились на 33,3%, страны, входящие в ЕАЭС, – на 33,1, в страны, образовавшие ЗСТ с ЕАЭС, – на 24,4%. Самым стремительным был рост отечественного экспорта в Египет, возросший почти в 2 раза (таблица 2).

Феномен внушительных темпов роста отечественного экспорта по стоимости в период 2017–2018 гг., в т. ч. в перечисленные страны, – главным образом следствие смены понижающей

Таблица 1. Доли стран с льготным режимом импорта в российских поставках за рубеж (% к общему экспорту России)

Table 1. Shares of Countries with Preferential Import Treatment in Russian Deliveries Abroad (% of Total Russian Exports)

Страны	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Армения	0,18	0,31	0,34	0,36	0,30	0,40
Белоруссия	4,55	4,49	4,98	4,66	4,89	4,86
Казахстан	2,71	3,14	3,35	3,48	2,90	3,32
Киргизия	0,28	0,38	0,36	0,39	0,37	0,37
Молдавия	0,28	0,30	0,32	0,24	0,27	0,30
Таджикистан	0,17	0,22	0,23	0,19	0,19	0,23
Узбекистан	0,48	0,65	0,69	0,73	0,74	0,92
Вьетнам	0,34	0,54	0,48	0,53	0,55	0,27
Сингапур	0,51	0,73	0,63	0,92	0,62	0,54
Всего	9,50	10,76	11,38	11,50	10,83	11,21

Источник: подсчет по ФТС РФ. База данных ТСВТ // <http://stat.customs.ru>; Статистика. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран, январь–декабрь 2019 г. // www.customs.ru

тенденции динамики цен на мировых товарных рынках на повышательную, в первую очередь цен на топливно-энергетические товары (таблица 3).

Ощутимым стимулом увеличения российского экспорта в рассматривае-

мые годы являлось удешевление рубля относительно иностранных валют. Среднегодовая цена доллара на российском рынке постепенно росла (с 58,34 руб. в 2017 г. до 62,67 в 2018 г. и 64,67 руб. в 2019 г.), что вело к соответ-

Таблица 2. Объемы и динамика отечественного экспорта в страны, с которыми Россия ведет или намеревается вести торговлю на преференциальных условиях (млн долл./% к пред. году)

Table 2. The Volume and Dynamics of Domestic Exports to the Countries with which Russia Conducts or Intends to Conduct Trade on Preferential Terms (million USD/% to Previous Year)

Страны	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2015/ 2018 гг.	2019 г.*
Страны – члены ЕАЭС	28563/–	25772/90,2	31770/123,3	38013/119,7	–/133,1	37826/99,5
Армения	1054/–	963/91,4	1273/132,2	1351/106,1	–/128,2	1680/124,4
Белоруссия	15417/–	14216/92,2	16648/117,1	21963/131,9	–/142,5	20545/93,5
Казахстан	10788/–	9560/88,6	12448/130,2	13041/104,8	–/120,9	14051/107,7
Киргизия	1304/–	1033/79,2	1401/135,6	1658/118,3	–/127,1	1550/93,5
Страны – участники ЗСТ СНГ	4032/–	3538/87,7	4182/118,2	5373/128,5	–/133,3	6118/113,9
Молдавия	1036/–	912/88,0	865/94,8	1205/139,9	–/116,3	1257/104,3
Таджикистан	763/–	661/86,6	692/104,7	850/122,8	–/111,4	953/112,1
Узбекистан	2233/–	1965/88,0	2625/133,6	3318/126,4	–/148,6	3908/117,8
Страны, имеющие с ЕАЭС соглашения о ЗСТ	6200/–	5820/93,9	6137/105,4	7464/121,6	–/124,4	3436/...
Вьетнам	1842/–	1373/74,5	1902/138,5	2457/129,2	–/133,4	1136/46,2
Сербия	850/–	769/90,5	945/122,9	1011/107,0	–/118,9	...
Сингапур	2491/–	1796/72,1	3290/183,2	2790/84,8	–/112,0	2300/82,4
Иран	1017/–	1882/185,1	1315/69,9	1206/91,7	–/118,6	...
Страны, ведущие переговоры с ЕАЭС о ЗСТ	10791/–	10562/97,9	14341/135,8	16848/117,5	–/156,1	14491/86,0
Египет	3676/–	3784/102,9	6217/164,3	7142/114,9	–/194,3	5766/80,7
Израиль	1540/–	1466/95,2	1667/113,7	1954/117,2	–/126,9	1417/72,5
Индия	5575/–	5312/95,3	6457/121,6	7752/120,1	–/139,0	7308/94,3
Все 14 перечисленных стран	49586/–	45692/92,1	56430/123,5	67698/120,0	–/136,5	...
Экспорт, всего	343512/69,1	285652/83,2	357262/125,1	449564/125,8	.../130,9	422777/94,0

* детальная статистика по всем странам пока не опубликована.

Источник: подсчет по ФТС РФ. База данных TCBS // <http://stat.customs.ru>; Статистика. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран, январь–декабрь 2019 г. // www.customs.ru

ствующему увеличению доходов от поставок за рубеж, выраженных в рублях. Заметную роль в развитии экспортной деятельности играл Российский экспортный центр, в который интегрированы Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР) и Росэксимбанк. В 2017 г. объем экспорта, поддержанного государством через РЭЦ, составил около 20 млрд долл., в 2018 г. – 19 млрд, в 2019 г. – 19,5 млрд долл.¹¹

Все перечисленные факторы влияли на динамику экспорта в целом, что позволяет заключить: при прочих равных условиях открытие зарубежных рынков путем формирования РТС выступает стимулом, но не гарантией наращивания экспорта. Отечественные специалисты отмечают, что в условиях снижения общего уровня барьеров на движение факторов производства в глобальном масштабе описанные в теории эффекты интеграции оказываются менее выраженными, чем в предше-

ствующие десятилетия, в результате чего процессы интегрирования утрачивают свое значение как активатора экономического развития [Ушкалова 2017, с. 133–134].

В прошедшем году общий объем российского экспорта сократился на 6%, в т. ч. в страны ЕАЭС – на 0,5%, в страны, продолжающие переговоры с ЕАЭС, – на 14%. Более чем вдвое упал объем поставок во Вьетнам, почти на 30% – в Израиль, примерно на 20% – в Сингапур и Египет. При этом поставки в Армению выросли на 24%, Казахстан – на 8%, в три страны – участницы ЗСТ СНГ – почти на 14%¹². Ухудшение показателей развития отечественного экспорта в целом связано, как представляется, с торможением глобального роста, усилением неопределенности в международной торговле вследствие усиления протекционизма, продолжающимися торговыми войнами и санкционным давлением на Россию со стороны западных стран.

Таблица 3. Индексы средних экспортных цен России (предыдущий год – 100%)

Table 3. Average Export Price Indices of Russia (Previous Year-100%)

	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Экспорт, всего	79,4	120,6	120,2
В страны дальнего зарубежья	78,7	121,9	122,6
В страны СНГ	105,5	112,8	105,5
– в т. ч. топливно-энергетические товары	75,3	127,0	130,1
– в страны дальнего зарубежья	75,1	127,8	131,2
– в страны СНГ	77,5	118,7	116,6

Источник: подсчет по ФТС РФ. База данных ТСБТ // <http://stat.customs.ru>

11 Фрадков П.М. (2017) Пора выходить из зоны комфорта стран СНГ // Коммерсантъ-Деньги. № 52. С. 18–20 // <https://www.kommersant.ru/doc/3475701>; Глава РЭЦ назвала основные направления работы для развития несырьевого экспорта (2020) // Российский экспортный центр. 27 февраля 2020 // https://www.exportcenter.ru/press_center/news/glava-rets-nazvala-osnovnye-napravleniya-raboty-dlya-razvitiya-nesyrevogo-eksporta/, дата обращения 22.06.2020.

12 Статистика. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран, январь–декабрь 2019 г. // ФТС РФ // www.customs.ru, дата обращения 22.06.2020.

Интеграционные перспективы России

Уже подписанные Россией и ЕАЭС и готовящиеся Евразийским союзом региональные и трансрегиональные торговые соглашения охватывают лишь незначительную часть глобального рынка. На страны, являющиеся настоящими или будущими участниками со-

глашений с ЕАЭС/Россией, приходится 5,6% ВВП, 6,1% спроса и 8,9% импорта всех стран мира (таблица 4).

Из данных таблицы видно, что в ближайшие годы девять десятых отечественных экспортных поставок будут приходиться в страны, на рынках которых в отношении российской продукции действуют импортные пошлины по режиму наибольшего благополу-

Таблица 4. Доля стран, с которыми Россия ведет или намеревается вести торговлю товарами на преференциальных условиях, в мировых ВВП, спросе и импорте, 2017 г. (%)

Table 4. The Share of Countries with which Russia Conducts or Intends to Trade Goods on Preferential Terms in World GDP, Demand and Imports

Страны	ВВП	Спрос*	Импорт
Члены ЕАЭС	0,288	0,267	0,964
Армения	0,014	0,016	0,025
Белоруссия	0,067	0,063	0,194
Казахстан	0,198	0,176	0,164
Киргизия	0,009	0,012	0,026
Страны-участницы ЗСТ СНГ	0,081	0,820	0,214
Молдавия	0,010	0,012	0,029
Таджикистан	0,009	0,011	0,016
Узбекистан	0,062	0,059	0,087
Страны, заключившие с ЕАЭС соглашения о ЗСТ	1,312	1,157	4,396
Вьетнам	0,278	0,276	1,190
Сербия	0,060	0,065	0,131
Сингапур	0,402	0,278	1,874
Иран	0,572	0,538	1,201
Страны, ведущие переговоры с ЕАЭС о ЗСТ	3,881	3,861	3,360
Египет	0,242	0,267	0,364
Израиль	0,439	0,423	0,494
Индия	3,200	3,171	2,502
Все перечисленные 14 стран	5,562	6,105	8,934

* Конечное потребление и накопление основного капитала.

Источник: подсчет по UNCTADSTAT. Data Center // https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

ятствования. На этих рынках товары из России будут менее конкурентоспособными в сравнении с продукцией, поставляемой на преференциальных условиях в рамках соответствующих РТС другими странами, участвующими в соответствующих соглашениях.

С учетом незначительной роли в глобальном спросе стран, в торговле с которыми Россия имеет и будет иметь преференции, дальнейшее существенное наращивание отечественного экспорта представляется проблематичным, тем более что все международные экономические организации прогнозируют замедление в ближайшие годы темпов роста мировой экономики и международной торговли. В частности, по оценке ВТО, реальный объем мировой торговли товарами (среднего значения экспорта и импорта) в 2019 г. сократился на 0,1% по сравнению с предыдущим годом, тогда как в 2017 г. он увеличился на 4,6%, в 2018 г. – на 3,0%. В 2020 г. международную торговлю ожидает беспрецедентное по глубине падение: на 12,9% по оптимистическому сценарию и 31,9% – по пессимистическому¹³. Прогнозируемый спад в существенной мере затронет и Россию.

К тому же структурные особенности отечественного экспорта, предопределяющие сильную зависимость объемов поставок за рубеж от конъюнктуры на мировых рынках сырья¹⁴, вряд ли позволят сохранить ту динамику наращивания экспортных поставок в перечисленные выше страны, которая имела место в 2017–2018 гг. По последнему прогнозу Всемирного банка, мировые цены на базовые товары в текущем году будут падать, а затем начнут мед-

ленно расти и только в 2025 г. превысят уровень 2018 г. [Commodity Markets Outlook 2019]. Однако данный прогноз оказался опровергнутым: вспышка коронавируса привела к падению спроса на нефть и цен на нее, а мартовский обвал нефтяных котировок на биржах (на 30%, до четырехлетнего минимума) в результате неспособности основных нефтедобывающих стран – России и Саудовской Аравии – договориться о продлении и дальнейшем ограничении добычи может вызвать новый виток снижения мировых цен на базовые товары и привести к соответствующему торможению динамики российского экспорта.

В этих условиях без активизации интеграционной политики ЕАЭС, усиления внимания к географической диверсификации пространств, на которых действовал бы режим свободной торговли в отношении российской продукции, перспектива успешного решения задачи ускоренного наращивания отечественного экспорта выглядит неопределенной, если вообще возможной.

Российское правительство заявляет, что одним из важных перспективных направлений экономической политики государства остается продвижение по пути внешнеэкономической открытости, предполагающее сохранение основного акцента на укреплении Евразийского экономического союза, а также формирование зон свободной торговли с отдельными странами и группами стран [Медведев 2016, с. 22]. В отношении мегарегиональных соглашений, о которых упоминалось выше, российские государственные органы занимают критическую позицию, полагая, что реализация этих проектов вряд

13 Trade Set to Plunge as COVID-19 Pandemic Upends Global Economy (2020) // WTO, April 8, 2020 // https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm, дата обращения 22.06.2020.

14 Три пятых российского экспорта приходится на минеральное сырье.

ли помогает устойчивому развитию, может привести к тому, что участникам международного обмена, оставшимся за бортом этих соглашений, будут навязываться в качестве нового эталона нормы и правила, которые с ними никто не обсуждал¹⁵.

Укрепление ЕАЭС действительно необходимо: в докладе представительной группы экспертов, работавших над уточнением Концепции-2020, отмечалось отрыв политической интеграционной надстройки от экономического базиса интеграции и необходимость перевода интеграционного процесса из преимущественно политического в преимущественно экономический¹⁶. За прошедшие годы эта задача не утратила актуальности. Формирование на постсоветском пространстве экономической группировки, в которой на деле свободно перемещались бы товары, услуги, капиталы и рабочая сила, далеко не закончено. Договор о ЕАЭС содержит много исключений, особых положений и узаконенных препятствий для экономического обмена [Хейфец (2) 2019, с. 125–133; Оболенский 2016].

В конце 2000-х гг. российские специалисты провели ряд исследований, в которых попытались оценить макроэкономический эффект интеграции на постсоветском пространстве. По их расчетам, в результате создания ТС Россия уже к 2015 г. могла получить дополнительно 16,8% ВВП¹⁷. Данные прогнозы оказались несостоятельными. Они исходили из ложного допущения, что взаимные поставки товаров внутри

ТС существенно активизируются, чего на самом деле не произошло.

Незавершенность процессов построения ЕАЭС рельефно проявляется в его институциональных характеристиках, отличных от практики других интеграционных объединений. В уже сложившихся таможенных союзах действует единый таможенный тариф, существует единая таможенная территория, проводится единая торговая политика в отношении третьих стран. Единый таможенный тариф союза (ЕТТ) формально зафиксирован, но не действует в связи с существованием масштабных изъятий: Армения, Казахстан и Киргизия в течение определенных периодов сохраняют за собой право облагать ввозимую продукцию пошлинами по ставкам, соответствующим их тарифным обязательствам в ВТО. Указанные ставки ниже тех, которые соответствуют обязательствам России в этой международной организации и имплементированы в ЕТТ. Единая торговая политика союза в отношении третьих стран также остается политической декларацией, необязательной к исполнению. Введенные Россией эмбарго на импорт продовольственных товаров из ЕС, США, Австралии, Норвегии и Канады, экономические санкции против Турции и отмена преференциальных пошлин на импорт из Украины не были поддержаны другими участниками ЕАЭС. Более того, некоторые члены союза организуют для производителей стран-санкционеров поставки продукции на территорию РФ в обход действующего эмбарго.

15 Путин В.В. (2015) АТЭС: к открытому, равноправному сотрудничеству в интересах развития // Российская газета. 17 ноября 2015 // <https://rg.ru/2015/11/17/statiya-site.html>, дата обращения 22.06.2020; Нарышкин С.Е. (2015) Инстинкты колонизаторов, или подоплека глобального лидерства // Ведомости. 14 апреля 2015 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/14/instinki-kolonizatorov-ili-podopleka-globalnogo-liderstva>, дата обращения 22.06.2020.

16 Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. // Стратегия-2020. С. 835 // http://2020strategy.ru/data/2013/11/08/1214321112/Стратегия-2020_Книга%201.pdf, дата обращения 22.06.2020.

17 Глазьев С.Ю., Ключев Ф.Н. (2009) Кому выгодно интеграция // Ведомости. Форум. Украина: новые вызовы и возможности. 25 ноября 2009.

Отсутствие единого таможенного тарифа и единой торговой политики по отношению к третьим странам не позволяет обеспечивать единство таможенной территории, на которой продолжают сохраняться нетарифные барьеры, время от времени вводятся административные запреты на ввоз товаров из стран-партнеров, которые вряд ли можно рассматривать как ограничения, разрешенные ст. 29 Договора о ЕАЭС¹⁸. В выпущенной Евразийской экономической комиссией Белой книге (2017 г.) зафиксировано 216 введенных странами препятствий на пути перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, из которых 60 признаны всеми государствами, по остальным 156 продолжалось согласование. Хотя препятствия постепенно устраняются, число признанных барьеров, изъятий и ограничений не сокращается, а растет. В январе 2020 г. их насчитывалось 68¹⁹.

Что касается региональных торговых соглашений Евразийского союза со странами за пределами постсоветского пространства, то их реализация не грозит серьезным усилением конкуренции на внутреннем рынке России, поскольку удельный вес упомянутых стран в российском импорте весьма незначителен (4,5% в 2018 г.). При этом стимулирующее влияние режимов свободной торговли на отечественный экспорт будет носить ограниченный характер. Создание либеральных экономических партнерств, подобных ВПСТТП или ВРЭП, в интеграционную повестку ЕАЭС не входит. Нет и намерений продвинуть формирование ЗСТ с крупнейшими торговыми партнерами России –

ЕС и Китаем (на Евросоюз и КНР приходится соответственно 45 и 13% российского экспорта). И это понятно: у российских государственных органов и бизнеса, доминирующего в ЕАЭС, существуют опасения, что потери от полного или значительного открытия внутреннего рынка для европейских и китайских товаров с учетом недостаточной конкурентоспособности большинства отечественных обрабатывающих отраслей могут превысить выгоды от либерализации доступа на рынки Евросоюза и КНР.

Развитию экономического сотрудничества России и ее партнеров по ЕАЭС с объединенной Европой благоприятствует целый ряд факторов. К их числу относятся:

- географическая близость, позволяющая быстро и с относительно меньшими затратами осуществлять транспортировку внешне-торговых грузов и передачу информации, поддерживать регулярные деловые контакты между представителями бизнеса;
- разветвленная сеть коммуникаций для доставки товаров и пассажиров, дающая возможность использовать как в отдельности, так и в комбинации практически все виды транспорта;
- налаженные связи между предприятиями и фирмами обеих сторон, имеющие зачастую длительную историю;
- взаимодополняемость экономик, выражающаяся в неодинаковой обеспеченности природными ресурсами и разной степени разви-

¹⁸ Указанная статья разрешает ограничения, необходимые для: охраны жизни и здоровья человека, животных и растений, культурных ценностей; защиты общественной морали правопорядка; охраны окружающей среды; выполнения международных обязательств; обеспечения обороны страны и безопасности государства.

¹⁹ Каражанов З. (2020) Торг уместен: в ЕАЭС приступают к устранению барьеров // Ритм Евразии. 6 февраля 2020 // <https://www.ritm-eurasia.org/news--2020-02-06--torg-umesten-v-eaes-pristupajut-k-ustraneniu-barerov-47356>, дата обращения 22.06.2020.

тия обрабатывающих отраслей промышленности и сферы услуг, что способствует взаимному экономическому обмену.

Стимулирующее влияние всех названных факторов не исчезнет и в перспективе. Имеющиеся модельные расчеты показывают, что от обнуления импортных пошлин в торговле с ЕС Россия может получить положительный экономический эффект в виде роста ВВП на 0,8% в краткосрочной перспективе и на 2% – в долгосрочной [Кнобель 2015, с. 95–96]. И хотя в настоящее время налаживание с ЕС какого-либо интеграционного взаимодействия в связи напряженными политическими отношениями выглядит нереалистичным, в долгосрочном плане, как отмечают отечественные специалисты, евразийскому интеграционному блоку не обойтись без больших комплексных соглашений с двумя «суперпартнерами» – Евросоюзом и Китаем [Винокуров 2017, с. 184].

Простимулировать взаимную торговлю с Китаем призвано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР, подписанное ЕЭК в 2018 г. Оно имеет целью сопряжение евразийского интеграционного проекта с китайской инициативой «Один пояс – один путь», представляет собой соглашение смешанного характера с элементами регуляторики в сферах транспорта, промышленной кооперации и инвестиций. Соглашение не предусматривает снижения тарифных барьеров: страны-члены ЕАЭС пока не готовы к полномасштабному открытию рынков.

Подобную же неготовность к усилению конкуренции с компаниями дру-

гих стран участники Евразийского союза демонстрировали и ранее, в частности, при принятии решения относительно переговоров о ЗСТ с Республикой Корея. Созданная для проработки вопроса о целесообразности формирования данной ЗСТ совместная рабочая группа ученых пришла к выводу, что Россия и Южная Корея получат сопоставимые выгоды в сценарии полной либерализации торговли товарами. Однако переговоры начаты не были: формально стороны не смогли найти взаимопонимания в отношении увеличения корейским бизнесом инвестиций в российскую экономику²⁰. Получить тарифные льготы в торговле с достаточно крупной экономикой не удалось. Ранее было заблокировано также заключение соглашения о ЗСТ с Новой Зеландией.

В течение последних лет представителями российских государственных органов высказывались предложения об установлении более тесных экономических связей между ЕАЭС и АСЕАН, расширении сотрудничества в ШОС за счет экономической составляющей. Между ЕАЭС и АСЕАН подписан Меморандум о взаимопонимании (2018 г.), которым в качестве направлений экономического сотрудничества определены таможенное регулирование и упрощение процедур в торговле, санитарные и фитосанитарные меры, техническое регулирование, электронная торговля, торговля услугами и инвестициями [Ткаченко 2019, с. 7–21]. Отечественные эксперты полагают, что полноформатная ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН может быть создана, путь к ней лежит через подписание ЕАЭС преференциальных торговых соглашений с каждой из стран-участниц этого азиатско-

20 За открытие рынков стран-партнеров мы должны заплатить снижением пошлин. Министр торговли ЕЭК Вероника Никишина о планах по расширению свободной торговли (2017) // Коммерсантъ. 10 февраля 2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3214431>, дата обращения 22.06.2020.

го альянса [Хейфец (1) 2019, с. 229–230]. Данный подход реализуется на практике: подобные соглашения, как уже отмечалось, подписаны с Вьетнамом и Сингапуром. В качестве возможных новых партнеров ЕАЭС из стран региона называют Таиланд, Индонезию и Малайзию. Однако и в том и в другом объединении не считают нужным форсировать продвижение к межблоковой ЗСТ, принимая во внимание, что примеров успешных подобных соглашений о свободной торговле в мировой практике пока нет.

Имеющиеся модельные расчеты показывают, что последствия от возможного подписания ЕЭК соглашения о ЗСТ с АСЕАН достаточно скромны [Кнобель 2015, с. 95–96]. В случае охвата преференциальным режимом всех членов Экономического сообщества АСЕАН удельный вес рынков, на которые Россия будет иметь свободный доступ, в общем объеме глобального рынка вырастет с нынешних 9% (таблица 3) до 13%.

Выдвинутая в 2015 г. Советом глав правительств ШОС идея о формировании зоны свободной торговли с ЕАЭС, а в дальнейшем на ее базе Нового экономического партнерства на евразийском континенте с участием всех членов Евразийского союза, ШОС, Индии, Пакистана и Ирана до сих пор не приобрела конкретных очертаний, позволяющих определить характер возможного соглашения. По оценкам некоторых экспертов, данный проект может быть реализован [Спартак 2016, с. 18–20]. Однако экономическое доминирование в нем Китая ставит под вопрос достижение договоренностей о взаимном тарифном разоружении: открытие национальных рынков для китайской продукции несет в себе угрозу усиления конкуренции на внутренних рынках всех стран такого партнерства, включая Россию. На других географи-

ческих направлениях реальные перспективы интеграционного взаимодействия выглядят пока неясными.

Глобальный рынок с начала текущего столетия постоянно трансформируется под влиянием набравшей силу тенденции регионализации международной торговли, создания интеграционных объединений нового типа, в которых не только ведется свободная торговля, но и предпринимаются меры для гармонизации внутреннего регулирования экономической жизни. В рамках региональных и мегарегиональных торговых соглашений перемещается около двух третей мировых торговых потоков.

Россия поставила своей задачей создание высокопроизводительного экспортоориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий, продукция которого была бы востребована на внешних рынках. Рост отечественного экспорта выдвинут в число приоритетных целей экономической политики.

Соглашения о свободной торговле с зарубежными странами стимулируют развитие экспорта, но пока используются Россией в недостаточной мере. До последнего времени она концентрировала усилия на реализации интеграционных проектов на постсоветском пространстве и только после создания ЕАЭС обратила внимание на страны, расположенные в других регионах мира. К настоящему времени ЕАЭС заключил соглашения о свободной торговле с некоторыми европейскими и азиатскими странами, ведет переговоры о ЗСТ с другими государствами. Заметных результатов, выражающихся в облегчении условий доступа отечественной экспортной продукции на глобальные рынки, интеграционная политика ЕАЭС пока не принесла

в связи с ограниченной емкостью рынков стран, в торговле с которыми действует режим свободной торговли: на них приходится менее одной десятой глобального импорта. Проектируемые союзом соглашения о ЗСТ могут лишь незначительно помочь России в расширении ее экспорта.

Масштабирование евразийских интеграционных проектов как инструмента увеличения национального экспорта, в т. ч. на основные экспортные рынки – ЕС и Китай, сдерживается недостаточной конкурентоспособностью экономик стран ЕАЭС, в первую очередь России. Многие их предприятия и отрасли в случае полного или существенного раскрытия регионального рынка могут оказаться не в состоянии противостоять наплыву импортной продукции и будут вынуждены сокращать производство. Поэтому только проведение экономической политики, направленной на создание высокопроизводительного экспортоориентированного сектора, позволит России наращивать вывоз за рубеж. Именно рост конкурентоспособности отечественного производства – решающее условие активизации использования региональных торговых соглашений в интересах развития экспорта.

Список литературы

- Белая книга. Барьеры, изъятия и ограничения ЕАЭС (2017) // ЕЭК. 19 апреля 2017 // <http://eurasian-studies.org/archives/6985>, дата обращения 22.06.2020.
- Бойцова М.И., Федоренко К.П. (2019) Изменения в динамике и структуре российского экспорта во Вьетнам после подписания Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и СРВ // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 19–29
- // https://elibrary.ru/download/elibrary_36974077_22471902.pdf, дата обращения 22.06.2020.
- Винокуров Е.Ю. (ред.) (2017) Евразийский экономический союз. СПб.: ЦИИ ЕАБР.
- Долгов С.И., Спартак А.Н. (ред.) (2011) Интеграционные процессы в мире и на пространстве СНГ: накопленный опыт, современные тенденции и перспективы. М.: ВАВТ.
- Кнобель А.Ю. (2015) Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. № 3. С. 87–108 // https://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/knobel_vopreco_3-2015.pdf, дата обращения 22.06.2020.
- Костюнина Г.М. (2019) Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 43–59 // <https://mgimo.ru/upload/iblock/6a7/Внешняя%20торговля%20России%20и%20АСЕАН.pdf>, дата обращения 22.06.2020.
- Ленчук Е.Б. (ред.) (2015) Внешнеэкономическое измерение новой индустриализации России. СПб.: Алетейя.
- Максакова М.А. (2018) Проблемы внешней торговли Сербии с ЕС и ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. № 1. С. 37–45 // <https://mgimo.ru/upload/iblock/5d7/Максакова%20М.А.%20Проблемы%20внешней%20торговли%20Сербии%20с%20ЕС%20и%20ЕАЭС.pdf>, дата обращения 22.06.2020.
- Медведев Д.А. (2016) Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. № 10. С. 5–29. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-5-30
- Оболенский В.П. (2016) Интеграционная политика России: между Европой и Азией // Оболенский В.П. (ред.) Внешне-экономические связи России: современные вызовы и возможные от-

веты. М.: Институт экономики РАН. С. 268–292.

Оболенский В.П. (2018) Мировые цены: влияние на внешнюю торговлю России // Вестник Института экономики РАН. № 5. С. 121–132 // http://inecon.org/images/stories/publicacii/vesnik-ran/2018/VIE_RAS_5_2018.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Оболенский В.П. (2019) Протекционистские барьеры на рынках стран дальнего зарубежья // Российский внешнеэкономический вестник. № 4. С. 7–17 // <http://www.rfej.ru/rvv/id/2003BC923>, дата обращения 22.06.2020.

Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт» (2018) // Правительство России // <http://static.government.ru/media/files/FL01MAEp8YVuAkvbZot aYtVKNEKaALYA.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Спартак А.Н. (2016) Новый этап регионализации: основное содержание, вызовы для многосторонней торговой системы и постсоветской интеграции // Международная торговля и торговая политика. № 2. С. 8–27 // <https://mttp.rea.ru/jour/article/view/182/145>, дата обращения 22.06.2020.

Спартак А.Н. (2017) Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 10. № 4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Спартак А.Н. (2018) Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. М.: БАВТ, Издательство ИКАР.

Ткаченко И.Ю. (2019) Перспективы общей экономической повестки ЕАЭС-ШОС-АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. № 12. С. 7–21 // <http://www.rfej.ru/rvv/id/A0039D6F8>, дата обращения 22.06.2020.

Торговые переговоры и конфликты: итоги последних месяцев (2018) // Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. № 8. С. 1–8 // [http://www.vavt.ru/materials/site/d2951551a17467d7432582580046f7ad/\\$file/Monitoring_8.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/d2951551a17467d7432582580046f7ad/$file/Monitoring_8.pdf), дата обращения 22.06.2020.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (2018) // Garant.ru // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>, дата обращения 22.06.2020.

Ушкалова Д.И. (2017) Экономические эффекты региональной интеграции: мифы и реальность // Вестник Института экономики РАН. № 4. С. 120–137 // http://www.imepi-eurasia.ru/baner/VIE_RAS_4_2017.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Хейфец Б.А. (1) (2019) Новые экономические мегартнерства и Россия. СПб.: Алетейя.

Хейфец Б.А. (2) (2019) Проблемные стороны евразийской интеграции: что-то надо менять // Вардомский Л.Б. (ред.) Евразийская интеграция в турбулентном мире. СПб.: Алетейя.

Шишков Ю.В. (2001) Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие.

Balassa B. (1961) The Theory of Economic Integration, London, New York: Routledge.

Baldwin R.E., Low P. (eds.) (2009) Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System, New York: Graduate Institute of International and Development Studies, WTO.

Commodity Markets Outlook (2019) // The World Bank, October 2019 // <http://www.worldbank.org/commodities>, дата обращения 22.06.2020.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-9

Integration Projects of Russia and EAEU: Chance for Extension Export?

Vladimir P. OBOLENSKIY

DSc in Economics, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: vobolenskiy@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8093-1267

CITATION: Obolenskiy V.P. (2020) Integration Projects of Russia and EAEU: Chance for Extension Export? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 156–175 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-9

Received: 31.12.2019.

ABSTRACT. *The article deals with the possibilities of improving the access of Russian goods to foreign markets through regional trade agreements. Participation in such agreements has acquired mass character in the current century, within their framework about two thirds of transboundary commodity flows are already moving. The main peculiarity of regionalism development in this century is the pro-integration character of the concluded agreements, which are not limited to agreements on free trade zones of goods, but cover a wide range of issues of trade in services, investment cooperation, competition, environment, labor standards, i.e. they envisage a movement towards greater institutional homogeneity of economies. Until recently, Russia was limited to the tasks of preserving and developing economic ties in the post-Soviet space, and only after the establishment of the Eurasian Economic Union did it start showing interest in signing free trade agreements with non-CIS countries. To date, the EAEU has concluded free trade agreements with a number of countries and is negotiating a FTA with several more countries. The EAEU in-*

tegration policy has not yet brought any noticeable results in terms of a significant reduction of tariff barriers into total foreign markets: the current and planned integration projects will allow Russia to enjoy tariff preferences on less than one tenth of the global market. Possible new union agreements on preferential trade with ASEAN countries can only help Russia to expand its scope, while the creation of liberal economic partnerships such as WTO plus is not on the Russian integration agenda. Nor is there any intention to promote the idea of a FTA with Russia's largest trade partners – the EU and China – in the EAEU. The conclusion is made that it is vital for Russia to address the problem of increasing the competitiveness of manufacturing industries, without which further facilitation of access to foreign markets through free trade agreements may not be possible.

KEY WORDS: *regional trade agreements, peculiarities of megaregionalism, Russian integration projects, EAEU agreements on free trade, Russian export to the countries with preferential trade regime, possibilities*

of export increase, prospects of conclusion of new preferential agreements by EAEU

References

- Balassa B. (1961) *The Theory of Economic Integration*, London, New York: Routledge.
- Baldwin R.E., Low P. (eds.) (2009) *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*, New York: Graduate Institute of International and Development Studies, WTO.
- Bojtsova M.I., Fedorenko K.P. (2019) Changes in the Dynamics and Structure of Russian Exports to Vietnam after the Signing of the Free Trade Zone Agreement between the EAEU and Vietnam. *Russian Foreign Economic Journal*, no 3, pp. 19–29. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36974077_22471902.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Commodity Markets Outlook (2019). *The World Bank*, October 2019. Available at: <http://www.worldbank.org/commodities>, accessed 22.06.2020.
- Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018 “On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024” (2018). *Garant.ru*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Dolgov S.I., Spartac A.N. (eds.) (2011) *Integration Processes in the World and in the CIS: Accumulated Experience, Current Trends and Prospects*, Moscow: VAVT (in Russian).
- Kheyfets B.A. (1) (2019) *New Economic Mega Partnerships and Russia*, Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Kheyfets B.A. (2) (2019) The Problem Side of Eurasian Integration: Something Needs to Be Changed. *Eurasian Integration in a Turbulent World* (ed. Var-
domsky L.B.), Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Knobel’ A.Yu. (2015) Eurasian Economic Union: Development Prospects and Possible Obstacles. *Voprosy ekonomiki*, no 3, pp. 87–108. Available at: https://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/knobel_vopreco_3-2015.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Kostyunina G.M. (2019) Russia’s Foreign Trade with ASEAN Countries: Main Development Trends. *Russian Foreign Economic Journal*, no 3, pp. 43–59. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/6a7/Vneshnyaya%20torgovlya%20Rossii%20i%20ACEAN.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Lenchuk E.B. (ed.) (2015) *Foreign Economic Dimension of the New Industrialization of Russia*, Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Maksakova M.A. (2018) Problems of Serbia’s Foreign Trade with the EU and the EAEU. *Russian Foreign Economic Journal*, no 1, pp. 37–45. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/5d7/Maksakova%20M.A.%20Problemy%20vneshney%20torgovli%20Serbii%20s%20EC%20i%20EA%20.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Medvedev D.A. (2016) Socio-economic Development of Russia: Finding New Dynamics. *Voprosy ekonomiki*, no 10, pp. 5–29 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-5-30
- Obolenskiy V.P. (2016) Integration Policy of Russia. *Foreign Economic Relations of Russia: Current Challenges and Possible Answers* (ed. Obolenskiy V.P.), Moscow: Institut ekonomiki, pp. 268–292 (in Russian).
- Obolenskiy V.P. (2018) World Prices: Impact on Russia’s Foreign Trade. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no 5, pp. 121–132. Available at: [174](http://inecon.org/images/stories/publicacii/vesnik-</p>
</div>
<div data-bbox=)

ran/2018/VIE_RAS_5_2018.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Obolenskiy V.P. (2019) Protectionist Barriers in Foreign Markets. *Russian Foreign Economic Journal*, no 4, pp. 7–17. Available at: <http://www.rfej.ru/rvv/id/2003BC923>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Passport of the National Project (program) “International Cooperation and Export”. *The Russian Government*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/FL01MAEp8YVuAkvbZotaYt-VKNEKaALYA.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Shishkov Yu.V. (2001) *Integration Processes on the Threshold of the 21st Century. Why CIS Countries Are not Integrating*, Moscow: III tysyacheletie (in Russian).

Spartak A.N. (2016) New Stage of Regionalization: Main Content, Challenges for the Multilateral Trading System and Post-soviet Integration. *International Trade and Trade Policy*, no 2, pp. 8–27. Available at: <https://mttp.rea.ru/jour/article/view/182/145>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Spartak A.N. (2017) Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no 4, pp. 13–37 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Spartak A.N. (2018) *Modern Transformation Processes in International Trade*

and Russia's Interests, Moscow: VAVT, Izdatel'stvo IKAR (in Russian).

Tkachenko I.Yu. (2019) Prospects for the Common Economic Agenda of the EAEU-SCO-ASEAN. *Russian Foreign Economic Journal*, no 12, pp. 7–17. Available at: <http://www.rfej.ru/rvv/id/A0039D6F8>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Trade Negotiations and Conflicts: Results of Recent Months (2018). *Monitoring of Current Developments in International Trade*, no 8, pp. 1–8. Available at: [http://www.vavt.ru/materials/site/d2951551a17467d7432582580046f7ad/\\$file/Monitoring_8.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/d2951551a17467d7432582580046f7ad/$file/Monitoring_8.pdf), accessed 22.06.2020 (in Russian).

Ushkalova D.I. (2017) Economic Effects of Regional Integration: Myths and Reality. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no 4, pp. 120–137. Available at: http://www.imepi-eurasia.ru/baner/VIE_RAS_4_2017.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Vinokurov E.Yu. (ed.) (2017) *Eurasian Economic Union*, Saint Petersburg: Eurasian Development Bank (in Russian).

White Paper. Barriers, Exemptions and Restrictions of the EAEU. Report (2017). *Eurasian Economic Commission*, April 19, 2017. Available at: <http://eurasian-studies.org/archives/6985>, accessed 20.06.2020 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Забывтая интеграция: провал и уроки Совета экономической взаимопомощи

Леонид Борисович ВАРДОМСКИЙ

доктор экономических наук, заведующий Центром постсоветских исследований

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация

E-mail: wardom@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9508-5945

ЦИТИРОВАНИЕ: Вардомский Л.Б. (2020) Забывтая интеграция: провал и уроки Совета экономической взаимопомощи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 176–195.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Статья поступила в редакцию 24.04.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках темы госзадания «Российский фактор в социально-экономическом развитии стран «пояса соседства».

АННОТАЦИЯ. Эволюция СЭВ рассматривается с использованием концепции жизненного цикла. Вхождение в отдельные этапы жизненного цикла зависит от соответствия интеграционных институтов внутренним и внешним факторам развития стран-участниц, соотношения интеграционной и национальной идентичности. Анализ СЭВ позволяет оценить динамику важных для России современных интеграционных проектов.

Главными причинами провала СЭВ стала переоценка роли плановых инструментов и недооценка важности монетарных инструментов, коллективное импортозамещение (автаркия) и технологическая слабость, прежде всего СССР как лидера интеграционного процесса. Для модернизации своей промышленности страны СЭВ в условиях разрядки наращивали импорт

оборудования из стран Запада. Возникающую в связи с ростом внешнего долга проблему бюджетного дефицита страны были вынуждены решать путем повышения цен на потребительские товары и услуги, что вызывало социальное недовольство. Задержки с рыночными реформами усугубляли ситуацию. Начавшаяся в 1985 г. в СССР перестройка повлекла кардинальные изменения во внутренней и внешней политике и дала «зеленый свет» рыночным преобразованиям в странах ЦВЕ.

Несмотря на неудачу, СЭВ внес заметный вклад в развитие мировых процессов регионализации. Он был частью биполярного мироустройства и поддерживал стратегическую стабильность в мире, способствовал совершенствованию институтов европейской интеграции, особенно в части планирования интеграционного процесса и

создания механизмов сближения уровней развития и благосостояния стран-участниц.

Опыт СЭВ показал, что для соответствия нарастающей сложности международных экономических отношений необходимо создавать соответствующие им интеграционные и национальные институты стран-участниц. Центральным вопросом эффективности интеграции является обретение странами-участницами такой специализации не только в рамках интеграционного объединения, но и мировой экономики в целом, которая обеспечит получение ими устойчивого дохода.

Современные интеграционные объединения будут в ходе эволюции менять функции и институты, состав участников, входить в более крупные альянсы, но вряд ли будут исчезать из мировой экономики, как СЭВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *СЭВ, жизненный цикл, институты, национальные интересы, идентичность, СССР, страны ЦВЕ, интеграционный проект, координация планов, специализация, рыночные реформы, ЕС, постсоветская интеграция, Россия*

Приближается 30-летняя годовщина завершения деятельности СЭВ, который просуществовал недолго, но довольно ярко, показав пороки и достоинства социалистической системы хозяйствования. Экономическое сотрудничество стран СЭВ позиционировалось как новая модель мирового экономического порядка, основанная на национальном суверенитете, координации планов и общности социали-

стических ценностей [Шмелев 2002, с. 152]. СЭВ составлял ядро мировой социалистической системы, лояльной СССР, которая была частью биполярного мира. Но для партнеров СССР по СЭВ приверженность социалистической идее сочеталась с национальными ценностями. Посредством взаимной кооперации страны надеялись создать современную экономику, устойчиво повышать благосостояние населения, приблизиться по уровню развития к ведущим странам мира и укрепить свои позиции в мире.

В свое время много научных работ было посвящено международному социалистическому разделению труда (МСРТ) и социалистической экономической интеграции (СЭИ). Интеграционный проект в рамках СЭВ глубоко изучался в период своего становления, развития, на этапе угасания и после его закрытия¹. В наиболее законченном виде итоги этих исследований были изложены в трехтомнике «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века», изданном под общей редакцией академика А.Д. Некипелова в издательстве «Наука» в 2000 и 2002 гг.

В настоящей статье автор делает попытку посмотреть на этот проект с точки зрения сегодняшнего дня, в контексте того, что происходило в мировой экономике и как это влияло на деятельность СЭВ, как развивались его институты, а также того опыта, который может быть полезен для оценки современных интеграционных проектов.

Для анализа использовалась концепция «жизненного цикла», которая широко применяется в разных науках,

¹ Большой вклад в исследование СЭВ на всех этапах его жизненного цикла внесли советские и российские ученые академики О.Т. Богомолов, А.Д. Некипелов, Н.П. Шмелев, члены-корреспонденты Р.Г. Гринберг, Ю.С. Ширяев и К.И. Микульский, доктора наук А.Н. Барковский, А.Н. Быков, Л.З. Зевин, Р.Н. Евстигнеев, Ю.Ф. Кормнов, М.М. Максимова, Ю.И. Орлик, В.М. Шаститко, Ю.В. Шишков, ученые Польши П. Божик, М. Гузек, В. Искра, Е. Клеер, Болгарии – Ж. Аройо, Т. Хубенова, Н. Царевский, Венгрии – Ш. Ауш и К. Печи, ГДР – Г. Кольмей и К. Моргенштерн, Чехословакии – П. Хвойка и И. Таухман.

использующих эволюционный подход [Широкова, Клемина, Козырева 2007, с. 3–31]. Под жизненным циклом интеграционного объединения в статье понимаются изменения, происходившие в СЭВ в ходе его развития и упадка.

Развитие интеграционных образований, в представлении автора, зависит от ряда факторов. Первый – интересы стран-участниц, приоритеты их социально-экономического развития и внешней политики, готовность ограничить свой суверенитет и степень этой готовности в связи с участием в интеграционном проекте. Второй – это динамика международных экономических и политических отношений, в частности, конъюнктуры мировых рынков, изменения соотношения между мировыми финансовыми, технологическими и ресурсными центрами, которые оказывают сильное влияние на интеграционные объединения. Третий фактор – потребность в общей интеграционной идентичности, которая помогает преодолевать неизбежно возникающие между странами в ходе интеграции противоречия.

В случае, когда указанные факторы находятся в определенном соответствии, интеграция приобретает организационный дизайн в виде системы институтов, а ее развитие – поступательный характер. Если наступает расхождение между упомянутыми выше факторами, то интеграционные институты вступают в противоречие с национальными интересами, интеграционный процесс замедляется и переходит либо в стационарное состояние, либо угасает.

СЭВ, пожалуй, единственное интеграционное образование, которое в своем институциональном развитии прошло все этапы развития до официального прекращения деятельности, и в этом отношении интересен как объект исследования. Его жизненный

цикл отразил неспособность стран-участниц адаптировать национальные и интеграционные институты к быстро меняющейся международной конъюнктуре, что в конечном итоге обусловило потерю привлекательности социалистической идеи и утрату ее влияния на экономическое развитие и мироустройство.

Этапы жизненного цикла СЭВ

СЭВ возник в условиях холодной войны как ответ СССР на План Маршалла, введенного в действие в 1948 г. с официальной целью послевоенного возрождения экономики западноевропейских стран. Но не в меньшей степени он был нацелен на сохранение и расширение экономического и политического влияния США в Европе в условиях противостояния с СССР. Для экономического ослабления СЭВ, вскоре после его создания в 1949 г., США приняли «Закон о контроле над экспортом», который лег в основу деятельности КОКОМ – международной организации, созданной для многостороннего контроля над экспортом в СССР и другие социалистические страны, – в которой в основном участвовали государства, на которые распространялся план Маршалла. СЭВ и План Маршалла вместе образовали экономическую основу послевоенного биполярного мира.

В 1950-е гг. СЭВ был организацией, в рамках которой СССР оказывал помощь в переходе к плановой экономике, а точнее, к модели управления экономикой, сложившейся в нем в 1930-е гг., а также в восстановлении и индустриализации национальных экономик. В этот период СССР полностью контролировал эти государства, и его можно охарактеризовать как «период советизации с помощью СЭВ

национальных экономик стран Центральной и Восточной Европы и их восстановления и развития при помощи СССР». В этот период зарождались и бурно развивались взаимные торговые связи.

До Второй мировой войны страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) представляли экономическую периферию Европы, сильно различались по уровням социально-экономического развития и имели друг с другом весьма слабые торговые связи. СССР по величине экономики в 1,5–2 раза превосходил суммарный экономический потенциал будущих стран – участниц Совета [Bożyk 1977, pp. 30, 38–39].

СССР поставлял в страны-участницы необходимые объемы топлива и сырья, машиностроительной продукции, которую сам производил. Одновременно СССР становился основным потребителем производимой в странах экспортной продукции. Помощь СССР стала важным фактором индустриализации путем создания в них тяжелой и оборонной промышленности. В целом же в странах преобладал курс на автономное развитие или импортозамещение, который приводил к формированию в них однотипных промышленных структур [Bożyk 1997, pp. 55–57; Шмелев 2002, с. 116].

В 1950-е гг. происходило становление СЭВ как международной организации и формирование его институтов. В 1956 г. началась координация национальных планов развития. В ходе роста экономики и развития взаимной торговли на директивной основе стало складываться директивно-плановое разделение труда. Для его осуществления в 1962 г. были приняты «Основные принципы международного социалистического разделения труда» [Богомолов 1986, с. 59]. Разработка «Принципов МСРТ» стала концепцией развития СЭВ на последующие годы.

С принятием этого документа начинается новый этап развития СЭВ, связанный с развитием институтов сотрудничества. В 1964 г. была введена коллективная валюта – переводной рубль, который по золотому содержанию и по отношению к доллару был равноценен советскому рублю и обеспечивал исключительно двустороннюю торговлю. Стали создаваться международные хозяйственные объединения (Объединенная энергосистема «Мир», Общий парк вагонов, «Интерметалл», «Интерхим», Международный банк экономического сотрудничества, Международный инвестиционный банк и др.), через которые реализовывалась совместная плановая деятельности в отдельных видах производства.

В начале 1960-х гг. началось софинансирование странами инвестиционных проектов в топливно-сырьевой сфере, в основном в СССР, и возмещение понесенных ими затрат поставками соответствующих видов топлива и сырья странами-производителями. В результате совместных или согласованных инвестиций в этот период строилась инфраструктура для обеспечения стран углеводородами (нефтепровод «Дружба», газопровод «Братство»).

В конце этого периода начали реализовываться первые проекты производственной кооперации. В частности, в 1968 г. было подписано международное соглашение о кооперации между польской компанией Polmot и советским «Автоэкспортом». На его основе стороны обменивались комплектующими (узлами и деталями) для производства автомобилей Fiat 125p и «Жигули».

Несмотря на расширение институциональной основы экономического взаимодействия, среднегодовые темпы роста взаимной торговли были существенно ниже, чем в 1950-е гг., соответственно 12% и 9%, при том что до-

ля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли всех стран в эти начальные периоды равнялась 60–62% [Božuk 1977, pp. 111, 112].

Этот этап можно определить как формирование модели *разделения труда между странами СЭВ, основанной на обмене сырья и топлива (СССР) на готовые товары (другие страны СЭВ)*, которая стала драйвером сотрудничества на основе плана. Она неплохо действовала при создании тяжелой промышленности, требующей от государства мобилизации крупных ресурсов. Но при отсутствии конкуренции не стимулировала рост эффективности производства.

К началу 1970-х гг. страны достигли довольно высокого уровня связанности национальных экономик. Но наметилось замедление экономического роста и взаимной торговли. Стало очевидным, что высокие темпы экономического роста, достигнутые в 1960-е гг., нельзя поддерживать, развивая преимущественно отрасли тяжелой промышленности. Рост потребности в топливе и сырье покрывался путем импорта из СССР. Страны СЭВ участвовали в таких проектах СССР, как расширение производства фосфоритов в г. Кингисепп, строительство Усть-Илимского целлюлозного завода, Кембаевского асбестового комбината, Криворожского ГОК, нефтепровода Полоцк – Биржай – Мажейкяй и др. Кредиты предоставлялись в основном в виде инвестиционных и потребительских товаров, а также строительных услуг [Костюшко 1997, с. 421–427].

Совместные сырьевые инвестиции в СССР способствовали углублению его топливно-сырьевой специализации в рамках не только СЭВ, но и мировой экономики. Другие страны-партнеры специализировались в основном на продукции высокой степени обработки. Например, Болгария специали-

зировалась на поставках электроники, электрокаров и погрузчиков, производстве аккумуляторов для судов и т. д.

Ориентацию СЭИ на межотраслевую и, по своей сути, экстенсивную специализацию нужно было дополнить активным развитием поузловой специализации и производственной кооперации. К этому подталкивало успешное развитие Европейского экономического сообщества (ЕЭС). В 1968 г. было завершено создание зоны свободной торговли, и Сообщество приступило к формированию Таможенного союза. К концу 1960-х гг. в ЕЭС был сформирован общий рынок сельскохозяйственной продукции. Страны-участницы развивались довольно высокими темпами.

Отражением структурных проблем в странах СЭВ стала попытка Чехословакии провести экономические реформы на основе концепции «рыночного социализма», которая руководством СССР была воспринята как отход от социализма и угроза нарушения баланса сил в биполярной системе.

Возникновение проблем и противоречий потребовало коррекции разработанной в начале 1960-х гг. концепции развития СЭВ. Ее результаты были положены в основу Комплексной программы СЭИ, принятой в 1971 г. и рассчитанной на 15–20 лет. Экономическое сотрудничество стран СЭВ стало официально именоваться экономической интеграцией. С этого момента начинается новый этап жизненного цикла СЭВ.

СЭИ, в представлении некоторых стран, могла ограничить национальный суверенитет [Богомолов 1986, с. 70]. Однако данный проект не предполагал создания наднациональных органов управления. Национальные интересы согласовывались на межгосударственном уровне путем более каче-

ственной координации планов и проведения на ее основе глубокой взаимной специализации.

Начало СЭИ совпало с разрядкой международной напряженности, которая стала возможна благодаря достижению ядерного паритета между СССР и США и стабилизации биполярного мироустройства. В этот период был ослаблен режим КОКОМ и началось расширение экономического сотрудничества стран СЭВ и Запада. СЭИ и разрядка должны были уравновесить враждебные отношения с Китаем, которые сильно обострились в условиях «культурной революции», начавшейся в 1966 г., и были на грани большой войны.

Программа СЭИ должна была повысить конкурентоспособности плановой интеграции в условиях мирного сосуществования двух систем. В этом контексте в конце 1960-х гг. началось сотрудничество СССР и Германии по модели «газ – трубы». Оно заметно окрепло в результате энергетического кризиса 1973–1975 гг., вызванного нефтяным эмбарго арабских стран для США и их союзников, которые поддерживали Израиль в его войне с Египтом и Сирией, и сокращением мировой добычи нефти. Блокада вызвала сильный рост мировых цен на углеводороды и одновременно расширила рынок сбыта углеводородов для СССР. В эти годы был пущен газопровод «Оренбург – Западная граница», по которому газ из СССР стал поступать в Германию через Польшу и ГДР. К середине 1970-х гг. была построена вторая очередь нефтепровода «Дружба». Благодаря этим проектам Европа смогла диверсифицировать внешние источники энергоснабжения и повысить устойчивость своего развития.

Осуществление крупных поставок газа и нефти в Западную Европу через страны СЭВ усилило транзитную зависимость СССР и потребовало более тесных и доверительных взаимных отношений, которые создавали СЭИ и общая социалистическая идентичность.

С интеграцией связывались также надежды на решение хронической проблемы баланса спроса и предложения и тем самым решить проблемы макроэкономического равновесия в странах. Это позволило бы доказать жизнеспособность плановой системы в противовес идеи реформ на основе «рыночного социализма», которую продвигали ряд ученых стран СЭВ² [Радаев 1997].

1970-е гг. стали вполне успешными для СЭИ, особенно первая половина, в которой были достигнуты максимальные темпы роста взаимной торговли – 17% в среднем за год [Шмелев 2002, с. 155]. В этот период расширяется число международных экономических организаций «Интерэлектро» и хозяйственных объединений «Интератомэнерго», «Интертекстильмаш», «Интерхимволокно», «Интератоминструмент», появляются совместные предприятия – советско-ГДРовское «Домохим», советско-монгольское «Эрденэт», польско-ГДРовская прядильная фабрика «Заверче» и ряд других. Произошло расширение СЭВ за счет Кубы (1972 г.) и Вьетнама (1978 г.). До этого, в 1962 г., к СЭВ присоединилась Монголия.

Для углубления интеграции стали внедряться такие инструменты, как долгосрочные целевые программы сотрудничества в отдельных отраслях экономики и согласованные на 5 лет многосторонние интеграционные мероприятия.

В целом к середине 1970-х гг. восходящая линия жизненного цикла СЭВ

2 Среди них следует назвать В. Бруса, Я. Корнаи, К. Коуба, Р. Нерша, О. Шика.

достигла своего наиболее высокого уровня. Этот этап развития СЭВ можно определить как *период проектной специализации на основе совместных предприятий и инвестиций, а также развития экономического сотрудничества со странами Запада*. Доля специализированной продукции в экспорте Болгарии в СССР в 1977 г. составляла 72%, Венгрии – 63%, ГДР – 68%, Польши – 69%, Чехословакии – 53% [Шмелев 2002, с. 159]. Отметим, что в это период мировые цены на нефть достигли максимально высокого уровня в XX в.

Во второй половине 1970-х гг. и первой половине 1980-х гг. темпы роста взаимной торговли и национальных экономик стали снижаться, отражая пробуксовку директивных методов управления интеграционным процессом. Жизненный цикл СЭВ перешел в фазу плато (стабилизации). Для этого *инерционного этапа* характерно устойчивое сокращение экономических эффектов от институтов СЭИ.

В конце 1970-х гг. все страны СЭВ сталкиваются с макроэкономической разбалансировкой национальных экономик, связанных с ростом внешней задолженности. Одной из причин этого стала технологическая слабость стран СЭВ и, прежде всего, СССР. Для модернизации своей промышленности страны СЭВ наращивали импорт оборудования из стран Запада, налаживали производство на основе лицензий, получаемых от западных фирм, работающих на импортных материалах и компонентах. В ответ поставлялись в основном товары низкой степени обработки, производимые из советского сырья. При этом цены на готовую импортную продукцию росли быстрее, чем на низкообработанную, экспортную, что оборачивалось ростом внешней задолженности всех стран СЭВ [Шмелев 2002, с. 125]. Доля развитых капиталистических стран в общем

экспорте стран СЭВ в 1975 г. составила около 25%, в импорте – более 35%, а взаимной торговли – соответственно 60% и 47%, что существенно меньше, чем на предыдущих этапах [Božuk 1977, p. 293].

Во второй половине 1970-х гг. по мере наращивания добычи нефти странами ОПЕК и США стала понижаться ее мировая цена и, соответственно, доходы СССР и других стран СЭВ, экспортирующих нефтепродукты в третьи страны. В конце 1970-х гг. произошли два политических события, которые сильно повлияли на ход СЭИ. Это Исламская революция в Иране и начавшаяся вскоре его война с Ираком, которая вызвала резкую волатильность нефтяного рынка, и широкое вовлечение СССР во внутриафганский конфликт, которое вернуло мир к состоянию холодной войны.

Капиталистический мир в это время переживал либерализацию торговли и переход на новый технологический уклад, характеризующийся снижением энерго- и материалоемкости, что вызвало быстрое развитие ТНК и формирование трансграничных цепочек добавленной стоимости. Международная торговля стала главным фактором развития мировой экономики. ЕЭС, преодолевая возникающие противоречия, развивалось как вглубь, так и вширь. В 1970-е гг., помимо Таможенного союза, начала формироваться Европейская валютная система. В 1973 г. произошло его первое, а в 1980-е гг. – второе расширение, что свидетельствовало о привлекательности Сообщества для других европейских стран.

СССР также широко вошел в мировую торговлю, но в ином качестве, став крупным экспортером углеводородов и одновременно таким же крупным импортером зерна и западных технологий. Его финансовое положение сильно зависело как от объемов продаж неф-

ти на внешних рынках и цен нефтяного рынка, так и от объемов и импортной цены на продовольственное зерно.

В первой половине 1980-х гг. темпы взаимной торговли стран СЭВ, которая во многом определяла их развитие, оставались довольно высокими – около 10% в среднем за год, но это был результат роста цен, а не физических объемов торговли. В странах заметно сократился экономический рост. Они испытывали большие трудности в связи с перегруженностью ресурсо- и энергоемкими производствами, а создаваемые на основе западных технологий современные производства требовали большого объема импорта материалов и комплектующих. В частности, Болгария на основе лицензионных соглашений стала развивать производство электронных приборов, компоненты для которого в основном импортировались из стран Запада. Однако Болгария не смогла выйти с этой продукцией на мировой рынок и более 70% этой продукции направляла на советский рынок. Страна оказалась в двойной зависимости от импорта элементной базы на Западе и советского рынка сбыта, при том что при высокой цене качество болгарской продукции было невысоким [Князев 1991, с. 44].

Возникающую в связи с отрицательным сальдо платежного баланса проблему бюджетного дефицита страны были вынуждены решать путем повышения цен на потребительские товары и услуги, что вызвало недовольство населения, доходившее до массовых выступлений против власти, как это было в Польше. Отражением финансовых дисбалансов стала начавшаяся в 1985 г. в СССР перестройка, повлекшая кардинальные изменения во внутренней и

внешней политике и давшая «зеленый свет» рыночным преобразованиям в странах ЦВЕ.

Для всех стран СЭВ было крайне важно нацелить интеграцию на развитие высокотехнологичных производств с высокой добавленной стоимостью. В конце 1985 г. была принята «Комплексная программа научно-технического прогресса стран – членов СЭВ до 2000 г.». В 1987 г. страны СЭВ обращаются к идее «рыночного социализма» и начинают создавать Объединенный рынок стран СЭВ. Но до их реализации дело не дошло. В 1986 г. резко упали цены на углеводороды, что сильно ухудшило финансовое положение СССР³. Ситуацию частично можно было исправить наращиванием добычи нефти, но этого не произошло из-за недостаточного финансирования буровых работ, необходимых для увеличения запасов, готовых для добычи [Пан Чаннэй 2010, с. 17–27]. В связи с этим в конце 1980-х гг. СССР оказался в тяжелом валютном кризисе, который он пытался решить путем внешних заимствований на крайне невыгодных условиях. Тем не менее в это время на компенсационной основе велось строительство магистрального газопровода Ямал – Западная граница и Хмельницкой АЭС.

Взаимная торговля в этот период не росла в стоимостном выражении. Специализация, складывавшаяся в рамках МСРТ к данному этапу жизненного цикла, перестала соответствовать интересам стран-членов, а институты СЭВ – задачам развития национальных экономик, оказавшись бессильными перед «экономикой дефицита», для которой была характерна балансировка спроса и предложения с помощью

3 Падение цен было связано с наращиванием добычи и экспорта нефти Саудовской Аравией, которая таким образом оказывала давление на СССР в связи с его войной в Афганистане и пыталась расширить свою долю на мировом рынке нефти.

регулирования количества товара, а не цены на него [Корнаи 1990, с. 147–172]. СЭВ перешел на траекторию завершения своего жизненного цикла, которая приобрела «пикирующий» характер.

Под грузом социальных и экономических проблем в это время к власти в странах приходят политические круги, отвергающие рыночный социализм и нацеленные на рыночную трансформацию. Это, а также катастрофическое положение финансовой системы вынудили СССР перейти во взаимных расчетах на валюту, что стало приговором для СЭВ. Национальные экономические интересы перечеркнули социалистическую идентичность. Прекратило свое существование и биполярное устройство мира. Бывшие страны СЭВ быстро сменили свою интеграционную ориентацию, и уже в 1995 г. многие из них подписали соглашение об ассоциации с ЕС.

Институциональные причины неудачи СЭИ и СЭВ

Институты СЭВ опирались на два главных принципа – директивную плановость сотрудничества и обособленность от мирового рынка. Первый был развернут в систему координации планов развития стран-участниц и двусторонние планы взаимной торговли. Второй осуществлялся через монополию государств на внешнюю торговлю и ее расчетный инструмент – неликвидный переводной рубль.

По мере перехода мировой экономики на новый технологический уклад и растущую неустойчивость экономической конъюнктуры, действующие институты, несмотря на их совершенствование, перестали обеспечивать позитивные структурные и технологические изменения в национальных экономиках стран СЭВ. В модернизации

национальных экономик все большую роль играло сотрудничество со странами Запада, которое осуществлялось на рыночной основе с использованием конвертируемой валюты.

Перенастроить деятельность СЭВ с решения балансовых проблем на содействие повышению эффективности национальных экономик и взаимных торговых и инвестиционных связей в рамках административно-плановой системы оказалось невозможно. Преобладание балансового подхода в деятельности СЭВ тормозило развитие экспортных производств и вызвало деление товаров, обмениваемых странами, на «твердые» (валютные – более дефицитные, но пользующиеся спросом на мировом рынке), и «мягкие» (рублевые – менее дефицитные, но и не пользующиеся спросом на рынках третьих стран). При этом страны стремились к балансированию во взаимной торговле как по группе «твердых», так и «мягких» товаров. Однако это не всегда удавалось, давая основание для взаимных претензий. При этом ни в странах, ни в СЭВ как международной организации не уделялось большого внимания качеству производимой продукции для потребителей в странах-партнерах [Князев 1991, с. 25].

В центре возникавших между странами экономических противоречий лежало «игнорирование объективного соотношения цен и затрат в их подлинно рыночном, а не в счетном значении» [Шмелев 2002, с. 165]. В этом отношении показательна роль волатильности нефтяного рынка, чем бы она ни была вызвана, на динамику сотрудничества. При высоких ценах на нефть СЭВ был вполне успешен, для разрешения противоречий находились ресурсы, при резком падении цен противоречия обострялись, в результате которых СССР приходилось свертывать внутренние социальные программы.

Непосредственным «могильщиком» плановой системы международных экономических отношений стала невозможность определения взаимовыгодных цен на товары взаимной торговли. Плановые отношения требовали ценовой стабильности во взаимной торговле. До 1957 г. во взаимной торговле сохранялись цены 1949 г. В 1958 г. была принята схема определения цен взаимной торговли в двустороннем порядке на базе средних мировых цен на соответствующий товар за предшествующее пятилетие. Такая система была более или менее приемлема, но при резких перепадах цен, причем в разной степени на отдельные товары, такая практика ценообразования давала сбой, сильно изменяя условия торговли между странами СЭВ.

В 1975 г., реагируя на сильные скачки мировых цен, страны СЭВ модернизировали систему ценообразования, перейдя к т. н. шагающим ценам. Контрактные цены стали пересматриваться каждый год путем усреднения мировых цен за прошедший пятилетний период. Это позволило несколько смягчить проблему колебания мировых цен, но не сняло проблему неэквивалентного товарообмена.

Множественность контрактных цен на один и тот же товар во взаимных торговых отношениях разных стран СЭВ фактически означала неодинаковую покупательную способность переводного рубля в отношениях между различными парами стран.

В условиях неустойчивости мировой экономики в 1970–1980-х гг. было все труднее сбалансировать взаимную торговлю без экономических потерь для одной из сторон. Положительное сальдо в виде переводных рублей представляли собой активы, которые нельзя было потратить, поскольку отсутствовали соответствующие товарные фонды. Так у СССР – поставщика то-

плива и сырья за 1975–1985 гг. накопилось 15 млрд неликвидных переводных рублей. У европейских стран СНГ в результате падения цен на топливо и сырье в 1986–1990 гг. в торговле с СССР образовались активы в 10 млрд переводных рублей [Гринберг, Лигай 1991, с. 84].

Отсутствие адекватных монетарных инструментов регулирования взаимного сотрудничества консервировало отсталую структуру производства в странах и не стимулировало наращивание выпуска качественных экспортных товаров. На этапе внедрения хозяйственных отношений в национальных экономиках несовершенный платежно-расчетный механизм бил по доходам предприятий и, соответственно, по их интересам наращивать взаимные торговые связи на основе более глубокой специализации.

Серьезные проблемы во взаимных расчетах создавали сырьевые проекты. За время их реализации происходило существенное изменение ценовых пропорций обмена. Повышение или понижение мировых цен на поставляемое в порядке компенсаций за инвестиционный вклад топливо и сырье нарушало расчетную эквивалентность обмена, что давало повод для взаимной неудовлетворенности сотрудничеством.

Особенностью ушедшего с исторической сцены СЭВ является то, что все страны-участницы считают себя потерпевшими. И со временем негативные оценки его деятельности в странах ЦВЕ только усиливаются. Они в основном связаны с тем, что многие созданные в ходе социалистической индустриализации производства в рыночных условиях оказались убыточны. Однако специализация стран, которая устанавливалась в ходе СЭИ, была общим делом. А экономические провалы в этом отношении страны покрывали не только займами у стран Запада,

но и финансовой поддержкой СССР, прежде всего через завышенные цены на импортируемую им продукцию. Это можно проиллюстрировать таким примером. В СССР направлялось более 70% выпускаемой в Болгарии электроники, которая по своему качеству относилась к «мягким» товарам, а получала взамен «твердые» товары в виде топлива и сырья. При этом по текущим контрактным ценам СССР за единицу электронной продукции поставлял в 5 раз больше нефти, чем за аналогичную, но более качественную продукцию, закупаемую на Западе [Князев 1991, с. 44]. Общая сумма выигрыша, полученного восточноевропейскими странами от торговли с СССР за 1970–1984 гг., по оценкам американских исследователей М. Маррезе и Я. Вануша, составила 196 млрд долл. [Marrese, Vanous 1988, pp. 202–203].

Подсчет баланса экономических выгод и потерь для стран за годы социалистического сотрудничества является бессмысленным, поскольку субъектами международных экономических отношений были государства, действовавшие на основе национального законодательства и заключаемых соглашений. Списки и количества обмениваемых товаров, цены, курсы имели не чисто экономическую мотивацию, а находились в комплексе политических, оборонных, идеологических вопросов. Причем в условиях конфронтации Запада и Востока для СССР это была норма поведения, а для других стран СЭВ все же важнее были национальные интересы, как они понимались в то время.

Эффективность экономического сотрудничества СССР и стран СЭВ можно оценить через современную структуру их товарооборота, в которой сохранились действительно конкурентоспособные товары. Во все постсоциалистические годы российский экспорт сильно превышал встречный экс-

порт стран ЦВЕ. В современной структуре товарооборота стран сильно сократилась доля машиностроения. Советские «твердые товары» сохранили свою «твердость» и в изменившихся геополитических условиях. В российском экспорте резко преобладают минеральные продукты. Основу современного экспорта стран ЦВЕ составляют потребительские товары, которые и в годы социалистического сотрудничества входили в его «твердую» часть.

Уроки жизненного цикла СЭВ

Провал СЭВ отразил неконкурентоспособность плановой модели интеграции по сравнению с рыночной, которая усиливалась по мере роста значимости торговли в развитии мировой экономики. Несмотря на это, СЭВ внес заметный вклад в развитие международных экономических отношений. Он был частью биполярного мироустройства и поддерживал стратегическую стабильность в мире. И в этом своем качестве внес вклад в предотвращение Третьей мировой войны, издержки которой были бы несравненно выше, чем прямые и возможные упущенные выгоды стран – участниц этого проекта.

СЭВ, будучи альтернативным по институтам интеграционным проектом, способствовал совершенствованию институтов европейской интеграции, особенно в части планирования интеграционного процесса и создания механизмов сближения уровней развития и благосостояния стран-участниц.

Вместе с тем опыт СЭВ показал, что замкнутая региональная группировка догоняющего типа, действующая на иных принципах и по иным правилам, в условиях динамично развивающейся мировой экономики обречена на неудачу. ЕЭС, построенное на рыночных принципах и либерализации торгов-

ли, оказалось устойчиво к внешним шокам и более эффективно в условиях набирающей силу глобализации. Чтобы соответствовать нараставшей сложности международных экономических отношений, нужно было создавать соответствующие им интеграционные и национальные институты стран-участниц. СЭВ, вероятно, мог бы продолжить свою деятельность, начини страны реформы в духе «рыночного социализма» на 8–10 лет раньше, начав движение в сторону ликвидации переводного рубля и внедрения других финансовых институтов сотрудничества.

Центральным вопросом эффективности интеграции, как показал опыт СЭВ, является обретение странами-участницами такой их специализации не только в рамках интеграционного объединения, но и мировой экономики в целом, которая укрепит экономический суверенитет и обеспечит получение устойчивого дохода. Но выход на такую специализацию невозможно осуществить вне мирового технологического развития и соответствующей технологической и финансовой силы страны/стран лидеров интеграционного процесса, заинтересованных в этой специализации.

Важной составляющей интеграционного опыта СЭВ стало большое внимание, уделяемое инфраструктуре, обеспечивающей взаимные связи и связи с третьими странами. Реализованные в 1960–1980-е гг. транспортные проекты сегодня в своем большинстве составляют важные звенья в общеевропейской системе коммуникаций и энергоснабжения. Эти проекты помогли странам ЦВЕ войти в европейскую экономику, а России наращивать торговые связи с континентом в рыночных условиях.

СЭВ – единственная интеграционная организация, имеющая опыт раздела государственных активов в ходе своей ликвидации. Она потребовала длительных двусторонних переговоров, оценочных экспертиз и нацеленности сторон на достижение компромисса. На это потребовалось немало лет. В частности, с Польшей все денежно-имущественные разногласия были урегулированы в ноябре 1996 г. [Бухарин 2007, с. 70]⁴.

Современные интеграционные объединения, в представлении автора, в ходе эволюции будут менять функции и институты, состав участников, входить в более крупные альянсы, но вряд ли исчезать из мировой экономики. Понятно, что СЭВ строился в иной системе идеологических координат, которые не выдержали испытания временем. Тем не менее его опыт позволяет взглянуть на важные для России интеграционные проекты с точки зрения концепции жизненного цикла.

В настоящее время в непростой обстановке оказался ЕС – наиболее удачный интеграционный проект в системе мировой регионализации. Быстрое развитие Союза «вширь и вглубь» остановил мировой финансовый кризис. Внешняя торговля в большой мере утратила подъемную силу как фактор интеграции. Пробуксовку европейского интеграционного процесса усугубили миграционный кризис и Брекзит [Куликова 2019]. Начавшаяся деглобализация обнажила слабости либеральной идеологии и идеологии «единой европейской семьи», на основе которой развивался ЕС. Опыт СЭВ показал, что интеграционная идентичность, построенная на идеологии, оказывается неустойчивой, ненадежной в экстремальных экономических услови-

4 Для сравнения: выход Великобритании из ЕС с момента проведения референдума занял четыре с половиной года.

ях. Сильный удар по единству ЕС, условно, нанесла пандемия Covid-2019. Можно предположить, что европейский интеграционный процесс вышел на стадию плато и находится на развилке: либо он войдет в стадию регресса или управляемого дерегулирования путем передачи части наднациональных функций на национальный или межнациональный уровень принятия решений, либо останется в прежнем виде, вызывая все более острые противоречия в Союзе, которые отражают рост расхождений между европейской и национальной идентичностями. В их основе лежит неудовлетворенность периферийных стран Союза от сокращения финансовой поддержки из бюджета ЕС при сохранении ограничений на свободу внешнеэкономических связей со стороны Еврокомиссии. Поскольку речь о европейской конфедерации сегодня не идет, в качестве варианта институционального развития ЕС можно рассматривать его дифференциацию по соотношению интеграционных и национальных интересов с разными институциональными режимами. Словом, трансформация ЕС назревает.

Во внешней политике ЕС будет стремиться идти «во вне», но в различных «мягких» формах, облегчающих доступ европейских товаров на рынки стран, готовых к углубленному с ним сотрудничеству. Речь может идти о странах Восточного партнерства, балканских странах-кандидатах и, вероятно, о средиземноморских странах Африки. ЕС будет стремиться создавать ЗСТ со всеми готовыми на это странами по всему миру. Но при этом с плато ЕС вряд ли сойдет. Будущее в мире – за проектами регионализации, управляемыми на межнациональном уровне, позволяющим сохранить национальную идентичность и максимально использовать интеграционный фактор для национального развития.

В резерве у ЕС есть и проекты Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, Большой Европы или Евразии, Шелковый путь, в которые ЕС может войти как один из членов. В этом случае жизненный цикл ЕС как самостоятельного центра мировой экономики де-факто может и закончиться, поскольку он растворится в более крупном трансконтинентальном интеграционном проекте. Но об условиях, которые могут привести к такой ситуации и как это будет происходить, можно только гадать.

На пространстве бывшего СССР в 1990–2010-е гг. бурно протекали процессы регионализации, направленные в сторону как его интеграции, так и дезинтеграции. Одновременность этих процессов объяснялась глубоким экономическим спадом, который был связан с распадом СССР и рыночной трансформацией, формированием новых государств и их идентичности, инерцией прошлых взаимозависимостей.

СНГ – пример несостоявшегося, но сохраняющегося постсоветского интеграционного проекта. Изначально он рассматривался как некая конфедерация большей части новых государств, но из-за противоречивых интересов новых государств превратился в организацию «цивилизованного развода» форумного типа. Идея преобразовать систему двусторонних зон свободной (условно) торговли (ЗСТ) в многостороннюю ЗСТ частично удалась в 2012 г. Но из-за российско-украинского конфликта сфера действия этой ЗСТ и ее возможности «создавать» торговлю существенно сузились. Если на начальном этапе при разветвленной организационной структуре и довольно большом числе заключенных соглашений о сотрудничестве, которые страны не обязаны были выполнять, доля взаимной торговли в ее общем объеме составляла около 60%, то в настоящее

время она равна 17–18%. Это связано с постепенным разрушением взаимных связей под влиянием геополитики, импортозамещения и переориентации торговли на другие страны. Оторванность институтов от реальных процессов экономического взаимодействия – характерная черта СНГ. Страны – основатели в конечном итоге раскололись на три группы: прозападные, проевроазиатские и нейтральные. В жизненный цикл, пройденный СЭВ, динамика этой организации не укладывается. Содружество продолжает жить, но его деятельность сузилась до некоторых вопросов гуманитарного и геополитического характера.

В январе 2000 г. был запущен проект Союзного государства Беларуси и России. Его особенностью является то, что с момента распада СССР Беларусь и Россия стремились сохранить прозрачность новой границы, используя разные форматы межгосударственного сотрудничества. Этому способствовали тесные экономические связи, сложившиеся в советское время, близкие по духу национальные идентичности, опирающиеся на этнокультурную близость двух народов. В то же время в России и Беларуси формировались разные политические системы и системы управления экономикой и социальной сферой. Стремление к единству проявлялось в условиях несовпадающих политических и экономических интересов. РБ в рамках Союзного государства хотела бы, сохраняя суверенитет, иметь доступ к рынку и ресурсам РФ на уровне субъектов РФ. Россия же к этому не готова без более глубокой интеграции союзных государств. Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования в экономической сфере от 25 декабря 1998 г. оказалось трудноисполнимым.

В связи с этим при развитых институтах из-за возникающих между стра-

нами противоречий по поводу цен на энергоносители, доступу на рынки друг друга и компенсаций для бюджета РБ в связи с потерями от проводимого в РФ «налогового маневра», наблюдается пробуксовка реальной интеграции [Шурубович 2018, с. 78]. Последняя попытка углубить интеграцию двух стран в рамках СГБР, осуществленная в конце 2019 г., закончилась безрезультатно. В ходе пандемии обострились противоречия по поводу цены на газ. В целом же жизненный цикл этого объединения достиг стадии плато и может при достижении взаимных договоренностей подняться выше, но может и соскользнуть вниз. Для обоих государств есть «запасной аэродром» в виде ЕАЭС. Но было бы недальновидно не использовать потенциал СГБР для цифровизации интеграционного процесса, к которой страны вполне готовы.

ЕАЭС – новое интеграционное образование, запущенное 5 лет назад. Нельзя сказать, что оно возникло на пустом месте. За 12 лет до этого было подписано соглашение о создании «Единого экономического пространства» в составе Беларуси, Казахстана, России и Украины, но смена власти на Украине в результате «оранжевой революции» похоронила этот проект. Едва родившись, он ушел с повестки дня, не пройдя ни одного этапа возможного жизненного цикла.

Участвующие в ЕАЭС страны в своем большинстве ранее учреждали Таможенный Союз, а затем ЕврАзЭС. Это были своего рода промежуточные этапы на пути к интеграции нового типа, скроенной по образцу ЕС, но с серьезными отклонениями от прототипа.

До 2025 г. в ЕАЭС будут формироваться основные институты интеграции, причем до настоящего времени они развивались быстрее, чем реальное сотрудничество в виде взаимных товаропотоков и инвестиций. Это связано с

турбулентностью мировой экономики, санкционным режимом Запада и особенностями внутриконтинентального положения стран-участниц при их больших межстрановых различиях и недостаточно развитой инфраструктуре. Они проявляются в уровнях рыночной трансформации экономики, степени вмешательства государства в экономику, ее монополизации и свободы предпринимательства. В итоге модель ЕАЭС несет в себе как элементы рационального экономического поведения, так и несовпадения ценностных ориентиров стран-участниц. Это отражается в стремлении стран использовать в полной мере выгодные для себя регламенты ЕАЭС и максимально возможно уклониться от исполнения невыгодных для них интеграционных правил. Иными словами, национальные интересы пока преобладают над интеграционными [Вардомский 2019, с. 81–83].

Трудности для евразийской интеграции создает и сырьевая экспортная специализация таких стран, как Россия и Казахстан. В условиях неустойчивости мировой конъюнктуры и геополитической напряженности это сопряжено с немалыми рисками для всех стран-участниц в связи с перепадами в получаемых ими экспортных доходах. Другая область рисков для евразийской интеграции связана с тем, что страны – члены ЕАЭС, производители топлива и сырья, а также их транзитеры на рынках третьих стран нередко пытаются использовать свое монопольное положение для решения национальных финансовых проблем и геополитических задач. Решение возникающих проблем в рамках ЕАЭС видится не только в создании общих рынков, но и институтов, регулирующих права и обязанности экспортеров и импортеров энергоносителей, а также транзитных услуг.

К успехам ЕАЭС следует отнести сближение уровней развития и дохо-

дов населения стран-участниц за счет как трудовых миграций, так и финансирования бизнес-проектов из двусторонних фондов их поддержки, созданных при участии России и Казахстана.

ЕАЭС, в отличие от СНГ и СЭВ, – открытое интеграционное образование, параллельно с развитием «вглубь» ориентируется и на развитие «вширь». При этом обслуживание торговли с третьими странами и между третьими странами становится существенным фактором евразийской интеграции, учитывая ее положение между Европой и Китаем.

В целом ЕАЭС находится на начальной стадии жизненного цикла, совершая восхождение вверх по весьма пологой траектории. Страны-участницы испытывают определенные трудности в формировании новой специализации в связи с установкой на укрепление национального экономического суверенитета. Об этом, в частности, свидетельствуют сложности, возникшие при согласовании положений «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» на Высшем евразийском экономическом совете в мае 2020 г.

Важным фактором развития ЕАЭС становится китайский мегапроект «Пояс и путь». Однако его влияние может как сдерживать, так и стимулировать евразийский интеграционный процесс, в зависимости от внутренней и внешней конъюнктуры. В ЕЭК исходят из необходимости превращения ЕАЭС в центр трансрегионального проекта – «всеобъемлющего континентального партнерства» [Доклад о реализации основных направлений 2018, с. 51]. Но при недостаточной динамике евразийского интеграционного процесса не исключен сценарий превращения Союза в часть китайского мегапроекта «Пояс и путь».

Новые и неосмысленные пока риски для постсоветских интеграционных проектов кроются в пандемии.

Трансграничный карантин резко ослабил социальные взаимодействия стран ЕАЭС, которые играют важную роль в интеграционном процессе [Вардомский, Соколова 2020, с. 135–136]. Большому испытанию подвергается Союзное государство. Оно больше подвержено действию субъективных факторов и стремлению использовать свою геополитическую значимость для России с целью укрепления существующего в Беларуси политического режима.

В этом контексте важны успехи России в социально-экономическом развитии, в борьбе с пандемией, ее готовность к технологической и институциональной модернизации. Постсоветские страны стремятся к сотрудничеству с Россией, она им необходима с точки зрения их развития. Естественное тяготение постсоветских стран Россия не должна использовать преимущественно для своей пользы. Отношения в рамках упомянутых постсоветских интеграционных проектов должны быть направлены на сопряжение российских интересов и развитие ее ближайших соседей. Это, на наш взгляд, одно из условий превращения ЕАЭС в центр Евразийского континентального партнерства на основе формирования общей идентичности, которая независимо от размеров и уровня развития стран-участниц позволила бы развивать интеграционные процессы более уверенно и динамично. В качестве основы новой идентичности можно использовать представление о пространстве, занимаемом странами, как пространстве общего историко-географического и культурного наследия – «евразийскую идентичность». Это представление может стать основой и для совместного развития некоторых важных для мира функций: трансматериковых коммуникаций, производства энергоносителей и продовольствия, развития космических и цифровых технологий и т. п.

Список литературы

Богомолов О.Т. (1986) Страны социализма в международном разделении труда. М.: Наука.

Бухарин Н.И. (2007) Российско-польские отношения. 90-годы XX века – начало XXI века. М.: Наука.

Вардомский Л.Б. (ред.) (2019) Евразийская интеграция в турбулентном мире. СПб.: Алетейя.

Вардомский Л.Б., Соколова Т.В. (2020) Социальные детерминанты евразийской интеграции // Мир перемен. № 1. С. 131–147.

Гринберг Р.С., Лигаи К.М. (1991) От братства к партнерству // Экономические науки. № 4. С. 80–93.

Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза (2018) // ЕЭК // <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-2018.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Князев Ю.К. (ред.) (1991) Неэффективность структурной политики как одна из причин общественно-экономического кризиса в странах Восточной Европы. М.: ИМЭПИ РАН.

Корнаи Я. (1990) Дефицит. М.: Наука.

Костюшко И.И. (ред.) (1979) Очерки истории советско-польских отношений, 1917–1977 гг. М.: Наука.

Куликова Н.В. (ред.) (2019) Проблемы экономического роста в странах

Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике. М.: ИЭ РАН.

Пан Чэннэй (2010) Нефтяная политика и распад Союза: взгляд из Китая // Вестник НГУЭУ. № 2. С. 17–27 // <https://cyberleninka.ru/article/n/neftyanaya-politika-i-raspad-sovetskogo-soyuza-vzglyad-iz-kitaya/viewer>, дата обращения 22.06.2020.

Радаев В.В. (ред.) (1997) Всемирная история экономической мысли. Т. 6. Книга 2. Глава 31. Часть вторая. Экономические концепции в странах, вставших на путь социалистического развития. М.: Мысль.

Широкова Г.В., Клемина Т.Н., Козырева Т.П. (2007) Концепция жизненного цикла в современных организационных и управленческих исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Выпуск 2. Общественный и стратегический менеджмент.

С. 3–31 // https://elibrary.ru/download/elibrary_9496833_43915841.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Шмелев Б.А. (ред.) (2002) Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. От стабилизации к кризису 1966–1989. М.: Наука.

Шурубович А.В. (2018) Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. М.: Институт экономики РАН.

Bożyk P. (1977) Wspolpraca Gospodarcza Krajow RWPG, Warszawa: PWE (на польском).

Marrese M., Vanous J. (1988) The Content and Controversy of Soviet Trade Relations with Eastern Europe 1970–1984 // Economic Adjustment and Reform in Eastern Europe and the Soviet Union (eds. Brada T., Hewatt I., Wolf A.), Durham: Duke University Press, pp. 202–203.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Forgotten Integration: The Failure and Lessons of the Council of Mutual Economic Assistance

Leonid B. VARDOMSKIY

DSc in Economics, Head of the Center for Post-Soviet Studies
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 117218, Nakhimovskij Av., 32, Moscow, Russian Federation
E-mail: wardom@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9508-5945

CITATION: Vardomskiy L.B. (2020) Forgotten Integration: The Failure and Lessons of the Council of Mutual Economic Assistance. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 176–195 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Received: 24.04.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared as part of the theme of the state task “The Russian factor in the socio-economic development of the countries of the “neighborhood belt”.

ABSTRACT. CMEA evolution is considered using the concept of a life cycle. Entry into individual stages of the life cycle depends on the compliance of integration institutions with internal and external development factors of the participating countries, the ratio of integration and national identity. The CMEA analysis allows us to assess the dynamics of modern integration projects important for Russia. The main reasons for the collapse of the CMEA were the overestimation of the role of planned instruments and the underestimation of the role of monetary instruments, collective import substitution (autarky) and technological weakness, primarily the USSR, as a leader in the integration process. To modernize their industry, the CMEA countries, under conditions of detente, increased imports of equipment from Western countries. The country's budget deficit arising in connection with the

growth of external debt was forced to solve by raising prices for consumer goods and services, which caused social discontent. Delays in market reforms exacerbated the situation. The “perestroika” that began in 1985 in the USSR, brought about drastic changes in domestic and foreign policy and gave a “green light” to market transformations in CEE countries. Despite the failure, CMEA made a significant contribution to the development of global regionalization processes. It was part of the bipolar world order and supported strategic stability in the world, contributed to the improvement of European integration institutions, especially in terms of planning the integration process and creating mechanisms for converging the levels of development and welfare of the participating countries.

The CMEA experience has shown that in order to meet the growing complexity of the international economic, it is neces-

sary to create the corresponding integration and national institutions of the participating countries. The central issue of the effectiveness of integration is the acquisition by the participating countries of such specialization, not only within the framework of the integration association, but also of the global economy as a whole, which will ensure their sustainable income.

In the course of evolution, modern integration associations will change functions and institutions, the composition of participants, enter into larger alliances, but are unlikely to disappear from the world economy as CMEA.

KEY WORDS: CMEA, life cycle, institutions, national interests, identity, USSR, CEE countries, integration project, plan coordination, specialization, market reforms, EU, post-Soviet integration, Russia

References

- Bogomolov O.T. (1986) *The Countries of Socialism in the International Division of Labor*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Bożyk P. (1977) *Współpraca Gospodarcza Krajów RWPG*, Warszawa: PWE (in Polish).
- Bukharin N.I. (2007) *Russian-Polish Relations. 90 Years of the Twentieth Century, the Beginning of the Twenty-first Century*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Greenberg R.S., Ligay K.M. (1991) From Fraternity to Partnership. *Economic Sciences*, no 4, pp. 80–93 (in Russian).
- Knyazev Yu.K. (ed.) (1991) *The Inefficiency of Structural Policy as One of the Causes of the Socio-economic Crisis in Eastern Europe*, Moscow: IMEPI RAS (in Russian).
- Kornai J. (1990) *Deficit*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Kostyushko I.I. (ed.) (1979) *Essays on the History of Soviet-Polish Relations 1917–1977*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Kulikova N.V. (ed.) (2019) *Problems of Economic Growth in the Countries of Central and Eastern Europe in the Context of a New Reality in the World Economies*, Moscow: IE RAS (in Russian).
- Marrese M., Vanous J. (1988) The Content and Controversy of Soviet Trade Relations with Eastern Europe 1970–1984. *Economic Adjustment and Reform in Eastern Europe and the Soviet Union* (eds. Brada T., Hewatt I., Wolf A.), Durham: Duke University Press, pp. 202–203.
- Pan Chennai (2010) Oil Policy and the Collapse of the Union: A View from China. *Vestnik NSUEM*, no 2, pp. 17–27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neftyanaya-politika-i-raspad-sovetskogo-soyuza-vzglyad-iz-kitaya/viewer>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Radaev V.V. (ed.) (1997) *World History of Economic Thought*. Vol. 6. Book 2. Chapter 31. Part two. Economic Concepts in Countries Embarked on the Path of Socialist Development, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Report on the Main Directions of Integration within the Framework of the Eurasian Economic Union (2018). *EEC*. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-2018.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Shirokova G.V., Klemina T.N., Kozyreva T.P. (2007) The Concept of the Life Cycle in Modern Organizational and Managerial Research. *Vestnik of Saint Petersburg*

University. Serie 8. Issue 2. Management. pp. 3–31. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_9496833_43915841.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Shmelev B.A. (ed.) (2002) *Central-Eastern Europe in the Second Half of the Twentieth Century*. Vol. 2. From Stabilization to the Crisis of 1966–1989, Moscow: Nauka (in Russian).

Shurubovich A.V. (2018) *Economic Cooperation between Russia and Belarus: In-*

tegration Projects and National Interests, Moscow: IE RAS (in Russian).

Vardomskiy L.B. (ed.) (2019) *Eurasian Integration in the Turbulent World*, Saint Petersburg: Aletya (in Russian).

Vardomskiy L.B., Sokolova T.V. (2020) Social Determinants of Eurasian Integration. *The World of Transformations*, no 1, pp. 131–147 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-11

Роль стран «Сахельской пятерки» в политико-военной стратегии ФРГ в Африке

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 117997,
ул. Кржижановского, д. 15, стр. 2, Москва, Российская Федерация
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2020) Роль стран «Сахельской пятерки» в политико-военной стратегии ФРГ в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 196–213.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-11

Статья поступила в редакцию 16.03.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье поднимается вопрос о том, является ли участие ФРГ в урегулировании вооруженного конфликта в Мали частным кейсом или отправной фазой выстраивания новой политико-военной стратегии Германии в Африке. В данной связи исследуются основные параметры применения бундесвера на континенте в 1990-е – середине 2010-х гг. Подчеркивается важность сомалийского направления, раскрываются «узкие места» военных усилий, прилагаемых здесь ФРГ, и их детерминированность. В сопоставлении с Сомали изучается германская линия по урегулированию конфликта в Мали на первом (2013–2015 гг.) и втором (с 2016 г.) этапах ее развития. Раскрываются особенности и промежуточные результаты использования бундесвера в составе миссий EUTM Mali и MINUSMA. Показывается резкий рост объемов военного присутствия Германии в Мали с середины 2010-х гг., выделяются основные причины этой тенденции. Исследует-

ся «эффект переплескивания» от усилий ФРГ на малийском направлении в странах Северной Африки (на примере Алжира) и государствах «Сахельской пятерки» в целом. Особое внимание уделяется развитию и перспективам двусторонних отношений ФРГ с Буркина-Фасо и Нигером. В статье обращено внимание на концентрацию усилий Германии к началу 2020-х гг. в частях Африки, относимых к зоне традиционного влияния Франции. Делается вывод о значимости Сахельского региона как площадки для отработки новой политико-военной стратегии Германии в Африке, и дается характеристика ее черт.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Германия, безопасность, Африка, Мали, Сахель, Буркина-Фасо, Нигер, Алжир

Во второй половине 2010-х гг. малийское направление, наряду с афганским, стало самым масштабным (по совокупной сумме контингентов бун-

десвера в составе двух миссий – EUTM Mali и MINUSMA [Anzahl 2020]) – вектором использования германских военных вне зоны ответственности НАТО. Этот фактор на фоне весьма вероятного свертыwania военного присутствия ФРГ в Центральной Азии (в рамках реализации договоренностей с «Талибаном» (2020 г.)) и имеющих ограниченных масштабов применения бундесвера на Ближнем Востоке, в т. ч. в Сирии и Ираке (см.: [Anzahl 2020]), заставляет задуматься об «африканизации» политико-военной стратегии ФРГ – применительно к той ее части, что реализуется за пределами Евроатлантического сообщества. Соответственно, возникает вопрос: является ли масштабное участие Германии в урегулировании вооруженного конфликта в Мали значимым, но и все же частным кейсом или это отправная составляющая качественно новой линии ФРГ на использование своего политико-военного инструментария в Африке? Найти ответ возможно, лишь изучив динамику политико-военных взаимоотношений официального Берлина не только с Мали, но и странами «Сахельской пятерки» «G5 Sahel» (Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад) в целом в контексте усилий ФРГ по обеспечению мира и безопасности на африканском континенте в 1990–2010-е гг.¹

Задача данной статьи – изучить роль группы стран G5 Sahel в политико-военной² линии ФРГ в Африке на современном этапе. Основные методы исследования – сравнительный и инвент-анализ, особенно при сопостав-

лении форм, «узких мест» и масштабов использования бундесвера в Сомали и Мали, а также изучении диверсификации отношений ФРГ с государствами G5 Sahel к началу 2020-х гг.

При рассмотрении «малийского вопроса» и в целом вопросов обеспечения безопасности в Сахеле отечественные исследователи обычно основное внимание уделяют Франции [Мезенцев 2014; Сидоров 2018; Чернега 2018] – традиционному и весьма влиятельному военному игроку в регионе и Африке в целом, оставляя растущую активность Германии «в тени». В свою очередь, в исследованиях специалистов из ФРГ данная тематика освещена несоизмеримо подробнее; однако следует отметить присущий им недостаток: срез обстановки в основном осуществляется или на страновом (Мали) [Hanish 2015; Tull 2019], или континентальном (Африка в целом) уровнях, т. е. с пропуском детального изучения регионального (G5 Sahel, Западная Африка, а также Северная Африка).

Германия и урегулирование вооруженных конфликтов в Африке в 1990-е – середине 2010-х гг.: поиск точек приложения усилий

Для современной стратегической линии ФРГ в политико-военной области характерно постепенное увеличение удельного веса африканского вектора. Развертывание германских войск в Африке осуществлялось в рамках

1 В ходе «классической» холодной войны ФРГ (Боннская республика) в принципе не использовала свои вооруженные силы в Африке, будучи в военном плане полностью сконцентрирована на участии в противостоянии Запад – Восток в Европе.

2 В данной статье автор использует термин «политико-военные» вместо традиционного «военно-политические», поскольку первый более точно отражает иерархию общеполитических и собственных военных задач для линии государств на мировой арене.

участия официального Бонна/Берлина в урегулировании вооруженных конфликтов, причем этот процесс ФРГ стала осуществлять практически сразу после объединения – уже с 1992–1993 гг. [The Bundeswehr on Operations 2009, pp. 52–53]. До середины 1990-х гг. географически зоны применения бундесвера были разбросаны по всему континенту (Сомали, Руанда), отражая стремление в условиях «эйфории от объединения» обозначить свою дееспособность как военного игрока на глобальном уровне. Напротив, во второй половине 1990-х гг. наблюдалось временное свертывание рассматриваемой активности. Это объяснялось провалом использования бундесвера в операции UNOSOM II в Сомали (контингент досрочно выведен в 1994 г.) (см.: [The Bundeswehr on Operations 2009, p. 53]), фокусированием максимального внимания на балканском направлении вкупе с осознанием роста числа внутренних проблем, вызванных «поглощением» бывшей ГДР.

В 2000-е – начале 2010-х гг. вновь наблюдался широкий географический разброс зон использования бундесвера на континенте: в Центральной Африке (Демократическая Республика Конго), в северной ее части (Судан) и Африканском Роге (Эфиопия и, прежде всего, Сомали и прилегающие акватории). Подавляющее большинство миссий бундесвера, разворачиваемых на континенте в конце XX – начале XXI вв., были небольшими по объему (задействованные контингенты не превышали 100–150 военнослужащих), продолжительности (большинство продолжалось от недель до нескольких месяцев) (см.: [The Bundeswehr on Operations

2009, pp. 53, 55, 56–57, 96–103]), а также по своему военному и, что более важно, политическому значению. Германские подразделения использовались в основном для обеспечения логистической (в частности, наведения военно-транспортной авиацией «воздушных мостов» для срочной эвакуации мирного населения из зон боевых действий) и санитарной поддержки операций, проводимых партнерами по ООН, ЕС, а также Африканскому союзу (АС). Иными словами, бундесвер использовался в целях «разгрузки» их военных контингентов, играющих существенно более масштабную роль в урегулировании, чем он сам. Достигая тактических результатов (предотвращение гуманитарных катастроф (Сомали, Руанда), обеспечение проведения выборов (ДРК)), действия ФРГ в целом не обеспечивали (и вряд ли могли этого сделать с учетом изложенных количественных параметров) существенного перелома в деле стабилизации обстановки в странах Африки.

С точки зрения параметров участия Германии в урегулировании исключение из перечисленного ряда составлял лишь вооруженный конфликт в Сомали. Несмотря на первоначальную (1992–1994 гг.) неудачу, с начала XXI в. Германия стала активно использовать свой военный инструментарий на этом направлении. Он применялся при проведении военно-морских операций Enduring Freedom³ (германское участие в ней в 2001–2013 гг.) и EU NAVFOR ATALANTA (под эгидой ЕС с 2008 г. для борьбы с пиратством), осуществляемых в акваториях Аденского залива и прибрежных водах Сомали. В тесной связи с последней под эгидой

3 Операция Enduring Freedom («Несокрушимая свобода»), проводимая США и их партнерами по I западной антитеррористической коалиции, осуществлялась не только в Аденском заливе, но также в Афганистане (основной вектор), Филиппинах, Западной Сахаре и в Панкисском ущелье (Грузия).

ЕС были развернуты еще две тренировочные миссии: военная EUTM Somalia (участие ФРГ в 2010–2018 гг.), предназначенная для обучения правительственных (официального Могадишо) войск, и гражданская EUCAP NESTOR (Германия принимала участие в ее комплектовании в 2012–2018 гг.), которая была ответственна за подготовку сил охраны побережья. В этой связи показательны две основные черты использования ФРГ военно-политического инструментария на сомалийском направлении:

1. Колоссальная диспропорция в объемах морского применения бундесвера («потолок» германского контингента в составе миссии EU NAVFOR ATALANTA был первоначально установлен в 1 400 военнослужащих [Antrag 2008, р. 2]) и наземного (аналогичный показатель для EUTM Somalia составлял лишь 20 офицеров и солдат [Antrag...Drucksache 18/7556 2016, р. 2], т. е. де-юре в 70 раз (!) меньше). Будучи производной принципа стратегической сдержанности во внешней политике ФРГ, эта разница отчетливо иллюстрировала неготовность официального Берлина масштабно использовать свой военный потенциал в глубине территории Сомали для обеспечения мира и безопасности.
2. Свертывание даже отмеченного небольшого по объему военного присутствия к 2019 г., т. е. частичный выход из процесса решения «сомалийского вопроса», при том что значительная часть партнеров ФРГ по ЕС продолжили в нем участие.

Чем были вызваны эти особенно-сти? Учетом неудачного опыта 1992–1994 гг., когда бундесвер развернул зна-

чительное наземное присутствие, помноженное на сложности обеспечения интеграции Сомалиленда и (в меньшей степени) Пунтленда в состав единого Сомали, а также трудности полного разгрома террористической группировки «Аш-Шабаб». Международными усилиями при участии ФРГ были обеспечены определенные тактические успехи: существенное уменьшение объемов пиратства, нанесение поражения силам «Аш-Шабаб» в увязке с постепенным восстановлением института легитимной власти и ее сил безопасности (прежде всего армии). Однако отмеченные решения официального Берлина показывают, что по состоянию на начало 2020-х гг. ФРГ считала маловероятным перерастание в обозримой перспективе этих тактических результатов в успех стратегического характера, т. е. переход Сомали к состоянию постконфликтного стабильного развития. Соответственно, в 2000–2010-е гг. Германия де-факто двигалась по пути купирования, т. е. лишь частичного решения проблем безопасности в зоне Африканского Рога.

Возникает еще один вопрос: почему именно это направление было избрано фокусным при использовании военного инструментария в начале XXI в.? Безусловно, группировка «Аш-Шабаб», особенно с учетом использования возможностей сомалийской диаспоры в самой ФРГ, несла определенную угрозу ее безопасности. Однако следует признать эту угрозу меньшей по масштабу, чем те, что исходили из расположенных существенно ближе к ЕС Ливии, где после 2011 г. произошло обрушение государственной власти, или Сирии, где также с 2011 г. развернулась гражданская война, – территории обеих этих стран к середине 2010-х гг. временно превратились в «рассадники» международного терроризма. При этом бундесвер стал ис-

пользоваться на сирийском направлении лишь с декабря 2015 г. (притом исключительно в небоевых формах для «разгрузки» партнеров, прежде всего Франции), а на ливийском этого не произошло вовсе. Данное сопоставление позволяет прийти к выводу, что ключевые детерминанты линии ФРГ в отношении Сомали определялись не только и не столько вопросами обеспечения безопасности, но *геополитическими* мотивами. Более того, с точки зрения автора, их преобладание наблюдалось при выстраивании не только подхода Германии к решению «сомалийского вопроса», но стратегической линии ФРГ в Африке в целом.

Африканский Рог имеет исключительно выгодное геостратегическое и геоэкономическое положение, в т. ч. с точки зрения прохождения через Аденский залив международных торговых цепочек. Это обстоятельство, с учетом традиционного отстаивания ФРГ как экспортоориентированной страны принципа максимальной либерализации системы мировой торговли [Szabo 2016, pp. 4–10], определяло исключительную значимость Сомали в германском внешнеполитическом планировании. Иллюстрацией этого является сохранение участия Германии в проведении операции «Атлант», причем в объемах, необходимых для контроля над безопасностью судоходства в Аденском заливе (менее 100 моряков и 1–2 надводных корабля) [Anzahl 2020]. Однако, как показал более чем четвертьвековой опыт (1992–2018 гг.), в собственном военном отношении Сомали оказалось непривлекательно для обеспечения долгосрочного присутствия ФРГ в Африке. Прежде всего, это обусловлено исключительной широтой острых противоречий в этой стране, находящейся в состоянии перманентного конфликта с 1988 г. (!).

Эволюция участия бундесвера в урегулировании вооруженного конфликта в Мали

Наземный военный «выход» из процесса урегулирования «сомалийского вопроса» был обусловлен еще одной причиной – успешным результатом длительного поиска точки приложения усилий бундесвера в Африке, позволяющих обеспечить его длительное легитимное присутствие на континенте. Этим характеристикам по состоянию на начало 2020-х гг. отвечало Мали.

На первом этапе (2013–2015 гг.) подключение ФРГ к решению «малийской проблемы» было практически «заурядным» в контексте использования германских войск в деле урегулирования вооруженных конфликтов в Африке. В ответ на официальную просьбу переходного правительства в Бамако, обращенную персонально к Франции и государствам – членам ЕС в целом, Пятая республика с 12 января 2013 г. начала боевую операцию «Сервал» с целью разгрома террористических группировок «Ансар ад-Дин» и «Аль-Каида в странах исламского Магриба», а также блокировавшихся с ними радикальных туарегов [Мезенцев 2014, с. 5–11]. Бундестаг уже 19 февраля 2013 г. одобрил направление бундесвера в состав двух небоевых миссий: AFISMA (под эгидой АС) с целью обеспечения логистической и медицинской поддержки французских войск, а также EUTM Mali (ЕС), задачей которой являлось обучение личного состава правительственной армии Мали. В мае–июне 2013 г. миссия AFISMA была трансформирована в MINUSMA (под эгидой ООН) с расширением спектра миротворческой деятельности.

Первоначально действия обоих контингентов были строго лимитированы со всех основных точек зрения – как с количественной («потолки» мис-

сий были установлены на уровне 150 и 180 военнослужащих), так и географической (германские военные действовали лишь в западной, относительной спокойной, части страны). Как видно из данных таблиц 1 и 2, пределы численности контингентов в составе мис-

сий существенно не изменялись до 2016 г.

Резкое увеличение предельной численности контингентов стало наблюдаться с 2015 г. (EUTM Mali) и особенно с 2016–2018 гг. (MINUSMA), причем в случае миссии ООН сопровождалось

Таблица 1. Динамика «потолка» численности контингента и объемов финансового участия ФРГ в деятельности миссии MINUSMA

Table 1. Dynamics of the High Water Marks in Number of Troops and the Volume of Financial Participation of Germany in the MINUSMA Mission

Мандат (дата и номер)	Предельная численность контингента	Период	Сумма финансирования (млн евро)
19.02.2013 (№ 17/12368) ⁴	150	01.07.2013–30.06.2014	46,3
05.06.2013 (№ 17/13754)	150	01.07.2014–30.06.2015	15,0
14.05.2014 (№ 18/1416)	150	01.07.2015–30.06.2016	5,8
03.06.2015 (№ 18/5053)	150	01.02.2016–31.07.2017	36,1 ⁵
06.01.2016 (№ 18/7206)	650	01.02.2016–31.01.2018	163,0
11.01.2017 (№ 18/10819)	1 000	01.05.2018–31.05.2019	268,6
07.03.2018 (№ 19/1098)	1 100	01.06.2019–31.05.2019	313,9
03.04.2019 (№ 19/8972)	1 100	Итого⁶	846,4

Таблица 2. Динамика «потолка» численности контингента и объемов финансового участия ФРГ в деятельности миссии EUTM Mali

Table 2. Dynamics of the High Water Marks in Number of Troops and the Volume of Financial Participation of Germany in EUTM Mali Mission

Мандат (дата и номер)	Предельная численность контингента	Период	Сумма финансирования (млн евро)
19.02.2013 (№ 17/12367)	180	01.03.2013–28.02.2014	13,5
05.02.2014 (№ 18/437)	250	01.03.2014–28.02.2015	17,2
28.01.2015 (№ 18/3836)	350	01.03.2015–31.06.2016	24,0
13.04.2016 (№ 18/8090)	300	01.06.2016–31.05.2017	20,8
22.03.2017 (№ 18/11628)	300	01.06.2017–31.05.2018	24,4
11.04.2018 (№ 19/1597)	350	01.06.2018–31.05.2019	36,5
03.04.2019 (№ 19/8971)	350	Итого	136,4

⁴ В данном мандате речь шла о контингенте бундесвера в составе AFISMA, которая в июне 2013 г. была реорганизована в MINUSMA.

⁵ В т. ч. 2,4 млн евро из ранее запланированных средств.

⁶ Без учета периода с 1 февраля по 30 апреля 2018 г.

расширением зоны оперирования бундесвера на северомалийские провинции (Гао, Кидаль и Томбукту) [Hanish 2015, pp. 1–2] и разрешением бундестага на использование военных непосредственно в наземных мероприятиях по поддержанию мира и порядка, а также активизации ведения разведки [Antrag... Drucksache 18/7206 2016, pp. 5–8] (прежде всего с применением беспилотной армейской авиации). Чем обусловлен данный рост? Прежде всего полномасштабным осознанием тех колоссальных рисков для безопасности ФРГ, которые таил в себе переход «малийской проблемы» в запущенное состояние на фоне миграционного кризиса в ЕС 2015–2016 гг., сопровождаемого резким увеличением террористической активности в странах – участницах объединения. Общим знаменателем этих угроз стало усиление международных террористических структур (прежде всего «Исламского государства» (ИГ)⁷) в Сирии и Ираке, стремившихся полностью уничтожить в них светскую власть и превратить в огромные «черные дыры» – «рассадники» угроз нестабильности с проецированием их на глобальный уровень. С точки зрения блокирования/распространения потоков неконтролируемой миграции (прежде всего беженцев, покидающих зоны боевых действий) и структур международного терроризма Мали занимает исключительно выгодное положение: это «ворота», ведущие из глубинных районов Африки в ее северную часть и далее, через Средиземное море, в пределы Европейского союза. На фоне обрушения государственности в Ливии (с 2011 г.) и укрепления «Боко Хорам» («Западной провинции ИГ») в Нигере Мали могло превратиться в несущую южную опору огромно-

го «коридора нестабильности». Его «запуск» поставил бы ЕС, уже испытывающий на себе давление угроз нестабильности из зоны сирийско-иракского конфликта, перед новыми и как минимум сопоставимыми по объему миграционным и террористическим вызовами, исходящими уже из Африки. Допустить развития подобного сценария истоблищмент ФРГ, особенно на фоне ослабления электоральной поддержки, не мог, что и привело к отмеченному наращиванию объемов военного присутствия: после 2016 г. новое увеличение, как видно из таблиц 1 и 2, произошло в 2018–2019 гг. Это стало производной потери блоком ХДС/ХСС и СДПГ части мест в бундестаге в пользу оппозиции (прежде всего АдГ), потребовав от нового кабинета «большой коалиции» внятных для электората ответов на миграционные и террористические вызовы. Учитывая, что по состоянию на начало 2020-х гг. официальный Берлин рассматривал свои усилия по обеспечению мира и безопасности в Мали в качестве осевой составляющей усилий Германии в урегулировании проблем Сахельского региона и Африки в целом [Antrag 2019, pp. 1–2], уместно утверждать о начавшемся преобладании *мотивов обеспечения безопасности* над геополитическими в политико-военной стратегии ФРГ в отношении всего континента.

Каковы особенности и промежуточные результаты приложения военных усилий Германии в Мали? Они представляют собой двухкомпонентный подход: обучение частей малийской армии (в лагерях на юге и в центре страны – прежде всего «Геко» у г. Куликоро, что расположен в 55 км от Бамако) и совместное проведение вместе с ними мер по обеспечению мира и по-

7 Запрещенная в России террористическая организация.

рядка, в основном в северомалийских провинциях. Центром сосредоточения германского континента здесь являлась международная военная база «Лагерь Кастро».

Предоставляя до 50% от общей численности персонала миссии EUTM Mali, ФРГ де-факто играла роль «рамочной нации» в ее деятельности. С конца 2014 г. стали приниматься на 16-месячные курсы по обучению войска малийской армии «волнами» по 4–5 батальонов в каждой. Первая фаза – это переформирование части с целью увеличения в ней количества «активных штыков». После этого начинались параллельные собственно военные мероприятия: индивидуальная подготовка, тренировки в составе мелких подразделений и проведение двусторонних батальонных учений как завершение «сколачивания» части, а также политические занятия. Последние были направлены на привитие военным кода приверженности демократическим ценностям и институтам. К 2016 г. стала очевидна количественная нехватка сил у правительственных войск Мали, прежде всего при проведении операций в северных провинциях. Рост численности армии официального Бамако стал сопровождаться и увеличением масштабов деятельности EUTM Mali, в т. ч. количества германских инструкторов: с 2016 г. на обучение и переподготовку стали приниматься «волны» уже по 8 батальонов [Antrag... Drucksache 18/8090 2016, pp. 4–8].

При общей численности MINUSMA более чем 15 тыс. человек, в т. ч. свыше 11 тыс. военнослужащих [Tull 2019, p. 1], удельный вес германского контингента в людском выражении составлял не более 7%, что можно рассчитать из данных таблицы 1. Однако значительную часть сил миссии ООН составляли достаточно плохо технически оснащенные контингенты стран – участниц

Африканского союза. В этой связи помимо выделения 2–4 ротных тактических групп механизированной пехоты для обеспечения мониторинга к 2018 г. ФРГ приняла на себя роль «рамочной нации» при осуществлении воздушной тактической разведки, для чего в Гао была сосредоточена группировка беспилотников типа LUNA (в т. ч. в модернизированной версии (2018 г.)), а также привлекалась спутниковая группировка ФРГ. Параллельно Германия стала «рамочной нацией» в вопросах логистического функционирования и охраны «Лагеря Кастро» в Гао. Особое внимание официальный Берлин обращал на участие германских военных (с предельным использованием возможностей контингента) в обеспечении безопасности населения во время проведения муниципальных выборов на севере Мали в ноябре 2017 г., а также президентских выборов 29 июля и 12 августа 2018 г., тем самым способствуя укреплению демократии в этом африканском государстве [Antrag 2019, pp. 7–12]. Успешное проведение мероприятий электорального цикла в провинциях Гао, Кидаль и Томбукту, с одной стороны, должно было легитимизировать вновь избранные малийские власти, с другой – быть свидетельством «замирения» северомалийских земель, населенных преимущественно туарегами.

Однако означает ли это достижение невозврата в урегулировании вооруженного конфликта? Нет, что вынуждены признать сами германские власти. Задача полного разгрома «Ансар ад-Дина» и «Аль-Каиды в странах исламского Магриба», в т. ч. недопущения перегруппировки их сил и средств, далека от решения; более того, стало наблюдаться их сращивание с криминальными структурами, в т. ч. в считавшихся дотоле спокойными центральных районах Мали. Иллюстрация тому – ракет-

ный обстрел лагеря «Геко» 24 февраля 2019 г., показавший хрупкость успехов в деле урегулирования. Существенные вопросы вызывает и степень боеспособности правительственной малийской армии, не демонстрирующей возможности самостоятельно обеспечивать порядок на севере Мали [Сидоров 2018, с. 124–126]. Существенной проблемой является и в целом нейтрально-скептическое отношение жителей этой африканской страны к иностранному военному присутствию – особенно MINUSMA [Tull 2019, pp. 2–3].

Совместное прочтение формулы G5 Sahel: встраивание ФРГ в традиционную зону влияния Франции в Африке

Мали, как в целом Сахельский регион, а также Алжир и Тунис, относится к традиционной зоне интересов Франции в Африке. Исторически территории будущих стран «Сахельской пятерки» образовывали основной массив земель французской Западной Африки. Официальный Париж сохранил с этими государствами разносторонние связи и, в случае необходимости, готов принимать на себя роль внешнего военного стабилизатора обстановки, особенно в случае угрозы стремительной деградации вертикали власти. Со всей отчетливостью это продемонстрировало проведение операций «Сервал» (12 января 2013 г. – июль 2014 г.) и «Бархан», сменившей ее. Следует подчеркнуть, что первая («Сервал»), будучи исключительно боевой, проводилась лишь на территории Мали, вторая же имела как силовую, так и значительную небоевую компоненты и, что не менее важно, большую продолжительность и зону проведения – в случае «Бархана» она распространялась на все страны «Сахельской пятерки» [Чернега 2018, с. 110–112].

С момента подключения к решению «малийского вопроса» Германия самым тесным образом координировала свои действия с Пятой республикой. Начатое применение бундесвера в рамках миссий EUTM Mali и AFISMA/MINUSMA де-факто решало задачи по «разгрузке» французских войск, непосредственно ведущих боевые действия в рамках операции «Сервал». Та неизменно активная роль, которую Германия продолжила играть в деятельности EUTM Mali с середины 2010-х гг., и, главное, существенное количественное и качественное увеличение вклада ФРГ в деятельность MINUSMA с 2016–2019 гг. следует рассматривать в качестве мер поддержки Франции при проведении операции «Бархан». И вновь, формально не приняв в ней участия (как в «Сервале»), Германия взяла на себя функции по «разгрузке» французских войск, но уже в существенно большем объеме, чем в 2013–2015 гг.

В тесной связи с координацией военных усилий находилось и общеполитическое сотрудничество германо-французского тандема по урегулированию вооруженного конфликта в Мали. Здесь следует обратить особое внимание на «эффект переплескивания» в действиях ФРГ: добившись относительно эффективного использования политико-военного инструментария на территории одной страны (или в пределах крупной акватории), официальный Берлин использовал это как основу для военно-стратегического проникновения в сопредельные или как минимум расположенные в том же регионе государства.

Возникает логичный вопрос: были ли попытки применения «эффекта переплескивания» в африканской стратегии ФРГ до малийского кейса? Уже в зоне Африканского Рога Германия пыталась реализовать эту схему: в 1992–1994 гг., развернув группировку в Со-

мали, она использовала базы в Кении и Джибути [The Bundeswehr on Operations 2009, p. 53]; запуск наземных операций в Сомали в 2010–2012 гг. стал результирующей операцией борьбы с пиратством в Аденском заливе. Наконец, участие Германии в мониторинге ситуации в зоне вооруженных конфликтов между Эфиопией и Эритреей, Суданом и Южным Суданом, в провинции Дарфур географически тесно связано с последующей активизацией усилий ФРГ на сомалийском направлении в 2010-е гг. Однако на нем Германии не удалось в целом обеспечить «эффект переплескивания».

Иной результат сложился в случае Мали: наращивание усилий ФРГ по

урегулированию вооруженного конфликта сопровождалось укреплением позиций как в странах «Сахельской пятерки», так и в Алжире.

Алжир уже в 2014–2015 гг. был избран местом проведения переговоров между представителями официального Бамако и действительно умеренных туарегов, а ключевую роль в организации, координации и развитии данных переговоров де-факто играл именно германо-французский тандем⁸. Это придало мощный импульс отношениям Алжира и Германии, что, в частности, нашло отражение в исключительно динамичном росте военно-технического сотрудничества. Если во второй половине 2000-х гг. объем военного экс-

Таблица 3. Динамика военного экспорта ФРГ в Алжир в 2010-е гг.

Table 3. Dynamics of German Military Exports to Algeria in the 2010s

Год	Объем (в евро)	Число сделок	Место Алжира среди топ-20 государств- импортеров германских ВВТ	Основные статьи экспорта
2011 г.	217,4 млн	8	8	БТР, комплектующие для бронированной техники
2012 г.	286,7 млн	20	3	Фургоны со спецзащитой, комплектующие для наземной техники
2013 г.	825,7 млн	37	1	Грузовики, фургоны, комплектующие для наземной техники, в т. ч. бронированной
2014 г.	163,7 млн	22	7	Грузовики и запчасти к ним
2015 г.	411,4 млн	29	6	Грузовики и запчасти к ним
2016 г.	1 418,1 млн	41	1	Фрегаты и комплектующие к ним, грузовики и запчасти к ним, торпеды
2017 г.	1 358,8 млн	28	1	Фрегаты и комплектующие к ним, бортовые вертолеты, грузовики и запчасти к ним, торпеды
2018 г.	818,1 млн	29	1	Грузовики, БТР (без пушек), запчасти для бронированной техники

Составлено автором на основе: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre ... (Rüstungsexportbericht ...). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (2011–2018 гг.).

8. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.2016, pp. 5–7.

порта ФРГ в Алжир составлял от 0,5 до 20,0 млн евро ежегодно, то в 2010-е гг. эти показатели резко изменились (см. таблицу 3).

Начавшийся в 2011 г. рост военно-технического сотрудничества иллюстрировал наличие значительного числа точек соприкосновения между Германией и Алжиром в условиях «Арабского пробуждения» и последующего возникновения мощных очагов нестабильности вблизи границ данного африканского государства – в Ливии, Нигере и Мали. Как видно из таблицы 3, алжирская сторона использовала закупаемую германскую военную продукцию для повышения мобильности своих сухопутных войск (включая силы специальных операций), а с 2016 г. – и флота. Они играли ключевую роль в обеспечении неприкосновенности протяженных границ страны на востоке, юге и юго-западе от пытавшихся их перейти групп вооруженных исламистов. Очевидна заинтересованность официального Алжира в подключении ФРГ к урегулированию вооруженного конфликта в Мали, а также намечающейся тенденции участия в стабилизации обстановки в Нигере и Ливии. Для официального Алжира было весьма почетно выступать площадкой для восстановления межмалийского диалога.

Однако следует подчеркнуть и обратную сторону вопроса: сложно было в принципе подыскать иную территорию для инициирования переговорного процесса. Тем более что германо-французский тандем был крайне заинтересован в Алжире как одном из неофициальных гарантов договоренностей, выработанных в мае-июне 2015 г. между официальным Бамако и туарегами.

В этой связи следует подчеркнуть, что Германия была как минимум в сопоставимой степени заинтересована в глубоко продвинутом сотрудничестве

с Алжиром, чем он с ней. Сохранение внутренней стабильности в этой стране вкупе с сохранением ее потенциала обеспечивает для Германии (и Франции) наличие мощного бастиона стабильности, лимитирующего укрепление структур международного терроризма в Западной и Северной Африке. Успехи германского контингента в составе MINUSMA, особенно в населенных преимущественно туарегами провинциях Томбукту и Кидал на севере, во многом зависят от эффективного сотрудничества с алжирскими войсками. Показательно, что в 2018–2019 гг. террористические группировки, сражаясь с криминальными структурами, в основном осуществляют попытки перегруппировки уже в центре Мали, а также районах, прилегающих к Нигеру [Tull 2019, pp. 2–3], но уже не Алжиру, как это было еще в середине 2010-х гг.

Параллельно Германия, опираясь на поддержку Франции, развивала и двусторонние отношения в политико-военной области со странами «Сахельской пятерки». С одной стороны, диалог с Мали в абсолютном выражении продолжал составлять значительную величину (см. таблицы 1 и 2). С другой стороны, удельный вес данного двустороннего вектора в общей системе взаимоотношений ФРГ со странами G5 Sahel стал постепенно уменьшаться, что свидетельствовало об их диверсификации. 21 февраля 2019 г. А. Меркель провела в Берлине переговоры с президентом Буркина-Фасо Р. Каборе, в ходе которых была обозначена подготовка специального визита А. Меркель в регион Сахеля [Gute Partnerschaft 2019]. Показательно, что именно с Буркина-Фасо началось «сахельское турне» канцлера в начале мая 2019 г. В Уагадугу она провела продолжительные переговоры с президентом Р. Каборе, в частности, декларируя ассигнование 10 млн евро на обучение и оснащение полиции

страны [Kanzlerin Merkel 2019]. Вслед за этим А. Меркель отправилась в Мали – однако не в столицу (Бамако), а в Гао, посетив военную базу «Лагерь Кастро», на которой была дислоцирована наиболее крупная часть контингента бундесвера не только в Мали, но и в Африке в целом. Наконец, завершающей частью поездки стали переговоры в г. Ниамей – столице Нигера – с президентом страны М. Иссуфу, что также подчеркнуло готовность ФРГ расширять техническое (направление специалистов) и финансовое участие в модернизации сил безопасности этой африканской страны [Pressekonferenz 2019]. Причем предшествующая встреча канцлера с И. Иссуфу (которую также уместно рассматривать в качестве подготовки «сахельского турне» А. Меркель) состоялась в Берлине 16 августа 2018 г., т. е. всего за 8 месяцев до этого. Переговорами в Ниамее А. Меркель завершила поездку в Сахель в мае 2019 г. [Kanzlerin Merkel 2019]. Соответственно, в ее ходе глава правительства ФРГ не посетила две страны «пятерки» – Мавританию и Чад.

О чем свидетельствует схема организации «сахельского турне» в начале мая 2019 г.? Оно было организовано вскоре после пролонгации бундестагом обоих мандатов бундесвера – в рамках EUTM Mali и MINUSMA (без изменения «высоких потолков» – 350 и 1 100 военнослужащих), что являлось отчетливым свидетельством стремления ФРГ сохранить свое военное присутствие в регионе как минимум на ближне- и среднесрочную перспективу. Само по себе турне подвело промежуточный итог политико-военной линии Германии в отношении G5 Sahel.

Во-первых, А. Меркель опосредованно высказала неудовлетворенность действиями руководства Мали во главе с президентом И.-Б. Кейтой по урегулированию конфликта в его стране. При-

быв в распоряжение контингента на базе в Гао, т. е. на населенном туарегами севере страны, канцлер акцентировала внимание на недостаточных темпах их реальной интеграции в малийское государство (т. е. осуществление процесса его федерализации) и тесно связанным с этим медленным прогрессом обеспечения мира и безопасности в этой огромной части Мали. В обоих случаях значительная часть вины лежит на малийском руководстве во главе с И.-Б. Кейтой, недостаточно энергично передающим ряд властных компетенций на местный уровень (в соответствии с договоренностями 15 мая и 20 июня 2015 г.), а также использующим неграмотно реорганизованные и обученные миссией EUTM Mali батальонные тактические группы (БТГ). Не наблюдается не только их массированного применения, но даже целного применения – вследствие политических причин (опасения заговоров военных) БТГ разделяются на небольшие (от взвода до усиленной роты) подразделения [Сидоров 2018, с. 123–124], что резко снижает эффективность их применения, а следовательно, и результативность поддержки сил MINUSMA. В свою очередь, посетив Гао, А. Меркель посылала туарегам два отчетливых «сигнала»: о приверженности ФРГ букве и духу межмалийских договоренностей (2015 г.) и сохранении готовности Германии участвовать в обеспечении мира и безопасности в провинциях с преимущественно туарегским населением.

Во-вторых, возрастает значение Буркина-Фасо (и в меньшей степени Нигера) во внешнеполитических планировании и деятельности ФРГ. Отчасти этот фактор используется германской стороной для стимулирования официального Бамако к проявлению большей активности в обеспечении мира и безопасности на территории

собственной страны. Соответственно, это асимметричный ответ на призывы руководства Мали арифметически усиливать помощь стране (без оценки степени изменения эффективности ее использования) под тем предлогом, что проблема укрепления радикальных сил в Сахеле крайне опасна для международного сообщества, в т. ч. стран – участниц ЕС. Диверсифицируя контакты со странами G5 Sahel, Германия посылает официальному Бамако «сигнал», что может продолжать противодействовать угрозам нестабильности из региона, перефокусировав внимание на других игроках – Буркина-Фасо и Нигер, где внутренняя ситуация далека от стабильной.

Показательно в этой связи, что именно Р. Каборе, а не И.-Б. Кейта – единственный из глав государств G5 Sahel – был приглашен по инициативе германо-французского тандема на саммит «Большой семерки» в Биаррице (24–26 августа 2019 г.).

В-третьих, углубление контактов с Нигером крайне важно для ФРГ и с учетом фактора существенной деградации ее двусторонних отношений с США при Д. Трампе, особенно в области обеспечения обороны и безопасности. На территории Нигера Соединенные Штаты Америки ведут «свою» борьбу с «Боко-Хорам»: местная «война Обамы» без каких-либо разногласий в истеблишменте США стала «войной Трампа». Следует подчеркнуть два обстоятельства: боевые действия войск США достаточно слабо скоординированы с усилиями германо-французского тандема в Мали и G5 Sahel в целом; при этом руководство группировкой Соединенных Штатов осуществляется военно-стратегическим командованием AFRICOM, дислоцированным на территории ФРГ (Штутгарт, федеральная земля Баден-Вюртемберг). При этом 45-й президент США неодно-

кратно заявлял о своем намерении сократить «избыточное» военное присутствие в Германии (в реальности наблюдается обратная тенденция), используя это как крайне неэффективный «кнут» для давления на официальный Берлин с целью увеличить его военные расходы. С учетом этих обстоятельств следует признать, что германо-нигерское сотрудничество являло собой одну из контрмер по сдерживанию трампилистского стратегического наступления на ФРГ. Особо чувствительным следует признать использование германской стороной с 2018 г. столичного аэродрома (в г. Ниамей) в интересах логистической поддержки континента бундесвера в составе сил MINUSMA [Antrag 2019, pp. 8–12].

В случае Мавритании и Чада следует признать ограниченность объемов двустороннего сотрудничества с ФРГ в политико-военной области по состоянию на начало 2020-х гг.: так, Германия не приняла сколько-нибудь заметного участия в миротворческой операции EUFOR TCHAD/RCA (Чад/ЦАР) в 2007–2009 гг.

В военном плане, как и общеполитическом, Германия пока сконцентрирована на углублении сотрудничества с «треугольником» Буркина-Фасо – Мали – Нигер. Именно он составляет центральный сектор выстраиваемой при поддержке Франции коллективной системы обороны группы G5 Sahel: ее западный сектор составляет «связка» Мали – Мавритания, а восточный – Нигер – Чад [Сидоров 2018, с. 126–127]. В рамках отмеченного «треугольника» ФРГ налаживает организацию функциональной (осуществление авиа- и космической разведки; обучение, особенно если речь идет о войсковых частях, равно как и консультирование, – применительно к штабным структурам), технической (поставки легкого стрелкового оружия, боепри-

пасов, амуниции) и финансовой помощи. Часть конкретных планов в данном отношении была озвучена А. Меркель в ходе «сахельского турне» в начале мая 2019 г. [Kanzlerin Merkel 2019]. Потенциально – уже в среднесрочной перспективе – Германия может начать оказывать военную помощь и на двух других (западном и восточном) секторах системы коллективной обороны G5 Sahel. Основу для этого создало направление групп германских офицеров в состав генеральных штабов стран региона, т. е. «умное встраивание» в их системы военной подготовки и планирования [Antrag 2019, pp. 8–12].

В контексте отмеченной концентрации усилий Германии именно в традиционной французской зоне влияния в Африке возникает вопрос об отношении официального Парижа к данной тенденции. В целом оно является весьма положительным: Франция последовательно сотрудничала с ФРГ в рамках деятельности миссий AFISMA (как механизма поддержки операции «Сервал»), MINUSMA (координирующей свои усилия с французскими войсками, проводящими операцию «Бархан»), EUTM Mali. Симптоматично, что Э. Макрон, начиная с 2017 г. просил официальный Берлин нарастить объемы своего присутствия в Мали [Macron fordert 2017]. Чем обусловлена данная позиция Франции? Прежде всего острой нехваткой силы для поддержания стабильной обстановки в традиционной зоне влияния в Африке, в т. ч. военных ресурсов. Так, для проведения операции «Сервал» было выделено всего 4 тыс. ударных войск [Мезенцев 2014, с. 6–10], для осуществления операции «Бархан» также было выделено 4 тыс. военнослужащих, однако это были в основном силы, предназначенные для оперирования в зонах средней (пониженной), а не высокой интенсивности (см. [Сидоров 2018; Черне-

га 2018; Macron fordert 2017]). Очевидно, что этого количества военных сил (эквивалентных одной бригаде) было недостаточно для обеспечения мира и безопасности даже в Мали, не говоря уже о странах G5 Sahel в целом. Соответственно, Франция заинтересована в получении поддержки, в т. ч. со стороны бундесвера, от Германии, для уже совместного упрочения позиций в Западной (и Северной) Африке, де-юре представляя это прежде всего как сотрудничество в рамках двустороннего тандема. При этом, с одной стороны, в этом взаимодействии есть ряд проблемных узлов – прежде всего последовательная неготовность ФРГ идти на собственное силовое (боевое) применение своих войск, в чем остро заинтересована Франция, стремящаяся не допустить перегруппировки сил террористов в Мали. С другой стороны, растущее укрепление позиций Германии в Западной и Северной Африке не может не вызывать обеспокоенности (пока в основном латентной) Франции в смысле утраты части ее влияния в пользу ФРГ с превращением ее в «старшего партнера» на африканском направлении.

На втором этапе (с 2016 г.) участия ФРГ в урегулировании вооруженного конфликта стали вырисовываться контуры меняющейся политико-военной стратегии Германии на африканском направлении. В ее основе лежит готовность к масштабному (не менее 1–1,5 тыс. военнослужащих), многоотраслевому наземному (с фокусом на обучение и консультирование, а также участие непосредственно в обеспечении мира и порядка «в поле») и длительному использованию бундесвера. ФРГ апробирует схему встраивания в качестве значимого внешнего игрока в вопросах обеспечения безопасности в региональные подсистемы Запад-

ной Африки (через Мали, а с 2018 г. также Буркина-Фасо и Нигер) и Северной Африки (через Алжир). Как минимум на среднесрочную перспективу диалоги именно с этими государствами станут основными драйверами увеличения объемов двустороннего сотрудничества Германии со странами Африки в политико-военной плоскости.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что новая стратегия де-факто была апробирована лишь в зоне традиционного влияния Франции на континенте, и вопрос о ее эффективности остается открытым. Частный ответ на него может дать анализ активности и результативности усилий ФРГ по урегулированию «ливийского вопроса». Это тем более значимо, что с учетом лимитирования (на Ближнем Востоке) и резкого сужения (в Центральной Азии) возможностей Германии по использованию своего политико-военного потенциала роль Африки в этой связи будет возрастать.

Список литературы

Мезенцев С.В. (2014) Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. № 1. С. 3–28 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22026725_69912240.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Сидоров А.С. (2018) Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 116–137 // <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-v-sahele-tekuschie-problemy-i-vozmozhnoe-razvitie-voennogo-konflikta/viewer>, дата обращения 22.06.2020.

Чернега В.Н. (2018) Франция и вооруженные конфликты в Африке //

Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 103–115 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36285842_63159768.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (2020) // Statista, January 13, 2020 // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/>, дата обращения 9.03.2020.

Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias (2008) // Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/11337, 10.12.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7556, 17.02.

Gute Partnerschaft weiter ausbauen (2019) // Informationsamt der Bundesregierung, February 21, 2019 //

<https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/gute-partnerschaft-weiter-ausbauen-1582800>, дата обращения 9.03.2020.

Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. No. 8, pp. 1–5.

Kanzlerin Merkel in Westafrika (2019) // Bundesregierung, May 2, 2019 // <https://www.bundesregierung/breg-de/mediathek/kanzlerin-merkel-in-westafrika-1604684>, дата обращения 9.03.2020.

Macron fordert von Deutschlands stärkeres Engagement in Mali (2017) // Zeit Online, May 20, 2017 // <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-05/militaereinsatz-frankreich-emmanuel-macron-mali-deutschland-europa>, дата обращения 9.03.2020.

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Niger Issoufou (2019) // Bundesregierung, May 3, 2019 // <https://www.bundesregierung/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundestkanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-niger-issoufou-1605308>, дата обращения 9.03.2020.

Szabo St.F. (2016) Germany, Russia and the Rise of Geo-economics, London: Bloombury.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad (2009), Berlin: Federal Ministry of Defense.

Tull D.M. (2019) UN Peacekeeping in Mali // SWP Comment. No. 23 // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2019C23_tll.pdf, дата обращения 22.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-11

The Role of G5 Sahel States in German Political-Military Strategy in Africa

Philipp O. TRUNOV

PhD in Politics, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Kryzhanovskogo St., 15, bldg. 2, Moscow, Russian Federation

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2020) The Role of G5 Sahel States in German Political-Military Strategy in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 196–213 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-11

Received: 16.03.2020.

ABSTRACT. *The article raises the question of whether German participation in resolving the armed conflict in Mali is a special case or, on the contrary, is a transition to a new political-military strategy in Africa. In this regard the author issues the key parameters of Bundeswehr's usage in Africa from 1990-s until the middle 2010-s and pays special attention to Somalia. The paper analyzes the features of German military presence evolution there. In comparison with Somalian one the author explores German approach to the resolution of the Malian armed conflict at the period of 2013-2015 and since 2016. The paper pays attention to the Bundeswehr's usage in EUTM Mali and MINUSMA missions and the results of this process. The article underlines the huge increase of German military presence since 2016-2018 in Mali and shows the reasons of this tendency. Considering German activity in Mali, the paper explores its «spillover effect» with the examples of German relations with Algeria and G5 Sahel countries. In this regard the scientific research pays special attention to German bilateral relations with Burkina-Faso and Niger. The paper under-*

lines that by the beginning of the 2020-s FRG concentrated its efforts in the African states which belong to traditional sphere of French interests. In the conclusion the author shows the importance of Sahel region for the testing of new German political-military strategy in Africa.

KEY WORDS: Germany, security, Africa, Mali, Sahel, Burkina-Faso, Niger, Algeria

References

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (2020). *Statista*, January 13, 2020. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/>, accessed 9.03.2020.

Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias (2008). *Deutscher Bundestag*, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/11337, 10.12.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EU-TM Mali) (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EU-TM Somalia (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7556, 17.02.

Chernega V.N. (2018) France and Armed Conflicts in Africa. *Current Problems of Europe*, no 4, pp. 103–115. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36285842_63159768.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Gute Partnerschaft weiter ausbauen (2019). *Informationsamt der Bundesregierung*, February 21, 2019. Available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/gute-partnerschaft-weiter-ausbauen-1582800>, accessed 9.03.2020.

Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik*. Security Policy Working Paper. No. 8, pp. 1–5.

Kanzlerin Merkel in Westafrika (2019). *Bundesregierung*, May 2, 2019. Available at: <https://www.bundesregierung/breg-de/>

mediathek/kanzlerin-merkel-in-westafrika-1604684, accessed 9.03.2020.

Macron fordert von Deutschlands stärkeres Engagement in Mali (2017). *Zeit Online*, May 20, 2017. Available at: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-05/militaereinsatz-frankreich-emmanuel-macron-mali-deutschland-europa>, accessed 9.03.2020.

Mezentsev S.V. (2014) Internal and International Aspects of Crisis in Mali and French Operation "Serval". *The Bulletin of Moscow State University*. Series 25. International Relations and World Politics, no 1, pp. 3–28. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22026725_69912240.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Niger Issoufou (2019). *Bundesregierung*, May 3, 2019. Available at: <https://www.bundesregierung/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-niger-issoufou-1605308>, accessed 9.03.2020.

Sidorov A.S. (2018) France in Sahel: Current Problems and Possible Development of the Armed Conflict. *Current Problems of Europe*, no 4, pp. 116–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-v-sahele-tekuschie-problemy-i-vozmozhnoe-razvitiye-voennogo-konflikta/viewer>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Szabo St.F. (2016) *Germany, Russia and the Rise of Geo-economics*, London: Bloombury.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad (2009), Berlin: Federal Ministry of Defense.

Tull D.M. (2019) UN Peacekeeping in Mali. *SWP Comment*. No. 23. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2019C23_tll.pdf, accessed 22.06.2020.

Культура и идентичность

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-12

Трансформация африканских повстанческих лидеров: из «полевых командиров» в «большую политику» (на примере Сьерра-Леоне)

Татьяна Сергеевна ДЕНИСОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: tsden@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6321-3503

Сергей Валерьянович КОСТЕЛЯНЕЦ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация;

старший научный сотрудник, Международный центр антропологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9983-9994

ЦИТИРОВАНИЕ: Денисова Т.С., Костелянец С.В. (2020) Трансформация африканских повстанческих лидеров: из «полевых командиров» в «большую политику» (на примере Сьерра-Леоне) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 214–231. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-12

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются процессы трансформации лидеров повстанческих движений и племенных ополчений («полевых командиров») в руководителей политических партий и высокопоставленных чиновников после окончания гражданской войны (1991–2002) в Сьерра-Леоне. Указывается, что возможности для антиприви-

тельственной (или, напротив, проправительственной вооруженной группировки) превратиться в официально признанную политическую организацию, а для недавних полевых командиров – возглавить ее, чтобы выстраивать дальнейшую политическую карьеру, появляются либо в случае победы мятежников, либо после подписания мирного соглаше-

ния (как это было в Сьерра-Леоне) и начала интеграции бывших боевиков в послевоенное общество. Нередко именно реализация программ разоружения, демобилизации и реинтеграции позволяет недавним повстанцам и их лидерам избежать наказания за совершенные во время конфликта преступления.

Вместе с тем возможность «получить прощение» – не единственный стимул для превращения полевых командиров в политического деятеля «мирного времени». Известно, что обретение политической власти в африканских странах влечет за собой доступ к различным источникам обогащения, и, поскольку формирование и деятельность вооруженных группировок требуют от их лидеров организационных способностей, предприимчивости и даже харизматичности – наряду, конечно, с менее позитивными чертами характера, – многие полевые командиры, еще не насытившиеся властью и не укрепившие свое материальное положение, стараются «адаптировать» свой военный опыт к мирным условиям.

Испытанный способ мирного обретения власти – участие в президентских и парламентских выборах. Предполагается, что выстраивание недавними повстанцами политической карьеры в контексте миростроительства должно предотвращать раскручивание очередной спирали насилия, однако это далеко не всегда так: привыкшие к достижению целей военными средствами, они и в мирной жизни нередко пытаются решать политические вопросы посредством оружия. В статье делается попытка рассмотреть причины «приверженности» миростроительству одних недавних полевых командиров и неспособности добиваться политических целей мирными средствами – других.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, Сьерра-Леоне, военно-политические конфлик-

ты, гражданские войны, политические партии, президентские выборы, миростроительство

В последние несколько десятилетий африканские страны столкнулись с новым явлением политической жизни: с приходом к власти в качестве президентов, вице-президентов, премьер-министров и парламентариев недавних полевых командиров – лидеров повстанческих антиправительственных движений или племенных ополчений. В результате электоральные процессы в государствах континента, переживающих постконфликтное восстановление, становятся игрой с участием лиц, в недавнем прошлом совершивших серьезные преступления. В связи с этим возникает ряд вопросов:

1. Что происходит в стране, если бразды правления оказываются в руках бывших боевиков?
2. Не будут ли они прибегать к насилию для получения преимуществ перед своими соперниками или, напротив, будут всячески дистанцироваться от мятежного прошлого, чтобы убедить электорат в подлинности мирных намерений?

Многие бывшие повстанческие лидеры позиционируют себя не только в качестве «опытных политиков», но и потенциальных «защитников» граждан в случае возникновения нового конфликта. Бывшие полевые командиры, такие как Поль Кагаме (лидер Руандийского патриотического фронта, президент Руанды с 2000 г.), Жан-Пьер Бемба (лидер Освободительного движения Конго и вице-президент ДРК в 2003–2006 гг.), Пьер Нкурунзиза (бывший лидер повстанческой группировки хуту, превратившейся в партию «Национальный конгресс за оборону демократии», президент Бурунди с 2005 г.), Чарльз Тейлор (лидер повстанческого движения

Национальный патриотический фронт Либерии, президент Либерии с 1997 по 2003 г.) и др. участвовали в национальных выборах и одерживали победы, таким образом используя военный опыт для обретения политической власти.

Как отмечает британский исследователь Герхард Андерс, полевые командиры стремятся «преобразовать свои успехи, достигнутые во время войны, в материальное благополучие и социальный статус» и «получить политический пост для консолидации своих военных подвигов» [Anders 2012, pp. 159–160]. Для этого они используют множество различных стратегий: преобразование вооруженных групп в политические партии, присоединение к уже существующим политическим организациям, создание новых партий и независимую политическую деятельность.

Надо сказать, что в обществах, где власть аккумулируется за счет расширения социальных сетей – политических, экономических, военных, этнических, религиозных, региональных и др., – для политика становится чрезвычайно полезным играть несколько руководящих ролей. Доступ к различным сетям позволяет лидерам расширять свою базу поддержки: отчасти это объясняет, почему африканские политические элиты представлены не только политиками, но и бизнесменами, священниками, футболистами и бывшими полевыми командирами. Поскольку после обретения независимости большинство африканских стран постоянно находились в процессе перехода от авторитарного управления к «демократическому», от расширения госсектора к либеральной экономике и от точечного насилия к масштабным военным действиям, элитам постоянно приходилось изобретать для себя новые роли ради сохранения политической власти. В случае неспособности к превращениям, которых может потребовать ситуация, они рисковали

стать маргинальными фигурами. В этом смысле недавние «военные бароны» интуитивно чувствовали нецелесообразность дистанцирования от своей деятельности во время конфликта. В зависимости от аудитории и обстоятельств они либо подчеркивали свои бывшие заслуги как «полевого командира», либо, напротив, старательно изображали убежденного миротворца.

В литературе, посвященной миростроительству и послевоенному восстановлению, за редким исключением игнорируется такой важный аспект, как влияние бывших полевых командиров на постконфликтные электоральные процессы. Когда речь идет о выборах, будь то президентские, парламентские или в местные органы власти, прежде всего рассматриваются организационные проблемы, уровень эффективности государственных институтов, внутри- и межпартийная борьба, методы обеспечения безопасности и степень готовности избирательных участков. В той мере, в какой влияние недавних повстанческих лидеров вообще признается, исследователи, как правило, окрашивают его в мрачные тона, а целью миротворчества указывается обнаружение способов формирования политики на партийной основе, а если и с учетом мнения отдельных лиц, то они в любом случае должны быть гражданскими, а не военными [Chesterman, Ignatieff, Takur 2005; Paris 2004; Söderberg-Kovacs 2008].

После войны общественные институты и политические партии обычно оказываются слабыми или вовсе перестают существовать. Благодаря военному опыту, лояльности боевиков или местных общин, неформальным, а иногда и формальным военным структурам, которые они могли возглавлять, бывшие повстанческие лидеры имеют достаточно возможностей для маневрирования в рамках нового политического ландшафта и влияния на политические

процессы. Так, бывший лидер Африканской партии независимости Гвинеи и Кабо-Верде и экс-президент (1980–1999, 2005–2009) Гвинеи-Бисау Жуан Бернарду «Нино» Виейра успешно использовал военные и криминальные сети, созданные им в годы национально-освободительной борьбы, для расширения электоральной поддержки перед президентскими выборами 2005 г. (подробнее см. [Денисова, Костелянец 2020]).

Признавая политическое влияние бывших полевых командиров, при оценке процессов миростроительства необходимо учитывать, что они относятся к категории политиков, обладающих наибольшими возможностями для создания угрозы безопасности в случае, если ситуация развивается не в их пользу. Более того, достижение мира вообще становится возможным лишь тогда, когда повстанческие лидеры «приходят к выводу», что война больше не отвечает их интересам. Осознание этого побуждает бывших полевых командиров не только к выполнению условий мирных соглашений, но и к принятию на себя обязательств по проведению регулярных выборов. Впрочем, лучше всего рассматривать недавних «военных баронов» как макиавеллиевских политиков, которые по стратегическим причинам могут вести себя как «миролюбцы», но в случае изменения политического контекста могут показать и свою истинную сущность, превратившись в «агрессоров».

Хроника гражданской войны и миростроительства в Сьерра-Леоне

Гражданская война в Сьерра-Леоне продолжалась 10 лет – с марта 1991 по январь 2002 г., в течение которых несколько раз менялись правительства, совершались государственные пере-

вороты, появлялись новые повстанческие группировки и племенные ополчения, использовались услуги частных военных компаний и вводились международные миротворческие контингенты. Главными причинами вспыхнувшего конфликта, как и в большинстве других горячих точек Африки, были экономическая и политическая маргинализация периферийных районов, недовольство населения своим материальным положением, высокий уровень безработицы, отсутствие образовательных и трудовых перспектив у молодежи, несправедливое распределение доходов от эксплуатации природных ресурсов страны, прежде всего алмазных месторождений, и др. Основными сторонами конфликта были: повстанческое движение Объединенный революционный фронт (ОРФ) под руководством Фодэя Санко; Национальный временный правящий совет (НВПС), в 1992 г. сместивший президента Джозефа Сайду Момо; племенные ополчения, защищавшие свои общины от мятежников и поддерживавшие режим избранного в 1996 г. президента Ахмада Каббы; Революционный совет вооруженных сил (РСВС), в 1997 г. свергнувший Каббу и захвативший власть в стране. С помощью миротворческих контингентов ООН и Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКМОГ) в январе 2002 г. война была завершена.

В марте 1991 г. отряды ОРФ вступили с территории Либерии в юго-восточные районы Сьерра-Леоне. Заявленной целью ОРФ было свержение однопартийного режима Всенародного конгресса (ВК) Дж. Сайду Момо и восстановление многопартийной демократии. Хотя истинность этих целей повстанческого движения была очень быстро поставлена под сомнение из-за масштабного насилия, осуществлявшегося повстанцами против

гражданского населения, в первые месяцы группировка смогла сыграть на недовольстве сьерралеонцев режимом Момо.

Уже в самом начале войны Сьерра-леонская армия (СЛА) начала использовать местных охотников в качестве разведчиков, используя хорошее знание ими местности. Одновременно племенные общины приступили к созданию групп самообороны, чтобы заполнить пробел, оставленный плохо финансирувавшейся и экипированной армией, не способной обеспечивать защиту населения от повстанцев. Недовольство режимом в армейских кругах стало быстро расти, и дни Момо на посту президента уже были сочтены. 29 апреля 1992 г. группа молодых офицеров во главе с Валентином Страссером осуществила военный переворот и вынудила Момо бежать в Гвинею. Был создан Национальный временный правящий совет, который Страссер и возглавил. Но ни о каких позитивных реформах не было и речи: начались разборки в рядах НВПС и преследования инакомыслящих.

16 января 1996 г. Страссер был отстранен от власти, которую захватил бригадный генерал Джулиус Маада Био (с 2018 г. – президент Сьерра-Леоне). В 1995 г. под международным и внутренним давлением хунта согласилась с графиком выборов и возвращением к гражданскому правлению [Abdullah 2004, p. 74]. По итогам голосования, проведенного в феврале-марте 1996 г., президентом страны был избран Ахмад Кабба (март 1996 – май 1997, 1998–2007).

В 1997 г. президент Кабба официально закрепил статус ополчений в качестве Сил гражданской обороны (СГО). Интересно, что одной из причин военного переворота, состоявшегося в мае 1997 г., была обида солдат и офицеров регулярной армии на гла-

ву государства, который больше доверял гражданским ополчениям, чем вооруженным силам. В результате пришедшая к власти хунта Революционный совет вооруженных сил во главе с майором Джонни Полом Коромой предложила повстанцам ОРФ сотрудничество в борьбе с СГО. Кроме того, солдаты вместе с мятежниками занимались незаконной добычей алмазов на контролируемых ОРФ территориях и грабежами мирного населения.

В феврале 1998 г. ЭКОМОГ в сотрудничестве со СГО под командованием С.Х. Нормана изгнали РСВС и восстановили Каббу на его посту. В январе 1999 г. отряды ОРФ осуществили нападение на Фритаун, которое было отбито войсками ЭКОМОГ. Под международным давлением в июле 1999 г. в Ломе (Того) было подписано мирное соглашение, предусматривавшее предоставление ОРФ четырех должностей министров и четырех заместителей министров в новом правительстве. Однако в мае 2000 г. стороны возобновили военные действия, что привело к военному вмешательству Великобритании. В последующие месяцы альянс войск ООН, Великобритании и СГО захватил несколько стратегических районов, ранее находившихся под контролем повстанцев, и в ноябре 2000 г. в Абудже было подписано новое соглашение о прекращении огня. В мае 2001 г. стороны вновь встретились в Абудже для рассмотрения нового документа, после чего последовал процесс разоружения. В январе 2002 г. президент Кабба объявил об официальном завершении войны. Спустя несколько месяцев, в мае 2002 г., были проведены первые послевоенные парламентские и президентские выборы, в которых участвовали кандидаты и от «Партии Объединенный революционный фронт» (ПОРФ),

созданной на базе ОРФ, и от Народно-освободительной партии (НОП), выросшей из РСВС Дж. П. Коромы, но победу вновь одержал Ахмад Кабба – кандидат от Народной партии Сьерра-Леоне (НПСЛ) [Kandeh 2003, p. 203], а «повстанческие» организации получили меньше 1% голосов.

Выборы 2007 г. прошли в условиях жесткого соперничества между НПСЛ и оппозиционной партией «Всенародный конгресс» (ВК); победу одержал Эрнест Бай Корума (2007–2018) от НПСЛ, ставший победителем и на выборах 2012 г.

В марте 2018 г. в стране состоялись уже четвертые послевоенные выборы, и наблюдатели – местные и международные – почти единодушно заявили, что электоральный процесс в целом был свободен от манипуляций и злоупотреблений, т. е. Сьерра-Леоне успешно прошла долгий путь мирного развития и практически порвала со своим конфликтным прошлым. Однако наследие войны отчетливо проявилось во время длительного восстания. Многие бывшие лидеры повстанцев и ополченцев были интегрированы не только в мирную жизнь, но и в новые государственные структуры: в условиях, когда власть и ресурсы сосредоточены в руках правящей группы, соблазн участия в политике и потенциальные выгоды от этого чрезвычайно велики.

Среди сьерралеонских полевых командиров, сыгравших важную роль во время войны – в рядах различных движений и по разные стороны фронта, а затем в постконфликтной политике – наиболее яркими фигурами, безусловно, являются Фодэй Санко – лидер ОРФ, спикер ОРФ Элдред Коллинз и Самуэль Хинга Норман – основатель и командир полувоенных ополчений «Камаджорс» и Сил гражданской обороны.

Фодэй Сайбана Санко

Фодэй Сайбана Санко родился 17 октября 1937 г. в бедной крестьянской семье в деревушке Масанг-Майосо в районе Тонколили на севере Сьерра-Леоне. Санко посещал начальную и среднюю школу в городке Магбурак в районе Тонколили и сменил несколько работ, прежде чем в 1956 г. присоединился к британской колониальной армии Западной Африки. Из армии его на некоторое время даже отправляли в Шотландию обучаться ремеслу телевизионного оператора. В начале 1960-х гг. он участвовал в неудачной операции ООН по поддержанию мира в Конго (Заир, ДРК). Позже прошел военную подготовку в Нигерии и Великобритании. В 1971 г. в ранге капрала был уволен из вооруженных сил и на 7 лет помещен во фритаунскую тюрьму «Падемба Роуд» за участие в попытке военного переворота, направленного против режима Сиаки Стивенса (1971–1985).

После освобождения Санко переехал в Бо – второй по величине город Сьерра-Леоне, являющийся штаб-квартирой международных торговцев алмазами. Санко работал свадебным фотографом и странствующим фотографом-портретистом в юго-восточных районах страны, где вступил в контакт с радикально настроенной молодежью. Передвигаясь с места на место, он пропагандировал антиправительственные взгляды среди сельской бедноты. Утверждалось, что он спланировал убийство двух алмазных дилеров, которых нашли ограбленными и с перерезанным горлом, чтобы финансировать зарождавшееся повстанческое движение [Foday Sankoh 2003].

Таким образом, Санко начал свою «политическую» карьеру в 1970-е гг., выступив критиком широко распространенных коррупции, хищений и

присвоения военно-политической элитой минеральных богатств страны. В начале 1980-х гг. Фодэй и его товарищи-единомышленники Рашид Мансарай и Абу Кану прибыли в Ливию для прохождения подготовки в лагерях боевиков, где одновременно с ними находился тогда еще будущий лидер Национального патриотического фронта Либерии (НПФЛ) Чарльз Тейлор. После тренинга в Ливии Санко, Мансарай и Кану перебрались в Либерию, где в 1990 г. воевали в рядах НПФЛ. На территории Либерии они создали Объединенный революционный фронт, и в 1991 г. отряды ОРФ вступили на территорию Сьерра-Леоне. Это наступление очень быстро привело к гражданской войне. Сначала повстанцы пользовались некоторой поддержкой местных жителей. Школы, больницы и другие общественные учреждения в сельской местности почти не работали, а Санко обещал бесплатное здравоохранение и образование, справедливое распределение доходов от торговли алмазами, что звучало привлекательно для местного населения. Но лидер ОРФ лукавил. Поставив под свой контроль алмазные месторождения, он использовал прибыль для приобретения оружия у Тейлора. Санко нередко раздавал крупные суммы наличными для расширения группы «единомышленников», но не выплачивал им регулярное жалование, побуждая кормиться грабежами.

Во время войны, начавшейся в 1991-м и закончившейся в 2002 г., погибли, по разным оценкам, от 50 до 200 тыс. чел. Однако впечатляет даже не число убитых, а способы убийства. Солдаты Санко использовали мачете, отрубая руки и ноги людей, преимущественно жителей сельской местности, подозревавшихся в «отсутствии сочувствия» к повстанцам. Как объясняли сами боевики, цель калечения людей

состояла в том, чтобы помешать им выращивать рис, который мог бы достаться правительственным войскам, а перед выборами они отрубали руки, чтобы мешать голосовать. В ответ на критику его жестоких действий Санко отрицал истории о зверствах, хотя и любил повторять фразу: «Когда лев и слон дерутся, трава мнется». Он не испытывал никакого раскаяния из-за убийств и разрушения человеческих жизней. Когда двое его товарищей, с которыми он проходил подготовку в Ливии, выразили недовольство жестокостью боевиков, по его указанию они были арестованы, а затем казнены [Brown 2000].

Благодаря обещаниям выплачивать жалование и сильной харизме Санко привлекал в свои ряды молодых людей и подростков, которые присоединялись к ОРФ в качестве бойцов, слуг, наложниц или наркокурьеров.

В 1995 г. тогдашний глава военного правительства Валентин Страссер нанял – для охраны режима – частную южноафриканскую военную компанию Executive Outcomes (ЕО), среди сотрудников которой в основном были офицеры спецназа времен апартеида, имевшие большой опыт сражений на юге Африки в 1980-е гг. и умевшие расправляться с повстанцами. Оплата наемников включала выдачу им лицензий на добычу алмазов на нескольких приисках. Их пребывание в Сьерра-Леоне в течение 21 месяца обошлось стране в 35 млн долл., но они сделали свою работу: мятежники были вытеснены на периферию, а Санко вынужден был сесть за стол переговоров, чтобы обсудить перспективу проведения выборов, причем потребовал предоставить именно ему возможность стать главой государства [Karon 2000].

В 1998 г., когда миротворческие контингенты ЭКОМОГ вмешались, чтобы восстановить законное правительство А. Каббы, Санко был захвачен в плен

и помещен под арест в соседнем Того. Сьерралейонским судом он был осужден за военные преступления и заочно приговорен к смертной казни. Но его войска оставались верными ему, и в январе 1999 г. ОРФ осуществил мощную атаку на Фритаун, во время которой погибли более 5 тыс. чел. Боевики почти вытеснили из города дислоцированных там миротворцев и едва не захватили столицу. Лишь несколькими неделями позже миротворцы ЭКОМОГ отразили нападение.

Смертный приговор Санко не был приведен в исполнение: британское правительство оказало давление на президента Каббу, вынудив его помиловать лидера мятежников и даже ввести его в состав правительства, что, по словам британского министра иностранных дел Роберта (Робина) Кука, было «единственным способом установить мир в Сьерра-Леоне» [Foday Sankoh 2003]. То есть Санко был помилован и назначен министром природных ресурсов и вице-президентом в обмен на обещание отказаться от насилия.

Дальнейшие действия Санко, возможно, были инспирированы телефонным звонком президента США Билла Клинтона, убеждавшим его подписать мирное соглашение, что повстанческий лидер и сделал в мае 1999 г. в Ломе после того, как преподобный Джесси Джексон еще несколько дней уговаривал его совершить этот шаг [Karon 2000]. Удивительно, но человека, за несколько месяцев до того приговоренного к смертной казни, уговаривали согласиться сложить оружие в обмен на вице-президентство и портфель министра, под контроль которого официально переходили алмазные месторождения – главный источник финансирования ОРФ. Более того, благодаря министерскому портфелю он получал еще больший контроль над приисками, а движение превращалось в более неспо-

кой противника. То есть и на высокой государственной должности характер Санко не изменился: он так и остался «военным бароном».

В октябре 1999 г. во Фритауне Санко посетила – в его офисе вице-президента – госсекретарь США Мадлен Олбрайт, чтобы побудить к установлению мира. Правда, никаких признаков готовности боевиков разоружиться не наблюдалось. Напротив, самый известный из полевых командиров ОРФ Сэм Бокари критиковал Санко за подписание Ломейского соглашения и не разрешал своим людям сдавать оружие. В конце 1999 г. Санко отстранил Бокари от командования, но тот бежал в Либерию, где начал формировать новые отряды боевиков в целях сохранения доступа ОРФ к алмазным месторождениям [Karon 2000].

Впрочем, приверженность Санко мирным договоренностям была столь же сомнительной. В октябре 1999 г., в соответствии с резолюцией Совета Безопасности, продвинутой Великобританией и США, войска ООН прибыли в «центры разоружения», где повстанцы должны были сдавать оружие. Однако Санко не выполнил обязательств. Несмотря на подписание соглашения, предполагавшего, в частности, вмешательство миротворцев в события в Сьерра-Леоне, в январе 2000 г., вопреки договоренностям, Санко заявил, что у ООН «нет никаких дел в Сьерра-Леоне». Мирное соглашение стало не более чем листом бумаги, подписанный оригинал которого репортер New York Times нашел в доме Санко в куче мусора после побега лидера мятежников в мае 2000 г. [Karon 2000].

В мае 2000 г., видя, что миротворцы не намерены воевать, он взял 500 из них в заложники: имевший конголезский опыт Санко не воспринимал миротворцев всерьез. Именно этот инцидент побудил Великобританию отпра-

вить в Сьерра-Леоне небольшой, но хорошо экипированный воинский контингент, состоявший из 700 десантников, с приказом стрелять на поражение. Целями операции были эвакуация европейцев и усиление защитников Фритауна, но в результате она привела к окончанию войны и проведению 14 мая 2002 г. достаточно открытых президентских и парламентских выборов, по итогам которых на пост главы государства был переизбран Ахмад Кабба.

После освобождения Фритауна Запад оказался перед выбором: рискнуть собственными военными ресурсами, чтобы уничтожить силы Санко и привлечь его к ответственности, или вооружить и профинансировать нигерийцев, чтобы они сделали эту работу. Было ясно, что пока их лидер оставался на свободе, его боевики не будут бояться гнева мирового сообщества.

Но судьба распорядилась по-своему. 8 мая 2000 г. телохранители Санко открыли огонь по собравшимся около его дома людям, протестовавшим против продолжения войны. В результате погибли 19 гражданских лиц. Санко бежал, скрывался в течение нескольких дней, а затем появился во Фритауне, грязный и голодный, в компании своего знахаря. Его узнали: Санко был избит и ранен в бедро. С него стянули одежду и заставили пройти по улицам, прежде чем поместить в военную тюрьму. Народное ликование вылилось в уличные шествия, сопровождавшиеся пением и танцами.

Санко предстал перед Специальным судом по Сьерра-Леоне. Однако его состояние затормозило расследование, а после инсульта Санко в последний раз привезли в суд в инвалидной коляске; он не мог отвечать на вопросы, но бесвязно повторял «Я Бог, Я Бог Сьерра-Леоне» [Foday Sankoh, Sierra Leone Rebel Leader, Dies 2003]. К этому времени он уже не мог говорить, ходить и самостоя-

тельно питаться. Санко пытались отправить за границу для сканирования мозга, но ни одна страна не приняла его. 29 июля 2003 г. он умер в тюремной больнице от тромбоэмболии легочной артерии [Foday Sankoh: The Cruel Rebel 2003]. В марте 2003 г. суд предъявил Санко и трем другим лидерам ОРФ обвинение (по 17 пунктам) в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Однако обвинительное заключение было снято 8 декабря 2003 г. в связи с его смертью.

Элдред Коллинз

Элдред Коллинз родился в 1954 г. во Фритауне. После окончания средней школы уехал с дядей на Ямайку. Позже отправился в Либерию, где встретился с Фодэем Санко, рассказавшим ему о своих планах. Коллинз согласился присоединиться к военной интервенции ОРФ в Сьерра-Леоне с территории Либерии, но оговорил для себя возможность «отвечать лишь за политическую сторону вещей». Поскольку у него не было военной подготовки, в иерархии ОРФ он взял на себя административные функции, а его роль была определена как «представителя» (или «спикера») движения. Согласно отчету сьерралеонской Комиссии по установлению истины и примирению, лица, занимавшие административные должности в повстанчестве, оставались влиятельными фигурами в ОРФ на протяжении всей войны [The Sierra Leone Truth and Reconciliation Commission 2004]. Это заметно отличалось от положения военных лидеров, вместе с которыми Ф. Санко создавал ОРФ. Прежде всего речь идет о Рашиде Мансарае и Абу Кану, которые были убиты, поскольку Санко воспринимал их как своих соперников в руководстве движением [Abdullah 1998, p. 211].

Коллинз входил в пятерку руководителей ОРФ, сохранивших в своих руках власть в движении после того, как в 1998 г. Санко был взят в плен войсками ЭКОМОГ. Другие лидеры движения, в т. ч. известный «полевой командир» Сэм Бокари, считали его своим «политическим руководителем» [*de Zeeuw* 2007, pp. 92–93].

В 1997 г., когда ОРФ предложили объединиться с войсками Революционного совета вооруженных сил, Коллинз был одним из трех членов Фронта, получившим место в правящем совете. По условиям Ломейского соглашения 1999 г. ОРФ получил возможность быть представленным в правительстве, и Коллинза пригласили занять одну из министерских должностей. Но он не успел насладиться высокой должностью, т. к. в мае 2000 г. повстанцы начали вооруженные действия. Коллинз оказался в числе 400 боевиков, арестованных полицией после нападения ОРФ на Фритаун, и был направлен в тюрьму «Падемба Роуд», где провел 16 месяцев. Однако ему так и не было предъявлено обвинение, и он был освобожден [*Keen* 2005, p. 264].

По окончании войны, после поражения ОРФ, остатки группировки попытались преобразоваться в политическую партию. «Партия Объединенный революционный фронт» была официально зарегистрирована, партийные отделения открыты во Фритауне, в Бо и Макени, а нигерийское правительство предоставило учебное и офисное оборудование. Коллинз продолжал исполнять обязанности представителя движения, хотя теперь его называли чиновником по связям с общественностью [*Gberie* 2005, p. 194]. Работа была нелегкой: партии не хватало средств, не удавалось согласовать партийную структуру, чтобы стать жизнеспособным политическим органом. Одной из главных проблем было

отсутствие лидера. Поскольку Санко все еще находился в заключении, Алимани Палло Бангура – профессор университета и коллега Коллинза по кабинету министров РСВС – был в конечном итоге выдвинут в кандидаты на высший государственный пост. Коллинз не баллотировался на какую-либо должность и лишь поддерживал Бангуру.

Парламентские и президентские выборы состоялись в мае 2002 г., и ПОРФ получила незначительное число голосов: 1,73% – на президентских и 2,1% – на парламентских, т. е. ей не удалось получить ни одного места в законодательном органе [*Kandeh* 2003, p. 197]. После выборов некоторые члены партии начали покидать ее ряды. Ситуация осложнилась после того, как в 2003 г. четверем из ее главных членов, в т. ч. С. Бокари и Иссе Сесаю, Специальным судом по Сьерра-Леоне были предъявлены обвинения в преступлениях против человечности и др. В 2005 г. Коллинз официально объявил о своем выходе из партии. Позже он пытался присоединиться к ВК или НПСЛ, но его кандидатура была отвергнута. В 2007 г., незадолго до выборов, победу на которых одержал кандидат от ВК Эрнест Бай Корума, было объявлено о «банкротстве» ПОРФ, однако в 2009 г. партия неожиданно возникла; Коллинз был избран временным исполняющим обязанности ее председателя и заменил Иссу Сисея. В августе 2012 г. на съезде ПОРФ в Кенеме Коллинз был выдвинут в качестве кандидата на предстоявших в том же году президентских выборах. Благодаря его активной работе партия увеличила количество офисов по всей стране и выдвинула кандидатов в парламент и местные органы власти [*Lupick* 2012].

Предвыборная программа Коллинза мало отличалась от программ каких-

либо других кандидатов – как сьерра-леонских, так и африканских в целом: он обещал обеспечить эффективное экономическое развитие и позаботиться о сферах образования и здравоохранения. То есть он не пытался использовать свой повстанческий опыт для привлечения электората, манипулируя лишь чувством маргинализации, распространенным среди различных групп населения, и отстранением их от участия в принятии политических решений.

Судя по всему, Коллинз преднамеренно дистанцировался от своего прошлого, опасаясь, что ассоциации со зверствами боевиков ОРФ негативно повлияют на его способность привлечь избирателей. Его участие в послевоенной электоральной политике не было вызовом безопасности, по крайней мере напрямую.

Коллинз с оптимизмом ожидал результатов выборов, надеясь, что ни ВК, ни НПСЛ не наберут в I туре 50%, а во II туре он мог бы предложить одной из этих партий свою поддержку, передав ей свой электорат и выторговав для себя возможность занять высокий пост в новом правительстве. Однако Эрнест Бай Коромы и ВК выиграли гонку со значительным перевесом, Коллинз набрал всего 0,6% голосов и, не получив ни одного места для ПОРФ в парламенте, осознал, что нужно менять стратегию, чтобы не остаться на политической периферии. В 2013 г. он рассматривал два варианта: переименовать ПОРФ, чтобы она не ассоциировалась с бывшим повстанческим движением, или присоединиться к другой партии [Themnér 2017, p. 191]. Оба этих варианта в конечном итоге не увенчались успехом, но в 2017 г. Коллинз стал одним из пяти членов парламента, назначенных лично президентом Эрнестом Баем Коромой [Sierra Leone Business 2017].

Самуэль Хинга Норман

С.Х. Норман родился в 1940 г. в деревне Монгери (район Бо) в южной части Сьерра-Леоне. Подростком он пошел в армию, где дослужился до звания капитана. В 1972 г., недовольный политикой президента (1971–1985) Сиаки Стивенса, Норман покинул армию и отправился в «добровольную ссылку» в Либерию. В 1992 г., после прихода к власти Национального временного правящего совета во главе с Валентином Страссером, Норман вернулся в Сьерра-Леоне и был назначен вождем клана джайама-бонгор народности менде. В это время в ответ на наступление ОРФ в восточных и южных районах страны начали создаваться племенные/общинные ополчения, самым известным из которых стало «Камаджорс», и Норман возглавил его в 1995 г. Под его руководством камаджоры («охотники» на яз. менде) довольно успешно отбивали атаки повстанцев ОРФ и солдат, дезертировавших из плохо экипированной регулярной армии.

В 1996 г. в условиях военного времени прошли президентские выборы, и одержавший победу А. Кабба, являвшийся одновременно министром обороны, назначил Нормана своим заместителем. Это назначение с недовольством было воспринято офицерами армии, в которой со времен режима Всенародного конгресса преобладали северяне (преимущественно темне и лимба), подозревавшие, что режим НПСЛ предпочитал камаджоров регулярной армии, тем более что президент наметал значительное сокращение вооруженных сил [Keen 2005, pp. 197–202]. Вскоре после назначения Нормана парламент утвердил использование ополченцами оружия, тем самым фактически превратив их в регулярные воинские подразделения, и глава камаджоров смог продолжить их набор, обу-

чение и вооружение, после чего стычки между ополченцами и армейскими подразделениями стали постоянными [Hoffman 2011, pp. 42, 94–95]. Как отмечает А. Кабба в своих мемуарах, «назначение вождя Сэма Хинги Нормана ... вызвало гнев некоторых представителей военной иерархии, которые злобно заявили своим собратьям, что я намереваюсь создать параллельные силы, соперничающие с конституционной армией» [Kabbah 2010, p. 58].

В ноябре 1996 г. в Абиджане было подписано соглашение о прекращении огня с ОРФ, но ситуация в стране не улучшилась, и 25 мая 1997 г. режим Каббы был свергнут в ходе военного переворота, осуществленного офицерами, заключившими союз с повстанцами; президент отправился в изгнание в Гвинею. Первым шагом пришедшего к власти Революционного совета вооруженных сил во главе с Джонни Поллом Коромой было объявление камаджоров вне закона. Затем отряды РСВС начали атаки на населенные пункты, которые, как считалось, поддерживали ополчение [Abdullah 2004, p. 156].

Будучи единственным членом правительства, остававшимся в стране на протяжении всего периода правления РСВС, Норман фактически возглавил продолжавшееся сопротивление ОРФ и новой хунте. Большинство гражданских ополчений были объединены в Силы гражданской обороны (СГО). Хотя Кабба официально стал их верховным главнокомандующим, именно Норман был их фактическим лидером и в этом качестве тесно сотрудничал с ЭКОМОГ [Gberie 2005, pp. 108–109].

Норман остался на посту заместителя министра обороны, но отношения между ним и Каббой за время пребывания последнего в ссылке ухудшились. Предположительно, Норман нередко жаловался на то, что Кабба не оказывал достаточной поддержки камаджорам, и

часто высказывал свое желание однажды прийти к власти (о чем, видимо, сообщалось президенту в изгнании). В результате Кабба начал рассматривать Нормана как потенциальную угрозу и после возвращения предпринял шаги по снижению своей зависимости от военной мощи СГО [Hoffman 2011, p. 47].

Поскольку Норман формально входил в ближайшее окружение президента, он не баллотировался на этот пост на первых послевоенных выборах 2002 г., а активно поддержал переизбрание Каббы и вновь вошел в правительство, но на этот раз в качестве министра внутренних дел. Возможно, президент считал необходимым отстранить Нормана от руководства военными делами, чтобы усмирить антинормановские фракции в армии.

Между тем, пока Норман оставался в правительстве, он был известен как последовательный сторонник и участник мирного процесса. Считавшийся героем войны, под руководством которого были разгромлены повстанцы ОРФ, а страна вступила на путь миростроительства, он имел все возможности для того, чтобы извлечь выгоду из укрепления своего имиджа и имиджа бойцов СГО как «народных защитников».

Однако все резко изменилось, когда созданный в 2002 г. Специальный суд по Сьерра-Леоне (СССЛ) с постоянным местом пребывания во Фритауне 7 марта 2003 г. выдвинул обвинение против 12 командиров вооруженных группировок, которые должны были предстать перед судом как несшие самую большую ответственность за военные преступления, преступления против человечности и нарушение международного гуманитарного права, совершенные со времени подписания Абиджанского мирного соглашения 1996 г. Администрация Каббы сначала предполагала, что суд будет преследовать исключительно

боевиков ОРФ за многочисленные акты насилия, совершенные ими во время войны. Только позже было решено, что расследоваться будут военные преступления, совершенные всеми противоборствовавшими сторонами. Через три дня после выдвижения обвинения Норман был арестован в своем офисе и доставлен в центр заключения на о. Бонте [Gberie 2005, p. 213].

Арест Нормана, который едва ли можно считать справедливым, потому что во время войны он возглавлял ополчения, на самом деле защищавшие общины от боевиков ОРФ, отличавшихся – даже по африканским меркам – крайней жестокостью, хотя, безусловно, и на его счету были убийства мятежников, стал серьезным вызовом процессу миротворчества. Неудивительно, что при задержании Нормана были приняты особые меры безопасности: распространились слухи, что камаджоры и бывшие бойцы СГО планировали марш на столицу. Позже выяснилось, что слухи были преувеличены, но многие сьералейцы считали его арест «предательством» и уловкой для удаления Нормана с политической сцены [The Special Court 2003]. Как заявил один из его сторонников, «Норман был агентом демократии и должен был быть защищен, а не оставлен в когтях Специального суда. Они хотели избавиться от него, потому что он намеревался возглавить НПСЛ и был очень популярен и любим нами – его людьми» [Themnér 2017, p. 184].

Заявления Нормана и его поведение во время ареста подогрели подобные настроения. Почувствовав себя преданным Каббой, он предпринял попытку организовать – из тюрьмы – гражданские беспорядки и призвать своих сторонников взять в руки оружие [Sierra Leone 2004]. Хотя Норман изначально не занимался подстрекательством к вооруженному насилию в качестве средства влияния на политику, в преддвее-

рии президентских выборов 2007 г. он использовал подобную риторику, чтобы организовать электоральную поддержку отколовшейся от НПСЛ фракции, создавшей Народное движение за демократические перемены (НДДП) во главе с ветераном НПСЛ Чарльзом Маргаи. Находясь за решеткой, он не мог участвовать в электоральной кампании, но по-прежнему оставался влиятельной политической фигурой. Поддержка им НДДП способствовала ослаблению НПСЛ особенно в районах, где камаджоры сохраняли свою популярность. В ходе выборов НДДП получила мало голосов, но во втором туре партия поддержала Всенародный конгресс, и победителем стал кандидат от ВК Эрнест Бай Корума [Kandeh 2008, p. 631].

Однако Норман не дожил до дня выборов. Во время судебного разбирательства его здоровье ухудшилось, и 17 января 2007 г. его отправили в Сенегал на лечение. 22 февраля он умер. Его смерть вызвала сильную реакцию сторонников, полагавших, что Нормана убили. Позже было установлено, что он умер естественной смертью [Special Court 2007].

Таким образом, в постконфликтный период на политической сцене Сьерра-Леоне появилась группа политиков, имевших опыт участия в повстанческих группировках и в военизированных движениях, осуществлявших акты насилия против гражданского населения. Однако характер участия этих политиков в процессах миростроительства заметно различался в зависимости от политического контекста и личных обстоятельств. Более того, политические судьбы Санко, Нормана и Коллинза показали, что в Сьерра-Леоне военное прошлое постконфликтных политиков может предопределять их как позитивное, так и негативное влияние на электорат и миростроительство в це-

лом. Повсеместная безнаказанность и в военный, и в постконфликтный периоды позволяла недавним повстанческим лидерам обрести свободу действий и ресурсы, чтобы использовать военные стратегии и опыт полевых командиров.

Следует отметить, однако, что пространство для масштабных негативных действий в области безопасности в Сьерра-Леоне в постконфликтный период ограничивалось решительной поддержкой населением мирного процесса. Поэтому каждый недавний повстанческий лидер должен был придерживаться навязанных ему ограничений, исходя из понимания того, какое поведение будет сочтено «достаточно приемлемым» для внутренней аудитории и мирового сообщества. Активное участие как внутренних, так и международных игроков в сьерралейских событиях способствовало появлению относительно эффективной и независимой электоральной системы, установившей границы, в которых недавние «военные бароны» могли участвовать в постконфликтном восстановлении с негативными или позитивными последствиями для обеспечения безопасности.

Список литературы

Денисова Т.С., Костелянец С.В. (2020) Гвинея-Бисау: политическое лидерство и электоральные процессы // *Азия и Африка сегодня*. № 4. С. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750009090-1

Abdullah I. (1998) Bush Path to Destruction: The Origin and Character of the Revolutionary United Front/Sierra Leone // *Journal of Modern African Studies*, vol. 36, no 2, pp. 203–235. DOI: 10.1017/S0022278X98002766

Abdullah I. (ed.) (2004) *Between Democracy and Terror. The Sierra Leone Civil War*, Dakar: CODESRIA.

Anders G. (2012) *Bigmanity and International Criminal Justice in Sierra Leone // African Conflicts and Informal Power: Big Men and Networks* (ed. Utas M.), New York: Zed Books, pp. 158–180.

Brown D. (2000) Who Is Foday Sankoh? // *The Guardian*, May 17, 2000 // <https://www.theguardian.com/world/2000/may/17/sierraleone>, дата обращения 22.06.2020.

Chesterman S., Ignatieff M., Takur R. (eds.) (2005) *Making States Work: State Failure and the Crisis of Governance*, Tokyo: United Nations University Press.

de Zeeuw J. (ed.) (2007) *From Soldiers to Politicians. Transforming Rebel Movements after Civil War*, Boulder, CO: Lynne Rienner.

Foday Sankoh (2003) // *The Telegraph*, July 31, 2003 // <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1437579/Foday-Sankoh.html>, дата обращения 22.06.2020.

Foday Sankoh, Sierra Leone Rebel Leader, Dies (2003) // *Global Policy Forum*, July 30, 2003 // <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/165/29478.html>, дата обращения 22.06.2020.

Foday Sankoh: The Cruel Rebel (2003) // *BBC*, July 30, 2003 // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/3110629.stm>, дата обращения 22.06.2020.

Gberie L. (2005) *A Dirty War in West Africa. The RUF and the Destruction of Sierra Leone*, Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Hoffman D. (2011) *The War Machines. Young Men and Violence in Sierra Leone and Liberia*, L.: Duke University Press.

Kabbah A.T. (2010) *Coming from the Brink in Sierra Leone: A Memoir*, Accra: EPP Book Services.

Kandeh J. (2003) Sierra Leone's Post-conflict Elections of 2002 // *Journal of Modern African Studies*, vol. 41, no 2, pp. 189–216. DOI: 10.1017/S0022278X03004221

Kandeh J. (2008) *Rouge Incumbents, Donor Assistance and Sierra Leone's Second Post-*

conflict Elections of 2007 // *Journal of Modern African Studies*, vol. 46, no 4, pp. 603–635. DOI: 10.1017/S0022278X08003509

Karon T. (2000) The Resistible Rise of Foday Sankoh // *Time*, May 12, 2000 // <http://content.time.com/time/arts/article/0,8599,45102,00.html>, дата обращения 22.06.2020.

Keen D. (2005) *Conflict and Collusion in Sierra Leone*, Oxford: James Currey.

Lupick T. (2012) Ghosts of Civil War Haunt Sierra Leone Polls (2012) // *Al Jazeera*, November 16, 2012 // <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2012/11/2012-1116104035514355.html>, дата обращения 22.06.2020.

Paris R. (2004) *At War's End: Building Peace after Civil Conflict*, Cambridge: Cambridge University Press.

Sierra Leone Business: Parliament Approves Leader of RUF Eldred Collins as Board Member (2017) // *Awoko*, March 6, 2017 // <http://awokonewspaper.com/sierra-leone-business-parliament-approves-leader-of-ruf-eldred-collins-as-board-member>, дата обращения 22.06.2020.

Sierra Leone: Special Court Accuses Indicted Militia of Inciting Civil Unrest (2004) // *AllAfrica*, January 22, 2004 // <https://allafrica.com/stories/200401220106.html>, дата обращения 22.06.2020.

Söderberg-Kovacs M. (2008) When Rebels Change Their Stripes: Armed Insurgents in Post-War Politics // *From War to Democracy: Dilemmas to Peacebuilding* (eds. Jarstad A.K., Sisk T.D.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 134–156.

Special Court President Orders Inquiry into Death of Hinga Norman (2007) // *Special Court for Sierra Leone*, February 23, 2007 // <http://www.rscsl.org/Documents/Press/2007/pressrelease-022307.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

The Sierra Leone Truth and Reconciliation Commission: Reviewing the First Year (2004) // *International Center for Transitional Justice*, January 2004 // <https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-SierraLeone-Justice-Review-2004-English.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

The Special Court for Sierra Leone: Promises and Pitfalls of a “New Model” (2003) // *International Crisis Group*, August 4, 2003 // <https://www.crisisgroup.org/africa/west-africa/sierra-leone/special-court-sierra-leone-promises-and-pitfalls-new-model>, дата обращения 22.06.2020.

Themnér A. (ed.) (2017) *Warlord Democrats in Africa: Ex-military Leaders and Electoral Politics*, L.: Zed Books.

Culture and Identity

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-12

Warlords to Politicians: The Transformation of Rebel Leaders in Africa (on the Example of Sierra Leone)

Tatyana S. DENISOVA

PhD in History, Leading Researcher, Head of the Centre for Tropical Africa Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka
St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: tsden@hotmail.com
ORCID: 0000-0001-6321-3503

Sergey V. KOSTELYANETS

PhD in Politics, Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological and Political
Science Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka
St., 30/1, Moscow, Russian Federation;
Senior Researcher
National Research University Higher School of Economics, 101000, Myasnitckaya St., 20,
Moscow, Russian Federation
E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9983-9994

CITATION: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2020) Warlords to Politicians:
The Transformation of Rebel Leaders in Africa (on the Example of Sierra Leone).
Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 13, no 3, pp. 214–231
(in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-12

Received: 20.04.2020.

ABSTRACT. *The paper analyzes the processes of transformation of leaders of rebel movements and tribal militias (warlords) into leaders of political parties and senior government officials after the end of the Civil War (1991–2002) in Sierra Leone. It is argued that the opportunities for an anti-government (or, on the contrary, pro-government) armed group to become an officially recognized political organization, and for erstwhile field commanders to become its leaders, emerge either in the event of a rebel victory or after the signing of a peace agreement (as it happened in Sier-*

ra Leone) and the beginning of the integration of former militants into the post-war society. It is usually the implementation of disarmament, demobilization and reintegration programs that allows former rebels and their leaders to escape punishment for crimes committed during conflicts.

At the same time, the opportunity to “earn forgiveness” is not the only incentive for a warlord to evolve into a peacetime politician. Indeed, gaining political power in African countries entails access to various sources of enrichment, and since run-

ning armed groups requires their leaders to possess organizational and entrepreneurial skills and charisma - naturally, along with less positive character traits - many warlords who have not yet fulfilled their political ambitions or secured their financial situation try to "adapt" their wartime skills and experience to peaceful life.

A proven way of gaining power peacefully is by participating in presidential and parliamentary elections. It is assumed that the development of a political career by former rebels in the context of peacebuilding should prevent the unfolding of another spiral of violence, but this is far from always the case: accustomed to achieving goals by military means, they often attempt to solve political issues through violence in peacetime. The paper considers the reasons for certain former rebel leaders to remain committed to peacebuilding and for other warlords to prove unable to achieve political goals by peaceful means.

KEY WORDS: Africa, Sierra Leone, military conflicts, political conflicts, civil wars, political parties, presidential elections, peacebuilding

References

- Abdullah I. (1998) Bush Path to Destruction: The Origin and Character of the Revolutionary United Front/Sierra Leone. *Journal of Modern African Studies*, vol. 36, no 2, pp. 203–235. DOI: 10.1017/S0022278X98002766
- Abdullah I. (ed.) (2004) *Between Democracy and Terror. The Sierra Leone Civil War*, Dakar: CODESRIA.
- Anders G. (2012) Bigmanity and International Criminal Justice in Sierra Leone. *African Conflicts and Informal Power: Big Men and Networks* (ed. Utas M.), New York: Zed Books, pp. 158–180.
- Brown D. (2000) Who Is Foday Sankoh? *The Guardian*, May 17, 2000. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2000/may/17/sierraleone>, accessed 22.06.2020.
- Chesterman S., Ignatieff M., Takur R. (eds.) (2005) *Making States Work: State Failure and the Crisis of Governance*, Tokyo: United Nations University Press.
- de Zeeuw J. (ed.) (2007) *From Soldiers to Politicians. Transforming Rebel Movements after Civil War*, Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2020) Guinea-Bissau: Political Leadership and Electoral Processes. *Asia and Africa Today*, no 4, pp. 34–31 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750009090-1
- Foday Sankoh (2003). *The Telegraph*, July 31, 2003. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1437579/Foday-Sankoh.html>, accessed 22.06.2020.
- Foday Sankoh, Sierra Leone Rebel Leader, Dies (2003). *Global Policy Forum*, July 30, 2003. Available at: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/165/29478.html>, accessed 22.06.2020.
- Foday Sankoh: The Cruel Rebel (2003). *BBC*, July 30, 2003. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/3110629.stm>, accessed 22.06.2020.
- Gberie L. (2005) *A Dirty War in West Africa. The RUF and the Destruction of Sierra Leone*, Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Hoffman D. (2011) *The War Machines. Young Men and Violence in Sierra Leone and Liberia*, L.: Duke University Press.
- Kabbah A.T. (2010) *Coming from the Brink in Sierra Leone: A Memoir*, Accra: EPP Book Services.
- Kandeh J. (2003) Sierra Leone's Post-conflict Elections of 2002. *Journal of Modern African Studies*, vol. 41, no 2, pp. 189–216. DOI: 10.1017/S0022278X03004221
- Kandeh J. (2008) Rouge Incumbents, Donor Assistance and Sierra Leone's Second Post-conflict Elections of 2007. *Journal of Modern Afri-*

can Studies, vol. 46, no 4, pp. 603–635. DOI: 10.1017/S0022278X08003509

Karon T. The Resistible Rise of Foday Sankoh (2000). *Time*, May 12, 2000. Available at: <http://content.time.com/time/arts/article/0,8599,45102,00.html>, accessed 22.06.2020.

Keen D. (2005) *Conflict and Collusion in Sierra Leone*, Oxford: James Currey.

Lupick T. (2012) Ghosts of Civil War Haunt Sierra Leone Polls. *Al Jazeera*, November 16, 2012. Available at: <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2012/11/20121116104035514355.html>, accessed 22.06.2020.

Paris R. (2004) *At War's End: Building Peace after Civil Conflict*, Cambridge: Cambridge University Press.

Sierra Leone Business: Parliament Approves Leader of RUF as Board Member (2017). *Awoko*, March 6, 2017. Available at: <http://awokonewspaper.com/sierra-leone-business-parliament-approves-leader-of-ruf-eldred-collins-as-board-member>, accessed 22.06.2020.

Sierra Leone: Special Court Accuses Indicted Militia of Inciting Civil Unrest (2004). *AllAfrica*, January 22, 2004. Available at: <https://allafrica.com/stories/200401220106.html>, accessed 22.06.2020.

Söderberg-Kovacs M. (2008) When Rebels Change Their Stripes: Armed Insurgents in Post-War Politics. *From War to Democracy: Dilemmas to Peacebuilding* (eds. Jarstad A.K., Sisk T.D.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 134–156.

Special Court President Orders Inquiry into Death of Hinga Norman (2007). *Special Court for Sierra Leone*, February 23, 2007. Available at: <http://www.rscsl.org/Documents/Press/2007/pressrelease-022307.pdf>, accessed 22.06.2020.

The Sierra Leone Truth and Reconciliation Commission: Reviewing the First Year (2004). *International Center for Transitional Justice*, January 2004. Available at: <https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-SierraLeone-Justice-Review-2004-English.pdf>, accessed 22.06.2020.

The Special Court for Sierra Leone: Promises and Pitfalls of a “New Model” (2003). *International Crisis Group*, August 4, 2003. Available at: <https://www.crisis-group.org/africa/west-africa/sierra-leone/special-court-sierra-leone-promises-and-pitfalls-new-model>, accessed 22.06.2020.

Themnér A. (ed.) (2017) *Warlord Democrats in Africa: Ex-military Leaders and Electoral Politics*, L.: Zed Books.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-13

К вопросу о проблематике берберской письменной традиции

Евгения Николаевна ФУРСОВА

кандидат исторических наук

Торговое представительство Российской Федерации в Королевстве Марокко,
Суисси, ул. Кетама, д. 9, Рабат, Королевство Марокко

E-mail: masr@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Фурсова Е.Н. (2020) К вопросу о проблематике берберской письменной традиции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 232–248. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-13

Статья поступила в редакцию 15.06.2020.

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена исследованию языковой традиции берберов, являющихся автохтонным населением Северной Африки. Берберы, сохранившие богатые традиции устной речи, на фоне активизации на рубеже XX–XXI вв. движения за самоопределение, свои культурные и языковые права развернули широкомасштабную деятельность, направленную на восстановление национального письменного языка. Автор выдвинул предположение о том, что необходимость разработки стандартизированной письменной формы была отчасти обусловлена стремлением берберов закрепить официальный статус своего языка в Конституции.

Автор отмечает, что обострение т. н. берберского вопроса в конце XX в. подстегнуло интерес исследователей к берберскому письменному наследию.

Большую часть дошедших до нас берберских рукописных документов составляют тексты (главным образом религиозного характера), записанные при помощи арабского алфавита между XV и началом XX вв. Изучение условий их создания и областей применения показывает, что эти тексты играли за-

метную роль в распространении религиозных и научных знаний среди берберов. Делается вывод, что, несмотря на использование преимущественно устной формы языка, берберам удалось создать уникальную письменную традицию.

В статье подробно рассматриваются основные проблемы изучения берберских рукописей, среди которых: (1) требование от исследователя серьезной подготовки в различных областях знаний; (2) проблема доступности текстов, хранящихся в частных коллекциях; (3) необходимость разработки унифицированных подходов к описанию берберских рукописей, их оцифровки и проведения прочих важных мероприятий для обеспечения доступности документов для научно-исследовательского сообщества.

Особое внимание в статье уделено истории вопроса создания первых коллекций берберских рукописей и их каталогизации. Также отмечены работы ученых, которые внесли качественный вклад в изучение берберских рукописей, большая часть которых еще не открыта и несет в себе значительный потенциал, направленный на сохранение и

приумножение берберского культурно-исторического наследия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *берберский язык, статус берберского языка, берберская письменность, берберский вопрос, берберская литературная традиция, берберские рукописи, письмо «нео-тифинаг»*

Проблемы сохранения самобытности коренными народами разных стран схожи. Особенно это касается многонациональных или этнически неоднородных обществ. Однако каждый этнос выносит из «схватки с историей» свои «трофеи».

В современных условиях глобализации остро встает вопрос самосохранения автохтонных народов, их культуры, языка, традиций. Наблюдаемый во всем мире рост национального самосознания является отличительной особенностью нашего времени, т. к. всеобщая грамотность, распространение информации, интерес к истории формируют человека, ценящего свою культуру и историю.

На протяжении своей тысячелетней истории берберы¹ сталкивались с различного рода иноземными вторжениями (финикийским, римским, византийским, арабским, турецким и другими). При этом они сумели сохранить свою самобытность, язык, культуру и традиции, демонстрируя жизнеспособность и устойчивость народа против потрясений.

На фоне процессов глобализации в современном мире, ведущих к унификации различных культур, потере на-

циональной идентичности, стиранию этнических и языковых границ, мы наблюдаем подъем национального самосознания берберов. К разряду антиглобалистских явлений можно уверенно отнести актуальную проблему возрождения берберского письменного языка.

Примечательно, что движение за признание культурных и языковых прав берберов, возникшее во второй половине XX в., по времени совпало с возрождением интереса к своим коренным языкам (в т. ч. бретонскому, каталонскому, гэльскому, валлийскому и пр.) у других народов, что, по мнению французского берберолога М. Перона, в значительной степени поспособствовало достижению берберами своих целей [Peyron 2012].

Многие десятилетия в научном мире не утихает дискуссия относительно статуса берберского языка². Так, марокканские ученые (М. Шафик, А. Букус и др.) исходят из концепции существования одного берберского языка с множеством диалектов. Представители классической французской берберологической школы (Р. и А. Бассэ, Ж. Марси, Р. Монтань и др.) и выдающиеся советские ученые-языковеды (Ю.Н. Завадовский, Д.А. Ольдерогге) также рассматривают берберский как единый язык с многочисленными диалектами и говорами. В то же время некоторые ученые Западной Европы и Америки (Г. Глисон, А. Вильмс и др.) говорят об отдельных берберских языках. В работах российских лингвистов (И.М. Дьяконов, А.Ю. Айхенвальд, А.Ю. Милитарев) берберские идиомы³ определяются как языки.

1 Берберы (самоназвание *амазиг* – «свободный человек») – автохтонное население Северной Африки. Большая часть современных берберов проживает в Марокко, Алжире, Ливии, Тунисе, на севере Мали и Нигерии. Небольшое количество проживает также в Мавритании, Буркина-Фасо и Египте. В настоящее время крупные берберские общины имеются во Франции, Испании, Канаде, Бельгии, Нидерландах, Германии, Италии и других странах Европы.

2 Ученые пока не разработали четкой системы, по которой можно было бы различать многочисленные разновидности берберского языка между собой. Между тем берберская языковая система объединяет такие понятия, как язык, диалект, говор, социолект и др.

3 Идиом (фр. *Idiome*) – язык, наречие.

Хотя берберы разных регионов не всегда понимают друг друга, между всеми берберскими идиомами прослеживаются общие черты. Очевидно, в разных регионах Северной Африки язык развивался неодинаково. В ходе исторической эволюции произошли разрывы некогда однородной языковой системы, которые привели к фрагментации и разнообразию, характеризующим берберский язык сегодня. Тем не менее эти разрывы не привели к появлению разных языков [Issaadi 2014, p. 28].

В ходе своего развития берберские диалекты получили статус отдельных языков, заметно отличающихся друг от друга (например, туарегский и рифский). При этом несомненным является и то, что многие берберские идиомы остаются очень близкими друг другу по структуре и словарю.

Исследования в области диахронической лингвистики не могут обойтись без древних письменных источников. Старые рукописные документы могли бы дать исследователям новые знания в области истории письменности, сравнительной грамматики, важные сведения о существовавших ранее идиомах берберского языка [Ould-Braham 2016; Ould-Braham 2017].

В этом смысле большую помощь лингвистам и филологам, занимающимся проблематикой берберского языка, могут оказать древние рукописные тексты, записанные на берберском при помощи арабского алфавита, хранящиеся в ряде библиотечных фондов и частных коллекций в Марокко, Алжире, Нидерландах, Франции и ряде других стран.

Интерес магрибских (главным образом марокканских и алжирских) и западных (в первую очередь европейских) специалистов к этим ценным документам растет. Малоизученность берберских рукописей связана с тем, что до конца прошлого века сведения о них были разрозненными и неполными, а данные о коллекциях и хранилищах неупорядочены. Кроме того, изучение берберских текстов связано с рядом сложностей и ограничений, которых мы коснемся позже.

Всплеск внимания исследователей к берберским рукописным источникам тесно связан с обострением «берберского вопроса» в конце XX в., в т. ч. благодаря деятельности берберских организаций в европейских странах, и ростом самосознания берберов Северной Африки, поднявших на борьбу за достижение основных языковых и культурных прав на рубеже XX–XXI вв.

Безусловно, берберские письменные источники представляют собой ценность не только для лингвистов, но и для историков. У современных исследователей берберской истории также появляется возможность обогатить, отчасти пересмотреть и подвергнуть критическому анализу имеющиеся знания.

В данном контексте важным представляется обратить внимание на такой феномен, свойственный берберским этническим группам, как сохранение и развитие устной формы своего языка при утративании письменной. Традиция письма на основе исконно берберского алфавита тифинаг сохранилась только у туарегов⁴.

4 Туареги – одна из берберских этнических групп, проживающая на территории Центральной Сахары и ее пограничных районов (охватывает территории современных Алжира, Ливии, Нигера, Мали, Мавритании, Чада и Буркина-Фасо). Туареги говорят на берберском языке тамашек и используют собственный алфавит тифинаг, восходящий к древнеливийскому письму. В XX в. в ряде стран проживания туарегов (в частности, Мали и Нигере) для языка тамашек введены системы письменности на основе латиницы.

Один из выдающихся деятелей Берберского культурного движения⁵, известный марокканский лингвист, специалист в области арабского и берберского языков, берберской истории и культуры Мухаммед Шафик в своем труде «Очерк 33-вековой истории амазигов» отметил: «Наверное, амазиги – хороший пример тех наций, у которых нет своей памяти, если память означает запись своей истории, своей биографии» [Chafik 2005, р. 7]. Действительно, до конца XX в. берберский язык во всем его разнообразии оставался устным, что затрудняло письменную фиксацию исторической и культурной традиции берберов.

По мнению исследователя, проблематика вопроса такова, что «с течением времени знание берберов о собственной истории ограничивается тем, что написали об этом другие. И зачастую «другие» – это противники и недруги, которые в прежние времена были врагами или соперниками твоих предков» [Chafik 2005, р. 7]. По убеждению М. Шафика, «известная миру история берберов представляет собой не более, чем «историю под надзором». Подлинные научные исследования требуют от авторов объективности, свободной от идеологических, националистических и религиозных чувств, чего нельзя с уверенностью сказать о тех, кто писал древнюю историю берберского народа, когда радикализм и одержимость во всех своих формах и проявлениях были основой социальной солидарности, а религиозный, расовый и этнический фанатизм был самой важной добродетелью» [Chafik 2005, р. 7].

Тезис о том, что «непричастность берберов к написанию своей истории указывает на их минимальное участие

в ее создании» [Chafik 2005, р. 95], не лишен основания, принимая во внимание особенности берберской письменной традиции.

Берберы утратили собственную письменность довольно давно, при том что берберо-ливийская письменность известна примерно с III в. до н.э. Собственно литературной традиции на тифинаге не существует. Этот древний алфавит, как правило, использовался берберами для бытовых нужд: для составления надписей на амулетах, для частной переписки, записи стихов и мудрых изречений и пр. Большая часть дошедших до нас записей на тифинаге – краткие надписи, встречающиеся, в основном, на утвари и предметах быта (щитах воинов, музыкальных инструментах, браслетах и т. п.).

В период между X и XVI вв. для транскрипции (передачи) своего языка берберы начали использовать арабский алфавит. Рукописные тексты писались на берберском языке при помощи арабской транскрипции.

Значительно позже, начиная с XX в., помимо арабского, берберы стали принимать также латинский алфавит.

В начале XXI в. Королевский институт берберской культуры (IRCAM) разработал современную модификацию традиционного письма тифинаг, получившую название «нео-тифинаг», которое было официально принято в Марокко в 2003 г. Такое инновационное решение предложил еще в 1990 г. Салем Шакер (Salem Chaker), профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut National des Langues et Civilisations Orientales, INALCO). Он является одним из ведущих на сегодняшний день специалистов по бербер-

5 Культурное движение амазигов (Mouvement culturel amazigh, MCA) – международная организация, деятельность которой направлена главным образом на сохранение языка, культурно-исторического наследия берберов. Успешно борется (мирным путем) за признание языковых, культурных и личных прав берберов-амазигов и закрепление в конституциях стран Северной Африки официального и национального статусов берберского языка и признание особой этнокультурной идентичности берберов.

ской лингвистике. Статус государственного за берберским языком в Марокко закреплен Конституцией 2011 г. Разработанный IRCAM марокканский стандартизированный вариант берберского языка преподается в Марокко. При этом используется модернизированная форма тифинагского алфавита.

В Алжире для передачи берберского письма в основном используется латинский алфавит. Исключением является регион Таманрассет, где для преподавания тамазигхт также используется древний берберский алфавит. В Алжире берберский язык признан официальным языком наряду с арабским в 2016 г. Стандартизированный вариант берберских идиомов Алжира все еще находится в стадии разработки. Сам процесс стандартизации в значительной степени основан на работе выдающегося алжирского лингвиста Маулуда Маммери (Mouloud Mammeri) «Словарь и краткий курс грамматики кабилского берберского языка» (*Grammaire berbère (kabyle)*). В исследовании М. Маммери для передачи берберского алфавита была закреплена латинская графика [Sellès 2014]. Поэтому для преподавания берберского языка в Алжире сегодня широко применяется латинский алфавит, а тифинаг в основном используется в качестве художественной символики. Такая же ситуация сохраняется в Нигере и Мали.

В другой североафриканской стране, в Ливии, также наблюдается тенденция к сохранению берберских традиций. В этой стране власти намерены легализовать тифинаг и расширить сферы применения берберских диалектов. Здесь начиная со Средних веков сохраняется традиция передачи берберского письма арабской вязью.

Возвращаясь к теме берберских рукописей, отметим, что берберская письменная традиция берет начало в Средних веках. Первые берберские рукописи, записанные арабской вязью, датируются IX в. [Hammat 2004, p. 6]. Начиная с этого времени появляются письменные источники на берберском языке, составленные с практическими целями и охватывающие многочисленные и разнообразные виды литературных произведений, в основном религиозных и научных.

Как отмечают исследователи, берберские рукописи свидетельствуют о важном месте берберского языка во многих сферах жизни марокканского общества, в основном религиозной и политической. Эта особенность касается периода исламизации Магриба и постепенного распространения новой религии среди берберов [Hammat 2004, p. 7].

Большую роль берберский язык сыграл в процессе распространения ислама среди местного берберского населения. В частности, берберский язык широко использовали последователи хариджитского мазхаба для распространения своего учения в Магрибе. В целом с деятельностью хариджитов-ибадитов исследователи связывают проникновение ислама в Северную Африку (см., например, [Дьяков 2008]).

Вероятно, самая древняя книга по религии на берберском языке, написанная в исламскую эпоху, – это книга Махди ан-Нафуса, одного из старейшин племени нафуса⁶ начала IX в. Согласно ибадитскому законоведу, поэту и историку XIII в. ад-Дарджини (ум. ок. 670 г.х. /1272–73 г.), «автор написал [эту книгу] на берберском языке с тем, чтобы берберы могли пере-

6 Средневековое берберское племя нафуса проживало на территории от южной Триполитании в Ливии до окрестностей Кайруана в Тунисе. До IX в. исповедовало иудаизм.

давать ее друг другу» [Ад-Дарджини 1974, с. 314]⁷.

Также есть сведения о том, что в течение второй половины IX в. некий Абу Сахль аль-Фариси, переводчик одного из хариджитских имамов, хорошо владевший берберским языком, составил 12 книг поэзии на берберском языке, посвященной ибадитским общинам Северной Африки. Впоследствии часть этих поэтических произведений, утраченных в XI в. при пожаре, была восстановлена по памяти и собрана в книгу, состоявшую из 24 глав. На существование этого сокращенного сборника ссылается историк XII в. аль-Висьяни в своем историографическом труде «Китаб ас-сийар» («Книга жизнеописаний») [Hammat 2004, p. 8].

Классик средневековой арабо-мусульманской мысли, философ и историк Ибн Халдун (ум. 1406 г.), впервые систематизировавший представления средневековых мусульман о берберах, упоминает также о «хождении» рукописного сборника эпической поэзии берберов, относящейся к доисламскому периоду и связанной, главным образом, с группой берберских племен зената [Hammat 2004, p. 10]. Вероятно, этот поэтический сборник был также составлен при помощи арабского алфавита. Однако более подробной информации ни о содержании, ни о дальнейшей судьбе этих произведений не сохранилось.

Марокканский исследователь берберских рукописей Али Амахан размышляет о том, что побуждало берберов писать на своем родном языке, используя до этого преимущественно в устной речи. По мнению ученого, ими двигали следующие мотивы: (1) стремление изучать и распространять сре-

ди соплеменников основы ислама (эта гипотеза наиболее часто встречается у исследователей); (2) желание берберских авторов писать на своем родном языке, пусть и посредством чужого алфавита, указывает, по мнению А. Амахана, на их стремление к сохранению своей идентичности; (3) наконец, отмечает исследователь, «это было продиктовано политической конъюнктурой», т. е. необходимостью приспособления к существующему политическому режиму [Amahan 2004, p. 5].

Большинство (до 80%) известных на сегодняшний день берберских текстов посвящены религиозной сфере, в т. ч. вопросам мусульманского права – фикха, мистицизма (суфийским тарикатам, роли шейхов – духовных лидеров марабутских сообществ) и социально-нравственным нормам и правилам поведения в обществе [Amahan 2004, p. 6].

В целом тексты представляют собой перевод известных трудов с арабского на берберский, часто составленных в виде стихов для более легкого заучивания наизусть и дальнейшей передаче уже в устной форме. Они должны были охватить максимально широкую аудиторию, не ограничиваясь лишь теми членами берберской общины, кто умел читать. Таким образом, эти тексты позволяли берберам, не владеющим арабским, получать доступ к религиозным знаниям [Amahan 2004, p. 10].

За редким исключением, произведения на берберском языке религиозного характера были написаны между XV и началом XX вв. Большая часть текстов приходится на конец XIX – начало XX вв. Это, по мнению А. Амахана, связано с развитием в этот период на севере Африки завий⁸, которые служили

7 Труд ад-Дарджини написан, вероятно, в 650 г.х./1252–1253 г.

8 Завия (араб. угол, келья) – обитель, центр тарикатской деятельности, как правило, с мавзолеем святого, мечетью, библиотекой, приемным домом-гостиницей и т. п. [Дьяков 2008, с. 268].

главным очагом религиозной, просветительской и хозяйственно-административной деятельности марабутских братств Магриба [Amahan 2004, p. 9].

Изучение условий создания рукописей показывает, что наиболее значимые работы были составлены в братствах в критические моменты их истории. А. Амахан отмечает, что наиболее важные произведения, датируемые разными веками (XVI, XVII, конец XIX в., начало XX в.), были написаны после смерти шейхов – основателей завий, по приказу их преемников. «Глубокое изучение текстов открывает нам реальные цели авторов или, скорее, спонсоров, – пишет он. – В дополнение к очевидным мотивам, а именно желанию дать возможность правоверному мусульманину, не владеющему арабским, постичь основы ислама, запись текста на берберском языке являлась частью политической стратегии завий... Основная цель состояла в том, чтобы сплотить наибольшее количество последователей вокруг завий и расширить тем самым территорию влияния того или иного братства» [Amahan 2004, pp. 12–13].

Такая стратегия успешно применялась суфийскими братствами в трех основных случаях: при кризисе преемственности власти, во времена соперничества с другими завиями, а также для противостояния возможным угрозам со стороны махзена⁹ [Amahan 2004, p. 13].

Берберы, как и многие другие мусульманские народы, внесли большой

вклад в развитие мусульманской религии и исламских наук. Также известны берберские научные труды по математике, медицине и астрономии, работы по лексике и грамматике арабского языка.

Не являясь носителями арабского языка, берберы внесли свою лепту в методику преподавания арабского, оставив много работ по грамматике и синтаксису, словари терминов, двуязычные словари и пр. Это объясняется тем, что для перехода от устного к письменному языку берберам были необходимы знания по лексике и грамматике арабского языка [Amahan 2004, p. 9].

Между тем исследователи отмечают интересную особенность берберской литературной традиции: литература берберов на протяжении веков ограничивалась лишь практическим применением. Развитие письма было связано непосредственно с теми функциями и конкретными задачами, которые ставились перед ним в берберских обществах Магриба, главной из которых было содействие в распространении знаний (в первую очередь религиозных). Причины этому явлению, по мнению М. Шафика, кроются в чрезвычайно медленно протекающем процессе арабизации берберов [Chafik 2005, p. 74], который в таких странах, как Марокко и частично Алжир, не завершен до сих пор [Chafik 2005, p. 76].¹⁰ Это лишний раз подтверждает тот факт, что берберы жили

9 Махзен (араб.) – центральная власть, правительство в странах Магриба.

10 Арабизация берберов началась значительно позже их обращения в ислам. В VII–XI вв. берберы, расселившиеся к тому времени по средиземноморскому побережью, были частично оттеснены арабами вглубь континента, а та часть населения, которая осталась на месте (преимущественно оседлые племена), частично перешла на арабский язык. Поскольку процесс урбанизации шел медленно, а большинство жителей Магриба были кочевники и полукочевники, большая часть берберских регионов оставалась вне зоны влияния арабского языка. Таким образом, процесс арабизации растянулся на двенадцать с половиной веков [Chafik 2005, p. 77]. До середины XIX в. половина населения Алжира и большая часть Марокко оставались практически не затронутыми этим процессом. Ситуация кардинально изменилась с приходом французов в Северную Африку. Их административно-хозяйственная деятельность нарушила традиционные связи и уклад жизни берберов, вынуждая их переселяться в города и тем самым способствуя ускоренной арабизации бербероязычного населения страны.

в основном обособленно от арабов, в бербероязычной среде, продолжая использовать берберский язык в повседневной жизни.

Начиная с первой половины XIX в. Северная Африка стала объектом экспансионистских устремлений европейских государств. Наиболее последовательно укрепляла свои позиции в османских владениях Франция, которая к началу XIX в. располагала развитой сетью консульских представительств, торговых факторий и духовных миссий, разбросанных по всему югу Средиземноморья — от Леванта до Марокко [Дьяков 2008, с. 16].

Колонизация стран Магриба сопровождалась развертыванием систематических исследований в области «туземной» культуры, что, помимо реализации прикладных задач «цивилизаторской миссии» Франции, способствовало также развитию наук, в особенности лингвистических и исторических дисциплин.

Так, значительный вклад в разработку грамматик и словарей берберского языка, описание большинства известных диалектов, включая широкий круг проблем языкознания, внесли европейские миссионеры и исследователи, в т. ч. основоположники берберологии как науки отец и сын Р. и А. Бассе во второй половине XIX в. и такие известные берберологи первой половины XX в., как миссионер Ш. Фуко, С. Бьярне, Э. Дестен, Э. Лауст, Г. Штумме, Ф. Бегвино, Г. Марси, Г. Колен, Э. Ибаньес, А. Пикар, Ф. Никола.

В своих исследованиях европейцы опирались и на рукописные берберские тексты, которые они начали собирать, формировать в коллекции и каталогизировать. Благодаря их работе, многие ценные рукописи сохранились до наших дней и доступны сегодня широкому кругу исследователей.

В Марокко первые тексты на берберском языке были обнаружены на юго-западе страны в ареале распространения языка ташельхит¹¹ в 40-х гг. XIX в. Французский консул в Могadore Жак-Дени Делапорт (1777–1861 гг.) приобрел берберские рукописи и передал их в Королевскую библиотеку Парижа. На протяжении всего XIX в. эта берберская коллекция регулярно пополнялась.

Большую коллекцию уже в XX в. удалось собрать другому французу – Арсену Ру¹², возглавлявшему берберский колледж г. Азру в Центральном Марокко. Коллекцию ученого после его смерти в 1971 г. родственники передали Институту средиземноморских исследований в Экс-ан-Провансе. Позднее эту коллекцию назовут именем Арсена Ру.

В 70–80-х гг. XX в. еще одна библиотека пополнила свою коллекцию берберскими рукописными текстами. Это Лейденская библиотека в Голландии.

Помимо региона шильхов, важным источником берберского рукописного наследия является ареал распространения ибадитского учения на западе исламского мира (Мзаб в Алжире, остров Джерба в Тунисе и Джебель-Нефуса в

11 Диалект ташельхит (разновидность берберского языка) относится к языковому ареалу шильхов (chleuh), проживающих на равнине Сус, в западной части Высокого Атласа и Антиатласе.

12 Арсен Ру (Arsène Roux) (1893–1971 гг.) – французский ученый, лингвист. В 1920–1950-е гг. жил и работал в Марокко. Изучал арабский классический язык, марокканский разговорный язык (дариджа) и диалекты берберского языка. Собрал коллекцию берберских рукописей. Часть текстов была опубликована им в Рабате. Основал и долгое время возглавлял берберский колледж в Азру. После смерти в 1971 г. его родственники пожертвовали собранную им библиотеку Институту средиземноморских исследований в Экс-ан-Провансе. Фонд Арсена Ру содержит порядка двухсот рукописных текстов на берберском языке, несколько арабских рукописей и большую коллекцию записанных в результате этнографических исследований и поездок по Марокко самим А. Ру загадок, пословиц, рассказов и жизнеописаний местных святых.

Ливии), где было обнаружено большое число рукописных документов.

К недавним открытиям можно отнести мавританские [Gaudio 2002] и туарегские [Norris 2006] рукописи.

Нередко ученым удается обнаружить рукописные тексты в регионе Кабилии. В этом смысле первопроходцем стал американский востоковед Уильям Браун Ходжсон. Будучи консулом в Алжире в 1830-е гг., ему удалось собрать коллекцию текстов, написанных на языке берберского племени беджая [Hodgson 1836; Aoumer 2016]. Существует также рукопись, упомянутая Жан-Домиником Лучани [Luciani 1893], из частной библиотеки кабийской деревни Гергур. Она была обнаружена на рубеже XIX–XX вв. Ассоциацией исторических исследований провинции Беджая (GENIMAB) наряду с другими похожими рукописями [Aissani 2000].

Важнейшим аспектом в изучении данной темы, на наш взгляд, является каталогизация берберских документов. Начало этого процесса можно отнести к 1882 г.

После установления Францией в 1881 г. протектората над Тунисом в Магриб была направлена научная миссия Рене Бассе (René Basset) и Октава Худаса (Octave Houdas). Цель миссии заключалась в инвентаризации арабских рукописей, хранящихся в библиотеках Тунисского регентства, и составлении полного каталога библиотек и частных коллекций Магриба.

Рене Бассе упоминал о трудностях, связанных с получением доступа к рукописным коллекциям. В успешной реализации задач миссии неоценимую роль сыграли магрибинцы-мусульмане, занимавшие различные должности в колониальной администрации.

В тот период были каталогизированы рукописные фонды следующих библиотек:

- двух библиотек университета аз-Зайтуна в Тунисе;
- Музейной библиотеки города Алжира;
- библиотек при медресе городов Тлемсен и Алжир;
- библиотеки Большой мечети Алжира и двух мечетей города Феса (Марокко);
- библиотек завий Темасин, Варгла, Аджаджа и эл-Хамел (Алжир) [Houdas, Basset 1882].

В течение последней трети XX в. качественный вклад в начало изучения берберских рукописей внесли работы Полетт Галан-Перне [Galand-Pernet 1972; Galand-Pernet 1973], Али Амахана [Amahan 1984; Amahan 1993], Нико ван ден Бутерта [Boogert 1995; Boogert 1997; Boogert 1998], Гарри Струмера и Майкла Перона [Stroomer, Peyron 2003].

В XXI в. появились две работы, целью которых было обобщение накопленных знаний о берберских рукописях. Обе представляют собой коллективные труды исследователей, занимающихся вопросами истории и культурного наследия берберов.

Первая работа, опубликованная в 2004 г., представляет собой сборник статей марокканских и европейских ученых под редакцией проф. Мухаммеда Хаммама (бывшего директора исследовательского центра Королевского института берберской культуры Марокко) «Берберские рукописи. Их значение и области охвата» [Hammat 2004].

Вторая – коллективный труд европейских и алжирских исследователей «Берберские рукописи в странах Магриба и в европейских коллекциях: локализация, идентификация, сохранение и распространение» [Les Manuscrits Berbères au Maghreb 2007]. Этот труд подготовлен в координации с Центром по сохранению книг (г. Арль, Франция) в рамках европейской про-

граммы MANUMED (Manuscripts de la Méditerranée, «Средиземноморские рукописи»), утвержденной Европейской комиссией в 1998 г. в контексте проекта европейско-средиземноморского партнерства Euromed Heritage (1998–2013 гг.) по сохранению культурного наследия Средиземноморского региона.

К числу исследований, посвященных обобщению знаний о рукописных текстах на берберском и диалектном арабском языках, можно отнести также работы [Ould-Braham 2016; Ould-Braham 2017] специалиста в области изучения и популяризации знаний о берберских рукописях на арабском языке Уахми Ульд-Брахам¹³.

Проблематика изучения берберских рукописей, согласно авторам упомянутых работ, сводится к трем важным вопросам.

Первый касается самой специфики работы по изучению берберских текстов, требующей от исследователя серьезной подготовки. Специалист должен не только владеть грамматическими структурами, лексикой, риторическими аспектами и семантико-синтаксическими нюансами отдельных диалектов берберского языка, на которых написаны рукописи, но и иметь глубокие знания исторического контекста создания той или иной рукописи. Решение этого вопроса видится в расширении и углублении коллективной работы, развитии тесного сотрудничества между различными научно-исследовательскими центрами, университетами и культурными ассоциациями разных стран с целью научного обмена, реализации совместных научно-исследовательских проектов, проведения международных и региональных форумов, конферен-

ций, семинаров и подготовки молодых ученых. Ведущую роль в этой работе, безусловно, отводят самим берберам. К их числу относятся многие видные лингвисты и берберологи современности. Некоторых из них мы упомянули в данной работе.

Другая проблема – доступность рукописных текстов, находящихся в частных коллекциях. По мнению голландского исследователя Гарри Струмера, «большинство берберских рукописей, написанных на арабском языке, хранятся в деревнях и небольших городах на юге Марокко, в домашних коллекциях берберов, <...> вне досягаемости исследователей» [Stroomer 2004, p. 18].

Также ученые отмечают необходимость унификации подходов к описанию берберских рукописей, ведения работы по оцифровке и каталогизации рукописного материала. Это необходимо для обеспечения доступности документов для исследовательского сообщества.

На сегодняшний день существуют сведения о следующих коллекциях берберских рукописей, хранящихся в государственных и институциональных библиотечных фондах:

- берберские рукописи Отдела точных рукописей Национальной библиотеки Франции (г. Париж); собрание пополняется с XIX в., в библиотеке хранится 20 рукописей, представляющих большую ценность; они относятся к трем берберским языковым ареалам: шильхи, тамазигхты (регион Высокого Атласа, Среднего Атласа и Антиатласа) и кабилы (горы Большая и Малая Кабилия) [Galand-Pernet 1973, pp. 283–284];

¹³ Уахми Ульд-Брахам (Ouahmi Ould-Braham) – ученый, лингвист алжирского происхождения, преподаватель Университета Париж VIII (Université Paris 8 Vincennes – Saint-Denis). Является основателем французского академического издания «Берберские исследования и документы» (Études et Documents Berbères). Живет и работает во Франции.

- берберские рукописи из коллекции Фонда Арсена Ру, хранящейся в Медиа-центре Средиземноморского дома гуманитарных наук (MMSH) и Института исследований арабо-мусульманского мира (IREMAM, CNRS) в Эксан-Провансе; коллекция включает 195 документов [Ould-Braham 2017, p. 192];
- берберские рукописи Отдела восточных рукописей Лейденской библиотеки; здесь хранится более 300 документов разнообразного содержания [El Mounadi 2016];
- берберские рукописи, хранящиеся в библиотеке Королевской академии истории Мадрида (коллекция Гаянгоса) – не менее 4 рукописей [Aït Belaid 2007];
- берберские рукописи Публичной библиотеки г. Рабата – около 15 рукописей [Galand-Pernet 1972];
- берберские рукописи Библиотеки Фонда короля Абдул-Азиза Ал-Сауда (Касабланка);
- берберские рукописи Национальной библиотеки Алжира (Алжир);
- берберские рукописи Национальной библиотеки Туниса (Тунис) [Ould-Braham 2017, p. 192].

Берберские рукописи, в т. ч. уже известные научно-исследовательскому сообществу, еще только предстоит изучить и дать им всестороннюю оценку. Несомненно, древние рукописные тексты прольют свет и на многие спорные вопросы языка и истории берберов. По мнению У. Ульд-Брахамы, рукописи представляют собой одновременно «исторические документы, археологические находки, этнографические открытия и памятники культуры бербер-

ского народа и нуждаются во всестороннем исследовании, как любой другой исторический артефакт» [Ould-Braham 2017, p. 199].

Как полагают исследователи, большая часть рукописного наследия берберов еще не открыта. В этой связи важно отметить такую особенность большинства берберских рукописей, как наличие в начале текста заглавия на арабском языке, в то время как сам текст на берберском языке традиционно начинается ниже. Это могло вводить в заблуждение хранителей библиотек и архивов. Исследователи не исключают, что значительное число т. н. арабских рукописей, хранящихся в публичных библиотеках Марокко, Алжира и других стран региона, содержат в себе берберские тексты. Эта гипотеза требует дополнительных изысканий, в результате которых, возможно, удастся обнаружить новые берберские рукописи [Stroemer 2004, p. 26].

В завершение экскурса в проблематику берберской письменной традиции отметим, что идеи воссоздания берберами своего национального письменного языка и закрепления за ним государственного статуса в конституциях ряда стран¹⁴ напрямую связаны с ростом самосознания среди берберов во второй половине XX – начале XXI вв. и обусловлены социально-политической ситуацией, сложившейся в государствах Северной Африки на рубеже веков.

Впервые в Новое время рост самосознания в берберской среде наблюдался во второй половине XX в. на фоне национально-патриотического и религиозного подъема, охватившего население североафриканских государств в период освободительной борьбы на-

14 В настоящее время берберский язык является официальным языком в Марокко и Алжире, национальным языком в Мали и Нигере и региональным языком в Ливии.

родов (в первую очередь Алжира и Марокко) против французских колонизаторов. Вклад берберских народов в обретение этими государствами независимости трудно переоценить.

Между тем в 60–70-х гг. XX в. освободившиеся от колониальной зависимости страны Магриба взяли жесткий курс на «арабизацию», целью которой было объединение и сплочение нации на основе общих арабо-мусульманских ценностей. Ответной реакцией на этот процесс стала активизация движения берберов за самоопределение, за культурные и языковые права.

«Тенденция к консолидации и сплочению» берберских групп подпитывалась, главным образом, деятельностью международных берберских организаций. Так называемая глобализация берберского вопроса, наблюдаемая в последние десятилетия, по сути не несет в себе национально-этнического подтекста. Речь идет, скорее, о политизации «берберского вопроса» на фоне существующих внутренних социально-политических проблем в странах региона [Фурсова 2018, с. 261–262].

С другой стороны, можно предположить, что «глобализация берберского вопроса» является своего рода вынужденной тактикой, которая через привлечение большего числа сторонников и внимания мировой общественности дает возможность берберам быть услышанными правительствами своих стран.

В этом контексте следует отметить неоднозначность решения о стандартизации берберского языка.

Основная практическая сложность при разработке стандартизированного алфавита заключается в дифференциации некоторых фонем и букв берберских идиомов, вызванной их прогрессивной локализацией (обособленностью). Как представляется, принятый за основу древнеливийский алфа-

вит имеет для берберов, скорее, символическое значение, являясь социокультурным и этнолингвистическим ориентиром, средством культурной идентификации берберов в целом.

В признании берберского языка в качестве единого для всех берберских этнических групп кроется также сложность политического свойства. Дело в том, что сегодня на берберском языке говорит население, проживающее в географических районах, принадлежащих разным государствам. При этом необходимо учитывать, что политическая и идеологическая ориентация этих стран слишком различна, чтобы объединить и унифицировать язык на одном уровне [Issaadi 2014, p. 25].

С этой точки зрения представляется естественным, что каждый бербероговорящий регион стремится к созданию своего письменного языкового стандарта.

Несомненно, решимость берберов воссоздать свою национальную письменность обусловлена желанием усилить требования о расширении культурных прав, в первую очередь – закреплении официального статуса берберского языка в Конституции. До появления официального стандартизированного письменного языка реализовать эту идею практически было невозможно. Власти стран, где проживают берберские этнические группы, неоднократно подчеркивали, что берберский язык никогда не сможет стать официальным языком государства по причине отсутствия единого письменного языка [Фурсова 2018, с. 261].

Несмотря на непростой и долгий период борьбы за признание своих культурно-исторических прав, берберы демонстрируют всему миру последовательную и кропотливую работу, направленную на «возвращение к себе».

В стремлении берберского сообщества возродить национальную пись-

менную форму своего языка, наряду с бережным отношением к своей письменной традиции, начало изучению которой уже положено, кроется большой потенциал, направленный на сохранение и приумножение берберского культурно-исторического наследия.

Список литературы

- Ад-Дарджини Абу-л-‘Аббас Ахмад ибн Са’ид (1974) Табакат аль-машаих би-ль-магриб (Книга классов шейхов Магриба). Константина, Алжир. Том 2 (на арабском).
- Айхенвальд А.Ю., Милитарев А.Ю. (1991) Ливийско-гуанчские (берберские) языки // Языки Азии и Африки. Афразийские языки. Кн. 2. М.: ИВ РАН. С. 148–267.
- Дьяков Н.Н. (2008) Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки (Средние века, Новое время). СПб.: СПбГУ.
- Завадовский Ю.Н. (1967) Берберский язык. М.: Наука.
- Саллу М. (1993) Берберский субстрат в арабском марокканском разговорном языке: автореферат диссертации кандидата филологических наук. М.: ИВ РАН.
- Фурсова Е.Н. (2018) Берберский вопрос и проблема самоидентификации коренного населения Северной Африки на примере современного алжирского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. Т. 10. № 2. С. 254–268. DOI : 10.21638/11701/spbu13.2018.209
- Aissani D. (2000) Écrits de Langue Berbère de la Collection de Manuscrits Oulahbib (Béjaïa) // Études et Documents Berbères, no 15–16 (1998–1999), pp. 81–99.
- Ait Belaid A. (2007) Manuscrits Arabes y Arabistas Españoles: Sobre la Colección Gayangos de la Real Academia de la Historia (RAH) de Madrid (1ª parte) // Anaquel de Estudios Árabes, vol. 18, pp. 5–39.
- Amahan A. (1984) Sur une Notation du Berbère en Caractères Arabes dans un Fragment Manuscrit Inédit de 1832 // Comptes Rendus du G.L.E.C.S., vol. 24–28, pp. 51–58.
- Amahan A. (1993) L’Ecriture en Tachelhyt est-elle une Stratégie des Zawaya? À la Croisée des Etudes Libyco-berbères // Mélanges Offerts à Paulette Galand-Pernet et Lionel Galand, Paris: Geuthner, pp. 437–449.
- Amahan A. (2004) Champs Traités par les Manuscrits Amazigh. Rapport Ecriture – Oralité // Le Manuscrit Amazigh, Son Importance et Ses Domaines (ed. Hammam M.), Rabat: Institut Royal de la Culture Amazighe, pp. 5–15.
- Aoumer F. (2016) Essai de Grammaire, à Partir d’un Ouvrage Manuscrit en Langue Kabyle d’un Taleb de Bougie (début du XIXe siècle) // Etudes et Documents Berbères, no 35, pp. 103–116.
- Boogert Nico van den (1995) Catalogue des Manuscrits Arabes et Berbères du Fonds Roux (Aix-en-Provence) // Travaux et Documents de l’Iremam, no 18, Aix-en-Provence: IREMAM.
- Boogert Nico van den (1997) Berber Literary Tradition of the Sous – with an Edition and Translation of ‘The Ocean of Tears’ by Muhammad Awzal (d. 1749), Leiden: NINO.
- Boogert Nico van den (1998) La Révélation des Enigmes. Lexique Arabo-berbère des XVIIe et XVIIIe siècles (Aix-en-Provence) // Travaux et Documents de l’Iremam, no 19, Aix-en-Provence: IREMAM.
- Chafik M. (2005) A Brief Survey of Thirty-Three Centuries of Amazigh History, Rabat: Publications of the Royal Institute of Amazigh Culture (IRCAM).
- El Mounadi A. (2016) Les Manuscrits Amazighes non Catalogués dans la Bibliothèque de l’Université de Leiden // Études et Documents Berbères, no 35–36, pp. 217–241.

Galand-Pernet P. (1972) Notes sur les Manuscrits à Poèmes Chleuhs de la Bibliothèque Générale de Rabat // *Journal Asiatique*, vol. CCLX, pp. 299–316.

Galand-Pernet P. (1973) Notes sur les Manuscrits à Poèmes Chleuhs du Fonds Berbère de la Bibliothèque Nationale de Paris // *Revue des Études Islamiques*, vol. 11, pp. 283–296.

Gaudio A. (2002) *Les Bibliothèques du Désert. Recherches et Études sur un Millénaire d'Écrits*, Paris: L'Harmattan.

Hamman M. (2004) Introduction // *Le Manuscrit Amazigh, Son Importance et Ses Domaines* (ed. Hamman M.), Rabat: Institut Royal de la Culture Amazighe, pp. 7–13.

Hodgson W.B. (1836) “Lettre... à M. D'Avezac” // *Bulletin de la Société de Géographie*, vol. 6, pp. 247–250.

Houdas O., Basset R. (1882) *Mission Scientifique en Tunisie*, vol. 1. Impr. de P. Fontana.

Issaadi N. (2014) *Discours Epilinguistique et Construction Identitaire dans le Contexte Kabyle: Espaces de Référence Multiples et Identité*, Sous la Direction de Francis Manzano, Lyon: Université Jean Moulin // www.theses.fr/2014LYO30045, дата обращения 22.07.2020.

Les Manuscrits Berbères au Maghreb et dans les Collections Européennes: Localisation, Identification, Conservation et Diffusion (2007) // *Actes des Journées d'étude d'Aix-en-Provence*, 9 et 10 décembre 2002, Gap, Atelier Perrousseaux.

Luciani J.D. (1893) *El-Haoudh, Manuscrit Berbère de la Bibliothèque-Musée d'Alger* // *Revue Africaine*, vol. 37, pp. 151–180.

Norris H.T. (2006) “Écrits Touaregs en Arabe Classique: Un Héritage Mécon-

nu” // *Berbères ou Arabes? Le Tango des Spécialistes* (ed. Claudot-Hawad H.), Paris, pp. 263–281.

Ould-Braham O. (1988) *Sur une Chronique Arabo-berbère des Ibâdites Médiévaux* // *Études et Documents Berbères*, no 4, pp. 5–28.

Ould-Braham O. (2016) *Des Manuscrits Maghrébins en Général et des Manuscrits Berbères Anciens en Graphie Arabe en Particulier* // *Études et Documents Berbères*, no 35–36, pp. 9–30.

Ould-Braham O. (2017) *Des Manuscrits Berbères Anciens en Graphie Arabe. Quels Objectifs Ultimes Atteindre?* // *Faits de Langue et Société*, no 3, pp. 190–211.

Peyron M. (2012) S. Pouessel, *Les Identités Amazighes au Maroc* // Michael Peyron's Berber website // <http://michaelpeyron.unblog.fr/>, дата обращения 22.07.2020.

Sellès M. (2014) *Les Manuels de Berbère Publiés en France et en Algérie (XVIIIe–XXe siècle): d'une Production Orientaliste à l'Affirmation d'une Identité Postcoloniale* // *Manuels d'Arabe d'Hier et d'Aujourd'hui: France et Maghreb, XIXe–XXIe siècle* (eds. Larzul S., Messaoudi A.), pp. 132–144.

Stroomer H. (2004) *La Tradition des Manuscrits Berbères en Tachelhiyt* // *Le Manuscrit Amazigh, Son Importance et Ses Domaines* (ed. Hamman M.), Rabat: Institut Royal de la Culture Amazighe, pp. 17–31.

Stroomer H., Peyron M. (2003) *Catalogue des Archives Berbères du “Fonds Arsène Roux”*, Keulen: Ruediger Koeppe Verlag.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-13

On the Issue of the Berber Written Tradition

Evgenia N. FURSOVA

PhD in History

Trade Mission of the Russian Federation in the Kingdom of Morocco, 9, Rue Ketama, Rabat, Morocco

E-mail: masr@mail.ru

CITATION: Fursova E.N. (2020) On the Issue of the Berber Written Tradition. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 232–248 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-13

Received: 15.06.2020.

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of the linguistic tradition of the Berbers, who are the indigenous people of North Africa. The Berbers have maintained a rich tradition of spoken language.*

At the turn of the 20th -21st centuries, against the backdrop of the intensification of the movement for self-determination, their cultural and linguistic rights, the Berbers launched a large-scale activity aimed at restoring the national written language. The author suggested that the need to develop standardized writing was partly due to the desire of the Berbers to consolidate the official status of their language in the Constitution.

The author notes that the aggravation of the so-called “Berber question” at the end of the 20th century spurred the interest of scientists and researchers in the Berber written heritage.

Most of the surviving handwritten documents make Berber texts (mostly religious), recorded using the Arabic alphabet between the 15th and early 20th centuries. The study of conditions for their creation and fields of their application shows that these texts played a significant role in the dissemination of religious and scientific knowledge among the Berbers. It is concluded that despite the use of the predom-

inantly oral form of the language, the Berbers managed to create a unique written tradition.

The article discusses in detail the main problems of the study of Berber manuscripts, among which: the requirement from the researcher of serious pre-knowledge in various fields; the problem of accessibility of texts stored in private collections; the need to develop unified approaches to the description of Berber manuscripts, their digitization and other important arrangements to ensure the availability of documents for the scientific-research community.

Particular attention is paid to the history of the creation of the first collections of Berber manuscripts and their cataloging. The author has also highlighted the work of scientists, who made a qualitative contribution to the study of the Berber manuscripts, most of which have not yet been discovered and carry significant potential aimed at preserving and enhancing the Berber cultural and historical heritage.

KEY WORDS: *the Berber language, the status of the Berber language, the Berber script, the Berber question, the Berber literary tradition, the Berber manuscripts, the Neo-Tifinagh alphabet*

References

- Aissani D. (2000) Écrits de Langue Berbère de la Collection de Manuscrits Oulahbib (Béjaïa). *Études et Documents Berbères*, no 15–16 (1998–1999), pp. 81–99.
- Ait Belaid A. (2007) Manuscritos Arabes y Arabistas Españoles: Sobre la Colección Gayangos de la Real Academia de la Historia (RAH) de Madrid (1ª parte). *Anaquel de Estudios Árabes*, vol. 18, pp. 5–39.
- Al-Darjini Abu l-Abbàs Ahmad ibn Sa'id (1974) *Kitab Tabaqat al-masha'ikh bi-l-Maghrib (The Layers of Sheikhs in Morocco)*, Constantine: Matba'at al-ba'th, 1394/1974. 2 vol. (in Arabic).
- Amahan A. (1984) Sur une Notation du Berbère en Caractères Arabes dans un Fragment Manuscrit Inédit de 1832. *Comptes Rendus du G.L.E.C.S.*, vol. 24–28, pp. 51–58.
- Amahan A. (1993) L'Écriture en Tachelhyt est-elle une Stratégie des Zawaya? À la Croisée des Etudes Libyco-berbères. *Mélanges Offerts à Paulette Galand-Pernet et Lionel Galand*, Paris: Geuthner, pp. 437–449.
- Amahan A. (2004) Champs Traités par les Manuscrits Amazigh. Rapport Ecriture – Oralité. *Le Manuscrit Amazigh, Son Importance et Ses Domaines* (ed. Hammam M.), Rabat: Institut Royal de la Culture Amazighe, pp. 5–15.
- Aoumer F. (2016) Essai de Grammaire, à Partir d'un Ouvrage Manuscrit en Langue Kabyle d'un Taleb de Bougie (début du XIXe siècle). *Etudes et Documents Berbères*, no 35, pp. 103–116.
- Aykhenva'd A.Yu., Militarev A.Yu. (1991) Libyan-guanche (Berber) Languages. *Languages of Asia and Africa. Afroasiatic Languages*. Book 2, Moscow, pp. 148–267 (in Russian).
- Boogert Nico van den (1995) Catalogue des Manuscrits Arabes et Berbères du Fonds Roux (Aix-en-Provence). *Travaux et Documents de l'Iremam*, no 18, Aix-en-Provence: IREMAM.
- Boogert Nico van den (1997) *Berber Literary Tradition of the Sous – with an Edition and Translation of 'The Ocean of Tears' by Muhammad Awzal (d. 1749)*, Leiden: NINO.
- Boogert Nico van den (1998) La Révélation des Enigmes. Lexique Arabo-berbère des XVIIe et XVIIIe siècles (Aix-en-Provence). *Travaux et Documents de l'Iremam*, no 19, Aix-en-Provence: IREMAM.
- Chafik M. (2005) *A Brief Survey of Thirty-Three Centuries of Amazigh History*, Rabat: Publications of the Royal Institute of Amazigh Culture (IRCAM).
- D'yakov N.N. (2008) *The Muslim Maghreb. Sheriffs, Tariqats, and Marabouts in the History of North Africa (Middle Ages, Modern Times)*, Saint Petersburg: SpbGU (in Russian).
- El Mounadi A. (2016) Les Manuscrits Amazighes non Catalogués dans la Bibliothèque de l'Université de Leiden. *Études et Documents Berbères*, no 35–36, pp. 217–241.
- Fursova Ye.N. (2018) The Berber Question and the Self-identity Problem of the North African Indigenous Population in the Context of Contemporary Algerian Society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, vol. 10, no 2, pp. 254–268 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu13.2018.209
- Galand-Pernet P. (1972) Notes sur les Manuscrits à Poèmes Chleuhs de la Bibliothèque Générale de Rabat. *Journal Asiatique*, vol. CCLX, pp. 299–316.
- Galand-Pernet P. (1973) Notes sur les Manuscrits à Poèmes Chleuhs du Fonds Berbère de la Bibliothèque Nationale de Paris. *Revue des Études Islamiques*, vol. 11, pp. 283–296.
- Gaudio A. (2002) *Les Bibliothèques du Désert. Recherches et Etudes sur un Millénaire d'Écrits*, Paris: L'Harmattan.
- Hammam M. (2004) Introduction. *Le Manuscrit Amazigh, Son Importance et Ses Domaines* (ed. Hammam M.), Rabat:

Institut Royal de la Culture Amazighe, pp. 7–13.

Hammam M. (ed.) (2004) *Le Manuscrit Amazigh, Son Importance et Ses Domaines*, Rabat: Institut Royal de la Culture Amazighe.

Hodgson W.B. (1836) "Lettre... à M. D'Avezac". *Bulletin de la Société de Géographie*, vol. 6, pp. 247–250.

Houdas O., Basset R. (1882) *Mission Scientifique en Tunisie*, vol. 1. Impr. de P. Fontana.

Issaadi N. (2014) *Discours Epilinguistique et Construction Identitaire dans le Contexte Kabyle: Espaces de Référence Multiples et Identité, Sous la Direction de Francis Manzano*, Lyon: Université Jean Moulin. Available at: www.theses.fr/2014LYO30045, accessed 22.07.2020.

Les Manuscrits Berbères au Maghreb et dans les Collections Européennes: Localisation, Identification, Conservation et Diffusion (2007). *Actes des Journées d'étude d'Aix-en-Provence*, 9 et 10 décembre 2002, Gap, Atelier Perrousseaux.

Luciani J.D. (1893) El-Haoudh, Manuscrit Berbère de la Bibliothèque-Musée d'Alger. *Revue Africaine*, vol. 37, pp. 151–180.

Norris H.T. (2006) "Écrits Touaregs en Arabe Classique: Un Héritage Méconnu". *Berbères ou Arabes? Le Tango des Spécialistes* (ed. Claudot-Hawad H.), Paris, pp. 263–281.

Ould-Braham O. (1988) Sur une Chronique Arabo-berbère des Ibâdites Médiévaux. *Études et Documents Berbères*, no 4, pp. 5–28.

Ould-Braham O. (2016) Des Manuscrits Maghrébins en Général et des Manuscrits Berbères Anciens en Graphie Arabe en Particulier. *Études et Documents Berbères*, no 35–36, pp. 9–30.

Ould-Braham O. (2017) Des Manuscrits Berbères Anciens en Graphie Arabe. Quels Objectifs Ultimes Atteindre? *Faits de Langue et Société*, no 3, pp. 190–211.

Peyron M. (2012) S. Pouessel, Les Identités Amazighes au Maroc. *Michael Peyron's Berber website*. Available at: <http://michaelpeyron.unblog.fr/>, accessed 22.07.2020.

Sallu M. (1993) *Berber Substratum in Arabic Moroccan Spoken Language*, Moscow (in Russian).

Sellès M. (2014) Les Manuels de Berbère Publiés en France et en Algérie (XVIIIe–XXe siècle): d'une Production Orientaliste à l'Affirmation d'une Identité Postcoloniale. *Manuels d'Arabe d'Hier et d'Aujourd'hui: France et Maghreb, XIXe–XXIe siècle* (eds. Larzul S., Messaoudi A.), pp. 132–144.

Stroomer H. (2004) La Tradition des Manuscrits Berbères en Tachelhiyt. *Le Manuscrit Amazigh, Son Importance et Ses Domaines* (ed. Hammam M.), Rabat: Institut Royal de la Culture Amazighe, pp. 17–31.

Stroomer H., Peyron M. (2003) *Catalogue des Archives Berbères du "Fonds Arsène Roux"*, Keulen: Ruediger Koeppe Verlag.

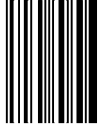
Zavadovsky Yu.N. (1967) *Berber Language*, Moscow: Nauka (in Russian).

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

20003

>